

**№8(205), вып. 32
Июнь 2015**

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.
Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

Ответственный секретарь:

О. В. Шевченко
зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ», БГИИК)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Простонародная мистика позднего Средневековья. (К теории перформативной практики). **М.Ю. Реутин** 5

Монахини из Энгельсталя, Книжица о непосильном бремени благодати (избранные жития). **Кристина Эбнер**. Перевод и примечания **М.Ю. Реутина** 13

Понятие пространства и времени в философии И. Канта.
Т.В. Торубарова 23

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Системность в организации упорядоченных компонентов физической картины мира в методологии науки. **А.В. Кузнецов**,
А.В. Кузнецова 30

Экзистенцирующий субъект в границах объективированного мира (к вопросу об интерпретации значения понятия личности в рационалистической метафизике и философии экзистенциализма). **М.С. Прокопов**,
С.П. Щавелев 39

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Имитации в системе муниципального управления. **В.П. Бабинцев**,
В.А. Тутова 49

Диагностика состояния культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих Белгородской области. **В.В. Бахарев**,
А.Ю. Шликов 54

Проблемы управления человеческими ресурсами в органах государственной власти. **Е.И. Васильева**, **Т.Е. Зерчанинова**, **А.В. Ручкин** 63

Мотивационные аспекты участия студентов в научно-исследовательской и проектной деятельности. **Е.А. Гуськова**, **В.Б. Тарабаева** 72

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

О модернизационной интенции северокавказских социумов.
В.П. Гриценко, **Т.Ю. Данильченко** 76

Что есть музыка? (Философское осмысление музыкального искусства в четырех частях). Часть 1. О месте музыки в структуре мира.
А.С. Клюев 82

Влияние гендерных факторов на развитие женской личности в эпоху патриархата. **Т.И. Липич**, **Е.А. Марьясова** 87

Социально-антропологическая программа русского космизма (постановка проблемы утопизма в русском космизме). **В.В. Лыткин**,
В.Ю. Панов 91

Развитие интеллектуального пространства в вузе. **Н.В. Посохова**,
М.Е. Мерезко 99

Проблема онтологического статуса ценностей в истории аксиологии.
А.А. Радугин, **Л.С. Первозчикова** 102

Ответственный секретарь

С.С. Почепцов

кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

С.Н. Борисов, доктор философских наук, профессор (БГИИК)

О.А. Волкова, доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

С.А. Никольский, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ ВШЭ, НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Ю.Н. Стариков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

П.И. Орлов, кандидат юридических наук, профессор (Харьковский экономико-правовой университет)

М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

С.В. Тычинин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

С.Ф. Шумилин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Деконструкция понятия «социальная структура».

О.С. Мантуров 111

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Информационно-комплексный подход в развитии теории права в информационном обществе. **Ю.А. Белевская, А.П. Фисун** 119

Принципы права в условиях реализации духовно-мировоззренческого потенциала правового регулирования. **Г.А. Борисов, В.А. Носков, Н.В. Зайцева** 127

Реформирования отечественной системы пенсионного страхования в контексте обеспечения социальных прав человека. **Ю.С. Гусакова, Е.Д. Проценко** 134

К вопросу об операционализации понятия «правовая социализация». **М.Ю. Крутиков** 139

Конституционно-правовая концепция метода муниципально-правового программирования. **А.Е. Новикова, А.М. Жорник** 145

Роль уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в обеспечении социально-детерминированного правового статуса.

Д.В. Тихонов 154

Органы ВЧК в системе аппарата принуждения советского государства: понятие, задачи и функции. **Е.А. Шаталов, О.Н. Дубровский** 157

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Эстетические взгляды художников первой половины XX века и их отражение в произведениях на тему «Купание коня». **Е.А. Борцова** 163

К проблеме социологического анализа социальной практики паллиативной помощи. **М.С. Готовкина** 169

Проект «Латинской империи» А. Кожева: контекст и история возникновения. **И.А. Жиленков** 173

Серебряный век и художественное творчество М.В. Нестерова.

Н.В. Котлярова 178

Опыт реализации государственной молодежной политики в России 2000-2013 гг.: этапы развития, проблемы, тенденции.

Е.В. Маликова 183

Философское осмысление любви в творчестве К.С. Льюиса.

С.С. Почепцов, Я.С. Филатова 188

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Эссе о свободной философии. **В.П. Римский** 193

Сведения об авторах 199

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.С. Почепцов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
pochepsov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 04.06.2015

Формат 60×84/8

Гарнитура Georgia, Impact

Усл. п. л. 23,36

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ 169

Дата выхода журнала 19.06.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге
«Пресса России» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород» НИУ «БелГУ»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

**№8(205) Issue 32
June 2015**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research State University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Scientific Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

Shevchenko O. V.,

Deputy Head of Scientific and Innovative Activity Department of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State National Research University, Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Mass mysticism of the late Middle ages. (On the theory of the performative practice). **M.Yu. Reutin 5**

Nuns from Engeltalya, booklets about an intolerable burden of grace (selected life). **Christina Ebner. Translation and Notes prima M.U. Reutina 13**

The concept of space and time in the philosophy of Immanuel Kant. **T.V. Torubarova 23**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Systemacity in the organization of the ordered components of a physical picture of the world in the methodology of science. **A.V.Kuznetsov, A.V.Kuznetsova 30**

Dasein (existential subject) within the boundaries of the objectified world (interpretation of the meaning of concept of personality in the rationalist metaphysics and the philosophy of existentialism). **M.S. Prokopov, S.P. Shavelev 39**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Imitations in the system of municipal management. **V.P. Babintsev, V.A.Titova 49**

Diagnosis of the culture of conflict interaction municipal employees Belgorod region. **V.V. Baharev, A.U. Shilikov 54**

The problems of the human resources management in the public authorities. **E.I. Vasilyeva, T.E. Zerchaninova, A.V. Ruchkin 63**

Motivational aspects of students' participation in research and project activities. **E.A. Guskova, V.B. Tarabaeva 72**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

About modernization intension of north caucasian societies. **V.P. Gritsenko, T.Y. Danilchenko 76**

What is music? (A philosophical interpretation of music in four parts). Part 1. Music in the structure of the world. **A.S. Klujev 82**

The influence of gender factors on the development of woman personality in the period of patriarchy. **T.I. Lipich, E.A. Mariasova 87**

Socio-anthropological program of russian cosmism (the problem of utopianism in russian cosmism). **V.V. Lytkin, V.Y. Panov 91**

Development of intelligent space in high school. **N.V. Posokhova, M.E. Merezhko 99**

The problem of ontological status in the history of axiology. **A.A. Radugin, L.S. Perevozchikova 102**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Deconstruction of the notion of «social structure». **O.S. Manturov 111**

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

Responsible secretary

S.S. Pocheptsov

Candidate of philosophy (Belgorod State National Research University)

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

S.N. Borisov, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State institute of arts and culture)

O.A. Volkova, Doctor of sociology, Professor (Belgorod State National Research University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod State National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

Y.N. Starilov, Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

A.D. Maydanskiy, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

P.I. Orlov, Candidate of Law, professor (Kharkiv University of Economics and Law)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod State National Research University)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,

S.S. Pocheptsov

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;

pocheptsov@bsu.edu.ru

Passed for printing 04.06.2015

Format 60×84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 23,36

Order 169

Price free

Circulation 1000 copies

Date of publishing 19.06.2015

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 81462

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"

Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The information integrated approach and development of the theory of the right in information society. *Yu.A. Belevsky, A.P. Fisun* 119

The principles of law in terms of implementation of the spiritual and world outlook potential of the juridical regulation. *G.A. Borisov, V.A. Noskov, N.V. Zaitseva* 127

The problems of reformation and suggestion of improvement of retirement insurance. *J.S. Gusakova, E. D. Protsenko* 134

To the question of operationalization of the concept «legal socialization». *M.Y. Krutikov* 139

Constitutional and legal concept of municipal law programming. *A.E. Novikova, A.M. Zornik* 145

The role of the commissioner for human rights in the Russian Federation in ensuring socio-determined legal status. *D.V. Tihonov* 151

Procedural and tactical peculiarities for appointment and performance of forensic inquiry in preliminary investigation. *E.A. Shatalov, O.N. Dubrovskiy* 157

THESIS

Aesthetic views of artists of first half of XX century and their reflection in the works on the theme "Bathing horse". *K.A. Bortsova* 163

On the problem of the sociological analysis of problems of palliative care. *M.S. Gotovkina* 169

Project "Latin empire" A. Kojève: context and history of.

I.A. Zhilenkov 173

The Silver age and M.V. Nesterov's art creativity. *N.V. Kotlyarova* 178

Experience in implementing state youth policy in Russia 2000-2013 years: stages of development, problems and trends. *E.V. Malikova* 183

Philosophical understanding of love in creativity K.S. Lewis. *S.S. Pocheptsov, J.S. Filatova* 188

OUR ANNIVERSARIES

Essay free philosophy. *V.P. Rimskiy* 193

About authors 199

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 809

ПРОСТОНАРодНАЯ МИСТИКА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. (К ТЕОРИИ ПЕРФОРМАТИВНОЙ ПРАКТИКИ)

MASS MYSTICISM OF THE LATE MIDDLE AGES (ON THE THEORY OF THE PERFORMATIVE PRACTICE)

М.Ю. Реутин
M.Yu. Reutin

*Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, 6
Institute for Higher Humanities, Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, Moscow, 125993, Russia*

E-mail: ivgi@rggu.ru

Аннотация. В статье осуществляется попытка создать интегральную модель повседневного поведения, понятого как цельная и существующая по своим законам структура. Такая структура названа «перформансом («перформативной практикой») и определена как «жизнь в мифе» – в спонтанном воспроизведении его протосюжета, с учетом его базовых смыслов и ценностей. Концепция статьи развита на материале простонародного благочестия 1 половины XIV в. в районе Боденского озера (Констанц). В этой компактной как во временном, так и в пространственном отношении традиции получили простое, ясное выражение общекультурные закономерности, сохранившие свою силу в пределах позднейших эпох и массовых течений, однако проявленные в них более сложно и опосредованно. Статья содержит в себе переводы ряда фрагментов известных мистических сочинений.

Resume. The author reflects on the phenomenon and the history of the mass psychoses in South Germany of the XIII – XIV centuries. Divided into three main chapters (“Performing practice”, “The Visionary from Konstanz H. Seuse” “Performance and the Work of Literature”) the article is aimed to explain the theory of performance and to find a common approach to the description of the everyday behavior as an integral structure.

Ключевые слова: простонародная мистика, видение, перформанс (перформативная практика), литературное произведение.

Key words: mass mysticism, vision, performance (performing practice), work of literature.

Концепция перформанса (или перформативной практики) доказала в последние десятилетия свою исключительную продуктивность при изучении самых разнообразных культурных традиций. Пролитывает она свет и на феномен массовых психозов, имевших место во многих монастырях центральной и южной Германии XIII – XIV вв. и получивших фиксацию в созданных в этих монастырях «хрониках», «книжках откровений». Ниже мы попытаемся создать интегральную модель повседневного поведения, понятого как цельная и существующая по своим законам структура. Эта структура – она названа «перформансом» («перформативной практикой») – определяется нами как жизнь в мифе, в спонтанном воспроизведении его протосюжета, с учетом его базовых смыслов и ценностей.

1. Перформанс, перформативная практика

Применительно к германской мистической традиции рубежа XIII–XIV вв. необходимо признать, что между экономическим функционированием монастырей (текстильное производство), их обрядово-уставным порядком (службы суточного круга) и развивавшейся в них культурной деятельностью, направленной на создание произведений искусства (копирование рукописей, живопись, составление хроник), – между этими тремя компонентами монастырского уклада существовала пространная область социальной жизни, отнюдь не сводимая к ним.

С одной стороны, эта область была продолжением коллективно отправляемого обряда, однако, используя и развивая его мифопоэтический ряд, она не включала в себя никаких ритуальных процедур, церковных таинств: Евхаристии, крещения и пр., покрывала собой частную и интимную сферы, предполагала личное творчество и производство смыслов. Границы между этой областью и ритуалом были проницаемы вплоть до Тридентского собора середины XVI в., ведь плоды индивидуального творчества, в том числе, литургические тропы, нередко канонизировались и вводились в обряд. Такое позиционирование «в тени» ритуала и мифологического нарратива – когда им пользуются в личных целях, ничего не привнося от себя в его структуру – хорошо иллюстрируется видениями, в которых харизматик оказывается задействован в событиях дня крестной казни Христа и, так сказать, включается в массовки, сопровождающие эти события. В гл. 13 автобиографии Г. Сузо читаем:

«Когда во время вечерней молитвы пели “Salve regina”, Служитель в сердце у себя вызывал представление, будто в это самое время при гробе дражайшего Чада пречистая Матерь пребывает в материнской печали по погребенному Сыну, что пришло время отводить ее в дом и что домой ее отвести должен он. В сердце своем он творил три поклона, и с ними, в созерцании, провожал ее в дом» [Сузо 1907, 36].

С другой стороны, область социальной жизни, о которой идет речь, своим строением была тождественна произведению искусства, житию, ничем не отличаясь от него – разве что тем, что была не записанным, но прожитым житием. Впрочем, в отличие от жития, она не предполагала изображения тех или иных сторонних лиц, художественного удвоения реальности. Именно поэтому, эта область жизни никогда не переходила в драму. Харизматик не изображал Христа, деву Марию и пр., он изображал только себя, свой канонический, агиографический образ, выстроенный по законам культурной традиции, к которой принадлежал.

Наконец, интересующая нас область социального бытия не вписывалась в причинно-следственные связи экономической жизни. Но эта область была именно жизнью. Субстратом творчества и объектом приложения творческих усилий, был не текст, но повседневный быт. – Вот эту-то обширную, хотя по причине своего промежуточного положения, труднодоступную для определения и системного описания область и следует называть пространством перформанса.

Перформанс – явление культуры Новейшего времени. Это форма современного искусства, когда произведение создается действиями художника (группы художников) в определенном месте, в определенное время. За неимением лучшего, такую дефиницию следует взять за основу, как, при всей ее неточности, наиболее близко определяющую способы протекания массовых психозов «осени Средневековья». Но, приняв ее, над нею следует поработать: аналитически расчленив, выделив составляющие ее элементы, одни опустить, другие дополнить, а третьи видоизменить. Это нормальная научная работа, состоящая в переходе к новому знанию с опорой на знание уже имеющееся. Быть может, термину «перформанс» следует предпочесть термин «перформативная практика», как более точно отражающий спонтанный характер интересующих нас действий. Впрочем, обратной стороной этой спонтанности была жесткая организованность. Организованной была парадигма предзаданных и подлежащих разыгрыванию смыслов, спонтанным же – синтагматическое разворачивание смыслов, само их разыгрывание. Во всяком случае, действия, о которых следует речь, были импровизациями, т.е. такими произведениями, которые создавались в процессе их исполнения.

В современном перформансе прельщает его близость к изобразительному искусству, литературному творчеству и театру. Ровно это же наблюдается в средневековом перформансе, сплошь и рядом декорировавшем себя иконическими знаками, породившем литературу «видений» и «монастырских хроник», близком к театральному жанру «плачей Богородицы». Однако новый перформанс есть произведение синтетическое (Gesamtkunstwerk), созданное волевым усилием из различных жанров, видов искусства; старый перформанс – произведение синкретическое, использовавшее выразительные формы до их расчленения и разведения в разные области творчества. Кроме того, следует различать меру осмысленности, тотальности перформатив-

ной деятельности: в новом перформансе – вполне осознанной, ограниченной как в пространственном, так и во временном отношении, достаточно внешней по отношению к практикующему ее художнику; в старом перформансе – длящейся большую часть монашеской жизни и поглощающей ее почти без остатка. Старый перформанс – это жизнь в мифе: в постоянном воспроизведении его протосюжета, с учетом его базовых смыслов и ценностей.

Современный перформанс имеет четыре конституирующих его элемента: время, место, тело акциониста-художника, отношение акциониста и зрителя. Применительно к средневековому перформансу последний элемент должен быть пересмотрен, так как зрителем акциониста-монаха, с его, разумеется, точки зрения, был Бог. Поэтому образный ряд, оформлявший старый перформанс, не обращался вовне, к публике, а всегда вовнутрь, наносился на исподней одежде, стенах келий и частных часовен, на бумагах из личного скарба.

Кроме того, следует помнить, что средневековый перформанс, в отличие от современного, нередко имел не только внешнюю, но и внутреннюю составляющую, а то и сводился исключительно к ней. Он осуществлялся не только во внешних действиях, самобичевании, ношении вериг, но и во внутренних созерцаниях, объясняющих и санкционирующих внешние действия. Я сейчас не буду входить в детали имеющихся здесь построений. Они основаны на том допущении, что сознание есть функция языка, а содержательное наполнение и свойства конкретного сознания суть производное конкретной речевой практики. Конструируя язык, мы конструируем сознание. Осуществляя ту или иную речевую практику, выстраиваем определенные умозрительные конфигурации: образы, смыслы и ценности. Внешней, деятельной, частью перформанса мы образуем его внутреннюю, созерцательную, часть; а внутренней, созерцательной, частью, имеющей повелительный, императивный характер, побуждаемся к внешней, деятельной части. При всей своей причудливости, созерцание – как процесс и как содержание – является *de facto* объектом планирования. Однако активность харизматика, выглядит как его пассивность, ведь созерцание понимается как дар и милость Бога, как харизма.

Немного конкретизирую эти абстрактные рассуждения. Орденские конституции обязывали доминиканцев читать Св. Писание всегда и при любых обстоятельствах. У тогдашних аскетов это называлось «пережевывать жвачку» (*ruminare*). В результате их собственная бытовая речь становилась производной от латинского перевода Библии и обнаруживала себя в создаваемых ими сильно формализованных литературных текстах, изученных в 50-х гг. филологом Ж. Леклерком. При такой постановке дела, язык Св. Писания становился метаязыком, иначе говоря, языком описания и совокупностью интерпретационных ходов. Ведь вопрос интерпретации есть не что иное, как вопрос принятия того либо другого предустановленного метаязыка, способного к самоактуализации по мере привлечения подлежащих описанию фактов и всякий раз интегрирующегося в легко предсказуемые конфигурации выводов. Построение своего метаязыка – важнейшая задача локальных культурных традиций и перформативных практик. Как показали последние исследования петербургского лингвиста Н.А. Бондарко, для традиционалистской поэтики немецкой духовной прозы XIII–XV вв. характерны «стереотипные языковые структуры различных уровней» и «продуктивные текстообразующие модели» [Бондарко 2014, 584]. Этой поэтике свойственна устойчивость первичных звеньев и вариативность их сочетаний, в духе лингвистической модели Б. Гаспарова. Вот из такого-то языка в широком смысле, как из конструктора «lego», строились созерцания германских харизматиков Средневековья. Они могли быть неожиданными, оставаясь при этом вполне ожидаемыми, могли поражать своей новизной, будучи при этом вполне тривиальными. И неважно, являлись ли такие созерцания видениями (*visio*), когда харизматик в экстатическом трансе, покидал пределы дольного мира, или явлениями (*apparitio*), когда харизматика, при том, что он оставался в бытовом пространстве и воспринимал его, посещали пришельцы горних миров, – в том и в другом случае эта внутренняя, созерцательная, часть перформанса строилась в пределах его внешней, деятельной, части.

То, что я называю перформативной практикой, именовалось в «монастырских хрониках» и откровениях «игрой» (*spil, ludus*) и даже «театральной пьесой» (*wartspil*). Этот важнейший термин прилагается ко всем без исключения участникам действия – начиная от «играющего» на кресте Христа, «играющей» под крестом заплаканной Богородицы и заканчивая «играющим» харизматиком. Сам харизматик называется «*imitator*», а его действие – «*imitatio*», в ходе которого он «уподобляется» (*configurari*) Христу. В сходных контекстах термин «игра» встречается и далеко за пределами немецкой мистики, в частности в «Письмах» Екатерины Сиенской.

Кроме харизматика, в перформативную практику был втянут и Бог. Господь обычно представлен в этой «игре» Младенцем, 7-8-летним мальчиком, 18-летним юношей, 30-летним мужчиной в цветении утонченного эротизма. Младенец – нередко с крестом на спине, уязвленный

гвоздями и ударами плетей, с взором «ветхого днями». Уместно напомнить, что отвечал возроптавшему Служителю (то бишь Г. Сузо) Тот, кто выше всех помышлений и всех отрицаний, то Ничто, которое в то же время есть Нечто, «шар, коего центр находится всюду, а поверхность нигде»; так вот, плюсквамперфектный, сверхнеизреченный язвит: «сосунок» (гл. 20), через пару же лет прибавляет: «рыцарь из соломы и мужик из тряпки» (гл. 44). Таков перформативный образ Господа. Содержательное наполнение этого образа невозможно реконструировать средствами катафазы, апофазы и срединного, гиперохического богословия, но можно вывести и следует выводить из распределения, системы ролей и практик себя, входящих в перформанс.

Здесь мы выходим на главную мысль книги французского теолога Жана Леклерка о научном и монашеском богословии [Леклерк 1957]. Леклерк, однако, чрезмерно развел схоластическую и опытную методологии. И вот доказательство. Перформативная практика, т.е. исполнение роли себя, имела место там, где на доктринальном уровне утверждалась смысловая, формальная эманация и разрабатывалась теория аналогической символизации. Не переставая быть собой, человек создавал из себя аналог Христа, подражал, имитировал его. В пределах же пантеистических сект процветала драматургия с её христами, и богородицами. Где на доктринальном уровне во главу угла ставилась натуральная, природная эманация и развивалось учение о соименной символизации (*univoca*), там исполнялась роль не себя, а другого – именно Иисуса и Девы Марии. Таким образом, при всем несовпадении научной доктрины и практического опыта себя, доктрина оставалась для опыта рамочной конструкцией.

Перформативная практика, по крайней мере, в ее южно-немецкой версии XIV в., была методом сознательной реконструкции архаического христианства, способом актуализации его сакрального опыта. Более того, в латинском произведении «Часослов Премудрости» Г. Сузо «*imitatio Christi*» как путь к преодолению кризиса Доминиканского ордена и движитель орденской реформы... Но эта перформативная практика была крайне экспансивной. Она дублировала, замещала и *de facto* делала ненужным церковный обряд. Лучше всего это заметно в феномене духовного причастия, документированного в «монастырских хрониках», «книжицах видений» десятки и десятки раз. «Сие потребление и блаженное вкушение тела нашего Господа, – говорил Экхарт в «Речах наставления», – заключается не только в причащении внешне, оно также состоит в причащении духовном <...> Это человек может совершать по тысячу раз на дню и даже чаще, будь он там, где живет, болен или здоров» (Кар. 20 // DW V. S. 273, 5–274, 1). Позже практика духовного причастия была фундирована учением об эманации, которая есть «свое иное» и «форма инобытия» Бога. Надо заметить, что этот подкоп под таинство велся при неизменном подчеркивании важности Евхаристии и преклонении пред нею. Ведь есть индивидуальные модальности, но есть и сверхличная логика культуры...

2. Констанцкий визионер Г. Сузо

Пространство перформанса распространялось, в первую очередь, на территорию монастыря, поскольку, как показывает, в частности, «*Vita*» Г. Сузо, на выезде харизматик, как правило, выходил из обычной для себя ролевой игры, включался в социальную субординацию, экономические отношения с внешним миром и редуцировался до уровня окружающей среды. Перформативное пространство он перемещал с собой в свернутом виде, чтобы разворачивать его в большей или меньшей мере в местах временного и постоянного пребывания. Г. Сузо сопровождало в его поездках изображение Премудрости Божией. Изображение было нанесено на пергамент. Сложенный в багаже, пергамент натягивался на окно кельи во время ночлега, содержал предмет созерцания, переходящего в медитацию и экстаз.

Занимая собой львиную долю жизни насельников доминиканских обителей, перформанс ограничивался с одной стороны интимной жизнью, естественными отправлениями организма, а с другой – цеховым производством и уставным богослужением. Он, однако, стремился прорваться и туда, и сюда, превращая в действие, скажем, потребление пищи, процесс прядения либо нарушая чин мессы. Так, садясь за трапезу, Г. Сузо усаживал перед собою Христа, подавал ему для благословения блюда, поднимал вместе с ним кубок, отпивал пять глотков, памятуя о пяти его ранах, делил фрукты в память о Троице и деве Марии... Монахиня Мецци Зидвибрин из обители Тёсс сопровождала прядение нитей беседами с Господом, прося его выпускать за каждую нить по одной душе из чистилища... Что касается мессы, то она нередко прерывалась истерическими плясками, экзальтациями и кульминировала в них. Одна из монахинь могла узреть причастников просветленными, подобно кристаллу, увидеть играющего в храме Младенца, с креста к ней мог склониться Христос. Ее уносили, без чувств, в лазарет, чтобы, собрав-

шись у ложа по окончании мессы, насладиться подробным рассказом об увиденном ею. По мнению агиографа Фомы Шантимпре, религиозные дамы похожи на кур: те кудахчут, когда снесут яйца, и эти болтают без умолку, сподобившись созерцания...

В ходе перформативной деятельности начинается особым образом организовываться пространство, в котором эта деятельность протекает. Такому пространству, в отличие от пространства экономической или производственной деятельности, присуще аксиологическое, ценностное измерение. Г. Сузо мысленно разделил площадь Островного монастыря на три зоны, имея в виду ту опасность, которую каждая из них могла в себе заключать для духовной чистоты, обретенной им после генеральной исповеди. То были келья, капелла и хор, где он находился в достаточной безопасности, далее, весь монастырь, и, наконец, входные ворота, где нужна была «изрядная осторожность. Когда же он покидал три эти окружности, то ощущал себя диким зверьком – вне норки и окруженным охотниками. Здесь требовалось изрядно хитрости для защиты себя самого» [Сузо 1907, 103]. Цитаделью обитаемого Г. Сузо пространства была капелла: небольшой покой в подземном этаже храма, стены которого были расписаны образами и изречениями египетских анахоретов, взятыми из «Житий отцов». К декорированию внешнего пространства архетипическими смыслами Г. Сузо приступил после того, как оформил ими ближайшее пространство своего тела и одежды. Он вырезал у себя на груди имя «IHS». Вот как это описано в гл. IV его автобиографии.

«В пылкой решимости он отбросил спереди скапуляр, приоткрыл свою грудь, взял в руку грифель и, воззрев на свое сердце, сказал: “О, Боже всесильный, дай мне ныне силу и власть исполнить мое пожелание, ведь ныне Тебе надлежит втечь в основание моего сердца”. И он начал – проткнул грифелем плоть возле самого сердца и стал тыкать туда и сюда, сверху и снизу, пока не начертал на своем сердце имя “IHS”. От острых уколов из его плоти пролилось немало крови, она побежала по телу вниз к чреву. Из-за пламенной любви ему было на это столь упоительно смотреть, что он почти не ощущал боли» [Сузо 1907, 16]. Впоследствии духовная дочь Г. Сузо Элизабет Штагель вышила имя «IHS» на платках и разослала эти платки его ученикам, чтобы те прикрепили эти платки на одежду.

В ходе перформативной деятельности реорганизации подвергалось не только бытовое пространство, но и бытовое время. Впрочем, время уже было структурировано церковным календарем помимо всяких перформативных практик. Календарь организовывал годовой богослужебный цикл, в течение которого вспоминалась посредством евангельских чтений и молитв вся 33-летняя жизнь Христа. (Эти молитвы объединялись в чин, названный «Proprium de Tempore».) Но посредством молитв вспоминались также святые обоих Заветов. (Эти молитвы были собраны в чин «Proprium de Sanctis».) К круговому времени новозаветных событий и продолжному времени культа святых, в котором заложена идея исторической протяженности, добавлялись недельный и суточный циклы, заданные также с помощью молитвенных текстов. Тексты всех уровней совмещались, в соответствии с особой таблицей, в общественных богослужениях, имеющих устойчивый каркас и переменные элементы.

Как сказано выше, индивидуальные перформативные практики служили продолжением коллективного обряда. В них предельно актуализировались архетипические события (Благовещение, Пасха и т.д.) церковного календаря, которые становились объектами индивидуальных экстатических созерцаний. Предметом созерцаний становились не только события из жизни Христа (Proprium de Tempore), но и персонажи культа святых (Proprium de Sanctis), прежде всего, почитаемые в кругу Божьих друзей Доминик, Бернард, Арсений, Елизавета Тюрингская, между прочим, и Экхарт.

Перформанс порождает свой хронотоп, т.е. уникальный пространственно-временной континуум. Образы пространства и времени неразрывны друг с другом. Пространство? – То, которое создается за определенное время. Время? – То, которое необходимо для создания определенного пространства. Г. Сузо проводил немало времени в медитативных инсценировках крестного пути Иисуса. В играх он задействовал, как следует из гл. 13 его автобиографии, весь комплекс храмовых зданий. Начинать же с того, что каждую ночь после заутрени погружался в зале капитула в «христолюбивое сопереживание» Господних страданий. Затем поднимался и ходил из угла в угол, дабы от него отпала вялость и чтобы «пребывать бодро и трезво в ощущении Христовых страстей». Сам крестный путь он проделывал так. Подойдя к порогу капитула, преклонял колени и лобызал первые следы ступней, оставленные Господом. Воспевал псалом о Господних страстях, выходил в крестовый ход через двери и двигался по четырем галереям, следуя за Иисусом к месту его казни. В середине пути он преклонял колени опять, кланяясь перед воротами, когда через них должен был пройти Христос. Миновав галереи, шествовал к две-

рям храма и поднимался по ступеням к решетке. Вставал под крестом, простирался и, мысленно созерцая совлечение одежд и свирепое пригвождение Господа, «брался за плетку и пригвождал себя, в вожделинии сердца, вместе с Господом ко кресту» [Сузо 1907, 36].

Эта медитативная инсценировка начиналась сразу после заутрени. Именно тогда Г. Сузо вычитывал первый свод текстов так называемого «часослова страстей». «Часослов страстей» (*horologium passionis*) – авторское чинопоследование частных (келейных) молитв, разделенных по числу суточных служб (утреня, хвалы, часы I, III, VI, IX, вечерня и повечерие) на 7–8 сводов текстов, каждый из которых был посвящен тому или иному событию дня крестной смерти Христа. Известны часословы монахинь обители Хельфта Мехтхильды из Хакеборна, Мехтхильды Магдебургской, и часослов Г. Сузо. При методичном вычитывании часослова происходила синхронизация бытового времени и времени архетипического события. В этом-то времени, синхронизированном с днем крестного пути и распятия Иисуса, инсценировался перформанс, что приводило к созданию иллюзорного пространства, по подобию пространства того же крестного пути и распятия. Иллюзорное пространство создавалось в процессе означивания, приписывания деталям интерьера и быта архетипических смыслов: порог капитула – первые следы ступней Иисуса, галереи крестового хода – его крестный путь, середина последней галереи – городские ворота, ступени к решетке – склон Голгофы. Приступая к инсценировке с храмовым крестом, Г. Сузо использовал наличную семиотику богослужения. Архетипическими значениями нагружались также действия: перемещение в интерьере, бичевание тела, толкуемое как пригвождение ко кресту. В результате порождалась своеобразная топография, существовавшая, правда, только в течение инсценировки.

Пространство и время перформанса порождаются и связываются друг с другом перформативным действием. Содержание этого действия, инвариант многочисленных его разновидностей заключается в следующем. Испытывая какое-либо страдание (инсценированное, лучше реальное), надлежит войти в страсти Христа. Страдая, подобно ему, следует соответствующим образом означить свое страдание, дабы оно было не «беспорядочным» (как у Иуды), а «упорядоченным» (как у Петра). Это подается как осознание красоты и пользы страдания. На самом же деле речь идет не о пассивном обретении наличного смысла, но об активном наделении смыслом, без чего страдание им не обладает. Будучи осмысленно, страдание упраздняется. Испытавший и преодолевший его, посредством перформативного соотношения себя с Христом, поднимается на новый уровень, что соотносится с воскресением Христа.

«И вот, пока он сидел лишенный отрады, случилось так, что духовным образом ему были сказаны такие слова: “Что сидишь? Встань и войди в Мои страсти, и тогда преодолеешь страдание свое!” Брат быстро поднялся, ибо понял, что слова сии прозвучали с небес, принял на себя страсти Господни, и в этих страстях утратил страдания свои» [Сузо 1907, 257]. «Кто не хочет умереть, то как и воскреснуть ему?» [Сузо 1907, 519] «Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновлении жизни, ведь, если мы уподобляемся Христу в смерти Его, то должны быть подобны и Его воскресению» [Сузо 1907, 518; Рим. 6: 4].

Перформативное действие точно описывается терминами аристотелевской «Поэтики». «Трагедия есть подражание действию законченному и целому. Целое есть то, что имеет начало, середину и конец» [Аристотель 1975–1984 IV, 653]. Серединой является резкое событийное изменение (*περίληψις*), «перемена делаемого в свою противоположность» [Аристотель 1975–1984 IV, 657]. «Цель [трагедии – изобразить] какое-то действие, а не качество. <...> Характеры затрагиваются лишь через посредство действий» [Аристотель 1975–1984 IV, 652]. Такое строение всякое перформативное действие получает в процессе воспроизведения единого протосюжета, т.е. перехода голгофского истощания (*κένωσις*) в посмертную полноту (*πλήρωσις*) Иисуса. Действию, коль скоро оно не является действием перформативным, негде обрести свою цельность и структурность, если, конечно, оно не обретает их из экономического (практического) целеполагания. Но это цельность, структурность совсем иного рода, в полной мере лишенная, аксиологического измерения. Любая монахиня могла быть агентом того и другого действия. В качестве акциониста могла сораспинаться в своей келье Христу и подвергаться вместе с ним в виде издевательств, оплеванию и заушению. В качестве надсмотрщицы, организатора производства могла бить прялкой по голове, хлестать по щекам какую-нибудь из своих провинившихся подопечных, а потом, вернувшись в келью обратно, ... вновь сораспинаться Христу.

Что касается конкретно-исторического индивида, то в перформансе он никак не маркирован и не имеет значения. Значение имеет только динамика действия и вовлеченная в действие роль, перформативный, агиографический образ этого самого индивида («изделие» в термино-

логии Элсбет фон Ойе). В самой роли поступок главенствует над характером. Первый не следует из второго. Поступок строится за счет того, что реализует сценарий, а характер прилагается к поступку как формально необходимая точка. Пример Элсбет фон Ойе показывает, что перформативная деятельность харизматика исключительно эгоцентрична. Дело не в том, что Элсбет выделяла себя из числа угодников Божьих, не в том, что она включала себя в тринитарный процесс, даже не в том, что утверждала зависимость от нее Господа-Бога. – Нет, дело в том, что она сама, одна, выполнила все теургические и космические задания, обеспечив тем самым возможность существования мира, но ничего не оставила другим харизматикам, претендовавшим на это же, ведь и Экхарт притязал на то, чтобы своим мизинцем создать всё... Впрочем, это эгоцентризм не самой Элсбет, а эгоцентризм созданной ею мифопоэтической конструкции, неотъемлемый от всех конструкций подобного рода. Прочие харизматики занимались в пределах своих перформативных практик тем же, что и Элсбет, но никто никому не мешал.

3. Перформанс и поэтика «монастырских хроник» и «видений»

Итак, традиция женского мистицизма XIII–XIV вв. существовала в форме частных перформативных практик. Будучи уменьшенной проекцией этой традиции и обладая всеми ее характеристиками, перформанс явился в то же время питательной средой, где зарождалось литературное произведение. Перформанс был своего рода «произведением до произведения». Литературное произведение, следовательно, должно было усвоить через перформанс особенности породившей его культурной традиции – и усвоить такие особенности в качестве основополагающих принципов своей поэтики. Ведь это были принципы, общие для перформативной практики и литературного произведения. Перечислим эти принципы.

1. Отмеченный выше эгоцентризм харизматика – рассмотренный не как моральная категория, но как способ построения мифопоэтической конструкции – нашел отражение в центризме литературного героя. При том, что психозы позднего Средневековья были массовыми по количеству, они оставались индивидуальными по качеству. В каждом из тысяч и тысяч перформансов инсценировалось уникальное событие. Как ни одна из перформативных практик, так и ни одна из созданных на ее основе литературных композиций, не могла включить в свое пространство другую, созданную посторонним харизматиком. (Так же невозможно представить себе единый роман, в котором действовали бы, скажем, все герои пятикнижия Достоевского: Раскольников, Мышкин, Ставрогин, Долгорукий и Карамазовы). Но сам харизматик, вне своей индивидуальной перформативной практики, иногда включался на правах второстепенного действующего лица в чужие перформансы.

2. Эгоцентричный харизматик действует, за редким исключением, в теоцентрическом универсуме. Подобно литературному герою, он самостоятельно решает задачи, которые даны ему объективно, которые никто, кроме него, не решит: не выведет множество душ из чистилища, не накормит Младенца и пр. От решения этих задач харизматиком, и только им, зависит поддержание универсума в том виде, в каком он существует. «Кто, если не я» – именно так можно было бы сформулировать девиз перформативных практик.

3. В перформативной практике действие первоначально; оно является воспроизведением протосюжета и в качестве такового обосновывается не через характер, но через целеполагание, как алгоритм решения мифологических задач, скажем, того же кормления Младенца. С другой стороны, система образов и базовых смыслов произведения может быть разыграна лишь с помощью действия. Можно представить себе повествовательное произведение без характеров, но нельзя – без действия.

4. В лице харизматика-акциониста в любом перформансе совпадало два лица: планирующий действие «режиссер» и реализующий это действие «актер». Планирование и спонтанность представляли собой оборотные стороны друг друга. Именно поэтому харизматик воспринимал свое активное действие (самоистязание) как пассивное восприятие (страдание), а свою смыслотворческую активность – как приобщение к объективным смыслам. В литературном произведении акционист разделился на автора и героя.

5. В представлении харизматика, созерцаемые им образы обладали особым онтологическим статусом. То, что они переживались субъективно, отнюдь не означало, что субъективным было само их содержание. Содержание было вполне объективно, но его реальность не описывалась предикатами бытия, предметного существования: вес, цвет, протяженность, время и пр. На языке средневекового богословия такая реальность именовалась «субсистенцией» [Реутин 2011, 152–166].

Сказанное в большой мере приложимо к литературным образам, задействованным в «хрониках» и «откровениях». Можно создавать или не создавать образ, но если он создан, то, обладая собственным предметным содержанием, он мыслится как некое «само-по-себе», навязывает себя как именно *такой* образ. С одной стороны, образ персонажа совершенно ирреален, но с другой, он содержательно самостоятелен и недоступен мыслительному произволу с того момента, как задан. Он обладает объектным бытием в произведении (*esse obiectivum, esse intentionale*) [Вдовина 2009].

Из приведенного перечисления видно, что перформативная практика представляет собой по отношению к литературному произведению совершенно особый эпистемологический фон. Такой фон позволяет несколько углубить уровень анализа текста, осознать очевидное как проблему, а каждую аксиому – как требующую дополнительного доказательства теорему. Думается, что изложенные наблюдения над поэтикой «монастырских хроник» и «откровений» позднего Средневековья сохраняют свою силу далеко за пределами этих двух непосредственно связанных с перформативной практикой жанров и представляют в новом свете литературное произведение в целом.

Список литературы References

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1975–1984.
Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. M., 1975–1984.
2. Бондарко Н.А. Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст. СПб, 2014.
Bondarko N.A. Nemetskaya dukhovnaya proza XIII–XV vekov: yazyk, traditsiya, tekst. SPb, 2014.
3. Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. М., 2009.
Vdovina G.V. Yazyk neochevidnogo. Ucheniya o znakakh v skholastike XVII v. M., 2009.
4. Leclercq J. L'amour des lettres & le désir de Dieu. Paris: J. Vrin, 1957.
5. Реутин М.Ю. «Христианский неоплатонизм» XIV века. Опыт сравнительного изучения богословских доктрин Иоанна Экхарта и Григория Паламы. Парижские диспутации Иоанна Экхарта. М., 2011.
Reutin M.YU. «Khristianskiy neoplatonizm» XIV veka. Opyt sravnitel'nogo izucheniya bogoslovskikh doktrin Ioanna Ekkharta i Grigoriya Palamy. Parizhskkiye disputatsii Ioanna Ekkharta. M., 2011.
6. Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.

Кристина Эбнер**МОНАХИНИ ИЗ ЭНГЕЛЬТАЛЯ,
КНИЖИЦА О НЕПОСИЛЬНОМ БРЕМЕНИ БЛАГОДАТИ
(ИЗБРАННЫЕ ЖИТИЯ)****Christina Ebner****NUNS FROM ENGELTALYA,
BOOKLETS ABOUT AN INTOLERABLE BURDEN OF GRACE
(SELECTED LIFE)****Предисловие**

Здесь начинаю я книжицу, в ней же найдешь о начале монастыря Энгельталь и об изобилии благодати, каковую Бог сотворил в нём сперва и потом, о многих исторгающихся из Него добродетелях, которые так же мало можно умерить, как море изливающейся из Него силы. Никому не достичь великой святости из своего благочестия. Бог призвал их всех по свободной воле. Он властен в том, чтобы друзьям Своим творить благо, ибо только Ему ведомо всё. Вот почему с одним поступит Он по-хорошему, а с другим нет. Нашему человеческому разумению того не понять, не впадая в ошибку.

Ну и захотелось мне написать кое-что о тяжком бремени благодати. Но ума-то у меня, к сожалению, маловато, да и не сильна я в искусстве письма. И лишь благодаря послушанию я вынуждена пристраститься к этим вещам.

В то самое время, когда Венгерский король выдавал свою святую дочь Элизабет за ландграфа Людвига Гессенского, он отправил её с великими почестями в Нюрнберг, где должна была состояться свадьба. В дорогу он дал ей лютнистку по имени Альхайт, чтобы та, если ребенок вздумал бы плакать, утешала его игрою на струнах. Эта женщина говорила, что Элизабет было семь лет от роду.

Когда же свадьба закончилась, и святой ребенок был увезен, то лютнистка не захотела следовать дальше за ним, ибо решила отныне предать всю свою жизнь любезному Богу и начала проводить жизнь, полную глубокого раскаяния и любви к Богу. Она поселилась в одном из домов Нюрнберга и стала как бы светильником, тогда как прежде была повсюду известна из-за своего грешного ремесла. А в городе была небольшая община бегинок, и в ней проповедовали о том, сколь великую награду даст наш Господь за чистоту и послушание. И вот, эти бегинки отправились к госпоже Альхайт, упомянутой лютнистке, и молили её с немалой настойчивостью принять на себя заботу о них и стать их предстательницей, чтобы им оттого была награда с небес; у них де нет средств, чтобы им основать монастырь. Сия священная просьба была ею тут же исполнена, и они поспешили в свои дома и положили, каждая по отдельности, к её ногам всё, что у них было.

А начало совместной их жизни было такое. Их предстательница имела о них столь великое и неустанное попечение, словно все они были ей чадами, и не запрещала им ничего из того, отчего их сердце воспалялось бы к Богу. Жизнь же её была столь свята, нрав столь богобоязнен и кроток, и слова столь сладостны и правдивы, а все дела столь совершенны, что все, кто бы ни увидел её, оттого исправлялись. Потому слава о ней распространилась по всему краю и по всем окрестным краям. Отовсюду стекались к ней власть предержащие и получали от неё благословение, а также паломники, отправлявшиеся в дальние страны. Да и благочестивые жены к ним приходили, чтобы они научили их исповеди и любви к Богу. Относились же они к приходу церкви Святого Лаврентия и находились в послушании приходскому священнику как своему законному пастырю. Они избрали себе субприору с пламенеющим сердцем, кузину брата Отто из Швабаха, бывшую среди них как бы светильником. Ей было около тридцати лет, не более того. Они вычитывали положенные им часы, как могли и умели, а исполнив вечернюю молитву, шли к своей предстательнице и вопрошали её, как им проводить следующий день; так они и проводили его по доброй воле. Когда они сидели за трапезой, предстательница восседала во главе стола. Немного подкрепившись, она принималась читать им за столом на немецком. Порою случалось, что иные из них, лишившись чувств, лежали на полу, наподобие мертвых – да они и впрямь умерли в Боге. Такой благодати сподоблялись

они при работе, на молитве, когда благоговейно внимали Божьему слову. Только одна никогда не была в восхищении. Когда люди прослышали об их святой жизни, они им стали давать всё, в чём бы они ни нуждались, при том, что этих людей не просили об этом. А особенно королева Богемии, госпожа Кунигунта, сделала им много хорошего и посылала те драгоценности, которые ещё хранятся у нас. Они взяли к себе одного брата, его звали Херманном. Он прислуживал им, словно был их нанятым батраком. И если святому собранию хотели что-нибудь подать в дальних краях, то это подаяние он им привозил на себе.

К тому времени, когда они прожили в Нюрнберге несколько лет, не знаю уж сколько, случилось по промыслу Божию так, что папа отлучил от церкви императора Фридриха¹. Тогда предстательница сказала собранию: «Здесь мы больше оставаться не можем. Я отправлюсь к господину фон Кюнигштайн, дабы он нас приютит на некоторое время. Вы между тем читайте те пятнадцать псалмов, которые начинаются со слова “Deus”, покуда я не вернусь». Вскоре господин уважил их просьбу и пожаловал им мызу, где бы они могли до времени оставаться. Там Бог подверг их испытанию, подобно тому, как золото испытывают в пламени. Им пришлось заниматься тяжким трудом, жать себе рожь, стирать, готовить еду и исполнять прочие дела по хозяйству. И они делали всё с великим благоговением, пребывали в терпении. Они воздвигли капеллу в честь святого Лаврентия. Когда они жили на мызе четвертый год, наступило большое затмение².

Как-то раз у них на дворе убили насмерть ребенок. Это был внук господина фон Кюнигштайн, его звали Ульрих. Сестры принесли ребенка домой и пеклись о нем, пока он не скончался. Это ввергло господина фон Кюнигштайн в великое горе, ибо у него не было наследников, кроме одной дочери. После наступившей вслед за тем пасхи он сказал их предстательнице: «Переселяйтесь в Швайнах, и пусть у вас там будет жилье. Я же дам вам капеллу, поле и лес, чтобы вы смогли кормиться от них». Простерев горé свои руки, он пожертвовал сие Духу Святому и нашей возлюбленной деве Марии.

В это время явились семь аббатов из серого Ордена и умоляли сие святое собрание, чтобы они примкнули к их Ордену, а они за то им дадут много богатств. Но благодетель сказал, что он им сего не позволит, и ему хочется, чтобы они оставались в [обычных] женских одеждах.

В Вильзеке проживал богатый священник по имени Ульшалк. Долгие годы он оставался великим грешником, да и не скрывал этого. Прослышав об их святой жизни, он стал просить, чтобы они его взяли к себе. Он хочет де быть их капелланом и предстательствовать без всякого лицемерия о них перед Богом. Сей стал столь святым мужем, что о нем слагались песни, и наш Господь явил на нем Свои великие чудеса, особенно же при кончине. Тогда он провел сорок дней без еды и питья. Этот самый священник построил им церковь, которая стоит до сих пор, хотя и не успел завершить её своды. Он же устроил в ней два алтаря: один – в честь нашей Владычицы, а другой – в честь святого Иоанна, Крестителя; они и сегодня ещё существуют. Ибо одному крестьянину случилось видение: будто на том месте стоит хлебопечкарная печь, а перед ней стоит муж, а на муже том ряса, и он питает весь край. Ну, тогда тот священник устроил третий алтарь, в память святого Иоанна, Евангелиста. О том, как появился этот алтарь, я хочу вам поведать.

В Шёнберге, в замке, проживал один знатный человек, и был он столь болен, что уже никто не надеялся, что он останется жив. И вот, как-то ночью ему явился Господь наш, облеченный великим сиянием, оно было ярче сияния солнца. А жене его показалось, что замок охвачен огнем, и она побежала к супругу. Когда же она явилась к нему, то отчетливо услышала ответ, который тот давал нашему Господу; слов Господа, конечно, услышать она не могла. Супруг говорил: «Господи, я это охотно исполню!» Лишь только пришел он в себя, хозяйка спросила, с кем это он разговаривал. Он же ответил: «Господь наш Сам явился ко мне. Он велел воздвигнуть в Энгельтале алтарь рабе Его Катарине и передать бегинкам в собственность лес около Эсбаха и в Тойфенбахе подворье. “И вот тебе знамение: Мне угодно вернуть тебе здоровье, так что ты на сей раз не умрешь”». Тогда он обратился к супруге: «Дорогая жена, неважно, день ли сейчас или ночь, пошли для меня за братом-проповедником Кунратом из Айштета, он у них теперь настоятель, я ему расскажу об этом деле». И всё случилось вот как: когда настоятель явился к господину из Шёнберга, тот передал, что ему возвестил наш Господь, и сказал: «Господин, мое сердце наполнено такой любовью и нежностью к вам! У меня нет наследников, и я хочу вам отдать всё, что у меня есть». Проповедник ответил: «Нет, господин, не делайте так! У вас есть бедные родственники, они в этом тоже нуждаются». Сей вы-

сокородный господин не захотел умолчать о том разговоре и сделал так, что о нем стало известно повсюду, и на освящение алтаря пришло очень народа. Сего господина звали Браун фон Химмельдорф, Колеры – это его потомки. Благотворитель же из Кюнигштайна повелел провозгласить и объявить всем, что монастырь должен называться Энгельталь, а не по деревне Швайнах.

В это время жил один человек, посвятивший себя ратному делу, он был тевтонцем. Звали же сего господина Конратом фон Лауффенхольтц, и был он маршалом Пруссии, человеком, исполненным мудрости и высокопочитаемом в германском Ордене³. Узнав о святости монастыря Энгельталь и вняв громкой молве, ходившей о нём, он так воспылил в своем сердце божественной любовью, что сказал своим ратоборцам: «До меня дошел слух, что мой друг из Кюнигштайна основал монастырь и что люди, живущие в нём, сплошь святые. Кроме того, там моя тётка, и Бог являет на ней немалые чудеса! И вот, сердце мое изнывает денно и нощно в великом томлении, и хочется мне оставить всю мою славу и вступить в оное святое собрание, дабы ночью и днём пребывать в сокровенном, среди вас мне не удастся сие». Тогда к нему приступили со слезными просьбами, и было сделано всё, чтобы его удержать, но это не возымело успеха, он присоединился к святому собранию. Братья проповедники и конвент приняли его с такой честью, что говорят, это напоминало пальмовое воскресенье и почести, которые оказали нашему Господу⁴. Все прямо-таки сияли от радости, что столь уважаемый человек примкнул к их общине, и решили отвести его на высокое собрание капитула, но он не захотел⁵.

Сей благой муж из Лауффенхольтца вел столь праведную жизнь, весь его облик дышал такой святостью, он был такого совершенного нрава и так сладостно вещал о Боге, что возвышенных и ученых братьев-проповедников брало удивление, как столь необразованный человек умел столь премудро рассуждать о Боге. Когда он отправлялся к владетельным особам или в города, то посредством него многие весьма исправлялись, и начинали более усердно благодетельствовать монастырю. Жизнь его была очень строга, он служил с великим усердием Богу и был как бы светом в сердцах многих людей. Господь же являл на нём великие знамения, которых я, правда, не знаю, ибо то было ещё в прежние времена.

Как-то раз он решил пойти к мессе и проходил мимо пивоварни. А там стоял некий брат, пивовар, по имени Генрих. Как раз смолит бочки, и Генрих сказал: «Любезный управляющий, и я бы с удовольствием отправился к мессе, но должен остаться при деле». Тогда управляющий увидал, что пивовара облек со всех сторон божественный свет, и он был прекрасней, чем солнце, а пивовар, в великой благодати, стоял посреди. И уразумел Лауффенхольтц, что такое случилось благодаря послушанью.

Ему было не по себе оттого, что женщин [в Энгельтале] называли монахинями. Но тут к нему обратился божественный голос: «Не огорчайся! Монашенки – что солнышки».

Обо всём, что Бог ни делал бы для него, он рассказывал тётке своей Альхайд из Трохау. Когда он был уже при смерти, то послал за ней и сообщил ей об этом. Она пошла в кухню и повелела одной сестре из мирянок, бывшей сиделкой при нём, чтобы та дала ему мяса, потому что ему очень худо. Это возмутило сестру, она сказала: «Что с ним случилось? Он не ел ни куска мяса уже много лет», однако сделала, как ей приказали, впрочем, дерзко и с громкими криками. И тогда наш Господь сказал тётке: «Я жестоко отомщу сему человеку, ибо она так обошлась со святым». Тётка ответила: «Да не будет так, любезный Господи, не бей её». Он сказал: «Нет, Я не отступлю от Моего праведного гнева». И она усердно умоляла Его, говоря: «Дражайший Господи, не делай сего, пока я остаюсь в моем живом теле!» Случилось же так: когда однажды в полдень возвестили в било о смерти тётки, та самая сестра из мирянок находилась в каменном рефектории. И вдруг она увидела, что рефекторий полон чертей, и она отдана им во власть за то, что так немилосердно обошлась с добрым человеком. Ведь тётка ещё прежде нередко ей говорила, что кара Господня падет на неё. У сестры начались искушения: то она хотела покончить с собой, то едва не умерла от тяжелой болезни. И в таких искушениях она жила вплоть до своей смерти.

А тот добрый брат принял святую кончину. Место же его захоронения скрыли по причине великой славы, которой он пользовался.

Был у нас один добрый брат, звали его Конрадом-виноделом. Как-то раз после трапезы отправился он на поле и принялся [там] возвещать о Боге; он вышел из себя так, что оставался в ликовании до следующего дня.

В то самое время, когда они изучали церковное пение, основатель монастыря попросил начальствующую над женами, чтобы та привела их в Райхнек. И вот, когда сестры пели мессу

в одной из капелл – это было воскресенье Троицы, – то и основатель [монастыря] пел всю мессу вместе с ними, хотя грамоте никогда не учился и не знал, как читаются буквы. Едва сие чудо свершилось на нём, он тотчас же весьма воспламенился верой, так что сказал: «Ах, Ульрих! Если бы даже мне было суждено прожить долгую жизнь, то и тогда я не прекратил бы творить чудеса для этой святой общины».

Впервые это случилось в Рождественский пост, когда они пели то, что положено по уставу. Их первую регентшу звали Хайльрат, и была она нечеловечески хороша собой. А как она пела, было выше всяких похвал. К тому же пению училась она с особенным рвением, да и очень любила нашего Господа. В четвертое воскресенье поста сестры пели мессу, и вот, когда дошли до пятого респонсория «Virgo Israel»⁶, до стиха «In caritate perpetua», воспела она очень внятно и нечеловечески прекрасно, так что иным даже казалось, что она поет ангельским голосом. А по-немецки стих звучит так: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому привлек тебя к Себе Своим милосердием»⁷. Этот стих наш Господь изрек устами пророка, обращаясь к роду людскому. Из-за великого благоговения весь святой конвент лишился своих чувств. Сёстры рухнули на пол, наподобие мертвецов, и лежали так, пока вновь не пришли в себя. И тогда они допели мессу до конца в великом благоговении.

В то время случилось так, что в сию местность забрели братья-проповедники из Регенсбурга. Жены решили принять на себя послушание им. И тогда начальствовавшая над ними отказалась от должности, и они, по совету проповедников, избрали себе приору с пламенеющим сердцем, эту сестру звали Димут фон Гайленхузен. Она собралась в путь и вместе с одною сестрой и братом из мирян отправилась в Рим. А при папском дворе был некий брат-проповедник. Как только сей узрел её ревность по Бозе и святость, так тот же час довел до сведения папы то, чего она так страстно желала, и сделал он это лучше, чем она могла бы сама. И папа подтвердил им их привилегии и принял от них письменное обращение. Сия святая община жила поистине свято. Упражняясь в покаянии, они хлестали себя терновником и пучками из розг. Остававшиеся же при конvente духовники Ордена говорили: «Нам можно отпавиться из дешних мест в другие монастыри по причине великой святости, нами здесь обнаруженной».

Начальствовавшая первой над ними, её звали лютнисткой Альхайд, поведала своему конвенту о великой благодати, которую с ней сотворил наш Господь: она де была восхищена на Иордан и увидела всё, что случилось при крещении Господа.

О блаженной сестре Альхайд фон Трохау

А ещё была одна сестра, которую звали Альхайд фон Трохау. С детских лет у неё был пророческий дух. Когда она пребывала в миру, то сказала своей матери: «Случится так, что мой батюшка и самая красивая из сестер заболеют проказой». А однажды сказала: «Мой батюшка находится в Регенсбурге. Он проиграл всё, что имел, и велел ничего тебе об этом не говорить». Такие-то вещи ребенок говорил множество раз. О нем стала распространяться молва, и люди говаривали, что она де – пророчица.

Едва явившись в наш монастырь, она была как-то ночью восхищена, и пришла в то место, куда сходятся некрещённые ребятишки. А ребятишки от неё побежали и начали её поносить. Она их спросила: «Почему вы от меня убегаете?» Они же ей отвечали: «Мы поступаем так потому, что очутились здесь из-за первородного греха, и нам больше никогда не видать очей Божьих. Но ты ещё можешь сего избежать, потому мы тебе сообщаем, что ты была неправильно крещена»⁸. Затем, через несколько дней, она лежала после заутрени перед алтарем в храме и, будучи вновь в восхищении, предстала перед судом нашего Господа, совсем так, как о том говорится в Евангелии. Благие ангелы шли на правую сторону, а худые – на левую. Ну, она бросилась к избранным. А Господь-то наш говорит тогда ангелам: «Позовите-ка Альхайд, ей не подобает стоять одесную Меня, её неправильно окрестили». Она возьми и скажи им: «У вас никогда не случалось скорбей из-за Бога, а у меня чрез Него они часто бывали. Не уйду от моего Господа только из-за того, что вам этого хочется». Ангелы и говорят нашему Господу: «Господи, она нас попрекнула, что у нас мол никогда не случалось скорбей по Твоему попущению, и не желает оттуда уходить лишь из-за того, что нам этого хочется». Тогда позвал наш Господь Марию Магдалину и говорит ей: «Скажи Альхайд, чтобы она не стояла одесную Меня». А она Марии Магдалине сказала: «В Евангелии говорится, что Господь изгнал из тебя семь бесов, я же за собою помню, чтобы когда-нибудь сотворила хотя бы один смертный грех». Тогда Господь послал святого Павла. Сему сказала она, что он был гонителем христи-

анства и что она не хочет по его воле отходить от своего Господа. Отправляя Он к ней Петра. Этого она укорила, что он трижды отрекся от нашего Господа, а она так не делала никогда. И вот, отправил Господь Иоанна Крестителя. Она его спросила: «Кто ты»? Он же ответил: «Креститель я, Иоанн». А она сказала ему: «Крестивший других, проклянешь ли меня? И меня окрести». Она пала ниц перед ним и обхватила его. Он сорвал с неё рубашку и вылил на неё ковшик воды. Сие отчетливо видели все, кто пришел тогда в храм, что там разлита вода. А она об этом рассказала приоре. И они написали одному приору в Регенсбург, чтобы тот с кем-нибудь обсудил, как следует поступить с этой сестрой. И вот, пришли в обитель братья-проповедники и сказали: они мол читали, что существует крещение благодатью, но с ней надлежит поступить, как того требует христианская вера. Братья-проповедники послали за её матерью и спросили её, как та крестила сестру. Мать же сказала: «Я лишь знаю, что она была крещена очень быстро. Но здесь со мной женщина, крестившая её своими руками». И тогда спросили у женщины, как она это делала. Та отвечала: «Я это сделала совершенно правильно, крестив её во имя доброго господина святого Николая». Проповедники взяли сестру и окрестили её, а сами стали ей крёстными. Одним же из них был брат Генрих из Аббаха.

Немного спустя Господь послал ей немалую благодать. На страстной седмице она была в восхищении вплоть до великой субботы и увидела всё, что случилось с нашим Господом; она сама убедилась, что из Него, когда Его прибавали к кресту, при третьем ударе брызнула кровь; и Он сказал ей, висая на кресте: «Возлюбленная, вот что Я претерпел ради тебя. А что терпишь ты ради Меня»?

Когда она была юной и не совсем ещё выросла, наш Господь сказал ей: «Хочу наделить тебя изрядным ростом, и станешь приорой, величайшей из тех, что когда-либо были в этой обители, а равно блаженнейшей; но Я не смогу продолжать с тобой Моих игр, как смог бы, если бы ты приорой не стала». Она же сказала: «Нет, Господи, не хочу лишиться Твоей благодати!» И тогда Господь наш изрек: «Да будет тебе знамением то, что ты больше не вырастешь, и что Я с тобой сотворю великие чудеса».

Она была очень досаждаема дьяволом. Он советовал ей оставить монастырь, и тогда она будет самой богатой и счастливой среди всех в своем роде. А как-то раз он явился в образе одной из сестер и, вызывая её из храма, сказал, что она де должна послужить кое в чём некоторым женам, но едва она вышла из храма, как дьявол пропал. Через некоторое время она была на молитве, и он сказал ей: «Ну, довольно молиться! Когда станешь старой, ничего другого делать не сможешь». Но она отвечала: «Что же, тогда у меня всё ещё впереди».

Дьявол явился к ней ночью и хотел прочесть ей некое письмо. Но тут явился ангел, выхватил у него послание, стер дланью то, что в нём было написано, и бросил его пред постелью, сказав: «Прекрасная возлюбленная, я пришел тебе на подмогу. Если бы ты услышала это послание, то тебе было бы невозможно снова обрести чистое сердце». А утром письмо обнаружили. В нём было всё стерто ангельской дланью.

Когда она хотела принять на себя обет послушания⁹, то приора воспротивилась этому, поскольку отец её был прокаженным. Она так опечалилась, что пошла к распятию – его почитают и сегодня – и рыдала так горько, что ступни у нашего Господа сделались мокрыми. Тогда Он снял руку с креста, поднял Альхайд и сказал: «Вставай, Я Сам тебе помогу принять обет послушания». А вскоре произошло вот что: Прайтентштейнер обвинил приору в том, что она его предала, и той пришлось нежданно-негаданно отбыть в Регенсбург, в монастырь «К святому Кресту», и там задержаться¹⁰. Тогда избрали другую приору, а она позволила ей принять обет послушания.

Однажды обезглавили одного благородного человека, который для одной из сестер был самым любимым из всех людей; об этом никто не знал. Альхайд пошла к ней и сказала, что за него нужно молить Бога, и что он лишен своего тела. А случилось это далеко от монастыря.

Одного брата-проповедника звали Конратом фон Айштет, и он долгое время был духовником нашего монастыря. Он питал к ней большую любовь из-за её святости. Ей была дана благодать: когда он читал мессу, было ли это далеко или близко, она видела в его руках тело нашего Господа. Если же он делал что-либо вопреки Богу, она узнавала о том уже наперед, пока он к ней ещё не пришел. Но однажды случилось, что он явился, дабы собирать милостыню в податном округе монастыря¹¹. И она подошла к нему с просьбой дать ей тела нашего Господа, а было как раз то самое время, когда конвент не должен был его принимать. Тогда брат Конрат сказал ей: «Я не могу этого сделать, но должен отправляться за милостыней. Я и так задержался». Она же ответила: «Ну, идите и увидите сами, сколько получите». Он бродил очень долго, но получил не больше, чем три раза по полу-пфеннига. Тут он понял, почему так

получилось, и просил её, чтобы она простила ему. Господь же наш сказал ей: «Я погасил огонь между тобою и им, и огню этому никогда больше не разгореться!» И с тех пор она никогда не больше не видела в его руках тела нашего Господа, да и больше не знала, что делает он, когда его не было рядом.

Жил один брат-проповедник, и был он влюблён в одну женщину. Женщина же ему в своей любви отказала – и притом в самых презрительных выражениях. Он пожаловался на это нашему Господу, пока держал Его в своих руках. Находясь в храме, Альхайт услышала это и сказала той самой сестре: «Будь терпелива! На тебя падут великие беды, я слышала, как священник пенял на тебя нашему Господу, пока Он был у него в руках».

Однажды она была восхищена в Вифанию, в тот день, когда Он воскресил из мертвых Лазаря¹². Она сидела рядом с ними за столом и видела все блюда, которые они вкушали. А тут Андреас и говорит: «Дайте-ка этой прекрасной поклоннице посидеть подле нашего Господа». Так оно и произошло.

По благодати временами случалось, что она могла толковать сложные книги – и вовсе не хуже, чем какой-нибудь изрядно обученный поп. Когда же сие время прошло, то она уже более этого не могла, ибо была не учёна.

Альхайт была утонченной особой. Из-за чрезмерной любви нередко бывало, что она многое делала, не владея при этом телесными чувствами. Как-то раз она зашла в храм, собираясь отыскать там одну из сестер, но увидела ларец, в котором находилось тело нашего Господа; она стала подпрыгивать, петь и бросилась навстречу ему от захлестнувшей её радости. А когда она выполняла какую-либо работу, то все ясно видели, что она трудится, лишившись всех своих чувств, ибо чувства её были при Боге. Когда вечером, уже после трапезы, она отправлялась в сад и слышала от какой-нибудь из сестер доброе слово о Господе, то, выйдя из себя самое, она начинала скакать от дерева к дереву и прижиматься к ним своим сердцем. И если её спрашивали, что она при этом имеет в виду, то она говорила: «Мне кажется, что всякое дерево – это Господь наш Иисус Христос». Затем, отправившись в спальню, она всегда говорила: «Ах, милостивый Господи, Иисусе Христе, давай же поднимемся друг с другом на гору».

Как-то случилось, что она пела стихи обоих хоров. Тогда приора сказала ей: «Ты поступаешь, как гусыня. Пой в своем хоре и оставь другой хор в покое!» А она стала размахивать руками, думая, что она и есть гусыня, пока приора не сказала: «Ты – не гусыня». И только тогда она оставила свое озорство.

Однажды должны были взвешивать мак, а она залезла в мерную чашу. Когда же брат велел ей выбираться наружу, она отвечала: «Не хочу вылезать, ибо вижу рядом Господа моего Иисуса Христа. Хочешь? Полежай-ка ко мне. Он такой милый; тебе, как и мне, будет на Него приятно взглянуть». Брат немного помедлил и снова сказал: «Мне нужна мерная чаша!» Она же в ответ: «Конрад, оставь свой гнев, я не вылезу, пока Он здесь у меня. Хочешь, залезай к нам вовнутрь. Я знаю точно: будь тебе так же хорошо, как мне, ты ни за что бы не вылез!» Вдруг брат воспламенился любовью, так что, разразившись плачем и воплями, бросился через ворота наружу, она же оставалась в благодати довольно долгое время, а потом вылезла.

У неё был брат и невестка, у которой нередко случались выкидыши. Альхайт послала за ними обоими и сказала ему: «Брат, посмотри, разве тебе не известно, что на тебе гнев Божий? Ты же знаешь, что переспал со своей тещей. Вот почему все твои дети умирают ещё до рождения. Поэтому покайся и стань духовным лицом, и она тоже пусть станет, или пребывающий на вас гнев Божий умножится». Они прислушались к её совету: брат стал тевтонцем, а невестка ушла в наш монастырь. И так часто случалось, что с помощью нашего Господа ей были открыты как благодеяния, так и пороки людей.

Когда наступило время, и её святая жизнь приблизилась к концу, она вызвала нескольких сестер и сообщила им о предстоящей ей смерти. А они её вопрошали: «Дорогая Альхайт, что ты имеешь в виду, говоря, что должна с нами проститься пока служат мессу ближайшего дня святого Петра, и говоря: «Если переживу день святого Петра, то в этом году не помру»? А она им в ответ: «Сегодня миновало как раз тридцать лет с того самого дня, когда наш Господь сказал мне: “Я возведу тебя на Масленичную гору и увенчаю немалою славой. Во время, когда поет жаворонок, воспоешь пред Моей святой Троицей”». И я спросила Его: «Любезный Господи, когда поет жаворонок»? Он же ответил: «В день святого Петра, Kathedra»¹³. Вот почему я считала всегда свою жизнь по этому дню, ибо тогда ей наступит конец».

Была ещё другая сестра, которая не поверила, что Альхайдт предстоит вскоре умереть. Альхайдт пошла к ней и сказала: «Готовься, ибо умрешь раньше меня». Так оно и случилось.

Сия святая сестра почилла в пятницу, в полдень, накануне дня святого Петра, как во всеуслышание, много раз сама говорила: «Возликуй, душе моя, возликуй, в следующее воскресенье быть тебе в вечной радости!» Когда она лежала мертвой, то была краше и милей, чем когда-либо раньше.

Едва возвестили в било о кончине этой жены, некий голос сказал одной старой особе: «Сестра, ныне сидящая на соломе, достойна того, чтобы без промедления взойти к небесам». Едва зашла она в больничные палаты, так тотчас увидела сестру, сидящую на соломе, её звали Рицей фон Элленбах. Сия преставилась на четвертый день после оной святой Альхайдт. Когда она уже почилла, Господь наш сказал господину Фридриху, старому капеллану: «Не подобает оставлять большого служения из-за служения малого», имея в виду, что негоже пропускать постную мессу ради «*requiem eternam*»¹⁴ или приостанавливать её из-за святой Рицы.

О блаженной сестре Альхайдт фон Ингельштат

Ну, а теперь хочу я вам рассказать об этой святой Альхайдт фон Ингельштат, и какова была её жизнь. До того, как прийти к нам, она была бегинкой. Правило, предписанное ей Ордену, и особенно молчание, она соблюдала так строго, что никогда не прерывала его ни на одном месте, где надлежало молчать. Когда она стояла в храме, хорошо было заметно, что она постоянно твердит лишь: «Иисусе Христе», «Иисусе Христе». Находясь среди людей, она была к ним так добра и проявляла о них столько заботы, что те, кто был рядом с ней, благодаря ей исправлялись. Наш Господь промыслил о ней, чтобы её обвинили, что она из числа прокаженных, и изгнали из монастыря. Тогда Он сказал ей: «Не печалься, что тебя удалили от людей! Я Сам стану твоим супругом». И это Им было исполнено. Жизнь, в которой она подвизалась, была столь свята, что едва ли кто из людей когда-нибудь видел подобную ей. Она не вкушала ничего, кроме горохового отвара, каждый день предавалась покаянному деланию и бодрствовала всю ночь напролет вплоть до заутрени. Когда у неё спрашивали, отчего она бодрствует до заутрени, а не после неё, она говорила: «Оттого, что до заутрени у Него нет никого, кто бы Ему служил, а после заутрени её у Него немало таких». И вот, когда она прожила много лет в столь святой жизни ради нашего Господа, Он явился ей Сам, поведав, что желает забрать её в вечную радость. У неё с детства была близкая подруга по имени Мехтхильт Крумпзитин. Ей также явился Господь наш в ту же самую ночь и сказал: «Желаю забрать к Себе подругу твою». Встретившись утром, обе рассказали друг другу о том, что услышали. Тогда Альхайдт сказала Мехтхильте: «По всему видать, что у тебя чистая душа, ибо Он с тобою беседовал точно так, как и со мной».

Однажды ночью они вместе читали заутреню, и читали её так благоговейно, что ни разу не подняли глаз. Но вдруг Альхайдт обернулась и очень внимательно взглянула на Мехтхильт. Той показалось это странным, а утром она спросила её: «Отчего ты так пристально смотрела на меня ночью?» Альхайдт отвечала: «Тогда я отчетливо ощутила присутствие нашего Господа. Мне показалось, что Он позволяет тебе насладиться больше, чем мне. Вот почему я не могла удержаться от того, чтобы столь пристально на тебя посмотреть».

Когда она Альхайдт была уже на смертном одре, она сказала: «Я лежу, словно в прохладной росе». Она изрекла нежнейшие и сладчайшие словеса, так что все сердца, собравшиеся подле неё, посредством их воспламенились. Тогда она тайно от всех призвала свою подругу детства, и с великим благоговением благодарилла её «за службу, которую ты мне когда-либо оказывала, и за то, что ты мной, когда я страдала, никогда не гнушалась, а также за то, что поддерживала меня с такою любовью. А теперь скажи мне, чего ты желаешь от Бога. Он даровал мне, что, чего бы я ни попросила у Него при смерти, то Он исполнит. Та же ответила: «Мне хочется только того, чтобы ты у Него попросила, чтобы мне стать совершенным человеком». Альхайдт сказала ей: «Хочу открыть тебе, что ты умрешь не здесь. Ты будешь выбрана в приоры в Аурахе и там же будешь погребена»¹⁵.

О блаженной сестре Мехтхильт Крумпзитин

Ну, а теперь мне хочется рассказать вам об этой самой Мехтхильт Крумпзитин. Будучи на четырнадцатом году жизни, она как-то раз лежала пред алтарем. Её чувства были так напряжены, что у неё через уста, нос и уши хлынула кровь. И она сказала, что впредь никогда не будет стремиться к Богу меньше, чем к работе. Сие она доказала [на деле]: сидя целый день за прялкой, она напрядала совсем немного; однако, соснув ночью часок-другой, она поднимала

лась и проводила всё время в размышлениях о нашем Господе. Она была праведным человеком и поэтому немало страдала. На протяжении всей своей жизни она была подобна светильнику. Когда она стала нашей приорой, даже и внешние люди были покорены её жизнью и испытывали великую любовь к тому делу, которому она себя посвятила. Его она исполняла с великим усердием.

Когда исполнилось время, и наш Господь пожелал исполнить Свое дело, как то Им прежде было открыто, Мехтхильт была избрана [приорой] в Аурах. Прибыв туда, она никак не могла сделать так, чтобы утихло великое благоговение в её сердце. Как-то ночью она стояла перед своей постелью на молитве, и тут она вышла из себя. За ней три раза приходила одна сестра из мирянок, управлявшая странноприимным домом, с просьбой спуститься к гостям. Но из-за божественной благодати она уже не помнила этого мира. Тогда сестра сошла вниз и сказала о приоре: «Она покраснела ниже глаз, наподобие розы. Наверное, вышла вина». Приора узнала в духе о сказанном. Утром она послала за своею сестрою по плоти и сказала ей: «Выслушайте правду, которую я поведаю о себе. Когда я на молитве и немного не в себе, исполняйте мои обязанности вместо меня. Недавно обо мне соблазнилась одна сестра из мирянок. Она скверно говорила про меня. Запомните нынешний день! Отныне, в течение года она оставит сей Орден и никогда больше в него не вернется».

Когда сия жена, любя свой Орден и всякую праведность, достойно завершала свой земной путь, ей явился Господь наш и торжественно клялся, что возьмет её из этой юдоли в вечную радость. Она же послала за своими сестрами по плоти и сообщила им об этом. Они горько разрыдались и просили её умолить нашего Господа, чтобы Он её здесь оставил подольше. Она, однако, им возразила: «Я не хочу этого делать. Мое сердце так тоскует по Нему, что я не могу больше без Него обходиться». Вскоре после сего настал час кончины. Причастившись пред смертью, она сказала своим сестрам: «У меня нигде не болит, и если бы я не запретила себе ради людей, то ушла, куда бы хотела. Затворите комнату, я покажу вам». Она встала и прошла так же легко, как делала это когда-то.

Когда её святая душа собралась отделиться от тела, одна из сестер увидела в духе, что душа благодарит все члены, каждый по отдельности, за то, что он так верно служил Богу.

В деревне Энтенберг был некий ребенок, который возвещал многое из того, что должно произойти в будущем. Он жил у одной бегинки, он говорил: «Тётка, я видел отверстие неба, и как туда только что вознеслась приора Аураха». Но та возразила: «Нет, тебе, наверное, помешалось». Ребенок сказал: «Выйди и погляди!» Так тётка и сделала и узнала: в это самое время та умерла, как и говорил ребенок.

О блаженной сестре Анне фон Вайтерсторф

Одну из сестер звали Анной фон Вайтерсторф. Сия была ревностной служительницей Божьей, усердно подвизалась на разных поприщах, прилежно трудясь на каждом из них. Она была лекарем, претерпела из-за этого немало невзгод, но страдания эти были безвинны и во все не заслужены ею. Когда страдания миновали, она сказала себе, что ни за что больше не станет занимать никаких видных должностей. Она и нам так говорила в великой печали, бывшей у неё из-за этих, связанных со службой несчастий. Через некоторое время, к Рождеству, епископ Николай Регенсбургский¹⁶ уведомил нас, что на праздник придет к нам в монастырь. Как же она обрадовалась, когда мы получили это известие! Другие жены сему весьма дивились. Она же встала и этак повернулась. А потом, после Пасхи, в день святого Иоанна она преставилась¹⁷. Когда пред смертью её причащали по христианскому обычаю, она сверх всякой меры просветлела и без конца повторяла: «Мне вовсе не плохо; подле меня есть кое-кто, кому хуже, чем мне». Затем она послала за сестрой Агнесой фон Прайтенштайн, позже ставшей приорой, и сказала ей: «Хочу поведать тебе, что Господь поступил со мной милостиво». Та спросила её: «Скажи-ка мне, отчего ты так обрадовалась, узнав, что к нам придет епископ»? Анна ответила: «Меня охватила великая радость, ибо я услышала пение ангелов, и слышу его с того дня ежедневно». И сказала: «То, что я всегда аккуратно поднималась к заутрени в память о нашей Владычице, случалось оттого, что она мне при этом являлась и прижимала меня к своему сердцу». А ещё сказала: «То, что я охотно оставалась в старой капелле ночью и днем, случалось оттого, что мне в ней являлась наша Владычица вместе с Сыном своим Иисусом Христом и творили мне великую благодать. То же, что со мною был мил святой Лёйпрехт, случилось оттого, что я увидела, как он стоял в церкви на своей гробнице». (Сия гробница была наполовину закопана в пол, а наполовину возвышалась над полом; тем же об-

разом он явился и капеллану.) Будучи в погребальном облачении он сказал Анне: «Смотри, в этом облачении я был безвинно убит. Запомни, сия гробница – моя». [Ещё же сказала она]: «Когда епископ Николай Регенсбургский хотел нам преподать нашего Господа, то я увидела, что перед ним входили в врата, ведущие в храм, три прекраснейших человека. И хотя они входили все вместе, из них получился, однако, единый Господь». Тут дошло до неё, что это была пресвятая Троица. Едва епископ благословил тело нашего Господа, она увидела, что облатка вдруг превратилась в Дитя. И когда он преподавал Его каждой женщине, Дитя по отношению к каждой вело себя так, какой она была в своей жизни, с одними Дитя было очень приветливо, с другими же нет. «Я слышала, как ангелы без умолку поют респонсорий “Summe trinitati” и дивно распевают на три голоса “Kyrie eleison”¹⁸; сие песнопение звучало столь восхитительно, что внимать ему было выше человеческих сил». А затем она сказала: «Позовите ко мне кого-нибудь, у кого долгая память»¹⁹. И сказала: «Знайте же, милые жены, что я всякий день слышала пение ангелов, начиная с Рождества и поныне, – то бишь до следующего за Пасхой дня святого Иоанна Евангелиста, в который она и преставилась²⁰, – и что, если я бывала в беспамятстве или оцепенении, когда вы ко мне обращались, так это случалось оттого, что я тщательно вслушивалась в то, что они пели. Господь наш и Его мать Мария поступали со мной по своей милости и в капелле, и в келье. Когда мне приказали трудиться в погребу, я была очень удручена. Но в келье мне явился Господь наш с пятью ранами, каким Он был во время крестных страданий, и сказал мне: “Гляди, возлюбленная, вот что Я претерпел ради тебя, а что Ты терпишь ради Меня? Будешь в этом послушна, и больше ни в чём”. Я подумала, Он имеет в виду, что у меня-де не будет других послушаний, а Он намекал на мою кончину. Когда я пошла на мессу Мосбуржца, ибо там получали великое отпущение грехов²¹, наш Господь явился мне таким, каким Он был в тридцать лет».

Когда Анна лежала уже при смерти – и, как нам казалось, не замечала ничего из того, что происходит в сем мире, – она была удивительно хороша собой. Мы спросили её: «Каким был Иисус из Назарета, когда ты Его видела»? Она описала Его, по её словам, Он был величественным человеком. Когда же настали последние мгновения жизни, вид её стал ужасен; и одной из сестер, стоявшей в это самое время на молитве, некий голос сказал: «Пойди к сестре, она лежит в великом борении». Как только та к ней пришла, она умерла.

После кончины она снова явилась той же сестре и поведала ей, что между ею и Богом имеется ещё кое-что, но в этом она ещё не принесла покаяния. Потому-то ей и пришлось лицезреть лукавого духа. Он здесь заставил её поплатиться за то, в чем она вовремя не раскаялась.

Примечания Notes

Перевод осуществлен по изданию: Der Nonne von Engelthal Büchlein von der genaden uberlast / Hrsg. von K. Schröder. Tübingen: H. Laupp, 1871.

¹ Император Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) был отлучен папой Григорием IX от церкви 29 сентября 1227 г. Это отлучение было подтверждено в Пальмовое (Вербное) воскресенье 1239 г.

² Упомянутое Кр. Эбнер затмение произошло 6 октября 1241 г.

³ Имеется в виду Тевтонский (или Немецкий) орден («Тевтонской братии церкви святой Марии Иерусалимской»), учрежденный папой Климентом III в феврале 1191 г. во время 3-его крестового похода.

⁴ Пальмовое (в русской православной традиции Вербное) воскресенье – праздник входа Иисуса Христа в Иерусалим (Мф. 21: 8–11, Мк. 11: 7–11, Лк. 19: 35–38, Ин. 12: 12–16).

⁵ В оригинале: *capitel*. Капитул – коллегия, совет духовных лиц при епископе, также общее (генеральный капитул), окружное (провинциальный капитул) собрание монашеского ордена либо насельников монастыря (монастырский капитул).

⁶ «*Virgo Israel*» – по-видимому, ошибка переписчика. Имеется в виду стих Ис. 11: 1: «[И сказал Господь Бог]: произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» ([*Haec dicit Dominus Deus*]: *Egredietur virga de radice Jesse, et flos de radice ejus ascendet*). Чтение в пятницу перед 4-м воскресением Адвента (Рождественского поста).

⁷ Иер. 31, 3: «Любовью вечною (*lat. in caritate perpetua*) Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение».

⁸ Согласно схоластическому учению, чистилище включает в себя четыре региона: «лоно Авраама», иначе «область отцов» (*limbus partum*), «преисподнюю проклятых» (*infernus damnatorum*), собственно чистилище (*purgatorium*) и «преисподнюю [некрещенных] детей» (*infernus infantum*), чье страдание состоит в невозможности созерцать Бога.

⁹ Т.е. статья монахиней Доминиканского ордена.

¹⁰ Прайтенштайнеры (die Preitensteiner) – члены рыцарского рода; известен, в частности Герман фон Прайтенштайн, горожанин Регенсбурга с 1382 г. «К святому Кресту» – августинский женский монастырь в Регенсбурге, основанный в 1237 г. графом Генрихом Ортенбургским.

¹¹ Каждый из конвентов нищенствующих орденов (в т.ч. доминиканцев) имел строго определенную область (*лат. termini, нем. terminie*) для сбора подаяния и проповеди. Отсюда происходит название нищенствующих монахов «терминарии».

¹² См. Ин. 11: 1–44.

¹³ Имеется в виду праздник, отмечаемый 22 февраля (In Cathedra S. Petri Ap. Antiochiae)

¹⁴ Речь идет о заупокойной службе, названной по стиху («вечный покой») исполняемого во время нее песнопения.

¹⁵ Женский монастырь западнее г. Эрланген на р. Регниц в Баварии.

¹⁶ Николай фон Штаховитц (Nicolaus von Stachowitz), епископ Регенсбургский. Рукоположен 22 февраля 1313 г., скончался 11 октября 1340 г.

¹⁷ Праздник рождества Иоанна Крестителя, 24 июня.

¹⁸ Имеется в виду респонсорий «Всевышней Троице» (Summe trinitati). Респонсорий – жанр монодического пения в католической официне. «Kyrie eleison» (греч. Κύριε ἐλέησον, Господи, помилуй) – молитвенное призывание, часто используемое в молитвословиях и богослужениях. Ср. Мф. 20: 30.

¹⁹ В ориг.: «Heizt etwen zu mir gen der lang gedenk» (Schröder 1871, 28, 3–4). Смысл: чтобы помнил о рассказанных ею видениях.

²⁰ Ошибка: праздника Иоанна Евангелиста после Пасхи не существует. Праздник Иоанна Евангелиста приходится на 27 декабря. Вероятно, имеется в виду день Усекновения главы (decollatio) Иоанна Предтечи, отмечаемый по католическому календарю 29 августа.

²¹ Мосбуржец – Бертольд Моосбургский (Perhtolt von Mosburk), знаменитый комментатор прокловских «Первооснов теологии» (переведенных на латынь в 1268 г. Вильгельмом де Мёрбеке). В 1348 г. занимал пост викария братьев доминиканцев. В этом качестве посещал нюрнбергскую обитель Энгельталь, на что указано в сочинениях местных монахинь – «хронике» Кр. Эбнер и «откровениях» Адельхайд Лангманн.

Перевод и примечания М.Ю. Реутина

УДК 1:(091)

ПОНЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА**THE CONCEPT OF SPACE AND TIME IN THE PHILOSOPHY
OF IMMANUEL KANT****Т.В. Торубарова
T.V. Torubarova**

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Россия, 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5.; Курский государственный университет, Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 33
Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Bauman St, Moscow, 105005, Russia
Kursk state university, 33 Radishcheva St, Kursk, 305000, Russia*

E-mail: ttorubarova@rambler.ru

Аннотация. В статье осуществляется метафизическое истолкование понятий пространство и время в философии И. Канта. Раскрывается суть учение Канта о пространстве и времени как чистых формах чувственного созерцания и как методе указания на существование некоторой внелогической (или дологической) базы наших мыслительных операций, в том числе и тех, посредством которых вводятся понятия пространства и времени. В этой связи, особая роль отведена трансцендентальному представлению.

Resume. The article made a metaphysical interpretation of the concepts about space and time, in the philosophy of Immanuel Kant. Reveals the essence of Kant's doctrine of space and time as pure forms of sensible intuition as a method to indicate the existence of some illogical (or prelogical) base of our mental operations, including those by which the notions of space and time. In this regard, a special role is played by the transcendental representation.

Ключевые слова: чувственность; пространство; время; трансцендентальное; представление.
Key words: sensuality; space; time; transcendental; representation.

Пространство и время относятся к числу ключевых метафизических констант фундаментального дискурса классической новоевропейской философии и так или иначе определяющих вариативную ткань концептуальных построений ведущих мыслителей эпохи. Особое место в этом ряду, вслед за Р. Декартом, принадлежит И. Канту. В одном из главных своих трактатов «Критике чистого разума», а именно, в «Трансцендентальной эстетике», он дает метафизическое истолкование понятий пространство и время. Трансцендентальная эстетика – это наука об априорных принципах чувственности, к коим он относит пространство и время. «Пространство и время, вместе взятые, – пишет Кант, – суть чистые формы всякого чувственного созерцания...» [Кант 1994, 77].

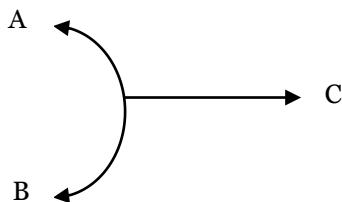
Во многих местах первой «Критики» встречается утверждение, что наши категории не были бы применимы к миру, если бы пространство и время не были бы только субъективными, то есть идеальными в глобальном смысле слова. Категории регулируют объективное познание мира. Мы можем объективно познавать мир потому, что мы субъективны в пространстве и времени или потому, что пространство и время субъективны. Они субъективны в том смысле, что в начале познания лежит некоторое эмпирическое пространство и время, которое дано именно нам, причем наглядно и очевидно, а не в миру. С помощью пространства и времени мы как бы втираемся в мир. Кант называет пространством и временем некоторый конечный вид анализа и синтеза, который скрыто сопровождает выполнение актов мысли и применений понятий. Акты мысли выполняются не бесплотным, а физическим существом и выполняются пространственно-временным действием, то есть таким актом, действием, который уже сам имеет пространственно-временной характер, независимо от того, что мы знаем о пространстве и времени и какие понятия мы о них построили. В отличие от божественного созерцания физическое познающее существо локально ограничено, то есть оно, всякий раз, локализуемо в пространстве и времени, и оно само с его естественными приспособлениями есть пространство и время мысли. Термины «пространство» и «время» относятся у Канта, прежде всего, к познающему действию и указывают на пространство и время познавательного

действия, выполняемого не богом, а конечным физическим существом. Пространство и время заданы этому существу наглядно. Они не суть понятия, а суть схемы чувственного созерцания. Как говорил Кант, пространство и время суть «единичные представления», а не общие дискурсивные, рассудочные понятия. «Пространство, время и все части их суть *созерцания*, следовательно, единичные представления, содержащие в себе многообразное... стало быть, они суть не простые понятия, когда одно и то же сознание содержится во многих представлениях; напротив, они состоят из многих представлений, соединенных в одном и том же сознании, стало быть, они сложны и, следовательно, единство сознания существует в них как *синтетическое*, но все же первоначальное. Эта их *единичность* очень важна в применении» [Кант 1994, 130]. «Единичные представления» – это такие, которые задают индивида, содержащего в себе все свои свойства. Они задают индивида наглядно в отличие от понятий, которые дискурсируют свойства, общие многим, принадлежащие множеству предметов. Значит, пространство и время – это не понятие, а единичные представления, формы созерцания. Кант говорит: «...что качество пространства и времени, сообразно с которым, как условием их существования, я их полагаю, зависит от моего способа созерцания, а не от этих объектов самих по себе» [Кант 1994, 85-86]. «То есть «первоначальное» пространство и время свойственно субъекту, а не миру. В «Трансцендентальной эстетике» излагается не учение о пространстве и времени как объективных характеристиках мира. Есть минимум два смысла, в которых мы употребляем понятия пространства и времени. Это, во-первых, всякое пространство и время, охватывающее все пространства и времена. Во-вторых, есть какое-то данное, конкретное, случайное, эмпирическое пространство и время. В «Трансцендентальной эстетике» Канта совершается не построение понятий пространства и времени вообще, а анализ свойств некоторого данного, случайного, конкретного пространства и времени. Это случайно устроенное пространство и время есть пространство и время восприятия и мышления человеческого субъекта, пространство и время как некоторый конечный анализ и синтез, сопровождающий акты мысли и выполняющий актуально их содержание. Анализ и синтез совершаются во времени, в заданное время. Ведь человеку всегда отведено «определенное время». Анализ и синтез совершается в пространстве, в пространстве движения, скажем, движения по построению геометром конструкции предмета. В этом разделе учения Канта строятся не понятия пространства и времени вообще, а рассматриваются свойства некоторого конкретного вида пространства и времени. Термины «пространство» и «время» описывают язык созерцания, но их нет в самом языке – объекте. Как отмечает М.К. Мамардашвили: «Ухваченное в категориях количества, причины, скорости, места, времени – это и есть мир, реальный. Но, конечно, это является реальным миром на определенных условиях. Поскольку первое: должна быть форма, и второе: должны также быть индивиды, то есть индивидуирующие мир созерцания... В этом смысле наши категории – пространства, времени, причинности – пронизаны неким внутренним элементом стихии... Все пронизано связностью наших в языке употребляемых категорий. И эту реальность, которая есть в себе, нужно устраним как предмет, чтобы высвободить познавательные возможности восприятия человека» [Мамардашвили 1997, 99]. Кант все время подчеркивает, что пространство и время – это не понятие, а схемы или формы созерцания. Переходя к «Трансцендентальной дедукции категорий», Кант замечает, что «априорное и идеальное пространство и время» «даже не знания». То есть то, что априорно и идеально, по Канту, не является вообще знанием: «...а становятся условиями возможности всякого познания предметов: ведь явления могут быть даны в созерцании и без функции рассудка» [Кант 1994, 120]. Всякая геометрия задает некоторую структуру пространства, то есть некоторое представление о пространстве в знании. Но то, что у Канта называется априорным пространством и временем не есть знание. Поэтому открытие неевклидовых пространств, развитие неевклидовой геометрии не опровергает философского учения Канта об априорности пространства и времени, которые не являются даже знанием, задающим какую-то структуру миру. Учение Канта о пространстве и времени – это метод указания на существование некоторой внелогической (или дологической) базы наших мыслительных операций, в том числе и тех, посредством которых вводятся понятия пространства и времени. У Канта пространственно-временным ограничениям (то есть «субъективности и идеальности пространства и времени») подчиняются все понятия, в том числе и понятия пространства и времени. К проблеме пространства и времени Кант шел от вопроса, кто мыслит и что случается тогда, когда акт мышления, содержание которого должно быть задано через порядок идеального мира, выполняется конечным человеческим существом. В модусе идеального мира понятия свободны от пространственно-временных ограничений. Идеальные и абстрактные объекты свободны от всех

ограничений, которые будут накладываться на них тем фактом, что они мыслятся конечным человеческим интеллектом. Значит, существуют такие проблемы, что все и всякие понятия мыслятся все-таки конечным физическим существом, и у самого этого существа (а не у внешнего мира) есть некоторое эмпирическое пространство и время, то есть пространство и время актуального мышления понятиями. В этом случае понятия, включая понятия пространства и времени, будут жить в другом модусе, в модусе того пространства и времени, в котором эти понятия выполняются и сознательно применяются некоторым ограниченным и конечным сущим. Кант пытался максимально извлечь последствия из того факта, что ведь любые понятия кем-то мыслятся и мыслятся в пространстве и времени этого кто-то. Такие пространства и время даны ему независимым образом как формы созерцания.

Учение Канта о пространстве и времени направлено на то, чтобы выявить некоторую внелогическую (или дологическую) основу познания. Как отмечает М.Хайдеггер в своем труде «Кант и проблема метафизики»: «Трансцендентальная эстетика» имеет задачей выявление онтологического $\alpha\iota\omicron\theta\eta\tau\iota\varsigma$ 'а, который делает возможным "априорное раскрытие" бытия сущего. Поскольку в любом познании первенство сохраняется за созерцанием, то мы установили «одну из необходимых частей для разрешения общей задачи трансцендентальной философии» [Хайдеггер 1997, 28]. Кант обращает внимание на скрытый анализ и синтез уже в простом акте созерцания. Он обращает внимание еще на том, что нашему познанию предшествует действие наших естественных приспособлений, то есть они несводимым и независимым от познания образом должны приводиться в действие при восприятии и познании. Этими естественными приспособлениями являются поворот головы, движения глаз, руки (пространство) и смысл восприятий (время). Например, изменение, состоящее в смене восприятий, есть процесс, не зависящий от нас, это совокупность естественных приспособлений, данных нам природой, не нами построенных. Мы приводим их в действие в актах мышления и рассуждения. Это значит, что если я могу показать, например, что какая-то пространственная локализация предшествовала любому содержанию какого-либо определения объекта в мире, то есть показать факт некоторого использования пространства в естественных приспособлениях восприятия, посредством которого человек определил объект вне себя, то это означает, что я оперирую в познании, имея или уже присоединяя к нему дологическую, наглядно данную основу познавательных операций, целого которых, может быть, например, и установление пространственных и временных характеристик какого-то события или объекта в мире [Heidegger 1982].

Скажем, мы анализируем зрительное восприятие. Если я могу показать, что локализация некоторого С в этом пространстве осуществилось так, что скрыто, не эксплицируемо в самой этой характеристике, полагается условие $A \leftrightarrow B$ движений глаза, поворота головы и т. д., то я тем самым как бы уже имею в некоторой дологической основе определенные предикаты, которые затем в своем рассуждении по отношению к миру я приписываю событию в мире. Но предикат уже функционирует в моем собственном естественном устройстве. Так же, как и предикат времени, который я приписал внешним событиям. Ведь если при этом использовались мои естественные приспособления, то есть факт смены восприятий, то предикат времени тем самым уже использовался. В этом смысле пространство и время есть некоторая внелогическая или дологическая база познания. Вот о каком пространстве и времени идет речь у Канта. Он как бы говорит: если мы имеем такую ситуацию, значит, понятия пространства и времени относятся к особой категории понятий, категории неопределенных понятий, то есть таких, которые нельзя определить независимым образом. Я не могу ввести никакие понятия пространства и времени, совершенно независимое от того, чтобы в средствах моего введения этого понятия уже не использовались бы сами пространство и время. В «Трансцендентальной эстетике» анализируются не понятия пространства и времени, а само пространство и время. Таким образом, понятия пространства и времени не могут быть определены независимым образом, так как в средствах определения понятий мы уже будем предполагать то, что еще подлежит определению. Это логический круг. Чтобы ввести понятие пространства вообще, мы уже должны иметь пространство, данное нам как наглядное созерцание. «Кант приписы-

ваает пространству свойство быть нашим субъективным (субъектным) представлением: ведь речь идет об эксперименте чистого разума, предметом которого является «образ» предмета, а не сам предмет» [Длугач 2010, 209]. Чтобы ввести понятие времени, мы уже должны иметь предикат времени в некоторой внелогической или дологической основе нашего введения понятий, то есть иметь наглядное созерцание времени. И Кант говорит, что пространство и время является формой любого созерцания.

Итак, первый смысл – это не понятия пространства и времени, но само пространство и время, которые сначала «не принадлежат вещам, а принадлежат только субъекту». Пространство идеально в трансцендентальном смысле слова, и оно эмпирически реально, так как это некоторое конкретно данное пространство, одно из пространств, а не понятие пространства вообще, которое у Канта тоже есть. У Канта существует некоторое эмпирически данное пространство и время – это пространство и время действия познания, конечного анализа и синтеза. Это такие пространственно-временные многообразия, которые сами по себе не содержат никакой метрики для пространства и времени мира. Скажем, рассуждение об абсолютном пространстве предполагает существование чего-то, что является пространством само по себе, то есть оно как бы существует само по себе как какая-то сущность или предмет и, следовательно, обладает естественно присущей ему метрикой, например, эвклидовой. Но у Канта речь идет о пространстве субъекта, оно не обладает метрикой, задающей мир, и в этом смысле оно не априорно, а не о пространстве мира. Такое пространство и время не имеют априорной метрики, то есть метрики самой по себе. Они не есть вещь в себе, это не вещь сама по себе.

Вся сложность философских работ, подобных «Критике чистого разума» и выполненных на пределе доступного для человека напряжения мысли в том, что они содержат много слоев. Все, что говорил Кант о пространстве и времени нам приходится реконструировать. Мы должны сначала получить единицу утверждения. Механизм, который задает единицу знания или познания, Кант складывает по частям. Он говорит, что пространство и время – это даже не знания, то есть единица акта познания еще не дана. Мы должны иметь описание какого-то механизма, который давал бы единицу знания. Категории – это тоже не понятия, это пустые формы, которые не содержат в себе никакого априорного знания. Единица знания впервые появляется у Канта, когда он уже имеет пространство и время, имеет категории, когда все это прошло через трансцендентальный синтез воображения, через трансцендентальное единство апперцепции, и лишь тогда появляется образование мышления и познания, к которым применим термин «знание», и это Кант называет основоположениями рассудка. «Высшее основоположение, – пишет Кант, – о возможности всякого созерцания в его отношении к чувственности гласит в соответствии с трансцендентальной эстетикой, что все многообразное в созерцаниях подчинено формальным условиям пространства и времени. В отношении же к рассудку высшее основоположение гласит, что все многообразное созерцания подчинено условиям изначально-синтетического единства апперцепции. Все многообразные представления созерцания подчинены первому из этих основоположений, поскольку они нам даны, а также второму, поскольку они должны иметь возможность быть связанными в одном сознании, так как без этой связи через них ничто нельзя мыслить или познать, потому что в таком случае данные представления не имели бы общего акта апперцепции *я мыслю* и в силу этого не связывались бы в одном самосознании.

Рассудок есть, вообще говоря, способность к *знаниям*. Знания заключаются в определенном отношении данных представлений к объекту» [Кант 1997, 129-130]. То есть «единицу знания» Кант составлял очень сложными связями и способностью удержания в голове одновременно многих абстракций. Этой способностью обладал, кстати, и К. Маркс. Значит, основоположения рассудка являются у Канта также знанием. Все в мире происходит по закону причинных связей, существует взаимодействие тел и т. д., – это основоположения. До умственной конструкции понятия времени время дано нам наглядно в смене восприятий. И одно дело, когда время дано нам в субъективной смене состояний, и другое, когда «время так, как оно объективно в вещах». Здесь Кант уже отличает объективный порядок или последовательность от субъективного. Термины «время вообще» и «пространство вообще» у Канта могут применяться только тогда, когда мы говорим о некотором всеобщем, объективном порядке в мире, не зависящем от устройства нашей чувственности. Он разъясняет так: «Дедуция чистых рассудочных понятий (и вместе с тем всех априорных теоретических знаний) есть показ этих понятий как принципов возможности опыта, причем опыт рассматривается как *определение* явлений в пространстве и времени *вообще*, а это определение в свою очередь выводится из принципа *первоначального* синтетического единства апперцепции как формы

рассудка в отношении к пространству и времени, представляющим собой первоначальные формы чувственности» [Кант 1997, 151]. А пространство и время в смысле форм созерцания есть как раз устройства нашей чувственности. Понятия пространства вообще и время вообще Кант вводит после того, как он ввел физические связи, и вот через них он вводит эти понятия. Через структуру физических связей Кант задает структуру пространства и времени. Мы имеем право говорить о пространстве и времени мира лишь после того, когда мы уже знаем, что такое взаимодействие субстанций, что такое физические связи, каковы их структуры. У Канта та или иная структура пространства и времени есть следствие той или иной физики (механики Ньютона). Наконец, у Канта есть термины «абсолютное пространство» и «абсолютное время», но их он рассматривает как идеалы разума. Абсолютное пространство – это регулятивное правило рассмотрения физических явлений и процессов в пространстве, а не утверждение, будто есть какая-то вещь, называемая «абсолютное пространство». Это не есть понятия рассудка, которому через акты содержания может быть представлен предмет. Для понятия я могу (и должен) задать актами созерцания какой-то предмет и тем самым реализовать или разрешить понятия на эмпирической действительности созерцаемого предмета. Но когда я употребляю термины «бог», и «я», и «абсолютное пространство» и т. п., я не должен стремиться к тому, чтобы найти для них соответствующее созерцание, т. е. «реализовать» их на каких-то созерцаниях. Искать предмет для идеала запрещено. Кант не принимал Ньютоновское представление о пространстве как о некотором вместилище мира, которое было бы чем-то существующим само по себе и вмещало бы в себя вещи. Там, где для Ньютона абсолютное пространство есть реально выполнимое представление (т. е., по Канту, понятие, которому может быть задан предмет через какие-то акты созерцания), там для Канта только регулятивный идеал, необходимый в анализе связей, задаваемый через тип определенной механики, тип физических связей.

Кант называет пространство и время субъективными формами созерцания, но он постоянно предупреждает, что пространство и время не равны ощущению, они не «предпонятия», которые возникают на стадии чувственного отражения и тогда бы являлись какой-то формой знания. Они субъективны, но в ином смысле, чем ощущения. Это такой род субъективности, который при этом еще и объективен. У Канта представление стоит в ином ряду, чем ощущения или образ.

Наглядное, пространственное созерцание равнозначно возможности построения или конструирования предмета в пространстве.

В учении Канта о пространстве и времени есть еще один смысл, который состоит в том, что пространство и время – это как бы модели понимания. То есть для Канта на человеке и в человеке происходят такие процессы и явления, которые одновременно имеют место и вне человека. Они поддаются осознанию, то есть восприятию и пониманию изнутри. Пространство дано нам наглядно, мы можем его осознать, понять его изнутри, не анализируя извне как внешний предмет в мире. «Посредством внешнего чувства (свойства нашей души), – пишет Кант, – мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас и притом всегда в пространстве. Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из внешнего опыта. В самом деле, представление о пространстве должно уже заранее быть дано для того, чтобы те или иные ощущения были относимы к чему-то вне меня...а также для того, чтобы я мог представлять себе их как находящиеся вне и подле друг друга, стало быть, не только как различные, но и как находящиеся в различных местах. Представление о пространстве не может быть поэтому заимствовано из отношений внешних явлений посредством опыта: сам этот внешний опыт становится возможным прежде всего благодаря представлению о пространстве» [Кант 1997, 64-65]. К любому предмету в мире мы подступаем извне. Но пространство и время, согласно Канту, даны нам первоначально на себе, причем так, что они доступны восприятию и пониманию изнутри. Но они и в мире. Следовательно, на себе мы можем понимать тоже самое, что и в мире. То есть пространство и время могут служить нам моделью, на который мы анализируем, воспринимаем и понимаем мир, лежащий вне нас. Это как бы общая основа, которая простирается и в человека, и в мир. Акты осознания этой основы на себе делают доступным и прозрачно-понятным для нас пространственно-временные отношения в мире. Мы имеем с миром как бы одну общую основу, общую меру или модуль понимания. Здесь оптимизм познания основан на некоторых допущениях философского умозрения. Познательный оптимизм гарантируется убеждением, что существует некоторая сраченность между человеческой субъективностью, с одной стороны, и строением мира, с другой. Человек своим устройством вписан в мир. Он вписан в устройство мира и своими формами созерцания, то

есть пространством и временем. Значит, пространство и время – это модели понимания. Кант говорит не о строении геометрии как науки, а о понимании геометрии. Мы понимаем геометрию, так как мы пространственны и временны. Кант не растворяет геометрию и математику в чувственности как в низшей ступени познания. Его не интересует вопрос, как строится логическая структура знания в геометрии. Его интересует вопрос, как строится наше понимание геометрических построений. Так как пространство и время суть формы созерцания, мы можем воспринимать геометрические образы непосредственно, и постижение их не требует от нас каких-то умственных или рассудочных конструкций. Отсюда особая обоснованность для нас математического знания. Пространство и время задают основания эмпирического познания. Познавать что-то можно лишь в том случае, если есть возможность это созерцать пространственно и временно. В Кантовском учении о пространстве и времени заключена вся проблема разрешимости понятий или проблема операционного задания образований сознания для постижения мира. Пространство и время суть представления. Мы можем мыслить и познавать мир в зависимости от того, можем ли мы его себе представить. Представить мыслимое, значит иметь возможность понять его. Мир как таковой не обязан держаться в границах нашего разума, которые определяются нашей возможностью что-то представить средствами нашего естественного устройства. Мир не обязан держаться в границах нашего ума, так как возможно множество логически мыслимых или возможных миров в смысле Лейбница; далее, человеческое устройство, его способность представления есть частный, случайный вид устройства, и мы не можем считать, что другие виды и способы представления исключены и логически не мыслимы. Допустима некоторая предельная форма интеллекта, который не нуждался бы в «последовательном применении меры» и в один миг мог бы обозреть все множество. То есть у него был бы другой способ представления. Он строил и охватывал бы множество в своем пространстве, какое в нашем смысле не является пространством. Можно допустить энное число способов представления, начиная от божества и кончая червем, которые неизвестным нам образом строили бы свои представления.

Говоря о чувственном созерцании, Кант постоянно повторяет: мое созерцание, мое человеческое созерцание. То есть человеческое созерцание он постоянно соотносит с какой-то иерархией возможных способов представлений. Его рассуждение как бы все время соотносится с лестницей существ, расположенных на разных ступенях этой лестницы в зависимости от способа представления: бог, человек, червь. У всех у них был бы разный способ представления – это первый шаг; второй шаг: любое познание мира осуществляется на основе того или иного способа представления; третий шаг: мир инвариантен относительно того, осуществляется ли это познание на основе божественного представления или человеческого, или червя, если допустить у последнего сознание. У Канта все время витает эта соотнесенность с лестницей существ, классифицирующих по различию способности представления [Heidegger 1958].

Значит, мы можем понимать мир (а не только мыслить его) в той мере, в какой мы можем представить и выполнить в созерцании мыслимое нами, то есть дать мыслимому нами некоторый созерцаемый эквивалент. Тогда мы можем понять это мыслимое. Скажем, нечто говоримое нам червем. Мы могли бы понять, если бы мы могли созерцательно нашими средствами выполнять предметами, к которым относится премудрость бога или червя. Если мы не можем получить или реконструировать эти условия, то мы не можем понять эту премудрость. Божественное знание нам невозможно сообщить без того, чтобы мы могли сконструировать некоторое условие независимого созерцания нами того, о чем говорит нам бог или марсианин. Итак, в представлении мы находимся в парадоксальной ситуации: с одной стороны, мир не зависит от способов включения в него какого-либо конечного представляющего существа, но, с другой, всегда необходимо хоть какое-то представляющее существо. Кант говорит, что познание невозможно без чувственности, мы познаем только на основе опытных явлений, а способ данности явления в опыте зависит от того, как устроена способность представления, то есть от различий между Богом, человеком и червем.

Так вот, мир не зависит от способности представления, но какое-то представление должно быть, включение в мир какого-то существа должно происходить, на основе этого включения должна строиться созерцательная основа у данных существ. И вот, Кант говорит, что мир, независимый от способности представления, действует не только как мир, лежащий вне меня, но и как лежащий и действующий во мне. Таким образом, проявление независимого мира существует во мне. Это некоторое действие, отличное от способности представления. Своей способностью представления я конструирую мир, как он дан мне извне, задаю ему условия созерцания. И этот же мир, но уже не так, как он задан в моей способности представ-

ления, а как мир, независимый от меня, действует во мне. Что-то действует во мне, и это что-то я могу испытывать трансцендентально, брать их символически, косвенно. Если мы это действие пытаемся представить непосредственно, то есть берем его как предмет познания, мы порождаем условия и ограничения своего способа эмпирического представления, – и попадаем тем самым в круг. Но мы можем ввести символы, символически пользоваться действующим во мне миром. Это трансцендентальные идеалы разума. Трансцендентальное отражение мира, находимого в виде действия в себе («непостижимое сверхъестественное внутренне воздействие»), и есть трансцендентальное сознание. Это не сознание, которое существует эмпирически, и не обобщение множества эмпирических сознаний, а совсем иная абстракция: трансцендентальное отображение себя, то есть чего-то в себе, независимое от меня и составляет, или из этого составляется трансцендентальное сознание.

Список литературы References

1. Длугач Т.Б. От Канта к Фихте: Сравнительно – исторический анализ. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2010.
Dlugach T.B. Ot Kanta k Fikhte: Sravnitel'no – istoricheskiy analiz. – М.: «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 2010.
2. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 8-ми томах. Т. 3. – М.: Чоро, 1994.
Kant I. Kritika chistogo razuma // Sochineniya: V 8-mi tomakh. T. 3. – М.: Choro, 1994.
3. Мамардашвили М. Кантианские вариации. – М.: "Аграф". 1997.
Mamardashvili M. Kantianskiye variatsii. – М.: "Agraf". 1997.
4. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. – М.: «Русское феноменологическое общество», изд-во «Логос», 1997.
Khaydegger M. Kant i problema metafiziki. – М.: «Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo», izd-vo «Logos», 1997.
5. Heidegger M. Der Satz vom Grund. Pfullingen, G.Neske, 1958.
6. Heidegger M. Vom Wesen der menschlichen Freiheit. Einleitung in die Philosophie / Gesamtausgabe. Bd.31. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. 1982.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 167.3; 167.4; 167.7

СИСТЕМНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИИ УПОРЯДОЧЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

SYSTEMACITY IN THE ORGANIZATION OF THE ORDERED COMPONENTS OF A PHYSICAL PICTURE OF THE WORLD IN THE METHODOLOGY OF SCIENCE

А.В. Кузнецов, А.В. Кузнецова
A.V. Kuznetsov, A.V. Kuznetsova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: kuznetsov_a@bsu.edu.ru
E-mail: ludvig_14@mail.ru

Аннотация. В противовес эпифеноменам, а также в отличие от эвристических или конвенциональных средств теории онтология физической картины мира касается реального существования, поэтому в структуре объекта запечатлеваются основные этапы его генезиса, совпадающие со структурными уровнями строения материи. В качестве логической целостности физическая картина мира, являясь продуктом трансляции ментальной репрезентации, объективно отражает структуру репрезентируемого объекта, причем в соответствии с инвариантными его характеристиками. В данной статье рассмотрен системный метод, раскрывающий логико-гносеологические уровни структуры физической картины мира через категорию субъекта деятельности и блок сопряженных с ним категорий. При этом принцип структурности фиксирует внимание на внутренней субординации, взаимосвязи понятий, распадающихся на классы по степени их общности, что и означает раскрытие структуры «многостороннего» объекта, проникновение в его более глубокую сущность.

Resume. As opposed to epifenomena, and also unlike heuristic or conventional means of the theory the ontology of a physical picture of the world concerns real existence therefore in structure of object the main stages of its genesis coinciding with structural levels of a structure of a matter are imprinted. As logical integrity a physical picture of the world, being a product of broadcast of mental representation, objectively reflects structure of the represented object, and according to its invariant characteristics. In this article the system method opening logiko-gnoseological levels of structure of a physical picture of the world through category of the subject of activity and the block of the categories interfaced to it is considered. Thus the principle of degree of structure fixes attention on internal subordination, interrelation of the concepts which are breaking up to classes on degree of their community as means disclosure of structure of "multilateral" object, penetration into its deeper essence.

Ключевые слова: структурно-системный подход, системный метод, системный подход, принцип системности, система, структура, физическая картина мира.

Key words: structural and system approach, system method, system approach, principle of systemacity, system, structure, physical picture of the world.

Структурно-системный подход, включая также в себя системный метод, рассматривает процесс синтеза физической картины мира как определённую структуру, раскрывающую логико-гносеологические уровни физической картины мира посредством учёта знаний обо всех факторах, влияющих на её функционирование и развитие. Соединение методов системного анализа с теорией информации, векторным анализом в многомерном пространстве состояния

и синергетикой открывает в области структурирования познания об окружающем мире новые возможности. Здесь принцип системности играет определяющую роль, которая воплощается в представлении материи как структурно упорядоченного образования на основе понятия системы.

В. Н. Садовский приводит порядка сорока определений понятия «система», получивших наибольшее распространение в литературе [Садовский 1974: 77–106]. Из совокупности имеющихся определений наиболее простое у Л. Бергаланфи: «система – это комплекс взаимодействующих элементов» [Бергаланфи 1969]. Такая организованность присуща материи в любых её пространственно-временных масштабах. Это определение является значимым во всех предлагавшихся до сих пор вариантах системного подхода, так как неформальность изменений в одном какого-либо отношении оказывается упорядоченностью в другом. В данной связи: «система есть ограниченное множество взаимодействующих элементов» [Аверьянов 1985: 43]. Под элементом в теории множеств понимается единица множества, которая оценивается в качестве неразложимой в данном контексте (множества элементарных частиц, химических элементов). Вместе с тем совокупность элементов множества физической системой не является, её называют составом. При этом выделяют микро- и макросостав. Их систематизация производится на основании их существенных свойств.

Структурой системы называют совокупность связей, характерных для компонентов системы, определяющую строение, внутреннее устройство системы. Объектам множеств могут быть свойственны отношения различных видов, следовательно, в одной системе может быть несколько структур. Основными свойствами этих отношений являются рефлексивность, симметричность, функциональность транзитивность. Кроме того, в определённых отраслях знания рассматриваются объекты с переменной, нестационарной и т.п. структурой. При этом вид связи между объектами, когда изменение одного влечёт изменение другого, называют функцией, а постоянные суммарные характеристики состава и отношений между компонентами системы называются её свойствами.

На понятии системы базируется вся картина всеобщей структурированности материи; принцип структурности как раз и ориентирует исследователя на познание объективной реальности посредством выявления и характеристики элементов и других структурных образований системы и их взаимосвязей. Таким образом, структурное многообразие, то есть системность, является способом существования материи. Вместе с тем углубление представления о ней, реализуемое в физической картине мира, осмысление роли техники в современном мире, научные революции конца XIX – начала XX вв., усложнение социальных форм организации науки; формирование междисциплинарных областей знания, понятий, подходов, «научных достижений», серьёзные перестройки, новые структурирования областей «научного пространства» на каждом этапе развития науки неизменно возвращают метанаучную мысль к исследованию проблемы единства научного знания.

Философское открытие, что весь мир есть единое целое, заключённое в его материальности, было высказано Фалесом; для наших современников ценность мысли Фалеса именно в этом, а не в угадывании того, что есть начало. Фалес как бы проникнул в сущность бесконечного количества отдельных вещей и предметов, существующих самостоятельно, без всякой связи между собой, и первый высказал, что при всём их разнообразии, они все имеют одно начало. Таким образом, уже у первых «физиков» философия мыслится как наука о причинах и началах всего сущего. И хотя в качестве начала (принципа) в дальнейшем каждый философ будет предлагать своё, однако само требование восходить к началам и из них объяснять устройство мира и познания в основном сохраняется как часть вопроса о всеобщей связи явлений как связи материальной, принадлежащей совокупности всех телесных вещей мира, то есть всей материи. Широко распространённый дисциплинарный подход к изучению мира, выраженный в дифференциации наук, не даёт возможности раскрыть более глубокие закономерности, присущие широкому классу взаимосвязанных явлений, не говоря уже о том, что он оставляет в тени взаимосвязь, существующую между разными классами явлений, каждый из которых был предметом обособленного изучения отдельной науки. Конечно, правильного представления о целом нельзя получить без познания его частей, поэтому системный подход вовсе не является синонимом интеграции. Системный подход – единство интеграции и дифференциации при доминировании тенденции объединения.

Системный подход включает в себя следующие основные этапы работы: выделение объекта исследования от общей массы явлений; очертание контуров, пределов системы, его основных частей, элементов, связей с окружающей средой; постановка цели исследования

при выяснении структуры или функции системы, изменении или преобразовании её деятельности, наличии длительного механизма управления или функционирования. В связи с этим исследование систем не обязательно предполагает систему как материальный объект, но некоторую идеализацию сочетания возможных структур с целью выяснения критериев целесообразного или целенаправленного действия системы, её ограничений и условий существования. Отбор из числа совокупности альтернативных вариантов конечных репрезентаций осуществляется на основе выявления факторов, влияющих на систему, для представления возможных вариантов решения проблемы. Существенность факторов определяется по их влиянию на определяющие критерии цели. На этой основе составляется модель функционирования системы и её оптимизация режима существования при определении градаций решений по оптимальному эффекту, по функционированию (достижению цели). После проектирования оптимальных структур, оптимальной схемы их регулирования проводится установление обратной связи по результатам функционирования.

Единство мира состоит в материальности. Все явления и процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако неравномерность распределения материального субстрата в пространстве-времени в достаточно обособленные совокупности на всех уровнях организации материи даёт основания полагать, что интеграция доминирует над дезинтеграцией, интегрирующая структура является ведущей основой системы. В неживой природе такими факторами интеграции являются физические поля, в живых объектах – генетические, морфологические и другие взаимодействия, обществе – различные виды социальных отношений. Вместе с тем интеграция, или единство материального содержания, или *состава*, различных тел, предполагает наличие общей составной части или общности всего состава. После открытия Бунзеном и Кирхгофом в 1859 г. спектрального анализа обнаружилась общность химического и изотопического состава всех известных нам тел. Открытие Дж. Томсоном электрона в 1897 г. привело к следствию, что химические виды вещества, казавшиеся ранее разобщёнными, имеют единство в силу наличия в их составе элементарной частицы, из которой строятся все атомные оболочки. В атомных ядрах также имеет место общая структурная частица – нейтрон, открытый в 1932 г., наряду с ранее известным протоном входящий в состав атомных ядер начиная с тяжёлого водорода. Открытие атмосферного давления показало, что воздух обладает весом, и это устранило разрыв между агрегатными состояниями вещества, то есть наличие общих признаков и проявлений внутренней сущности материальных объектов обуславливает единство их свойств.

Вместе с тем единство мира проявляется не только в общности состава, структуры и свойств его объектов, но и в общности его законов и форм его бытия. Идея структурного единства мира, обусловленного его материальностью, гомоморфизма, изоморфизма самых различных классов явлений существенна для современного научного мышления. Такой научно-философский подход к качеству систем всё более выявляет их зависимость от структур. При этом «чистые» структуры в материальных системах онтологически не самостоятельны (они возможны только в абстракции), как не бывает и «чистых» элементов в структуре. Материальные системы суть единство элементов и структуры. Цели научного исследования порой заставляют нас абстрагироваться от материальных элементов и сосредоточиться на анализе структур для выявления их определённого сходства. Однако абсолютизация этой односторонности при отвлечении от материального субстрата и построение на таком отвлечении целостного мировоззрения (например, структурализм) представляется нам ошибочным мировоззрением. Необходимыми условиями эффективности использования системного подхода для выявления универсальной закономерной связи, охватывающей собой все явления и вещи в мире, являются сочетания формализованных и неформализованных методов и языков описания, формальной и диалектической логики, методов анализа, дедукции, индукции, а также учёт человеческого фактора. В результате применения системного подхода удаётся получить системные описания сложных физических явлений объективной реальности в «форме информации о системной организации сложного объекта, в которой отражается состав, структура, функции и другие системные характеристики. Такое описание адресовано, главным образом, зрительной системе человека. Для его построения используются различные виды кодирования и формы представления информации (знаковые, символические и изобразительные)» [Ганзен 1984: 14].

Таким образом, наряду с дифференциацией науки, усиливается её интеграция, основанная на объединении научных методов и на установлении общих закономерностей системного единства науки. Такое единство раскрывается убедительно и доказательно в результате

открытия новых законов природы, равно как и законов, относящихся к жизни и деятельности человека и всего человеческого общества. Например, открытие законов химической термодинамики Вант-Гоффом и Гиббсом выявило глубокую сущность единства механической, тепловой и химической форм движения, а открытие электродинамики Максвеллом позволило глубже понять единство электромагнетизма и света (электромагнитная теория света). Вместе с тем осуществление Велером в 1828 г. искусственного синтеза органического соединения (мочевина) из неорганического на практике доказало отсутствие принципиального разрыва между органическими и неорганическими веществами.

Складывается такая интегративная тенденция в современной науке, которая выражает стремление познать объект как целое; знание объектов становится, по сути, результатом совокупной междисциплинарной познавательной деятельности, которая направляется определенными регулятивными принципами, аккумулирующими её опыт и выражающими объективные закономерности развития научного и технического знания в междисциплинарном (системно-структурном) подходе. Данный подход не является самоцелью. В каждом конкретном случае его применение может давать реальный эффект. Системно-структурный подход представляет собой когнитивное образование в качестве некоторой системы или в качестве определённого компонента более обширного когнитивного образования, которое, в свою очередь, может быть рассмотрено как система более высокого ранга. Общей задачей такого системного исследования является анализ и синтез систем. При анализе мы выделяем систему из среды, определяя её состав, функции, свойства, связи с другими системами. При синтезе создаём конструктивную модель реальной системы, повышая её уровень абстрактного описания, определяя полноту её состава и структур, базисы описания, закономерности динамики. Таким образом, системный подход позволяет устранять пробелы в знаниях о данном объекте, обнаруживать их неполноту, определять задачи научных исследований, в отдельных случаях – путём интерполяции и экстраполяции – предсказывать свойства отсутствующих частей описания. В методологическом плане «...задачей системных исследований является, прежде всего, выработка соответствующей теоретико-познавательной технологии изучения явлений как систем и познания системности самого мира» [Кузьмин 1982: 10]. Единство самих законов как более глубокое единство всего мира обнаруживается, когда новый открытый закон не только охватывает установленные факты, но и включает в себя частные законы, ранее рассматривавшиеся как обособленные друг от друга. Например, уравнение Клапейрона включает в себя несколько законов: Бойля–Мариотта, Шарля–Гей-Люссака и Авогадро–Ампера. Общий закон для всех растворов, предложенный в конце XIX века ван дер Ваальсом в виде уравнения состояния, охватывающего газообразное и капельно-жидкое агрегатные состояния вещества, а также уравнения для бинарной двухфазной системы, включающего как частный случай законы Рауля для разбавленных растворов, законы Коновалова для концентрированных растворов и закон Генри для случая растворов газов. Объединение закона сохранения массы вещества (Ломоносов и Лавуазье) и закона сохранения и превращения энергии (Р. Майер) [Храмов, 1983: 174] стало возможным благодаря открытию Эйнштейном в 1905 г. фундаментального закона нераздельной взаимосвязи и количественной соотносительности массы (m) и энергии (E) ($E=mc^2$, где c – скорость света), что позволило рассматривать ранее установленные принципы сохранения в качестве лишь стороны более широкого закона сохранения и взаимосвязи массы и энергии.

В конечном счёте, научное знание предстаёт перед методологом в качестве сложной иерархической системы, где все компоненты и уровни органически взаимосвязаны. Вместе с тем необходимо учитывать, что последовательность систем в такой иерархии может быть неоднородной: системы обладают различной функциональной и структурной обособленностью и целостностью, то есть каждая разобъённая предметная область имеет свои собственные законы, теории и понятия. Например, в середине XIX в. в физике существовало формальное, феноменологическое учение о теплоте и энергии – термодинамика с её двумя законами, принципами, или началами. Основой второго начала служило понятие энтропии, введённое Клаузиусом, как возрастающая функция состояния при необратимых процессах, а при обратимых – постоянная. С другой стороны, в математической статистике уже были разработаны законы случайных явлений. Больцман открыл универсальный закон ($S=k \ln W + C$, k – константа Больцмана, S – энтропия, W – вероятность состояния системы), связывающий второе начало термодинамики и законы вероятности; термодинамика получила статистическое истолкование и оказалась связана с молекулярно-кинетической теорией.

Проблема единства научного знания выступает по существу как частный случай проблемы системности в целом. Это значит, что категории целого и части выполняют важную методологическую функцию и используются для решения конкретных задач познания, отражая степени развития наших знаний об объекте через такие основные свойства научного знания, как расчленённость и связанность, дискурсивность и целостность. Они находят свое концептуальное оформление в категориях системы и структуры, которые концентрируют вокруг себя целое «облако» специальных понятий: элемент, связь, когнитивная структура, организация, структурный уровень, уровень организации, форма организации, функция, функциональный уровень и т.д. Различные формы бытия рассматриваются не как внешние, «наложенные» на содержание мира, но как органически слитые с ним, находящиеся в диалектическом единстве. Теория относительности показала изменение метрики пространства и времени как основных форм бытия от скорости движения материальных тел (СТО) и от друг друга (перераспределение гравитационных потенциалов в ОТО). Вместе с тем своеобразно единство формы и содержания в физике обнаруживается благодаря сходству различных законов природы, математически выражающихся в аналогичных формулах, несмотря на то что они охватывают различные в качественном отношении, то есть по своему содержанию, явления. Например, закон всемирного тяготения, открытый И. Ньютоном, аналогичен по форме закону электростатического взаимодействия электрически заряженных тел (закону Кулона). Формальное сходство этих законов объясняется общностью, единством гравитационного и электростатического полей, посредством которых реализуются разные виды взаимодействия. Таким образом, формальное сходство законов качественно различных явлений, подобие их математического выражения, позволяет строить конструктивные модели соответствующих законов, наполняя их форму тем или иным содержанием с целью более полного, всестороннего изучения данной закономерности.

Возникновение системного метода научного исследования связано с именем австрийского биолога-теоретика Л. фон Берталанфи, сформулировавшего в конце 40-х годов XX в. программу построения общей теории систем, автора фундаментального труда «Общая теория систем» (1968). Следует отметить, что ещё в 20-х годах XX века перспективность данного метода обнаружилась в одной из первых разработок ряда его фундаментальных понятий в книге А. А. Богданова «Тектология: Всеобщая организационная наука» [Богданов 1989 а,б]. Особенный интерес к исходным посылкам, концептуальной основе и концептуальному аппарату системного анализа, к вопросам развития системного метода наблюдается в научном мире последние четыре десятилетия: широко используются методы формальной логики, теории множеств, теории групп, способные выразить системную природу научного знания, а также совершенствуются специальные системные методы и языки типа общей теории систем и тернарной алгебры [Садовский 1974; Уёмов 1978; Уёмов 1995: 116–122]. Согласно системному подходу, развивающаяся и функционирующая система, скажем, механистическая картина мира, являясь предельным случаем (в смысле принципа соответствия) более широкой релятивистской картины мира, в своих функциях неизбежно подчиняется целям этой последней (более широкой) системы, общие регулятивы развития которой могут быть поняты только при рассмотрении этого функционального подчинения. Этот абстрактный системный принцип указывает нам путь к пониманию природы высших норм, определяющих человеческое познание, а настоятельная необходимость в системно-структурном подходе возникает там, где ставится задача изучить и логически реконструировать научное знание по его интегративным характеристикам, которые не могут быть осмыслены в рамках других подходов.

Хотя понятие «система» означает целостное образование, несмотря на то что оно и состоит из частей и его функционирование существенно зависит от их свойств и характеристик, тем не менее система представляет собой принципиально новое (по отношению к частям) дискретное образование, обладающее особыми, только ему присущими синтетическими качественными характеристиками, не свойственными образующим его компонентам. Совокупности предметов и явлений, которые по приведённому выше определению системами не являются, Г. И. Рузавин называет агрегатами [Рузавин 1975: 7–13; Рузавин 1978; Рузавин 1984; Рузавин 1987: 22–31; Рузавин 1988: 237–252]. Таким образом, целое характеризуется такими специфическими параметрами и законами, которые не присущи отдельным его элементам. Отсюда вытекают два важных методологических вывода:

- 1) несводимость целого к сумме частей, то есть неаддитивность свойств системы как целостного образования;

2) невозможность исчерпать сущность целого путём исследования частей, элементарных процессов.

Целое нельзя понять как функционирующее только на основе законов составляющих его элементов; в западной литературе свойства, присущие только системам, называют «эмерджентными», а концепцию системы, акцентирующую внимание на несводимости характеристик целого к характеристикам частей, называют «холизмом». Для системного подхода «характерно именно целостное рассмотрение, анализ взаимодействия составных частей предметов и процессов, несводимости целого к сумме частей» [Рузавин 1988: 241].

Теоретическая модель образования и функционирования физической картины мира как системы предполагает:

1) наличие существенных и органических связей, фактов, законов, фиксируемых в физических теориях как системе онтологических утверждений и конструктивных упрощений и являющихся структурными компонентами принципов, лежащих в логико-гносеологических основаниях физической картины мира;

2) преобладание роли внутренних связей фундаментальной физической теории, отражающих непосредственное бытие предметов и его свойства в соответствующей физической картине мира по отношению к внешним связям (с другими фундаментальными физическими теориями соответствующих частных физических картин мира);

3) активно преобразующее влияние физической картины мира на свои компоненты (факты, законы, теории), которое заключается в том, что при конкретизации принципов физической картины мира теория приобретает качества, необходимые для оптимального функционирования системы;

4) устойчивость свойства системности, обеспечивающая синтез физической картины мира как сложноорганизованной системы в изменяющихся условиях.

«Система – это совокупность элементов, находящихся во взаимодействии и необходимой взаимосвязи, образующей целостную устойчивую структуру. В этом определении ... наличие целостности, и, наконец, функциональность, активное поведение элементов по отношению друг к другу, то есть их взаимодействие в рамках соответствующей структуры» [Шептулин 1985: 61].

Системный подход не только является ключевым понятием современного взгляда на мир, но и всегда был свойственен фундаментальным естественнонаучным исследованиям. Например, в химии эту традицию развивал Д. И. Менделеев, который в своей периодической системе сумел объединить все многообразие достижений химической науки за сто лет: химия держится «понятия о многих элементах, подчинённых дисциплине общих законов...» [Менделеев 1958: 222]. За философской мыслью Менделеев признавал «нераздельную, однако и не сливаемую, познавательную триаду вечных и самобытных: вещества (материи), силы (энергии) и духа...» [Там же: 470]. Если бы Менделеев подошел к вопросу о соотношении природы и духа исторически, то есть диалектически, то не рассматривал бы сознание как нечто вполне самостоятельное, самобытное. Нам представляется, что метафизическая постановка вопроса об изначальности и вечности духа является в данном случае гносеологической предпосылкой для дуализма, несмотря на оговорку: «духовное мыслимо лишь в абстракте, в действительности же познается лишь через материально ощущаемое, то есть в сочетании с веществом и энергиею...» [Там же: 470]. Свою непоследовательность философского материализма Менделеев называет «реализмом».

В теории химического строения А. М. Бутлеров развил методологию системного интегрирования эмпирического материала. Полученные классификационные системы во многом базировались на господствовавших в конце XIX в. теоретических представлениях о строении и организации целостности вещества. Хорошо известны были лишь два вида частиц – атомы и молекулы, о микрочастицах известно было немного. Поэтому знание об атомах и молекулах служило основой для объяснения внутреннего механизма образования целостности. В физике того периода ещё господствовал макроскопический подход к исследуемым объектам. Непосредственным предметом физики были, собственно говоря, не сами атомы и молекулы, а скорее атомно-молекулярное вещество и макроскопические процессы его изменения. Именно через раскрытие связи между свойствами, составом и строением макровещества физика и химия пришли к выводу о необходимости существования атомов и молекул как элементов вещества и о наличии между ними определённых взаимодействий, взаимосвязей различных типов и природы, обуславливающих в конечном счёте его макроскопические свойства. Глубже единство химических элементов выступило после открытия явления радиоактивности, кото-

рое оказалось строго закономерным превращением одних элементов в другие. Закономерность превращения при бета-распаде такова, словно распадающийся элемент передвигался по периодической системе элементов на соседнее место справа от исходного, при альфа-распаде – через одно место от него налево. Способность превращения элемента в другой объясняется общностью самой их основы, то есть внутренним их единством. Таким образом, становление принципа системности шло по пути изучения проблемы целостности и типов целостности через выявление специфической природы связей частиц.

С появлением в начале XX века субатомной физики, органической химии и теории химического строения вещества системный подход стал приобретать более выраженный характер. Так, А. М. Бутлеров сумел экспериментально доказать и теоретически обосновать необходимость преодоления ограниченности количественно-суммативного понимания целостности, когда целое определялось как сумма частей, а часть являлась некоторым его количеством [Бутлеров 1958]. Он показал, что качество молекулы имеет системные характеристики и определяется ее внутренним содержанием, количеством элементов, природой связей, порядком расположения атомов, их химическим строением. В зависимости от местоположения в структуре системы атомы по-разному могут оказывать влияние друг на друга в процессе синтеза.

В системе академика В. И. Вернадского воссоздана целостность биосферы путем объединения геологической истории Земли с историей живой материи. В понятии ноосферы он учел влияние технологической деятельности людей на биосферу. В XX веке во многом благодаря именно В. И. Вернадскому системность в исследованиях земно-космических взаимосвязей приобрела характер всеобщего методологического принципа. Эмпирическое обоснование этот принцип получил вначале в геобиохимии, затем в учении о биосфере, активно взаимодействующей с литосферой, гидросферой, атмосферой путем самоорганизации и саморегуляции [Вернадский 1987].

В кибернетике теоретической и практической основой служит единство типов всеобщей закономерной связи явлений, которое проявляется лишь с формальной стороны в сходстве и аналогии соответствующих законов. Несмотря на глубокое качественное различие по своему содержанию технических, естественных, психических и общественных процессов, в их закономерностях существенно общее, которое раскрывается у любого явления в процессе управления им (или его самоуправления), которая выражает внутреннюю необходимость этого процесса.

Таким образом, по существу естествознание, начиная с разработки атомистических идей в физике, активно использует и развивает универсальный системно-структурный подход к объектам реального мира. На этом фоне особое значение приобретают опубликованные в различные годы классические образцы системного познания мира в философии русского космизма и антропокосмизма [Русский космизм... 1993: 168], философии всеединства Н. Ф. Фёдорова [Фёдоров 1982] и П. А. Флоренского [Флоренский 1988: 108–113], тектологии А. А. Богданова [Богданов 1989а, б]. Эти исследования позволяют представить принцип системности в особом роде мировоззрения, миропонимания и философской концепции, оценить его возможности как общенаучной методологии синтеза в тех гносеологических и поисковых ситуациях в науке, когда объектом познания становятся (осознано или интуитивно) системные образования. Здесь особое место отводится философским компонентам науки как единого целого. По мысли Н. Г. Чернышевского, философские, этические концепции не являются нейтральными по отношению к научному познанию, а органически присущи воззрениям учёных, вплетаются в ткань научной теории и влияют на общее развитие науки, обуславливая её просветительскую ориентацию. Однако социально-психологический фон в XX веке оказался таким, что именно иррациональная компонента современных физических теорий стала придавать им высокий пиетет. Время от времени ажиотаж вокруг концепций физики создаёт замкнутый круг из иррациональных физических мифологем и разорванного сознания современного человека.

Вместе с тем собственно объяснительные и эвристические возможности принципа системности нашли отражение в работах Г. Я. Ярошевского, посвященных изучению научного наследия одного из основателей мировой и отечественной психологии Л. С. Выготского [Взаимодействие наук... 1984: 69–82]. Эти взгляды созвучны современным понятиям эпистемологии и науковедения о том, что формирование системного единства научного знания следует рассматривать в широком аспекте исторического развития культуры. И чем сложнее системное образование, тем более выраженным становится системный подход при его познании.

Широкое распространение этого подхода к изучаемым явлениям в физике позволило осмыслить с помощью физической картины мира как особой системы понятий и методов исследования данные современной физики, объединив их и объяснив в наиболее общей физической теории. А само системное знание в философии науки в собственном смысле видимому стало формироваться со второй половины XIX в., «когда утвердившиеся в XVII–XVIII вв. механистические принципы опытных наук перестали удовлетворять их возросшему уровню, когда всё острее чувствовалась потребность в генеральной разработке новых, более гибких принципов методологии и когда великие завоевания в области физики, геологии, биологии, химии, науке о психических явлениях и т.д. намечали контуры этой новой, более глубокой и цельной методологии наук» [Белов 1970: 7].

Таким образом, возникновение самого системного метода и его применение в науке характеризуют значительную возросшую зрелость современного этапа ее развития. Это проявляется, в частности, в том, что междисциплинарный подход, сменивший дисциплинарный, стал всё шире применяться для установления связей и закономерностей, присущих разным областям явлений. Исследуемый объект стал рассматриваться как целостная, определённым образом организованная система компонентов, обладающая значительной степенью устойчивости. Поэтому синтезирующая роль принципа системности основывается на возможности единства, общих характеристик у объектов различных структур и уровней организации, а свойства данной системы как целого зависят от природы исходных компонентов, их количества, способов их связи и взаимодействия.

Сложный объект в целом никогда сразу понять невозможно. Поэтому познание объекта в целостности означает синтез ранее полученных об объекте знаний, их объединения или, точнее говоря, логической организации всего наличного знания, относящегося к изучаемому теории кругу явлений, в структуру внутренних связей, образованных из взаимосвязанных, взаимодействующих и взаимопроникающих компонентов. Так, основные требования дополнительности (комплементарности) как междисциплинарного подхода научного исследования применительно к данной познавательной ситуации можно сформулировать следующим образом: для воспроизведения целостности явления на определённом этапе его познания следует применять взаимоисключающие и взаимоограничивающие «дополнительные» классы понятий, которые могут использоваться обособленно в зависимости от конкретных (экспериментальных и других) условий, но только взятые вместе исчерпывают всю поддающуюся определению и передаче информацию. Качественное своеобразие такой системы определяется не столько природой составляющих её компонентов, сколько способами связей, организацией их в целостную устойчивую систему. Представление о сложноорганизованном объекте физической картины мира как системе выдвигает и такие теоретико-методологические и специально разрабатываемые вопросы прикладного характера как определение оптимальных вариантов построения физической картины мира, классификация теорий, структурных компонент, в свою очередь также являющихся сложноорганизованными объектами.

Список литературы References

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
Aver'yanov A. N. Sistemnoye poznaniye mira: Metodologicheskkiye problemy. – М.: Politizdat, 1985. – 263 s.
2. Белов П. Т. Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX – начала XX в. – М., 1970. – 487 с.
Belov P. T. Filosofiya vydayushchikhsya russkikh yestestvoispytateley vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. – М., 1970. – 487 s.
3. Бергаланфи фон Л. Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
Bertalanfi fon L. Obschchaya teoriya sistem. Kriticheskii obzor // Issledovaniya po obschchey teorii sistem: Sbornik perevodov / Obshch. red. i vst. st. V. N. Sadovskogo i E. G. Yudina. – М.: Progress, 1969. – S. 23–82.
4. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М., 1989. – Кн. 1. – 304 с. – а.
Bogdanov A. A. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. – М., 1989. – Kn. 1. – 304 s. – a.
5. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М., 1989. – Кн. 2. – 352 с. – б.
Bogdanov A. A. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. – М., 1989. – Kn. 2. – 352 s. – b.

6. Бутлеров А. М. Научно-популярные и исторические работы по химии // Соч. – М., 1958. – Т. 3. – 429 с.
Butlerov A. M. Nauchno-populyarnyye i istoricheskiye raboty po khimii // Soch. – М., 1958. – Т. 3. – 429 s.
7. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. – М., 1987. – 339 с.
Vernadskiy V. I. Khimicheskoye stroeniye biosfery Zemli i yeyo okruzeniya. – М., 1987. – 339 s.
8. Взаимодействие наук. Теоретические и практические аспекты / Б.М.Кедров, П. В. Смирнов, Б. Г. Юдин и др.; Отв. ред. Б. М. Кедров, П. В. Смирнов. – М.: Наука, 1984. – 320 с.
Vzaimodeystviye nauk. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty / B.M.Kedrov, P. V. Smirnov, B. G. Yudin i dr.; Otv. red. B. M. Kedrov, P. V. Smirnov. – М.: Nauka, 1984. – 320 s.
9. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
Ganzen V. A. Sistemnyye opisaniya v psikhologii. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1984. – 176 s.
10. Кузьмин В. П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // Психол. журн. – М., 1982 – №3.
Kuz'min V. P. Istoricheskiye predposylki i gnoseologicheskiye osnovaniya sistemnogo podkhoda // Psikhol. zhurn. – М., 1982 – №3.
11. Менделеев Д. И. Периодический закон / Серия «Классики науки. – М.: АН СССР, 1958.
Mendeleyev D. I. Periodicheskiy zakon / Seriya «Klassiki nauki. – М.: AN SSSR, 1958
12. Рузавин Г. И. Методы научного исследования. – М.: Наука, 1975.
Ruzavin G. I. Metody nauchnogo issledovaniya. – М.: Nauka, 1975.
13. Рузавин Г. И. Научная теория: Логико-методол. анализ. – М.: Мысль, 1978. – 244 с.
Ruzavin G. I. Nauchnaya teoriya: Logiko-metodol. analiz. – М.: Mysl', 1978. – 244 s.
14. Рузавин Г. И. Синергетика и принцип самодвижения материи // Вопросы философии. – М., 1984. – № 8.
Ruzavin G. I. Sinergetika i printsip samodvizheniya materii // Voprosy filosofii. – М., 1984. – № 8.
15. Рузавин Г. И. Метод принципов в «Математических началах натуральной философии» И. Ньютона // Философские науки. – М., 1987. – №12. – С.22–31.
Ruzavin G. I. Metod printsiptov v «Matematicheskikh nachalakh natural'noy filosofii» I. N'yutona // Filosofskiy nauki. – М., 1987. – №12. – S.22–31.
16. Рузавин Г. И. Системный подход и единство научного знания // Единство научного знания. – М., 1988. – С. 237–252.
Ruzavin G. I. Sistemnyy podkhod i yedinstvo nauchnogo znaniya // Yedinstvo nauchnogo znaniya. – М., 1988. – S. 237–252.
17. Русский космизм: Антология философской мысли / [Сост. и предисл. к текстам С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой; Вступ. ст. с. 3-33 С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой]. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – 365 с.
Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli / [Sost. i predisl. k tekstam S. G. Semenovoy, A. G. Gachevoy; Vstup. st. s. 3-33 S. G. Semenovoy; Primech. A. G. Gachevoy]. – М.: Pedagogika-press, 1993. – 365 s.
18. Садовский В. Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ. – М.: Наука, 1974. – 279 с.
Sadovskiy V. N. Osnovaniya obshchey teorii sistem: Logiko-metodologicheskiy analiz. – М.: Nauka, 1974. – 279 s.
19. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
Uyomov A. I. Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem. – М.: Mysl', 1978. – 272 s.
20. Уёмов А. И. Структура системного подхода и пути развития общей теории систем. // Ergo... – Екатеринбург, 1995. – Вып. 2. – С. 116–122.
Uyomov A. I. Struktura sistemnogo podkhoda i puti razvitiya obshchey teorii sistem. // Ergo... – Yekaterinburg, 1995. – Vyp. 2. – S. 116–122.
21. Фёдоров Н. Ф. Сочинения / Вст. ст. 5-50, прим. и сост. С. Г. Семенов. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.
Fedorov N. F. Sochineniya / Vst. st. 5-50, prim. i sost. S. G. Semenovoy. – М.: Mysl', 1982. – 711 s.
22. Флоренский П. А. Время и пространство // Социол. исслед. – Л., 1988. – №12. – С. 108–113.
Florenskiy P. A. Vremya i prostranstvo // Sotsiol. issled. – L., 1988. – №12. – S. 108–113.
23. Храмов Ю. А. Майер Юлиус Роберт (Mayer Julius Robert) // Физики: Биографический справочник / Под ред. А. И. Ахиезера. – Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Наука, 1983. – С. 174.
Khramov YU. A. Mayyer Yulius Robert (Mayer Julius Robert) // Fiziki: Biograficheskiy spravochnik / Pod red. A. I. Akhiezera. – Izd. 2-ye, ispr. i dopoln. – М.: Nauka, 1983. – S. 174.
24. Шептулин А. П. Принцип системности // Науч. докл. Высш. шк.: Филос. науки. – М., 1985. – №5.
Sheptulin A. P. Printsip sistemnosti // Nauch. dokl. Vyssh. shk.: Filos. nauki. – М., 1985. – №5.

УДК 11

**ЭКЗИСТИРУЮЩИЙ СУБЪЕКТ В ГРАНИЦАХ ОБЪЕКТИВИРОВАННОГО
МИРА (К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ
ЛИЧНОСТИ В РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКЕ
И ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА)¹**

**DASEIN (EXISTENTIALIST SUBJECT) WITHIN THE BOUNDARIES
OF THE OBJECTIFIED WORLD (INTERPRETATION OF THE MEANING
OF CONCEPT OF PERSONALITY IN THE RATIONALIST METAPHYSICS
AND THE PHILOSOPHY OF EXISTENTIALISM)**

**М.С. Прокопов, С.П. Щавелев
M.S. Prokopov, S.P. Shavelev**

*Курский государственный медицинский университет, Россия, 305041, Курск, ул. К. Маркса, 3
Kursk State Medical University, 3 Karl Marx St, Kursk, 305041, Russia*

E-mail: prokopov_m@mail.ru; sergei-shhavelev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о причинах элиминации из состава реальности в рамках рационалистической философии живой человеческой личности как некоей автономной, независимой от внешних, преходящих факторов частицы реальности. Глубокое убеждение в однородности мира с точки зрения законов логики, вера в возможность всецело охватить реальность отвлечённо-теоретическими построениями становятся причиной исключения качеств субъективного, человеческого целеполагания из содержания истины как таковой.

Resume. The article discusses the reasons for elimination of living human person as a kind of autonomous being from the reality in the philosophy of rationalism. These reasons are belief in the uniformity of the world in terms of the laws of logic, the belief in the possibility of fully embrace the reality by the abstract and theoretical schemes. The aims of human activiti are eliminated from content of the truth as itself.

Ключевые слова: теоретическая метафизика, сущее, должное, нравственность, практическая философия, истина, экзистенциализм.

Key words: theoretical metaphysics, actuality, morality, practical philosophy, truth, existentialism.

«Натурализм и Абсолютизм, внешне непримиримые, объединяются, уверяя нас в том, что личность – это иллюзия»

Генри Стёрт

«Дух человеческий, создавши отвлечённую философию и отвлечённое естествознание, под конец должен убедиться, что эти сложные и искусные постройки имеют один серьёзный недостаток: в них нет места самому зодчему<...> Каково бы ни было различие и даже противоположность между метафизикой идеализма и позитивным воззрением современных натуралистов, они сходятся в одном: и там и здесь человек ни при чём».

В.С. Соловьёв

Теоретическая философия, как известно, всегда исходила из постулирования некой двойственности, неоднородности в структуре бытия. Этот априорный, в сущности, постулат обязывает метафизику решать двуединую задачу: во-первых, эту двойственность необходимо

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

утвердить, доказав положение, согласно которому за миром преходящих явлений скрывается некая подлинная реальность, сущее как таковое; а во-вторых, объяснить её, т.е. ответить на вопрос, как истинно сущее порождает изменчивый мир чувственно воспринимаемых вещей.

Причиной такого, на первый взгляд, далеко не самоочевидного отношения к реальности является глубокое метафизическое убеждение в необходимости существования чего-то такого, что превышало бы границы феноменальной стороны действительности. При этом важно отметить, что объяснения и оправдания требует как раз то, что с эмпирической точки зрения является наиболее достоверным, данность чего, как кажется, не требует обоснования, а метафизическому, т.е. спекулятивному знанию, напротив, придаётся такое же «позитивное» значение, какое впоследствии получило знание естественнонаучное. Метафизикам представлялось, что знание о Боге-Абсолюте является самым «позитивным», самым достоверным, самым востребованным из всех видов знания. «Мы привыкли к тому, – совершенно справедливо отмечает А.В. Кураев, – что надо доказывать, что кроме нашего мира есть ещё и Бог, что Бог не есть просто фикция нашего сознания...», а для метафизического мышления «сомнительно как раз существование мира» [9, с. 20].

Поскольку первопричина не имманентна актуальной реальности, а так как, кроме объекта (в широком смысле, – всей эмпирической действительности) и субъекта (самого человека), нам ничего не дано, мы должны признать, что знание о ней есть только некоторый идеальный архетип, априори содержащийся в нашем разуме, стремление к которому, однако, при всей его идеальности, настолько сильно и неоспоримо, что непрестанно заставляет человека трансцендировать это начало за пределы земной действительности в поисках её.

Отсюда становится ясным, что теоретическая установка, призванная вскрывать объективные закономерности актуальной действительности, т.е. свидетельствующая о том, *что есть*, на самом деле в момент своего зарождения *взыскует о должном, о том, чего нет, но что непременно должно быть*, обращается к идеалу познавательного совершенства, в теоретической метафизике именуемого первопричиной, или первосубстанцией – *causasui*, – сущностью всех сущностей, и, не находя её в пределах мира явлений, где всё взаимообусловлено (где нет ни цели, ни первопричины) трансцендирует искомое начало за пределы мира феноменального. Если бы «идеал чистого разума» был дан в границах мира явлений, был бы самоочевиден и достоверен, не было бы никакого смысла раз за разом задавать столь волнующий лучшие умы человечества вопрос: «А что же на самом деле есть?» Именно существующий разрыв между сущим (миром явлений) и должным (миром вещей самих по себе) и порождает эволюцию познавательных идей в истории. В противном случае, если бы этого разрыва не было, не было бы ни науки, ни философии; если бы *causasui* была самоочевидным фактом окружающей человека действительности, искать было бы нечего.

Именно осознание этого разрыва, этого гносеологического дуализма, и явилось, надо полагать, главной причиной появления на свет рациональной метафизики и науки. Это явно выражается в одной из существеннейших черт древнегреческой философии: в последовательно проводимой дифференциации реальности, как она существует объективно в своей предельной онтологической глубине, и мира субъективного, каким является чувственный мир, мир многого.

Такое дуалистическое воззрение на бытие в целом диктовало необходимость соответствующего отношения к отдельным элементам мироздания, в том числе, и к бытию человека, которое должно было сложиться в доктрину о противостоянии двух начал в самом человеке. В истории философии такое противопоставление принимает различные наименования и формы, в зависимости от той или иной философской традиции (идеи и материи, божественного и дьявольского начал, ноумена и феномена, свободы и необходимости и т.п.). В частности, в философии И. Канта мы можем наблюдать учение, согласно которому мир внешних по отношению к человеку объектов не ограничивается лишь природными объектами, находящимися пространственно вне его: в самом человеке есть нечто чуждое ему самому. И. Кант, возражая декартовскому *cogito*, утверждал, что в самопознании человек предстаёт самому себе как явление, но не вещь сама по себе, и лишь со стороны свободы и нравственного начала внутри человека (что для Канта, по сути, одно и то же) человек есть ноумен. При этом следует отметить, что такое противопоставление в философии Канта принимает форму антагонизма между эмпирическим и ноуменальными характеристиками: человек, с точки зрения Канта, *одновременно* свободен и несвободен. В этом заключается нравственное достоинство, но в то же время и особенный трагизм человеческого существования, проистекающий из неразрешимого противоречия между стремлением к личному счастью, обусловленным эмпирическим характером

человека, и его ноуменальной природой, нравственным долгом, выносящим свои постановления в форме категорического императива.

Другой пример последовательного проводимого онтологического дуализма являются нам воззрения философов-экзистенциалистов, обративших внимание на двойственность человеческой природы, открывших проблему заброшенности человека в этот мир, раздвоенности, разорванности, неорганичности человека. Так человек, по мнению философов экзистенциального направления, оказывается разделённым внутри самого себя на два основных модуса своего существования – индивидуум и личность. Следует отметить, что индивидуум и личность противопоставляются, соответственно, как физическая, т.е. природная, и метафизическая, т.е. божественная, сущности.

«В человеке есть двойственность, – пишет Н. Бердяев, – человек есть точка пересечения двух миров, он отражает в себе мир высший и мир низший». Поэтому «личность следует отличать от индивида. Личность есть категория духовно-религиозная, индивид же есть категория натуралистически-биологическая. Индивид есть часть природы и общества. Личность не может быть частью чего-то ...» [2, с. 24]. Э. Мунье вслед за Н. Бердяевым подчёркивает неслитность и в тоже время нераздельность двух вышеупомянутых составляющих человека: «В этом противопоставлении индивида личности следует усматривать только двухполярность, диалектическую напряжённость между двумя внутренними движениями: одно – к распылению, другое – к сосредоточению. Это значит, что личность субстанциально воплощена в человеке, смешана с его плотью, остаётся трансцендентной по отношению к ней, соединённой с ней столь же внутренне нерасторжимым образом, как вино смешивается с водой» [11, с. 303]. Как отмечает Бердяев, такой дуализм является источником неисчислимых страданий: «Мучительное, причиняющее страдание противоречие человека заключается в том, что он есть существо в нераскрытой глубине своей бесконечное и устремлённое к бесконечному, существо, ищущее вечности и предназначенное к ней и вместе с тем, по условиям своего существования, конечное и ограниченное, временное и смертное» [3, с. 216].

Однако точка зрения И. Канта и философов-экзистенциалистов, утверждавших непримиримое противоречие двух взаимоисключающих начал в бытии, следовательно, и в самом человеке, в общем контексте западноевропейской культуры является скорее чем-то исключительным и совершенно нехарактерным. Напротив, в этом смысле западноевропейская философская традиция представляет богатый материал, на примере которого мы можем наблюдать попеременное преобладание одного такого начала над другим, что порождало различного рода формулы абсолютистского монизма – идеалистического или материалистического. Монистический взгляд на мир и на человека, неизменно господствовавший в западноевропейской культуре, заставляет предполагать, что две эти составляющие не противостоят друг другу, но, напротив, известным образом взаимодействуют друг с другом, находясь между собой в отношениях иерархической соподчинённости: какое-то из этих начал является первичным, т.е. абсолютным, другое – вторичным, т.е. производным.

Бесспорно, что такое решение в значительной степени снимает остроту проблемы, поскольку подобное представление о человеке, отталкиваясь от двух составляющих его природы, отвергает их принципиальный дуализм, в результате чего человек предстаёт как существо гармоничное и сбалансированное. Однако уже тот факт, что западная мысль на протяжении своей долгой истории не могла прийти к единому мнению о том, какое из этих начал является первичным, а какое вторичным (материализм и идеализм), а современный позитивизм и вовсе отказался от решения подобного рода вопросов, косвенно свидетельствует в пользу невозможности придать этим двум составляющим хоть какое-либо подобие гармонических отношений.

В чём же надо видеть причину такого традиционно монистического отношения к реальности в рамках западноевропейской философской культуры? Без сомнения одна из причин этого заключается в том, что в средние века на Западе недвусмысленно было заявлено, что существует принципиальное согласие между естественным и богооткровенным знанием, между физикой и метафизикой, тезис, который впоследствии был подвергнут беспощадной критике Кантом, а также философами экзистенциального направления. Такое согласие духовного начала с материальным обеспечивалось единством действия логического закона, юрисдикция которого простиралась на все области мироздания, в том числе и в сферу трансцендентного бытия. В этом едином с точки зрения законов логики мире всё связано со всем посред-

ством причинно-следственных связей. Используя логическую цепочку этих связей, мы можем возводить наш разум в какие угодно области бытия, не ограничиваясь «эмпирическим», естественным и сверхъестественным оказываются одинаково доступными для рационального осмысления. Для разума, таким образом, открылись неограниченные перспективы в познании. Так уверенность схоластической философии в возможности рационального осмысления трансцендентных реальностей свидетельствует о том, что мир, исследуемый ими, мыслился абсолютно монистически, т.е. совершенно однородно. Ни о каком противостоянии двух миров здесь не может быть и речи: *благодать не упраздняет, а завершает природу*, утверждает Фома Аквинский [10, с. 574]. Иными словами, мир благодати мыслится им как органическое продолжение царства природы. Действующие в природе законы оказываются в равной степени приложимыми и для описания реалий потустороннего мира.

Итак, естественное и сверхъестественное бытие оказываются связанными воедино единством действия логических законов. Однако позже, когда схоластика постепенно начинает терять свои доминирующие позиции, методологические функции законов логики берёт на себя математика. Д. Антисери и Дж. Реале пишут: «Кеплер и Галилей были убеждены (и это убеждение метафизического характера), что мир математически структурирован и математическая мысль, таким образом, в состоянии проникнуть в гармонию вселенной. “Доведя данную концепцию до логического конца в том широком смысле, что математика приходит ей на помощь, что может быть её функцией, но и в гораздо более узком смысле, а именно, что человеческий ум формулирует знание о природе своими собственными силами – так же, как он создаёт математику” (E.J.Dijksterhuis)». Так «метод, физика и метафизика прочно переплетены в философской доктрине Декарта. “Философия, – читаем мы в “Началах философии”, – напоминает дерево, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, растущие из ствола – все остальные науки...” У. Уэвелл однажды пронизательно заметил: “Исследователи в области физики отличаются от бесплодных созерцателей не тем, что в их головах нет никакой метафизики, а тем, что они владеют хорошей метафизикой, тогда как их противники – плохой, а также тем, что связывают метафизику с физикой, а не отделяют их друг от друга”» [1, с. 296].

Из убеждённости в однородности бытия с точки зрения законов логики (или законов математики) рождалось другое убеждение: мир абсолютно разумен. Из мирового бытия был элиминирован элемент хаоса. Даже там, где допускался хаос, признавалась его абсолютная необходимость. Там же, где есть необходимость, есть и закон, который, следовательно, можно познавать. Абсолютный детерминизм монистических систем таким образом упраздняет проблему добра и зла: нет смысла бороться со злом, поскольку и добро и зло оказываются одинаково необходимыми, следовательно, одинаково оправданными. *Принцип тождества бытия и мышления исключает из содержания истины качества субъективного, человеческого целеполагания, а вместе с тем и необходимость нравственной оценки бытия*: всё разумное действительно, всё действительно разумно, утверждает Гегель. Если этот тезис верен, то остаётся только согласиться с Лейбницем и его теодицеей и принять этот мир как он есть, т.е. «со страданием и грехом» за лучший из миров. Но это означало бы устранение какой-либо нравственной оценки по отношению к реалиям этого мира. *Распространяя теоретическую установку в область трансцендентных идей, западноевропейская философия устраняет дуализм между сущим и должным не достижением должного, а укоренением, «успокоением» в сущем, объявляя наличную действительность идеалом всякого возможного совершенства.*

Так философия панлогизма, не полагая пропасти между сущим и должным, помещает их в одной логической (читай: онтологической, поскольку мышление тождественно бытию) плоскости и тем самым в значительной степени отождествляет первое с последним; должное становится синонимом сущего. Таким образом, вопрос о должном в философии панлогизма по существу сводится к вопросу об истинно сущем. Ни о каком должном впредь не может быть и речи, заявляет последний корифей теоретической философии: *всё действительно разумно, сущность вполне исчерпывается в явлении*. Поистине последнее слово теоретической философии должно было быть таковым: мы живём в лучшем из миров, чего же ещё желать человеку?

Так философия панлогизма соединяет должное с сущим законами логической связи, а затем и вовсе отождествляет первое с последним. Причиной тому послужило убеждение, что *causas* недоступна рациональному осмыслению. Как только философия стала на эту почву, тут же стремление к должному сменилось стремлением познавать сущее как оно есть само по себе, причём совершенно безотносительно к свойствам субъективной человеческой

оценки. Сущее становится единственным критерием практической деятельности, главным законодателем нравственных начал в человеческой жизни.

Такое преобладание актуальной действительности над безусловным долженствованием мы можем наблюдать, в частности, в тех, по сути, натуралистических концепциях человеческой этики, которые, в противоположность взглядам Канта на природу морали, устанавливают значение и генезис нравственного начала путём индукции непосредственно из эмпирии жизни, утверждая, что нравственное состояние человека прямо зависит от внешних, более или менее благополучных условий окружающей человека среды, из чего следует: для того чтобы изменить человека к лучшему, надо в первую очередь изменить условия его существования, тогда и сам человек неизбежно станет чище и нравственно благороднее. Такой взгляд на природу человека порождает различного рода формулы общественного бытия, а вместе с тем вызывал и известные общественные движения, направленные на социальное переустройство с целью изменить имеющийся материальный баланс сил в обществе.

Не раз отмечалось (в частности, Кантом, а также представителями русской религиозной философии), что вышеупомянутый взгляд на природу нравственности исходит из таких философских предпосылок, которые не оставляют и следа от человеческой самостоятельности, представляя человека исключительно продуктом среды, из чего должно заключить, что его следует сначала накормить и лишь затем спрашивать с него добродетели [6, с. 298]. Экономическая составляющая бытия здесь становится всем, распространяясь на то, что, на первый взгляд, не принадлежит ей по праву, в результате чего идеальная образующая человеческого естества начинает носить статус иллюзорной надстройки, побочного продукта экономических отношений.

Рациональная метафизика, таким образом, элиминирует из состава реальности живую человеческую личность как некую автономную, независимую от внешних, преходящих факторов частицу реальности, и вместе с тем исключает из содержания истины свойства субъективной, человеческой оценки. Поскольку категории практической философии как понятия исключительно человеческого целеполагания есть чисто гуманитарные, *сверхприродные* понятия, которыми определяется, в том числе, и суть нашей нравственности, устранение всего сугубо человеческого из содержания истины означает в то же время исключение из неё и безусловного нравственного закона. Очевидна апостериорность практических принципов нравственности в философии панлогизма, производность моральной сферы от выводов чисто логического порядка, чем, собственно говоря, и объясняется прямая зависимость сферы этики от сферы онтологии в старой метафизике, где идея блага имеет более онтологическое, нежели этическое значение [4, с. 272].

Поэтому прежде чем выносить предписания и каноны для человеческой деятельности, такая философия (при этом, надо полагать, совершенно не имеет значение какой характер – идеалистический или материалистический – принимает подобного рода философия) необходимо должна решить теоретический вопрос «что есть?». И лишь затем, как познав благо, существующее само по себе, установив факт его достоверности и представив в виде рационально обоснованной истины, она переходит в сферу практики и начинает проецировать человеческую деятельность в неукоснительном соответствии с рационально познанным, извне данным ей законом. Роль личности в этом процессе, как видно, совершенно страдательна; от неё, в сущности, ничего не требуется, кроме активности чисто теоретической, ничего не привносящей в саму идею блага и истины. Последние даются в готовом виде, и задача человека ограничивается пассивным принятием их как они существуют сами по себе. А так как человек есть начало исключительно пассивно воспринимающее, он не может представлять собой нечто действительно реальное, субстанциально самобытное, следовательно, есть лишь явление, т.е. нечто преходящее и вторичное. «Предполагать, что истина, благо и т.п. нуждаются в нашей личной деятельности для своего осуществления, очевидно, значит считать их недействительными и бессильными, – пишет В.С. Соловьёв, – но недействительная истина есть уже не истина, а произвольная фантазия. Такой взгляд совершенно необходим с точки зрения исключительно теоретической философии...» [13, с. 93].

Действительно, если истина сугубо рациональна, свободна от каких-либо моральных или эстетических оценок, если истина представляет собой совпадение вещи (res) и нашего представления о ней, как утверждал Аристотель, а вслед за ним и Фома Аквинский, иными словами, *если истина есть знание* (в узком смысле этого слова), то наша задача состоит в том, чтобы вскрыть причинно-следственные отношения между вещами, познать законы при-

роды и безоговорочно подчиниться им. Рациональная истина и свобода человека, таким образом, оказываются абсолютно несовместимыми, поскольку рационально познанный закон требует от человека всецелого подчинения себе, не предусматривает возможности произвольного уклонения. Истина, рассматриваемая в теоретически отвлечённом ракурсе, является для человека только как чистый объект, как некая отчуждённая от человека реальность, предполагающая исключительно умозрительное к ней отношение, устраняющая тем самым возможность какой-либо нравственной, практической, автономной деятельности. «Факт сам по себе не истинен и не ложен, не добр и не зол, – отмечает В.С. Соловьёв, – он только натурален, т.е. необходим. Так пусть же человек не стремится к истине и добру, всё это только условные понятия, в сущности – пустые слова» [14, с. 21].

Начало такому пониманию истины положил, по всей видимости, Сократ, редуцировав добродетель к знанию, устранив тем самым её существенную специфику в отношении к последнему. Позже такой взгляд на природу истины, характеризующийся исключительным господством рационального начала над всеми остальными проявлениями человеческого духа, полностью возобладал в сознании западноевропейских философов. Развитие философии отождествилось с развитием теоретической сферы и её безусловным преобладанием над нравственным, практическим началом. Так как моральная оценка предполагает привнесение в объект элемента субъективности, нечто «от себя», т.е., в конечном счёте, иллюзии, того, что не существует само по себе, понятия добра и зла как качества индивидуального человеческого целеполагания должны были быть исключены из познавательного механизма науки, следовательно, и из содержания истины как таковой. Статусом достоверности должно обладать лишь то, что не требует моральной оценки, то, что в состоянии заявлять о себе, не спросивши на то человеческого соизволения. Поскольку и добро и зло суть свойства нравственной воли человека, а не качества знания, должно признать: истинно существует лишь то, что имеет значение безотносительно к человеку, т.е. только то, что может быть признано как бытие внешнее.

Но если мы исключим все нравственные и эстетические идеалы человеческого духа из содержания истины, то, что мы получим в голом остатке? Мы получим природный, необходимый, извне детерминирующий нас закон, требующий всеобщего подчинения себе, в своей объективной самодостаточности совершенно равнодушный по отношению к человеку, исключающий всякую творческую, преобразовательную активность. То, что утверждает этот закон и есть благо для человека, полагает теоретическая философия и наука, однако не потому что этот закон признаётся и утверждается самим человеком как нечто действительно положительное, с чем можно и должно быть внутренне, осознанно солидарным, а только потому, что неисполнение этого закона грозит человеку неблагоприятными последствиями, а в пределе – гибелью.

То., теоретический, рационально познанный закон есть нечто *совершенно отрицательное* в отношении к внутреннему, экзистенциальному измерению бытия человека. На это и указали философы-экзистенциалисты, отказавшиеся от догматизма мышления, утвердившие свой пафос в неприятии объективных истин, наподобие истин классической метафизики и науки, в своей интеллектуальной отвлечённости отрицающих индивидуального человека. Ф. Коплстоун по этому поводу отмечает, «что экзистенциализм в целом является современной исторической формой протеста свободного индивида против всего, что угрожает или кажется угрожающим его уникальному положению как экзистирующего субъекта, который, хотя и пребывая в мире и являясь частью природы, в то же время выступает из общего фона» [8, с. 162].

В этой связи следует сказать несколько слов о специфике экзистенциальной философии и о её принципиальном антагонизме в отношении к классической метафизике. Первое, что бросается в глаза – это то, как по-разному метафизика и философия экзистенциализма относятся к объективной действительности: если метафизика говорит о разумности всего существующего, то экзистенциалисты, напротив, утверждают абсурдность мира, неразумность его с точки зрения индивидуального человеческого существа. Экзистенциалисты указали на то, что *мир может быть абсолютно разумным с точки зрения законов логики, но при этом абсолютно безумным с точки зрения субъективно-индивидуальной, человеческой оценки*. Рационально познанный объективный закон, действующий в природе, с исключительно теоретической точки зрения заслоняющий и полностью оправдывающий собой трагизм индивидуального человеческого существования, оборачивается, таким образом, элементом хаоса, а не порядка. Хаотичная, абсурдная, дегуманизованная действительность становится совершенно чуждой человеку, полагается непроходимая пропасть между миром и человеком, утверждается неизбежный дуализм законов природы и качеств человеческого духа.

Что же заставило философов-экзистенциалистов так радикально по отношению к предшествующей философской традиции изменить свою точку зрения на бытие человека в мире? Коплстоун отмечает, что экзистенциальная философия отличается от метафизики, прежде всего тем, что первая – это философия с точки зрения деятеля, вторая – с точки зрения наблюдателя [8, с. 152]. Философия с точки зрения деятеля подразумевает включение в философский анализ необходимые для человеческой деятельности качества индивидуально-субъективного целеполагания, тогда как классическая концепция истинности их совершенно игнорирует. Именно поэтому экзистенциализму столь свойственна антропологическая тематика, чуждая классической метафизики. Если для догматической метафизики мир объектов является первичной реальностью, а мир субъекта – вторичной, то для экзистенциалистов в этом смысле всё существенно поменялось: утверждение, согласно которому экзистенция предшествует сущности, означает, что определения, которыми может быть описан мой индивидуальный, субъективный способ бытия, первичны по отношению к определениям, которыми могут быть описаны внешние объекты.

Экзистенциализм, таким образом, – это восстание против объективной, принуждающей истины с позиции экзистенциальной, свободно избираемой истины. Эти философы открыли, пользуясь выражением Шестова, «второе измерение мышления», истину, предполагающую свободное, волевое, творческое решение, противопоставляющееся покорному, законопослушному, принудительному принятию. Так, например, для Ж.П. Сартра человек не является исключительным продуктом природы, сущность его не задана изначально, – сам индивид является единственным творцом своих ценностей, творчески конституирует свою сущность. Экзистенциальная философия восстанавливает в своих правах качества субъективной человеческой оценки, не отделяет категории, с помощью которых может быть описан индивидуальный человеческий опыт, от идеи истины как таковой, делая её более понятной, близкой человеку, одним словом, делая её более человеческой.

Таким образом, специфика экзистенциального метода заключается в себе два элемента, неразрывные друг от друга – отрицательный и положительный. Первый заключается в восстании против понимания истины как обезличивающего начала, против субъект-объектных отношений в познании реальности. Второй, положительный элемент заключается в привнесении в идею истины качеств человеческой оценки, свойств субъективного целеполагания.

В последнем пункте с философией экзистенциального направления вполне солидарна и русская религиозная философия. Эта философия утверждает, что истина не может являться результатом пассивного теоретического познания, но скорее должна быть итогом активного созидания, в том числе и человеческой воли. Наиболее ярко, быть может, это было выражено Н.Ф. Фёдоровым в его философии общего дела. Человеческая личность, по мнению последнего, должна быть деятельным сопричастником в созидании всемирной, вселенской Правды. В то время как теоретическая философия признаёт только одного действительного исторического субъекта (абсолютный дух), русская религиозная философия утверждает, что исторический процесс – это арена богочеловеческой, а не только лишь божественной деятельности.

Так, А.С. Хомяков был убеждён, что реальный исторический процесс – это всегда совокупность «действий свободы человеческой и воли всемирной» [16, с. 136]. Вслед за Хомяковым в таком же духе решали эту проблему В.С. Соловьёв и Н.А. Бердяев. Человек, таким образом, оказывается активным участником в рамках исторической парадигмы, поэтому «и гегельянский исторический оптимизм неприемлем и не оправдан, как крайняя форма универсального детерминизма, отрицающего действие человеческой свободы в истории» [3, с. 116].

Истина, таким образом, не есть нечто актуальное, наличествующее в действительности и разнообразно проявляющееся в конкретных, индивидуальных формах бытия, субстанционально тождественных единому – в модусах и атрибутах единого; истина не может быть дана в готовом виде – её ещё надо достичь.

Такое динамическое понимание истины как *становящегося* предполагает, что актуальная, наличествующая реальность не может быть истиной в последней инстанции, насколько бы эта действительность не была разумна и целесообразна с точки зрения отвлечённого общего блага. И уже эта исходная посылка, свидетельствующая о преобладании практического, т.е. нравственного элемента в русской метафизике, указывает на её принципиальный антагонизм по отношению к метафизике исключительно теоретической.

В этом смысле весьма характерны антициентические мотивы у философов этого направления. Вот как, например, об этом пишет Ф.М. Достоевский: «Уж как докажут тебе, что, в сущности, одна капелька твоего собственного жиру тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных и что в этом результате разрешатся под конец все так называемые добродетели и

обязанности и прочие бредни и предрассудки, так уж так и принимай, нечего делать-то, потому дважды два – математика. Попробуйте возразить.

"Помилуйте, – закричат вам, – восставать нельзя: это дважды два четыре! Природа вас не спрашивается; ей дела нет до ваших желаний и до того, нравятся ль вам ее законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее так, как она есть, а следственно, и все ее результаты. Стена, значит, и есть стена... и т. д., и т. д." Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если и в самом деле сил не будет пробить, но я и не примирюсь с ней потому только, что у меня каменная стена и у меня сил не хватило» [5, с. 105-106].

Сёрен Кьеркегор был одним из первых, кто обратил внимание на то, что не только материализм угрожает свободе личности, но и абсолютный идеализм, олицетворением которого для Кьеркегора являлась философия Гегеля, может таить в себе ту же опасность. Причиной такого отрицательного отношения к человеческой личности, как со стороны идеалистической философии, так и со стороны позитивной науки является, на наш взгляд, то обстоятельство, что как первое, так и второе направления мысли подразумевают субъект-объектные отношения между познающим и познаваемым. Такие отношения носят характер формальной отвлечённости, т.к. объект предполагает нечто большее и высшее, чем он сам, в своём единообразии обнимающее множество таких же как он объектов, т.е. внешний закон, в котором вполне исчерпывается внешняя сторона объекта.

Теоретическому разуму, устанавливающему порядок субъект-объектных отношений, объект, выступающий в качестве средства, сам по себе не важен и не интересен, важен закон, под юрисдикцией которого находятся все подобные ему объекты. Связующим субъекта и объекта звеном, таким образом, оказывается рационально познанный закон, который и является, по существу, главным и единственным предметом познания. Рассматриваемый в пределах теоретического разума объект представляет собой некую замкнутую для субъекта познания реальность: внутренний мир объекта остается непрояснённым, закрытым для отстраняющегося субъекта.

Кант пишет: «Я могу сказать без противоречия: все поступки разумных существ, поскольку они явления (находятся в каком-то опыте), подчинены естественной необходимости; но по отношению к разумному субъекту и его способности действовать согласно одному только разуму эти же поступки свободны» [7, с. 108]. Кант говорит о том, что мир, представляющийся догматической метафизике и науке однородным, на самом деле имеет два измерения – мир ноуменальной свободы и мир феноменальной необходимости. Для рационализирующего субъекта (будь то ученый или метафизик) мир всегда однопланов, для него скрыто ноуменальное измерение бытия. Причиной тому – объективированная позиция рационалиста, познающего внешние ему законы объективной действительности, тогда как ноуменальный мир открывается изнутри самого субъекта познания через его свободу и нравственное начало в нём.

«Только извне, из объекта человек есть часть природы, – вторит Канту Бердяев, – изнутри, из духа – природа в нём» [3, с. 32]. Именно поэтому в рамках естественнонаучного знания нет необходимости и смысла в выделении человека как совершенно особой, по сравнению со всеми остальными (будь то предметы живой или неживой природы), частицы реальности. Для теоретического разума человек предстаёт как природный объект наряду с другими природными объектами. Свобода или закон, целесообразность или причинность? Наука даёт однозначный ответ – закон! Теоретический разум в силу своей специфической особенности познания там, где следует говорить личность, говорит *res* (вещь).

Итак, методы классической науки (объективированный метод) позволяют мыслить мир исключительно монистически. Однако мы должны предположить, считают вышеперечисленные мыслители, что человеческая личность, в отличие от прочих элементов существующего, имеющих лишь относительную ценность и именуемых Кантом вещами, имеет две формы, или стороны бытия – внешнюю, объективную или феноменальную (эмпирический характер человека – по Канту, индивидуум – по Бердяеву и Мунье), и внутреннюю, субъективную или ноуменальную (ноуменальный характер, личность). Объективированная позиция рационализма не ставит вопрос о внутренней жизни человека и его свободе: теоретический разум познает не объекты, а законы, поэтому и предполагает, что сущность человека вполне исчерпывается в явлениях. Пред нами предстаёт объективированный мир, внешний по отношению к субъекту познания, в пределах которого общее не просто реально, оно реальнее индивидуального, а принцип индивидуации не представляет собой никакой значительной ценности, поскольку существенная, ноуменальная сторона человеческого естества оказывается непостижимой для разума.

В этой связи следует говорить не только об апофатической теологии, но, как минимум, и об *апофатической антропологии*. «...Все определения и категории разума, – пишет В.С. Соловьёв, – суть только выражения объективности или познаваемости существа, а не его собственного внутреннего субъективного бытия и жизни <...>; ибо всякий разум как разум может постигать только логическую сторону существующего, его понятие (λόγος) или общее отношение ко всему, а никак не само это существующее в его непосредственной единичности и субъективной действительности. Далее, отсюда же ясно, что не постижимым в этом смысле является не только жизнь Божественного существа, но и жизнь всякой твари; ибо всякое существо как таковое не исчерпывается своею формальною объективною стороною или своим понятием: оно как существующее необходимо имеет свою внутреннюю субъективную сторону, составляющую самый акт его существования, в котором оно есть нечто безусловно единичное и единственное, нечто совершенно невыразимое, и с этой стороны оно всегда есть нечто другое для разума, нечто не могущее войти в его сферу, нечто иррациональное» [14, с.99].

Познать конкретный, индивидуальный объект, с точки зрения его внутренней, существенной стороны, можно только в том случае, если он перестанет быть средством, и станет целью, если он будет воспринят в качестве субъекта, равного по достоинству познающему, если за ним будет признан статус духовного существа, превышающего рамки природной детерминированности. Но в этом случае отношения между познающим и познаемым приобретают уже качественно иной смысл и, становясь нравственными, тем самым выходят из-под юрисдикции познающего разума. Такие отношения, описанные Г. Марселем как отношения на уровне «вторичной рефлексии» (*réflexion seconde*), принимают характер интересубъективности (субъект-субъектные, межличностные отношения), каковыми на практике являются отношения любви или вражды, благорасположения или ненависти.

Итак, и И. Кант, и философы-экзистенциалисты, и представители русской религиозной метафизики (здесь же можно вспомнить и опыт апофатического богословия в православной патристике) одинаково сходятся в утверждении наличия иррационального элемента в составе действительности. Такое предположение позволяет утвердить принципиальный дуализм, качественную неоднородность «внутреннего» человека и внешнего, «объективированного» мира, и вместе с тем означает также признание положительного значения личности как некоей независимой от каузальных связей мира реальности, автономного источника бытия и творческой силы. В этом смысле принцип тождества бытия и мышления, напротив, означает отрицание личности, поскольку согласно этому принципу невозможность мыслить означает и невозможность существования. Должно думать, именно поэтому философия панлогизма утверждает учение о призрачности и исключительной феноменальности принципа индивидуации, от которого предполагается всё большее отвлечение по мере восхождения по лестнице онтологической иерархии абстрактных сущностей, так как вышеупомянутый принцип совершенно очевидно противоречит тому пункту, от которого зависит быть или не быть теоретической метафизике, а именно – принципу тождества бытия и мышления, поскольку предполагает нечто такое, на что не распространяется прерогатива теоретического разума.

Глубокое убеждение в однородности мира с точки зрения законов логики, вера в возможность всецело охватить реальность нашими теоретическими построениями, а также элиминация качеств субъективного, человеческого целеполагания из содержания истины как таковой становятся причиной применения рациональных методов, направленных на продуктивное всеобщих и необходимых законов, к трансцендентному измерению бытия, что приводит к тому, что бытие становится всецело определяемым правилами категориального мышления.

Убежденность в *изоморфности порядка бытия порядку разума порождает принцип тождества бытия и мышления*. В силу этого архитектурность наиболее последовательных рациональных философских и научных систем оказывается построенной на начале необходимости. В стремлении к гармоничной всеполноте, основанной на представлении, что наилучшее это нечто завершённое, рациональный метод применяют ко всем видам живой реальности, в том числе и по отношению к человеческой свободе, что, в свою очередь, приводит к реификации элементов мироздания. В результате рациональная картина бытия представляет нам вещный мир, мир модусов и атрибутов единой субстанции, где «каждая отдельная вещь необходимо детерминируется какой-нибудь внешней причиною к существованию и действованию тем или иным определённым образом» [12, с. 592], мир, в рамках которого нет необходимости и смысла в выделении человека как совершенно особой, по сравнению со всеми остальными (будь то предметы живой или неживой природы), частицы реальности.

Можно вполне согласиться с утверждением П.А. Флоренского о *вещности* западноевропейской философии, и шире, всей сферы рационального знания в целом. «Рационалисти-

ческое <...>жизне-понимание, – пишет Флоренский, – решительно не различает, да и не способно различить лицо и вещь, или, точнее говоря, оно владеет только одной категорией, категорией вещиности, и потому всё, что ни есть, включая сюда и лицо, овеществляется им и берётся как вещь, как res» [15, с. 78]. Нет человека, нет личности, есть лишь образ человека, образ личности, маска, persona, за которой скрывается более фундаментальная реальность, бытие как таковое, т.к. оно одно есть подлинно сущее.

Список литературы References

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта. Спб.: «Пневма», 2002. 880 с.
Antiseri D., Reale Dzh. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. Ot Vozrozhdeniya do Kanta. Spb.: «Pnevma», 2002. 880 s.
2. Бердяев Н.А. Моё философское мирозерцание // Н.А. Бердяев: proetcontra. СПб.: РХГИ, 1994. Кн. 1. 573 с.
Berdyayev N.A. Moyo filosofskoye mirosozertsaniye // N.A. Berdyayev: proetcontra. SPb.: RKHGI, 1994. Kn. 1. 573 s.
3. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 349 с.
Berdyayev N.A. Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i che-lovecheskogo. M.: AST: AST MOSKVA: KHRANITEL', 2006. 349 s.
4. Бибихин В.В. Благо // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
Bibikhin V.V. Blago // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4-kh t. M.: Mysl', 2010. T. 1. 744 s.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 408 с.
Dostoyevskiy F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. L.: Nauka, 1973. T. 5. 408 s.
6. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 11. 624 с.
Dostoyevskiy F.M. Sobr. soch.: v 12 t. M.: Pravda, 1982. T. 11. 624 s.
7. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. 630 с.
Kant I. Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike, mogushchey poyavit'sya kak nauka. Kant I. So-braniye sochineniy: v 8-mi t. M.: Choro, 1994. T. 4. 630 s.
8. Коплстоун Ф. История философии. XX век. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 269 с.
Koplstoun F. Istoriya filosofii. XX vek. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2002. 269 s.
9. Кураев А. Христианская философия и пантеизм. М.: Подворье Троице-Сергиевой Лавры, 1997. 134 с.
Kurayev A. Khristianskaya filosofiya i panteizm. M.: Podvor'ye Troitse-Sergiyevoy Lavry, 1997. 134 s.
10. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века // Хрестоматия по западной философии: Античность. Средние века. Возрождение. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 561-583.
Le Goff Zh. Intellektualy v sredniye veka // Khrestomatiya po zapadnoy filosofii: Antichnost'. Sredniye veka. Vozrozhdeniye. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. S. 561-583.
11. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика. 1999. 559 с.
Mun'ye E. Manifest personalizma. M.: Respublika. 1999. 559 s.
12. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 2. 728 с.
Spinoza B. Izbrannyye proizvedeniya: v 2-kh t. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy litera-tury, 1957. T. 2. 728 s.
13. Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
Solov'ev V.S. Sochineniya: v 2-kh t. M.: Mysl', 1988. T. 2. 822 s.
14. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1912. Т. 3. 408 с.
Solov'yev V.S. Chteniya o bogochelovechestve // Sobraniye sochineniy: v 10 t. SPb., 1912. T. 3. 408 s.
15. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990.
Florenskiy P.A. Stolp i utverzhdeniye istiny. M.: Pravda, 1990.
16. Шапошников Л.Е. Философия соборности: Очерки русского самосознания. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 200 с.
Shaposhnikov L.Ye. Filosofiya sobornosti: Ocherki russkogo samosoznaniya. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1996. 200 s.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 352.075

ИМИТАЦИИ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

IMITATIONS IN THE SYSTEM OF MUNICIPAL MANAGEMENT

В.П. Бабинцев, В.А. Титова
V.P. Babintsev, V.A. Titova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru; Titova_VA@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения имитационных практик в системе муниципального управления. Дается определение имитаций как системы действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются симуляциями в формах демонстраций, деклараций и декораций. На материалах социологического исследования демонстрируется, что имитации стимулируются корпоративным характером бюрократического управления и ведут к нарастанию отчужденности между муниципальной властью и населением.

Resume. The problem of distribution of imitating practices in the system of municipal management is analyzed in the article. Imitations are a system of actions when real values and senses are replaced and substituted for simulations in forms of demonstrations, declarations and decorations. On materials of sociological research it is shown that imitations are stimulated with corporate character of bureaucracy and conduct to increase of estrangement between municipal authority and the population.

Ключевые слова: муниципальное управления, имитации, имитационные практики, симулякры.
Key words: municipal management, imitations, imitating practices, simulacrums.

Новое индустриальное общество, довольно причудливым образом совмещающее в себе черты модерна, ретроархаики и так называемого постмодерна постоянно воспроизводит и распространяет элементы формальной рациональности, то есть рациональности для самой себя, в которой смыслы исчезают, а ритуалы приобретают доминирующее и единственно приемлемое значение.

Типичным примером формальной рациональности являются имитации, представляющие собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются симуляциями в формах демонстраций, деклараций и декораций. Масштабность подобной подмены не могла не стать объектом исследований и получила свое обоснование в различных вариантах концепций «утраты реальности», разработанных в трудах Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, А. Турена [См, напр., Бодрийяр Ж., 1993; Бодрийяр Ж., 1996; Делёз Ж., 1998; Лиотар Ж.-Ф., 1998].

Подменяющие реальность симулякры, в интерпретации этих авторов (разумеется, между их подходами имеются различия, Впрочем, не меняющие сути концепции) искусственно навязываются социуму в форме базовых системообразующих характеристик, смыслов, информационных кодов, превращаются в самодостаточную реальность, что означает деструкцию реального и упразднение социального. В результате общественная ситуация приобретает ряд характеристик, определяющих ее уникальность. К ним относятся:

- предельно широкое распространение практики замены реальности псевдореальностью, нередко не имеющей с действительностью ничего общего, искажающей;
- возвышение группы людей, создающих и мультиплицирующих симуляцию и рассматривающих себя в качестве новой генерации демиургов, а значит претендующих на особый, избранный статус;
- использование симулякров для тотального манипулирования массовым сознанием.

Посредством понятий симулякра социологии постмодерна удалось зафиксировать феномен тотальной семиотизации социального бытия, в процессе которого означаемое без означаемого приобретает статус единственной и самодостаточной реальности. Весьма существенно, что семиотизация охватывает и муниципальное управление. Казалось бы, она относится к числу сфер, наименее подверженных распространению имитационных практик в силу изначальной ориентированности муниципалитетов на реальные проблемы, включенности в их работу сравнительно широких слоев населения.

Особенности муниципального управления обычно раскрывают в следующих положениях:

- муниципалитет – это особенная организация, преследующая чисто социальные, некоммерческие цели (повышение жизненного уровня местного населения) и поэтому критерием эффективности и результативности его деятельности является не получение прибыли, как в обычной организации, а то, как живет местное население, то есть уровень и качество его жизни;

- муниципалитет в своем управлении должен опираться на использование главного своего местного ресурса – человеческого, поэтому принятие и реализация управленческих решений на муниципальном уровне происходят совершенно иначе, чем на любом ином уровне;

- муниципальное управление основано на ценностях, ресурсах, задачах и возможностях, связанных с местом непосредственного проживания человека; здесь человек ощущает себя привязанным к месту проживания невидимыми нитями любви к «малой Родине» и поэтому объективно заинтересован в обустройстве этого места, повышении качества и уровня своей жизни;

- муниципальное управление – это множество одновременно реализуемых задач, каждая из которых носит локальный, частный характер; из этого логически вытекает и стремление муниципальной власти решать каждую из этих задач локальными мерами [Гладков А.В., 2006, С. 49-50].

Однако даже на муниципальном уровне имитации получают широкое распространение.

Исследование, проведенное нами в 2011 году в Белгородской области (респондентами выступили муниципальные служащие (N=450 человек); население (N=700 человек) и эксперты (N=30 человек), показало: треть муниципальных служащих 79% экспертов 67% и граждан убеждены – имитации в настоящее время являются неотъемлемым элементом муниципального управления.

Примечательно, что носителями имитационных практик являются, практически, все участники управления, совместными усилиями которых на муниципальном уровне формируется своеобразный имитационный консенсус, заключающийся в конструировании правдоподобия и в конвенциональном принятии его в качестве основания для решений и действий. При этом правдоподобие представляет собой особый вид имитаций, в процессе которых ценности (правда – ценностная категория, в отличие от истины – категории гносеологической) замещаются их символическими изображениями, обладающими свойством «похожести» на социальные реалии в частности, но различающимися с ними в смысловом отношении.

Наиболее последовательным конструктором правдоподобия становится муниципальная бюрократия, изначально предрасположенная, согласно М. Веберу, к конструированию формальной рациональности. Этому способствует ряд особенностей бюрократического мышления, к числу которых относятся:

• **установка на упрощение (примитивизацию) социальных явлений и процессов**, стимулирует контрастное восприятие реальности, без учета нюансов и многообразия возможностей, в то время как социум становится все более вариативным, социальные системы – нелинейными, что, кстати, делает их потенциально открытыми для стратегических прорывов. Успех управления все более зависит от способности его акторов к вероятностному (пробабилитическому) мышлению. Но бюрократическая самоорганизация с ее установкой на стандартизацию «замыкает» личность на противоположный подход, главной ценностью в котором становится однозначность выбора, точнее его отсутствие. Возвышение шаблонности до уровня универсальной ценности губительно не только для управленческой культуры, но и для культуры в целом. Она

служит основанием для стандартизации мышления и восприятия любых отклонений, независимо от их содержания и потенциала, в качестве недопустимых, ненормальных и неприличных. Именно в результате такой подмены реальное развитие заменяется его симулякрами. В условиях сельских муниципальных образований эта тенденция стимулируется косностью социокультурной среды, которая многократно усилилась в последние десятилетия в результате деградации культуры и образования, причины которой связаны, в том числе, и с бюрократизацией этих сфер.

• **деформированный корпоративизм.** Корпоративный характер административной среды – явление вполне естественное, особенно сегодня, когда управление все чаще строится на основе командного принципа, а для определения корпорация приобретает ключевое значение понятие команды. Она понимается как «коллектив единомышленников, объединившихся вокруг лидера. Команда обычно существует и действует как структура, внутри которой неформальные отношения могут иметь не меньшее, а порой и более важное значение, нежели формальные» [Овчинников М.А., 2004, С. 28]. Это утверждение относится даже к чиновничьему корпоративизму в муниципальных структурах. Естественность корпоративных отношений применительно к системе муниципального управления в свое время успешно доказал в своей диссертации волгоградский исследователь И.Н. Воронин. И, несмотря на невосприимчивость к этой идее части научного экспертного сообщества, можно констатировать: корпоративные отношения на муниципальной службе не имеют однозначно негативного содержания. Групповая солидарность, независимо от того, где она проявляется, часто становится одним из необходимых условий достижения коллективных целей, защиты профессиональных интересов и самореализации личности [Воронин И.Н., 2007].

Негативные следствия корпоративизма проявляются при нарушении меры, когда поддержание их становится самоцелью, достигается неправовыми, либо аморальными способами, «свой» корпоративные интересы противопоставляются «чужим», которые изначально объявляются недопустимыми. В данном случае вполне применим вывод М.А. Овчинникова о складывании «нездоровой» корпоративной культуры. К числу ее признаков он относит принятие решений на основе личных взаимоотношений; враждебность к организационным изменениям; назначение менеджеров, ориентирующихся на текущие проблемы, но не на перспективу; нежелание использовать чужой опыт, существование «синдрома превосходства» [Овчинников М.А., 2004, С. 68-69]. Существенным маркером деформированного корпоративизма является группомыслие, представляющее собой состояние массового внутригруппового конформизма, обычно возрастающего по мере сплочения коллектива с одновременным непреднамеренным подавлением рефлексии и критики.

Деформированный бюрократический корпоративизм опасен еще и потому, что искажает систему коммуникаций между группами, поскольку не предполагает элементарного уважения к позиции контрагента – представителя иной (менее успешной корпорации). Приверженность этой установке, как администраторов, так и их подражателей из других статусных групп десоциализирует общественные практики, поскольку, если следовать М. Веберу, «социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [Вебер М., 1990, С. 626].

• **адхократическое (от ad hoc – по случаю) отношение к объектам управления и социальным проблемам,** если последние не затрагивают личные интересы администратора. Приоритет формальных оснований деятельности администратора делает его мало способным к осмыслению общих вопросов, к выявлению фундаментальных процессов и тенденций общественного развития. Общие вопросы требуют понимания исторических перспектив, готовности и способности выносить ценностные суждения. Но необходимым условием функционирования бюрократии является сознательный отказ от открытого обсуждения общих ценностно-смысловых проблем, право на которое передается руководителям.

В результате минимизируются возможности освоения администраторами технологии стратегического управления, несмотря на то, что такую задачу перед ними все чаще, но, как правило, безуспешно ставит руководство. Администратор, а особенно – государственный или муниципальный чиновник, ориентированы не на перспективу, но на ситуацию, поскольку от степени разрешения ситуативных проблем зависит оценка их деятельности. Адхократическое отношение к реальности присуще представителям различных социальных и профессиональных групп и используется ими в конкретных ситуациях, но только в бюрократической среде оно становится нормой и легитимируется, а попытка думать о будущем – непозволительным отклонением.

• **преувеличенная символическая демаркация,** как условие построения внутренних и внешних коммуникаций. Она выражается в строгом различении статусов, в наделе-

нии их повышенной ценностью и – соответственно – в перенесении статусных ценностей на личность. Демаркация постоянно и последовательно разделяет «своих» (то есть тех, кто непосредственно включен в административно-управленческий процесс или в какой-либо форме причастен к нему) и «чужих», остающихся «по ту сторону» аппарата управления, являющихся объектом воздействия. Символически демаркация выражается в наличии системы чинов (на государственном и муниципальном уровне), использовании специфической лексики, возможности участия в престижных акциях (мероприятия), демонстрации доступа к эксклюзивной информации и людям, квалифицируемым как носители власти (демонстрация связей). Внутри самой административной системы ее участники разграничиваются по должностям. При этом каждый шаг продвижения по карьерной лестнице сопровождается наращиванием символического капитала человека.

• **идеализация и универсализация практики административного контроля.** Убежденность, если не во всеилии, то, по меньшей мере, в исключительно широких возможностях контролирующих практик является типичной чертой представителей бюрократической системы. При этом контроль воспринимается чиновниками крайне односторонне, как формальный акт, осуществляемый официально, уполномоченными на это структурами и должностными лицами. Неформальное контролирующее воздействие, реализуемое институтами гражданского общества и отдельными гражданами, обычно формально декларируется, но далеко не всегда приветствуется на практике. Более того, государственные и муниципальные чиновники часто создают сложную систему барьеров, препятствующих повышению уровня открытости их деятельности и доступности для внешней оценки.

• Создание таких барьеров сочетается с более или менее ясно выраженным, но устойчивым стремлением расширять пределы формального контроля, увеличивать число подлежащих ему объектов, делать все более изощренными формы и методы и усиливать жесткость регламентирующих контроль правил и соответствующих практик, заменяя ими реальные действия.

• **системное воспроизводство иррационализма,** точнее «транспрационализма», воплощающегося в практике квазирационального конструирования формальных систем при исключении рационально обоснованных смыслов. В практике управления довольно часто возникает парадоксальная ситуация, характеризующаяся химерическим сочетанием логики конкретных технологически выстроенных действий, в рамках которой каждое последовательное более или менее органично увязывается с предыдущим и потому является обоснованным, и их содержательной абсурдностью в контексте исторической перспективы. Безусловно, транспрациональные практики имеют различную степень распространения в организациях и корпорациях, что в значительной степени определяется спецификой сферы деятельности, ограничивающей возможности административного абсурда. Но, в любом случае, эта тенденция имеет место, формируя у администраторов психологию двойных стандартов.

Эти черты бюрократического формально-рационального сознания (а следует отметить, что в современной России получает распространение корпоративный тип бюрократии, наиболее склонный к продуцированию формальной рациональности) стимулируют внедрение имитационных практик. В ходе проведенного нами исследования это подтвердили эксперты, которые выделили следующие наиболее распространенные имитации: формулировка внешне привлекательных, но недостижимых целей (61%); изображение чиновниками бурной деятельности при реальной пассивности (39%); создание функционально необоснованных структур (39%); производство никому не нужных бумаг (33%); проведение формальных процедур, не влияющих на принятие решений (28%); организацию мероприятий «для галочки» (28%).

Склонность современных муниципальных чиновников к конструированию правдоподобия стимулируется рядом факторов.

Во-первых, такая установка является следствием корпоративного характера бюрократического управления. Российский муниципальный чиновник, вопреки сути муниципального управления, чрезмерно ориентирован не на объект, но на себя или руководство. Опрос, в частности, показал: только 37% муниципальных служащих указали, что представляют «интересы населения»; 29% – «интересы руководства», 17% – «интересы государства», 5% – «собственные интересы». Остальные не ответили, что дает серьезные основания усомниться в их ориентации «на народ». Примечательно, что лишь 10% жителей убеждены: муниципалы представляют интересы населения.

Во-вторых, имитации являются своеобразной защитной реакцией муниципальных служащих на чрезмерное усложнение задач при явном дефиците необходимых для их решения ресурсов. Это усложнение проявляется в нарастании формальных требований (67% чиновников отметили эту тенденцию), росте бумагооборота.

В-третьих, склонность к имитациям представляет собой своеобразную квазитехнологию «снятия ответственности» в тех случаях, когда поставлены нереальные задачи. В этом убеждены 39% экспертов.

Наконец, в-четвертых, чиновники все чаще берут имитации на вооружение тогда, когда ощущают свою недостаточную профессиональную компетентность.

В результате имитаций в муниципальном управлении нарастает сложность и противоречивость социальной реальности. Главный деструктивный эффект имитационных практик (мы не отрицаем, что в некоторых случаях они дают и позитивный результат, например, сглаживая часть конфликтов, облегчая адаптацию к неблагоприятной реальности) состоит в размывании различий между действительными и мнимыми смыслами муниципального управления, его общезначимыми и сутубо корпоративными функциями.

Последствия имитационной деятельности в муниципальном управлении приобретают все более негативный характер. Они выражаются, прежде всего, в росте социального отчуждения, кризисе доверия населения к местной власти.

Список литературы References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Сб. переводов и рефератов. – Минск. Без изд., 1996. – С. 32-47.
Bodriyyar ZH. Simulyakry i simulyatsii // Filosofiya epokhi postmoderna. Sb. perevodov i referatov. – Minsk. Bez izd., 1996. – S. 32-47.
2. Бодрийяр Ж. О возвращении // Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. – М., 1993.
Bodriyyar ZH. O sovrashchenii // Ad Marginem'93. Yezhegodnik Laboratorii postklassicheskikh issledovaniy IF RAN. – M., 1993.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 805 с.
Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. – M., 1990. – 805 s.
4. Воронин И.Н. Управление развитием корпоративных отношений в органах местного самоуправления города (на материалах Волгоградской области): Диссертация ... канд. соц. наук: 22.00.08. Белгород, 2007. – 181 с.
Voronin I.N. Upravleniye razvitiyem korporativnykh otnosheniy v organakh mestnogo samoupravleniya goroda (na materialakh Volgogradskoy oblasti): Dissertatsiya ... kand. sots. nauk: 22.00.08. Belgorod, 2007. – 181 s.
5. Гладков А.В. Проблемы городского муниципального управления в Российской Федерации // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 8 (48). – С. 47-53.
Gladkov A.V. Problemy gorodskogo munitsipal'nogo upravleniya v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 8 (48). – S. 47-53.
6. Делёз Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э.П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
Deloz ZH. Razlichie i povtoreniye / Per. s fr. N. B. Man'kovskoy i E.P. Yurovskoy. – SPb.: Petropolis, 1998. – 384 s.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н. А. Шматко. – М., Спб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998. – 160 с.
Liotar ZH.-F. Sostoyaniye postmoderna / Per. s frants. N. A. Shmatko. – M., Spb.: Institut eksperimental'noy sotsiologii: Aleteyya, 1998. – 160 s.
8. Овчинников М.А. Корпоративная культура в системе социального управления: Диссертация ... канд. социол. наук. 22.00.08. – М., 2004. – 116 с.
Ovchinnikov M.A. Korporativnaya kul'tura v sisteme sotsial'nogo upravleniya: Dissertatsiya ... kand. sotsiol. nauk. 22.00.08. – M., 2004. – 116 s.

УДК: 316.48-057.34 (470.325)

**ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ КУЛЬТУРЫ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**DIAGNOSIS OF THE CULTURE OF CONFLICT INTERACTION MUNICIPAL
EMPLOYEES BELGOROD REGION**

В.В. Бахарев, А.Ю. Шиликов
V.V. Baharev, A.U. Shilikov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: shadow.ne@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрена диагностика культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих, которая заключается в определении инструментов, позволяющих привить муниципальным служащим нормы и ценности взаимодействия в процессе протекания конфликта, направленные на извлечение максимальной пользы из конфликтной ситуации. Исследование способствовало выявлению определенных групп риска муниципальных служащих: «служащие с неудовлетворенными амбициями»; «несамостоятельные руководители»; «мнимые управленцы»; «непризнанные профессионалы»; «несгибаемые характеры»; «характеры двойных стандартов»; «нерефлексирующие служащие»; «инертные нигилисты». Повышение общего уровня культуры конфликтного взаимодействия станет возможным только в том случае, если для каждого из перечисленных сегментов (групп риска) будет разработана отдельная технология формирования культуры конфликтного взаимодействия.

Resume. In this article, we examined the diagnostic culture of conflict interaction of municipal employees, which is to identify the tools that allow municipal employees to instill norms and values of the interaction in the course of a conflict aimed at extracting maximum benefit from the conflict situation. The study helped to identify certain risk groups of municipal employees, "employees with unsatisfied ambitions", a "non-leaders", "imaginary managers," "non-recognized professionals", "die-hard characters", "characters of double standards", "unreflected employees," "inert nihilists". "Raising the general level of culture of conflict interaction will be possible only if each of these segments (risk groups) will be developed single technology creating a culture of conflict interaction.

Ключевые слова: культура, конфликт, конфликтное взаимодействие, муниципальный служащий, культура конфликтного взаимодействия.

Key words: culture, conflict, conflict interaction, a municipal employee, the culture of conflict interaction.

Введение

Диагностика культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих особо актуальна в условиях реформирования и трансформации социальных систем, когда «возможности диагностики значительно расширяются, так как она позволяет не только получать нужную для принятия оптимальных решений информацию, но и наблюдать за отмиранием старого, зарождением и становлением нового» [Сурмин 2004].

Диагностика по своему целевому назначению не является эвристическим, творчески-познавательным процессом, так как в ее задачи не входит поиск и открытие новых законов или тенденций, приращение новых социальных знаний. Ее основное предназначение – подведение явлений социальной реальности под уже известные классы событий, состояний, явлений общественной жизни, а также выявление фактов, признаков и свойств известных, раньше установленных моделей или типов.

Любая сегодняшняя технология в большей или меньшей степени наследует готовые образцы и формы. Развиваясь под воздействием требований современности, каждая технология не может не учитывать прошлый опыт, другие технологии [Дятченко 1993].

Технологии социологической диагностики представляют собой достаточно эффективные процедуры и способы получения достоверного диагностического результата. Их цели и задачи не сводятся только к оценке состояния функционирования или развития социальной системы, отметим, что вопросами анализа культуры конфликтного взаимодействия

субъектов управленческой деятельности белгородские ученые стали заниматься совсем недавно.

Социологическая диагностика культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих, прежде всего, предполагает:

- 1) оценку уровня профессиональной удовлетворенности служащих, детерминирующей их профессиональную деятельность;
- 2) исследование личностных конфликтов интересов муниципальных чиновников;
- 3) определение качества профессионально-личностного взаимодействия специалистов;
- 4) оценку уровня конфликтности на муниципальной службе в процессе взаимоотношений;
- 5) выбор стратегии урегулирования конфликтов муниципальных служащих в процессе осуществления профессиональной деятельности;
- 6) анализ готовности муниципальных служащих к освоению культуры конфликтного взаимодействия.

Для диагностики культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих Белгородской области нами было проведено социологическое исследование «Диагностика состояния культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих Белгородской области» в феврале – марте 2013 года.

Исследование включало в себя:

– анкетный опрос муниципальных служащих Белгородской области по проблемам формирования культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих (выборочная совокупность – 500 респондентов);

– экспертный опрос, направленный на анализ проблем формирования культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих (выборочная совокупность – 20 респондентов). Эксперты отбирались среди руководителей органов местного самоуправления, ученых, преподавателей вузов, занимающихся исследованиями в данной отрасли научного знания.

Рассмотрим последовательно итоги реализации заявленных нами исследовательских задач диагностики культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих.

Оценка уровня профессиональной удовлетворенности муниципальных служащих связана с исследованием мотивов и стимулов, определяющих их профессиональные действия.

Исследование степени соответствия выполняемой работы муниципальных служащих уровню их квалификации показало, что практически половина опрошенных респондентов (47.80%) считает выполняемую ими работу на данный момент вполне соответствующей уровню их квалификации. Еще 43.80% чиновников считают, что уровень их квалификации выше.

Полученное распределение данных позволяет предположить, что оценки муниципальных служащих все же в некоторой степени являются завышенными. В дальнейшем мы постараемся подтвердить данное предположение. Кроме того, результаты, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что есть доля и тех специалистов, которые считают, что их квалификация ниже той работы, которую они выполняют в настоящее время (2.20%). Мы полагаем, что подобная оценка муниципальными служащими в максимальной степени является объективной. Носители такого мнения, как правило, теряют мотивацию к выполнению должностных обязанностей, что, в конечном счете, выражается в неудовлетворенности специалистов муниципального управления своей профессиональной деятельностью. Она может зависеть от нескольких факторов, например, как от низкой заработной платы, так и от невозможности повышения по должности. Удовлетворенность профессиональной деятельностью – важный фактор, определяющий характер поведения сотрудника в социально-профессиональной среде. Такое поведение во многом обуславливает культуру профессионального взаимодействия в целом и конфликтного взаимодействия в частности.

Исследование удовлетворенности муниципальных служащих своей профессиональной деятельностью показало, что всего 39.40% респондентов удовлетворены своей работой. Почти каждый третий опрошенный специалист органов местного самоуправления не удовлетворен своей профессиональной деятельностью. Еще 29% опрошенных затруднились оценить.

Результаты опроса позволяют выделить первую группу риска – социальный сегмент муниципальной службы, в котором эскалация социальных конфликтов возможна в большей степени. Это муниципальные служащие, полагающие, что их квалификация выше, чем выполняемая ими работа, и одновременно с этим – неудовлетворенные своей профессиональ-

ной деятельностью. Назовем эту группу – **«служащие с неудовлетворенными амбициями»**. Таковых, как показывает корреляционный анализ, 15,27 % от общего числа служащих.

Исследование показало, что неудовлетворенность муниципальных служащих условиями профессиональной деятельности связана со следующими факторами: «не устраивает заработная плата» – 30.20%; «трудно реализовать свои способности» – 24.20%; «нет перспектив профессионального роста» – 14.20%.

Данное распределение ответов вполне ожидаемо и свидетельствует о недостаточной работе по формированию новых мотивирующих факторов на муниципальной службе. По нашему мнению, высокая неудовлетворенность заработной платой и реализацией своих способностей в профессиональной деятельности – важный фактор, влияющий на состояние культуры конфликтного взаимодействия специалистов с руководством (вертикального взаимодействия «подчиненный – начальник»).

Среди тех респондентов, которые не удовлетворены условиями своей самореализации, 17.58% от общего числа муниципальных служащих занимаются главным образом подготовкой служебных документов.

Самооценка муниципальных служащих в принятии управленческих решений свидетельствует о том, что 9.40% респондентов постоянно принимают управленческие решения, а 21% – не приходится этого делать вообще.

Отметим, что 18.87% руководителей указали, что им редко приходится принимать самостоятельные управленческие решения. Допустим, что такое положение дел связано с зависимостью некоторых муниципальных структур от вышестоящих. Это в свою очередь нарушает принцип эффективного управления на муниципальной службе, где каждое структурное подразделение выполняет закрепленные за ними функции. Предположим, что давление свыше может способствовать проявлению конфликтности как внутри определенной структуры, так и между определенными подразделениями.

Таким образом, результаты опроса позволяют определить еще одну группу риска, поведение членов которой может быть объективно конфликтным – это руководители подразделений местных администраций, которые ограничены в управленческих полномочиях. Назовем эту группу – **«несамостоятельные руководители»**.

В то же время выделяется и еще одна группа риска – это рядовые муниципальные служащие, которые, по их собственному мнению, часто (или даже постоянно) принимают управленческие решения. Таковых 2.42% (1.6% от общего числа муниципальных служащих). По сути, сам факт принятия управленческих решений не руководителем входит в противоречие (конфликт) с логикой социально-профессионального взаимодействия.

Таким образом, наличие таких муниципальных служащих, которые считают, что их решения можно отнести к управленческим, свидетельствует о риске конфликта полномочий. Назовем эту группу – **«мнимые управленцы»**.

В этой связи представляется интересной оценка того, чем руководствуются муниципальные служащие в процессе принятия самостоятельных управленческих решений (таблица 5). Для большинства респондентов главным в этом процессе являются нормативные документы (67.20%) и рекомендации руководителей (41.80%).

Тем не менее, полученные данные прямо не отвечают на вопрос, в какой мере профессиональная деятельность у большинства муниципальных служащих является рационально осознанной. Скорее всего, этого, как правило, не происходит, поскольку подобное осознание, по нашему мнению, должно непременно сопровождаться повышением интереса к научным рекомендациям как к основанию принятия и реализации решений. Между тем, только 2.20% респондентов указали их как основание для принятия управленческих решений.

Опора на нормативные документы должна быть важным, но не единственным фактором при принятии решений, поскольку сами эти документы не всегда совершенны, а опора на рекомендации руководителей в некоторой степени предполагает отстранение от ответственности и отсутствие собственной позиции.

В настоящее время в среде муниципальных служащих наблюдается недооценка научного сопровождения социально-профессиональной деятельности, что, безусловно, косвенно свидетельствует о том, что социальные взаимодействия носят скорее стихийный характер, либо характер, основанный на опыте предыдущих практик.

Социологический опрос позволил сделать вывод о том, что большинство муниципальных служащих не испытывают затруднений при выполнении своих должностных обязанно-

стей. Так, 10% специалистов испытывает трудности при установлении целей и задач своей деятельности; 20% – при разработке стратегий и планов решения проблем и определении ресурсов, необходимых для решения задач; 6% – в процессе организации людей для выполнения планов; 2.20% – в процессе общения с коллегами.

Оценка востребованности интеллектуального потенциала показала, что лишь 28.20% служащих считают, что их интеллект востребован в полной мере.

Отрицательные ответы – «в сфере, в которой я работаю, интеллект не востребован» и «сомневаюсь, что это кому-нибудь нужно» – дали 20% и 23.20% респондентов соответственно. При этом многие участники опроса затруднились с выбором позиции. Полученное распределение данных позволяет сделать вывод о том, что в органах местной власти необходимо создание таких условий, при которых система мотивации муниципальных служащих была бы поставлена в прямую зависимость от реализации их интеллектуального потенциала.

Удовлетворенность муниципальных служащих признанием успехов в профессиональной деятельности получила достаточно низкую оценку. Так, лишь немногим более трети респондентов удовлетворены признанием их успехов. Ровно столько не удовлетворены, и еще 25% затруднились с ответом. Это позволяет нам выделить четвертую группу риска – «**непризнанные профессионалы**», характеризующуюся наличием неудовлетворенных потребностей в признании результатов работы.

Исследование личностных конфликтов интересов муниципальных чиновников предполагает сопоставление профессиональных ценностей и персональных интересов муниципальных служащих.

Диагностика степени значимости профессиональных ценностей муниципальных служащих показала, что наиболее значимыми для них ценностями являются глубокие знания в области профессиональной деятельности (64.60%) и атмосфера социально-психологической гармонии (30.20%).

Отметим, что для всех должностных категорий служащих набор наиболее важных ценностей является практически одинаковым. Исключение составляют лишь обеспечивающие специалисты, для которых помимо глубоких знаний в профессиональной деятельности (79.59%) большое значение имеют и социальный статус работы и личности (38.78%).

Главная цель деятельности органов местного самоуправления – это обеспечение населения всевозможными экономическими и социальными благами. Однако данные исследования не подтверждают стремления служащих к достижению этой цели, поскольку благополучие населения лишь для 18.80% опрошенных является важной ценностью. Таким образом обнаруживает себя проблема незаинтересованности муниципальных служащих в обеспечении благополучия населения.

Экспертная оценка ценностной системы муниципального служащего практически не отличается от ответов самих управленцев. Эксперты также считают, что глубокие знания в области профессиональной деятельности (65%) и атмосфера социально-психологической гармонии (30%) являются в настоящее время наиболее важными для служащих. При этом лишь 20% экспертов полагают, что благополучие населения является значимой ценностью муниципального служащего. Тем не менее, полученные данные свидетельствуют об ориентации муниципальных служащих на рациональное профессиональное целеполагание.

Наличие рациональных профессиональных целей можно также выявить путем исследования характера установок (стимулов), наиболее важных для управленца. Если в предыдущем случае мы говорили о том, какие ценности являются наиболее важными для муниципального служащего, то теперь речь идет о факторах, которые делают эту работу более успешной.

Среди различных вариантов ответа респонденты поставили на первое место повышение оплаты труда (59.80%) и благоприятную атмосферу в коллективе (59.40%), т.е. внешние факторы, не связанные с характером и содержанием профессиональной деятельности. Среди стимулов, влияющих на результаты профессиональной деятельности, респонденты выбирают также карьерный рост (42.20%), поддержку и одобрение руководства (37.80%), объективную оценку результатов деятельности (35%), ощущение полезности своей деятельности (24.20%). На последнем месте значится предоставление социальных благ и льгот (16.2%).

Такое распределение ответов вполне естественно и соответствует модели ценностных ориентиров в профессиональной деятельности.

В данном случае интересна оценка экспертами проявления личностных конфликтов муниципальных служащих в процессе осуществления профессиональной деятельности. Большинство экспертов полагает, что для специалистов органов местного самоуправления

типично, прежде всего, использование ресурсов муниципальной службы в личных интересах. Еще половина представителей экспертного сообщества считает, что служащие используют свое служебное положение для лоббирования интересов. Всего 15% экспертов отмечают «конфликты интересов, связанные с подарками и взяточничеством» как типичную личностную характеристику муниципального служащего.

Социологический опрос дает основание утверждать, что мышление абсолютного большинства муниципальных чиновников является технологичным. Специалисты не испытывают трудности в процессе применения технологий определения отношения к окружающим, выявления мотивов поведения других людей, поиска общего языка с окружающими и организации взаимодействия с окружающими. Однако немногим менее третьей части опрошенных респондентов испытывают трудности при попытке изменить свои взгляды. Мы полагаем, что этот показатель является важным фактором, который в настоящее время не способствует становлению высокого уровня культуры конфликтного взаимодействия на муниципальной службе.

Обращение к корреляционному анализу показывает, что к тем респондентам, которые испытывают затруднения при попытке изменить свои взгляды, относятся 27.40% муниципальных служащих. Это позволяет выделить еще одну группу риска – **«несгибаемые характеры»**.

Определение качества профессионально-личностного взаимодействия специалистов предполагает анализ используемых в профессиональной деятельности технологий работы и степени удовлетворенности муниципальных служащих своим окружением, определяющих условия формирования и развития культуры конфликтного взаимодействия на муниципальной службе.

Обратимся к анализу ответов респондентов на вопрос о частоте применения форм профессионального взаимодействия муниципальных служащих.

Результаты, представленные в таблице, показывают, что, с одной стороны, специалисты во взаимоотношениях с коллегами при решении профессиональных задач применяют рациональное убеждение, обращение за советом и личный пример. С другой – отрицают «использование различных ухищрений», «создание коалиций против кого-либо», принуждение и агрессию.

С исследовательской точки зрения интерес представляет категория служащих, испытывающих затруднения при попытках изменить свои взгляды, при этом активно применяющих рациональное убеждение во взаимоотношениях с коллегами при решении профессиональных задач. Таковых респондентов – 37.23%. Поведение таких муниципальных служащих несет в себе двойные стандарты: они не могут принять рациональное убеждение сами, если это убеждение противоречит их взглядам, но, тем не менее, используют метод убеждения по отношению к коллегам, рассчитывая на то, что их взгляды в большей степени подвержены изменениям.

Таким образом, диагностирована еще одна, пожалуй наиболее существенная, группа риска – **«характеры двойных стандартов»**.

Кроме того, на качество профессионально-личностных отношений большое влияние оказывает и степень удовлетворенности муниципальных служащих отношениями с коллегами. Отметим, что большинство респондентов в той или иной степени удовлетворены отношениями с руководством муниципального образования (72%), отношениями с непосредственным руководителем (78.20%), отношениями в коллективе (88.40%).

Между тем последующий анализ покажет, что высокая удовлетворенность служебными отношениями вряд ли может считаться показательной в отношении измерения уровня культуры конфликтного взаимодействия. Специфика опроса муниципальных служащих об отношениях с коллегами, руководством неизбежно сопровождается формализмом ответов, присущим данной статусной группе – гражданским служащим.

Оценка уровня конфликтности на муниципальной службе в процессе взаимоотношений предполагает определение частоты возникновения конфликтов на муниципальной службе и обоснование формы их проявления.

Исследование позволило определить частоту проявления конфликтов на муниципальной службе. Более половины опрошенных респондентов в той или иной степени вступают в конфликты на муниципальной службе. 31% специалистов органов местной власти утверждают, что им не приходится вступать в конфликты в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Эти результаты имеют очевидную выраженность проявления конфликтных ситуаций на муниципальной службе. В свою очередь, диагностированные ранее способы развития конфликтов, по утверждению специалистов, практически не используются (агрессия, принуждение, создание коалиций против кого-либо и т.д.). Таким образом, подтверждается предположение о том, что **служащие не склонны придавать конфликту публичный характер**.

Опрос также позволил определить долю муниципальных служащих, находящихся в состоянии конфликта со своими коллегами. Так, практически каждый третий работник органов муниципальной власти в настоящее время состоит в конфликте.

Как показали результаты диагностики, формы проявления конфликтов на муниципальной службе различны. Однако основной является «предъявление претензий друг к другу» (23.16%).

Отметим, что еще 23.73% муниципальных служащих, состоящих в настоящее время в конфликте, не смогли определить, какие формы конфликтного взаимодействия они при этом используют. В этой связи примечательно то, что абсолютное большинство работников не считают себя конфликтными людьми (94.20%).

Представленные данные наглядно демонстрируют, что доля конфликтных служащих составляет 1.80% из всей исследуемой группы респондентов. Таким образом, обнаруживает себя еще одна группа риска среди тех, кто состоит в конфликте и одновременно не считает себя конфликтным. Условно назовем ее – «**нерефлексирующие служащие**» (27.80%).

В данном случае вполне логичной представляется оценка муниципальными служащими уровня конфликтности своих коллег. Так, 44% респондентов могут назвать некоторых своих коллег конфликтным человеком, а еще 37% так не считают.

Такое распределение вполне ожидаемо и характеризует современное состояние развития муниципальной службы: **субъекты управления ориентированы на поиск негативных характеристик своих коллег и отрицают рефлексию**. Данное утверждение показательно для культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих. Проблема эгоцентризма муниципального служащего является значимым барьером на пути формирования культуры конфликтного взаимодействия специалистов органов местного самоуправления.

Исследование данного элемента культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих предполагало оценку уровня конфликтности экспертами. Так, большинство из них сошлось во мнении, что конфликты на муниципальной службе возникают, прежде всего, из-за некомпетентности руководителей (55%) и неспособности осознать происходящее в коллективе (35%).

Экспертная оценка выявила целый ряд причин, способствующих проявлению конфликтов в профессиональной деятельности работников органов местного самоуправления. Эксперты также отмечают, что конфликты на муниципальной службе чаще всего возникают в сфере отношений с населением.

В целом, полученные данные подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о том, что культура конфликтного взаимодействия муниципальных служащих в настоящее время пока еще находится на начальной стадии своего формирования. Конфликты на муниципальной службе имеют систематический характер. Разрешение данной проблемы требует глубокого научного осмысления, как со стороны руководителей муниципальных структур, так и со стороны ученых, прежде всего, занятых исследованием социально-профессиональных отношений в органах местного самоуправления.

Выбор стратегии урегулирования конфликтов муниципальных служащих в процессе осуществления профессиональной деятельности – следующий элемент диагностики культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих – предполагает определение готовности муниципальных служащих к освоению технологий урегулирования конфликтных ситуаций и опыта в их разрешении.

Установка на освоение технологий урегулирования конфликтов муниципальными служащими продиктована общим трендом развития института государственной и муниципальной власти. Опрос показал, что многие чиновники такими технологиями владеют. Так, 41.80% муниципальных служащих владеют способами определения причин конфликтов; 40.20% – методами оценки конфликта; 35.80% – технологиями ведения переговоров; 39.80% – методами выбора стратегии разрешения конфликта.

Анализ оценок муниципальных служащих, связанных с возможностью применения на практике методов урегулирования конфликтов, показал, что 60% опрошенных используют данные методы.

Основным методом урегулирования конфликтов является разъяснение требований к работе. Так считает 32.81% специалистов органов местного самоуправления (таблица 18). В этой связи необходимо подчеркнуть: главная ошибка муниципальных служащих заключается в том, **что этот метод не разрешает конфликт, а переводит его в латентную форму. Он не искореняет причину самого конфликта.**

Муниципальные служащие в процессе урегулирования активно применяют технологию сглаживания конфликта (20.63%). Все остальные методы урегулирования конфликтов в среде муниципальной службы используются достаточно редко. Кроме того, еще 36% респондентов затруднились с ответом. Это, скорее всего, свидетельствует о том, что **в процессе урегулирования конфликтов работники действуют интуитивно, не используя при этом эффективные способы и методы.** Данный подход по своей сути является иррациональным и зачастую неэффективным.

Исследование данного вопроса актуализирует анализ ответов респондентов на следующий вопрос, позволяющий определить основных субъектов разрешения конфликтов. По мнению муниципальных служащих, урегулирование конфликтов чаще всего на себя берет непосредственный начальник (19.80%). Кроме того, 19.60% респондентов утверждают, что разрешение конфликтов происходит путем прихода к компромиссу всех участников конфликта и 17% считают, что разрешение конфликта является долгом одного из непосредственных его участников. Остальные варианты ответов, по мнению участников исследования, не пересекают порог 8%.

Полученные результаты свидетельствуют об определенном потенциале к формированию культуры конфликтного взаимодействия специалистов органов местного самоуправления. Главным барьером на пути ее формирования обусловлен тем, что муниципальные служащие не ориентированы на применение научно обоснованных технологий в процессе урегулирования конфликтов.

Диагностика выбора стратегии урегулирования конфликтов муниципальных служащих в процессе осуществления профессиональной деятельности предполагала и оценку экспертов, направленную на определение основных барьеров развития культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих. К таковым барьерам половина представителей экспертного сообщества отнесли *слабую работу по внедрению новых управленческих технологий и неэффективную систему мотивации труда*. Еще 45% экспертов барьером развития культуры конфликтного взаимодействия обозначили отсутствие общих целей, которые объединяли бы коллектив.

Эксперты также считают, что нормы существующего законодательства отражают механизмы разрешения конфликтов на муниципальной службе лишь частично (60%).

Анализ степени готовности муниципальных служащих к освоению культуры конфликтного взаимодействия – последний элемент диагностики, предполагающий выявление чиновниками представления о понятии «культура конфликтного взаимодействия», а также определение степени готовности повысить уровень культуры конфликтного взаимодействия.

Такая исследовательская работа необходима для получения ответа на вопрос о жизнеспособности идеи формирования высокого уровня культуры конфликтного взаимодействия на муниципальной службе.

Результаты ответов респондентов на вопрос об информированности о культуре конфликтного взаимодействия можно сделать вывод о том, что слышали о данном феномене немногим более половины муниципальных служащих (55.80%), а совсем не знают о нем – 28.20% при 28% затруднившихся ответить.

Эксперты более информированы о самом понятии культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих. Таковых среди них – 65%. Однако тот факт, что даже треть экспертов не могут утвердительно ответить на вопрос об информированности о культуре конфликтного взаимодействия, говорит о зачаточном состоянии освоения этого явления как на теоретическом уровне, так и на практическом.

Наличие более четких представлений о содержании культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих признает меньшее число респондентов – 43.80%.

Практика ответов на подобные вопросы (о знаниях явлений и процессов) показывает, что и оценки респондентов, и экспертные оценки в данном случае могут быть несколько завышены. Даже если муниципальные служащие владеют информацией об основах теории конфликтологии, это не означает обязательного наличия у них целостного представления о

культуре конфликтного взаимодействия. В идеале же ее целенаправленное формирование должно начинаться с объяснения смысла ключевого понятия, чтобы обозначить различие между предпосылками социально-конфликтной деятельности в сфере муниципального управления и собственно осуществлением такой деятельности. А этого, как показывают социологические данные, пока не произошло.

Наряду с представлением о культуре конфликтного взаимодействия как таковой, интерес представляет диагностика интерпретации муниципальными служащими самого понятия. Среди предложенных вариантов респонденты, считающие себя осведомленными о предмете нашего исследования, полагают, что культура конфликтного взаимодействия включает в себя, прежде всего технологии разрешения конфликта (34.80%) и культуру поведения чиновника (30%) – таблица 23.

Второй по популярности ответ – культура поведения чиновника – все же достаточно далек от истинного смысла культуры конфликтного взаимодействия. Соответственно, данный вопрос анкеты является своего рода фильтром, позволяющим скорректировать в сторону уменьшения долю управленцев, имеющих общее представление о ней. Полученные данные свидетельствуют о том, что реальное представление о культуре конфликтного взаимодействия наблюдается приблизительно у 29% муниципальных служащих.

Компетентность экспертов по данному вопросу в целом не вызывает сомнения. Представители данной группы полагают, что исследуемый феномен характеризуется, прежде всего, технологиями разрешения конфликтов (50%) и манерой и образцами поведения в конфликтных ситуациях (40%).

Внушает определенный оптимизм выраженная готовность муниципальных служащих к повышению своего уровня культуры конфликтного взаимодействия. 65% респондентов хотели бы повысить ее уровень.

Среди тех респондентов, которые не имеют представления о понятии культуры конфликтного взаимодействия, каждый третий и не желает повышать ее уровень. Таких муниципальных служащих в общем объеме выборки – 6% – и они составляют еще одну группу риска, которую мы условно называем – **«инертные нигилисты»**.

В этой связи вызывает интерес оценка экспертами качества профессионального обучения технологиям конфликтного взаимодействия. Большинство экспертов (60%) полагает, что в настоящее время обучение муниципальных служащих основам поведения в конфликтных ситуациях скорее неэффективно. Главной причиной этого, по их мнению, является то, что современные муниципальные служащие не понимают необходимости знания основ культуры конфликтного взаимодействия. Кроме всего прочего, эксперты также отмечают, что образование на сегодняшний день ориентировано на разрешение других социально-экономических противоречий.

Большая часть опрошенных экспертов полагает, что идея специального обучения навыкам конфликтного взаимодействия найдет поддержку у муниципальных служащих. Сами эксперты также положительно оценивают данную инициативу.

Эксперты уверены и в том, что повышение уровня культуры конфликтного взаимодействия может оптимизировать процесс муниципального управления в целом.

Необходимо обратить внимание на мнение экспертов о том, что преподаватели системы повышения квалификации муниципальных служащих должны являться основным субъектом обучения культуре конфликтного взаимодействия.

Социологическое исследование также было нацелено на измерение уровня интеграции проектного управления в деятельность органов местного самоуправления. Это обосновано тем, что проектная деятельность в управлении в последнее время зарекомендовала себя как эффективный метод решения организационных, социальных, экономических задач. Следовательно, формировать культуру конфликтного взаимодействия целесообразно на основе механизмов проектного управления.

Многим специалистам органов местного самоуправления известно, что организация муниципальной службы в настоящее время ориентирована на проектное управление (73%). При этом 30.20% респондентов согласны с утверждением о том, что проектное управление способствует повышению уровня конфликтного взаимодействия. Среди экспертов такого мнения придерживаются 35%.

Выводы

Таким образом, диагностика состояния культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих Белгородской области позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. Диагностика культуры конфликтного взаимодействия показала, что в среде муниципальных служащих существует смещение в ценностных ориентирах: для большинства специалистов благополучие населения не является значимым. Важной ценностью являются условия профессионального благополучия. Это глубокие знания в области профессиональной деятельности, атмосфера социально-психологической гармонии и благополучие в личной жизни.

2. Практика служебных взаимодействий муниципальных служащих сопряжена с поведением, характеризующимся двойными стандартами. Так, например, респонденты считают одновременно себя неконфликтными людьми и конфликтными – своих коллег.

3. Культура конфликтного взаимодействия муниципальных служащих характеризуется непубличностью конфликтов. Это является нормальным условием функционирования организаций муниципального управления.

4. Исследование способствовало выявлению определенных групп риска муниципальных служащих: «служащие с неудовлетворенными амбициями»; «несамостоятельные руководители»; «мнимые управленцы»; «непризнанные профессионалы»; «несгибаемые характеры»; «характеры двойных стандартов»; «нерефлексирующие служащие»; «инертные нигилисты». Повышение общего уровня культуры конфликтного взаимодействия станет возможным только в том случае, если для каждого из перечисленных сегментов (групп риска) будет разработана отдельная технология формирования культуры конфликтного взаимодействия.

5. Первичными носителями высокого уровня культуры конфликтного взаимодействия должны стать муниципальные служащие в возрасте от 50 лет со стажем работы 6-10 лет. В этой группе (назовем ее условно – «миротворцы») сложились наиболее благоприятные условия для формирования культуры конфликтного взаимодействия муниципальных служащих. В случае возникновения конфликтных ситуаций представители данной статусной группы, как правило, применяют технологии сглаживания конфликта. Муниципальные служащие этой подгруппы должны стать проводниками идеи освоения культуры конфликтного взаимодействия на муниципальной службе.

6. В настоящее время уровень культуры конфликтного взаимодействия можно определить как средний (нетехнологичный), который характеризуется тем, что конфликты, как правило, маскируются. Образцы поведения и ценностная система конфликтного взаимодействия пока еще не созданы.

7. Выражена готовность муниципальных служащих к освоению культуры конфликтного взаимодействия. В то же время ее целенаправленное формирование должно начинаться с объяснения смысла ключевого понятия, чтобы обозначить различие между предпосылками социально-конфликтной деятельности в сфере муниципального управления и собственно осуществлением такой деятельности.

Список литературы References

1. Сурмин Ю.П. Теория социальных технологий: Учеб. пособие/ Ю.П. Сурмин, Н.В. Туленков. – Киев: 2004.- 608 с.

Surmin YU.P. Teoriya sotsial'nykh tekhnologiy: Ucheb. posobiye/ YU.P. Surmin, N.V. Tulenkov. – Kiyev: 2004.- 608 s.

2. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л. Я. Дятченко; Акад. труда и соц. отношений, Белгор. центр соц. технологий. – М.; Белгород: Центр соц. технологий, 1993. – 344 с.

Dyatchenko L.YA. Sotsial'nyye tekhnologii v upravlenii obshchestvennyimi protsessami / L. YA. Dyatchenko; Akad. truda i sots. otnosheniy, Belgor. tsentr sots. tekhnologiy. – M.; Belgorod: Tsentr sots. tekhnologiy, 1993. – 344 s.

УДК 35.08

**ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ
В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ¹****THE PROBLEMS OF THE HUMAN RESOURCES MANAGEMENT
IN THE PUBLIC AUTHORITIES****Е.И. Васильева, Т.Е. Зерчанинова, А.В. Ручкин
E.I. Vasilyeva, T.E. Zerchaninova, A.V. Ruchkin**

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620990, Екатеринбург, ул. 8 марта, 66
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8 March St. Yekaterinburg, 620990, Russia*

E-mail: elena.vasilyeva@uapa.ru; tatiana_z@uapa.ru; alexey.ruchkin@uapa.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования состояния кадровой работы в органах государственной власти Свердловской области в 2014 году.

Цель статьи – разработать практические рекомендации по совершенствованию управления человеческими ресурсами в исполнительных органах государственной власти Свердловской области.

Теоретической базой исследования являются теория управления человеческими ресурсами, теория эффективности деятельности. В работе использованы взаимодополняющие методологические подходы: институциональный, системный и деятельностный.

Эмпирическая база исследования: результаты социологического опроса 368 государственных гражданских служащих, результаты экспертного опроса (опрошено 30 экспертов), статистические данные, характеризующие кадровый состав органов государственной власти Свердловской области.

На основании выполненного авторами исследования выявлены проблемы работы с кадровым составом в исполнительных органах государственной власти Свердловской области и разработана система практических рекомендаций по совершенствованию управления человеческими ресурсами в исполнительных органах государственной власти Свердловской области. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность организации работы с кадровым составом органов государственной власти.

Resume. The article presents the results of an empirical study of human resource management in the Government of the Sverdlovsk region in the year 2014.

The purpose of the paper is to develop practical recommendations for improving the management of human resources in the executive bodies of the Government of Sverdlovsk region.

The theoretical foundation of the research are human resource management theory, performance theory. The used complementary methodological approaches: institutional, systemic and activity.

Empiric research: results of a sociological survey of civil servants (n=368), results the expert survey (n=30), statistical data on the composition of the Government of Sverdlovsk region.

On the basis of the performed study authors found problems with staff in the executive bodies of the Government of Sverdlovsk region and developed a system of practical recommendations to improve the management of human resources in the executive bodies of the Government of Sverdlovsk region. Implementation of the proposed recommendations, will increase the efficiency of the Organization of the work of the staff of the public authorities.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, государственная гражданская служба.

Key words: human resources management, civil service.

Изменения, произошедшие в России за последние два десятилетия, обусловили важность и необходимость повышения эффективности государственной службы. Результаты социально-экономических реформ наглядно демонстрируют свою зависимость от состояния механизма управления кадровым составом органов государственной власти. Именно поэтому «формирование кадрового состава государственной гражданской службы из высококвалифицированных специалистов, способствующих повышению эффективности деятельности органов государственной власти» [1] является важнейшей задачей на современном этапе. В связи

¹ Статья подготовлена в рамках НИР "Совершенствование управления человеческими ресурсами и повышения эффективности деятельности государственных служащих на основе кадрового аудита" при финансовой поддержке РАНХиГС в рамках конкурса научно-исследовательских работ среди филиалов

с этим в настоящее время остро встает вопрос о поиске новых подходов к управлению человеческими ресурсами (УЧР) в государственной администрации.

Проблема повышения эффективности использования кадровых технологий в органах государственной власти актуальна не только для нашей страны, но и для всех развитых зарубежных государств. По мнению С. Баха, новая волна реформ в западноевропейских и англо-американских странах, вызванная кризисом 2008 года, направлена в первую очередь на сокращение государственных расходов на персонал органов государственной власти при сохранении и/или увеличении эффективности государственного управления. Эти процессы сопровождаются поиском эффективных способов управления человеческими ресурсами на государственной службе, совершенствованием применяемых кадровых технологий и внедрением новых [Bach, Bordogna 2011, 2281-2294].

В большинстве стран обновление методов работы с персоналом органов государственной власти предусматривает переход от концепции управления персоналом к концепции управления человеческими ресурсами, поэтому необходимо отдельно остановиться на разнице данных моделей работы с кадрами организации.

В научной литературе существуют различные трактовки отличий указанных моделей работы с персоналом организации. Так, Д. Гест [Guest 5-25] указывает, что главная особенность УЧР заключается в реализации гуманистического подхода к управлению, рассматривающего человека как ценный актив организации, ее конкурентное преимущество. Эффективность при таком подходе обеспечивается за счет гармонизации интересов, ценностей, мотивов работника и организации в целом.

К. Легги [Legge 1989, 19-40] отмечает, что управление персоналом (УП) ориентировано на управление персоналом, не связанным с управлением, в то время как управление человеческими ресурсами делает акцент на развитие управленческой команды и предусматривает широкое делегирование полномочий.

По мнению Дж. Стори [Storey 1992] в то время как модель управления персоналом основывается на безапелляционном выполнении инструкций и правил, спускаемых высшим руководством; и предполагает исполнительность, а не творческий подход к работе, то идеальная модель управления человеческими ресурсами инновационного типа, напротив, пропагандирует гибкий подход к работе с людьми, использование принципов демократии, создание условий для развития работников, ориентацию на достижение организационных целей.

Коэн Номден, изучив опыт реализации реформ в странах-членах Европейского союза в сфере управления человеческими ресурсами на государственной службе [Nomden 2000, 25-27], уточняет, что современное управление персоналом на государственной службе основывается исключительно на парадигме администрирования – «управление телом», то есть четкой разработке правил и стандартов. Управление человеческими ресурсами, по мнению исследователя, – это комплекс мероприятий, где следование правилам, нормам и стандартам является лишь частью процесса управления на государственной службе в отношении работников (рис. 1).

К. Номден подчеркивает, что управление человеческими ресурсами представляет собой целую систему компонентов, что подразумевает, с одной стороны, акцент на потребностях общества и государственного служащего как части этого общества, с другой – оценку эффективности и сопоставимости деятельности государственного служащего с потребностями государства в целом. Соответственно, управление человеческими ресурсами сводится к оптимизации данного вида ресурсов, участвующих в деятельности учреждения, и обеспечению качества человеческих ресурсов в интересах учреждения и его сотрудников при соблюдении нормативно-правовой базы [22, с. 20].

Анализ сравнений моделей УП и УЧР показывает неоднозначность использования последней модели на государственной службе. Наиболее простым в данном случае представляется отнесение модели УП к государственному сектору, а УЧР – к коммерческой сфере, поскольку государственная служба характеризуется значительной регламентацией деятельности служащих, иерархической структурой, наличием более равных, прозрачных и стабильных условий труда по сравнению с бизнес структурами, что логично вытекает из концепции веберовской рациональной бюрократии. Тем не менее, реформы последнего двадцатилетия, направленные на внедрение т.н. New Public Management, привели к изменению модели управления людьми на государственной службе, сблизив государственный и частный сектора, прежде всего, за счет внедрения оценки эффективности деятельности государственных служащих.

Рис. 1. Основные направления управления человеческими ресурсами на государственной службе [Gestion, 2000]

Fig. 1. The main directions of human resources management in the civil service, your country of [Gestion, 2000]

Исходя из рассмотренных подходов, авторы под *управлением человеческими ресурсами на государственной службе* предлагают понимать качественное совершенствование и количественное регулирование человеческих ресурсов в целях достижения материальной и моральной удовлетворенности работников и повышения эффективности функционирования организации. Данное определение включает основные характеристики (эффективность деятельности государственного служащего, работа с кадровым составом по актуализации навыков и знаний и т.д.), представленные в подходах к определению понятия «управление человеческими ресурсами» с одной стороны, и отражает основные отличия от управления персоналом, предусматривающее не только стандартизацию деятельности и оценку эффективности деятельности по результатам соблюдения норм и правил, но и анализ условий организационного характера, влияющих на удовлетворенность трудом со стороны государственного служащего, с другой.

Актуальность перехода от модели управления персоналом к модели управления человеческими ресурсами на государственной гражданской службе обусловлена, прежде всего, тем, что управление человеческими ресурсами подразумевает, прежде всего, «открытый коммуникационный канал как руководящего звена с подчиненными, так и трехстороннее взаимодействие, где появляется основной актор – потребитель государственных услуг – общество» [Aimé, Berthé, Froment 2010].

В целях выявления доминирующей модели в исполнительных органах государственной власти Свердловской области было проведено эмпирическое исследование: были изучены данные статистики, проанализированы внутренние документы органов государственной власти, в июле-августе 2014 года проведен опрос государственных гражданских служащих Свердловской области на тему «Совершенствование управления человеческими ресурсами и повышение эффективности деятельности государственных служащих» (объем выборки 368 человек).

Прежде всего, рассмотрим, характеристику кадрового состава исполнительных органов государственной власти Свердловской области.

В течение 2010 и 2011 годов отмечалось снижение штатной численности государственных гражданских служащих Свердловской области, однако в течение 2012 года произошло увеличение штатной численности на 174 единицы (рисунок 2). Увеличение штатной численности государственных гражданских служащих в 2012 году обусловлено образованием нового исполнительного органа государственной власти Свердловской области, а также наделением отдельных исполнительных органов государственной власти Свердловской области новыми полномочиями.

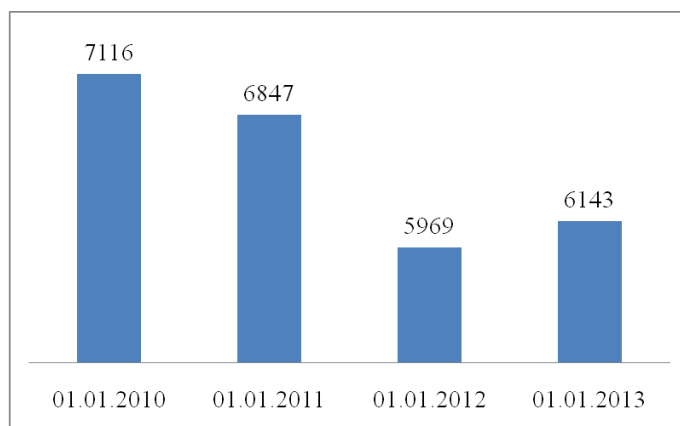

Рис. 2. Динамика штатной численности государственных гражданских служащих Свердловской области [9]

Fig. 2. Dynamics of regular number of civil servants of the Sverdlovsk region [9]

Анализ уровня образования гражданских служащих Свердловской области показал, что в целом он соответствует замещаемым должностям. Однако подавляющее большинство государственных служащих Свердловской области, по-прежнему, не имеет высшего образования по направлению своей профессиональной деятельности.

Анализируя возрастной состав гражданских служащих области, следует отметить, что он достаточно сбалансирован (рисунок 3).

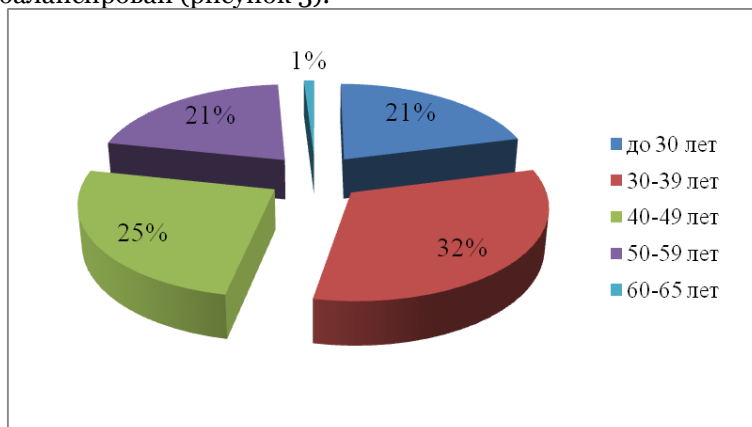

Рис. 3. Распределение государственных гражданских служащих Свердловской области по возрасту [9]

Fig. 3. Distribution of civil servants of the Sverdlovsk region by age [9]

Примерно пятую часть (21%) составляет доля молодых специалистов в возрасте до 30 лет. Таким образом, государственная служба в значительной степени «помолодела». Однако ряд экспертов высказали мнение о низком качестве подготовки молодых специалистов, приходящих на государственную гражданскую службу после вузов.

Анализ качественного состава гражданских служащих области по стажу и опыту работы показывает, что на должностях государственной гражданской службы Свердловской области примерно в равных частях сочетаются группы служащих, имеющих достаточный опыт работы, и работников, сравнительно недавно пришедших в государственные органы Свердловской области: большинство государственных гражданских служащих Свердловской области имели значительный стаж государственной службы от 5 до 10 лет – 1405 человек (23,5 процента), от 10 до 15 лет – 1346 человек (22,6 процента), количество молодых специалистов, имеющих стаж государственной службы от 0 до 5 лет, составляет 1745 человек (29,3 процента) [9].

Необходимо также отметить, что стаж работы на государственной службе Свердловской области не коррелирует с занимаемой должностью.

Рассмотрим некоторые результаты анкетного опроса государственных гражданских служащих Свердловской области (данные представлены в процентах от общего числа опрошенных).

Большинство служащих (72,3%) считают, что их профессиональный потенциал используется в полной мере (таблица 1):

Таблица 1

Как Вы считаете, в полной ли мере используется Ваш профессиональный потенциал (профессиональные знания, навыки, деловые качества и т.п.) на рабочем месте?

№	Варианты ответа	%
1.	Да, в полной мере	72,3
2.	Используется частично	23,1
3.	Практически не используется	0,3
4.	Нет ответа	4,3
	Итого	100,0

По мнению государственных гражданских служащих (98 % опрошенных), основные задачи, требования и критерии оценки их профессиональной деятельности закреплены в должностных регламентах. Однако подавляющее большинство также указывают, что выполняют и другие обязанности и задачи при поступлении прямых указаний руководства.

Основные проблемы, с которыми приходится государственным служащим:

- слишком большой объем работы – 34,5%;
- срочные поручения, постоянная смена деятельности, невозможность сосредоточиться – 34,5%.

При ответе на вопрос о факторах, которые препятствуют полной реализации должностных обязанностей, 26,4% респондентов вновь обращают внимание на поступление поручений (разовых, постоянных) от руководства, которые не соответствуют их прямым должностным обязанностям. На втором месте – проблема разумного, рационального распределения руководителями исполнения того или иного документа

Чтобы сделать работу госслужащих более результативной, по их мнению, необходимо в первую очередь справедливо распределить объемы работы (39,7%), четко ставить задачи (38,9 %) и повысить заработную плату (38,3%).

Таким образом, большинство государственных служащих стремятся работать в стабильной рабочей среде и иметь четкую инструкцию для выполнения текущих задач.

Для определения ориентиров действия государственным служащим также было предложено указать, какие критерии оценки эффективности деятельности Министерства и самих служащих применяются на практике. По мнению ответивших, используются следующие критерии:

- выполнение работы в установленные сроки – 44 % ответивших;
- качество работы – 45 % ответивших;
- выполнение должностных обязанностей – 13 % ответивших;

- проявление различных качеств при выполнении работы (знание нормативных правовых актов, «мобильность», компетентность, «оперативность, быстрота принятия решений», ответственность, «доверие руководства») – 23 % ответивших;
- исполнительность – 15 % ответивших;
- количество выполненных заданий – 11 % ответивших;
- сложность работы – 13 % ответивших.

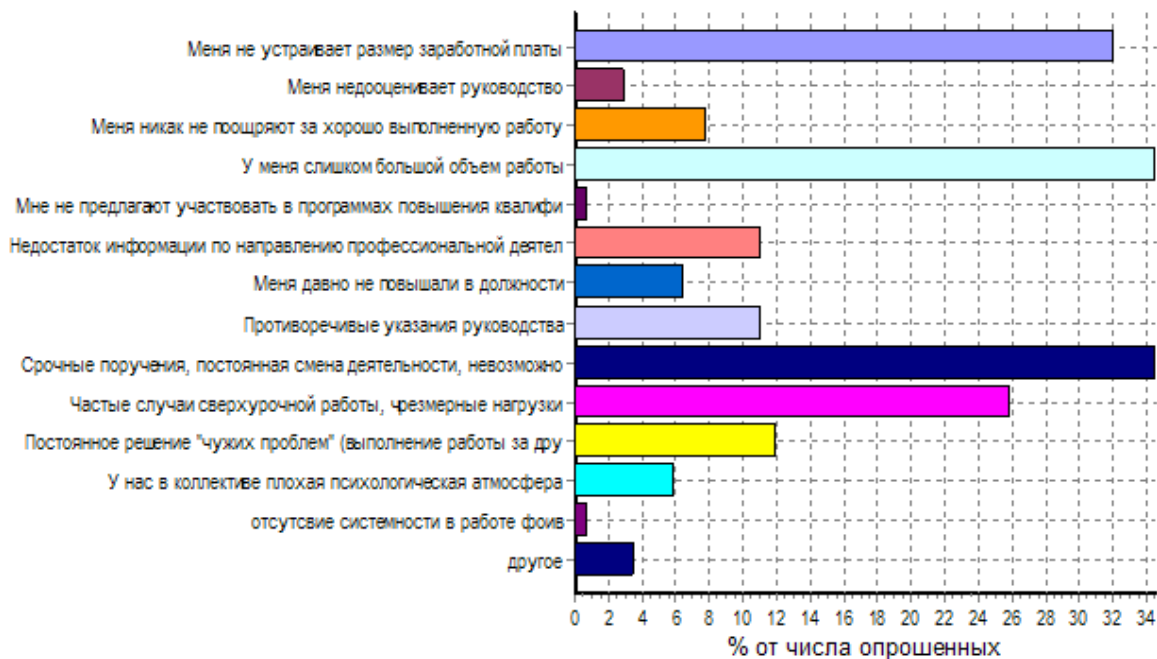

Рис. 4. Организационные проблемы, с которыми сталкиваются государственные гражданские служащие

Fig. 4. Organizational problems faced by civil servants

Таким образом, по мнению служащих, основными критериями оценки эффективности деятельности органов власти и самих служащих на практике является соблюдение сроков и качество работы.

Значительная часть исследования была посвящена изучению практики применения различных кадровых технологий в исполнительных органах государственной власти Свердловской области. Большинство служащих проходили повышение квалификации (79,9%), аттестацию (75,3%), сдавали квалификационный экзамен (61,7%). Около половины служащих проходили конкурс при приеме на госслужбу (54,1%) и конкурс при включении в кадровый резерв (53%) – таблица 2:

Таблица 2

Приходилось ли Вам участвовать в следующих процедурах и мероприятиях?

Процедуры, мероприятия	Да, приходилось	Не приходилось	Нет ответа
Конкурс при приеме на госслужбу	54,1	32,3	13,6
Конкурс при включении в кадровый резерв	53,0	31,8	15,2
Конкурс в резерв управленческих кадров	13,0	60,3	26,6
Аттестация	75,3	12,2	12,5
Квалификационный экзамен	61,7	23,1	15,2
Стажировка	16,3	60,3	23,4
Повышение квалификации	79,9	8,4	11,7
Переподготовка	19,3	58,4	22,3

Рассмотрим мнения респондентов по поводу различных направлений кадровой работы. Большинство опрошенных госслужащих согласны с тем, что:

- конкурс – лучший способ приема на службу подготовленных кадров – 67,7%;
- кадровый резерв – основной источник поиска наиболее перспективных государственных служащих – 63,5%;
- руководители государственных органов должны назначаться в первую очередь из резерва управленческих кадров – 63,5%;
- аттестация – эффективный способ оценки работы служащих – 60,9%;
- квалификационный экзамен – объективная процедура присвоения классного чина – 70,4%;
- стажировка необходима всем служащим при приеме на новые должности – 74,5%;
- наставничество – обязательная форма подготовки к должности – 70,9%;
- повышение квалификации не реже 1 раза в три года позволяет служащим более эффективно исполнять свои обязанности – 77,4%

Таким образом, *результаты опроса государственных служащих* позволили выявить доминирующие установки, которые соответствуют модели управления персоналом, например, установка на точное, доскональное выполнение условий письменного трудового контракта, установление ясных и четких правил, инструкций, разработанные процедуры, нормы, опыт, мониторинг и контроль. По результатам опроса удалось установить основные требования к получению дополнительного профессионального образования государственными гражданскими служащими и контрольными мероприятиями при поступлении на государственную гражданскую службу, а также при повышении в должности: прямая взаимосвязь содержания программы с деятельностью государственного гражданского служащего, расширение методов обучения на разных этапах трудовой деятельности и повышение уровня объективности и прозрачности при проведении конкурсных процедур. А в части кадровой работы признаками модели управления персоналом являются: отбор персонала как автономная функция, задача не первого порядка, контролируемый доступ к программам обучения и развития, центральными направлениями кадровой работы являются процедуры управления персоналом [Storey 1992, 90].

В соответствии с Федеральным законом [ФЗ РФ от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 02.04.2014)] в Свердловской области осуществляется создание системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих. Анализируя количество государственных гражданских служащих, получивших дополнительное профессиональное образование, следует отметить, что по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации в 2010 году было обучено 12,5% от общего числа государственных гражданских служащих, в 2011 году – 28,6%, в 2012 года – 17,5% от общего числа государственных гражданских служащих [1]. То есть за 3 года обучение прошло обучение 58,6% служащих вместо 100%, что свидетельствует о факте несоблюдения нормативно установленного для госслужащих требования повышать квалификацию не реже 1 раза в 3 года.

На основе проведенного исследования можно выделить следующие проблемы работы с кадровым составом в исполнительных органах государственной власти Свердловской области:

1) при приеме на государственную службу Свердловской области конкурс носит формальный характер, испытательный срок устанавливается не всегда, информация о проводимых конкурсах размещается в различных источниках (отсутствует единая база вакантных должностей государственной гражданской службы).

2) кадровый резерв сформирован не во всех органах, а там где он сформирован, используется неэффективно (назначение происходит не из резерва, индивидуальные планы профессионального развития не выполняются).

3) проявляется субъективизм при определении квалификационных требований для занятия должностей государственной службы, компетентностный подход не используется;

4) при отборе на вакантные должности, а также для включения в кадровый резерв не применяются информационные технологии, а используемые творческие задания не имеют четких критериев для их оценки, в результате имеет место значительный субъективизм при анализе таких работ;

5) институт наставничества на государственной гражданской службе; недостаточно внимания уделяется профессиональному развитию государственных гражданских служащих; не соблюдается установленное законодательством требование о прохождении повышения квалификации не реже 1 раза в три года; не изучается мнение государственных служащих о потребности в обучении.

6) фактически отсутствует система комплексной оценки эффективности деятельности Министерств, подразделений и отдельных служащих, происходит нивелирование смысла ма-

териального стимулирования – премия за выполнение особо важных и сложных заданий стала стандартной добавкой к окладу и фактически назначается за выполнение работы в срок. Главный критерий для снижения премии – это нарушение установленного срока, а размер снижения премии не велик.

Таким образом, в настоящее время в исполнительных органах государственной власти Свердловской области доминирует модель управления персоналом. Модель управления человеческими ресурсами в части кадровой работы отличается следующими признаками: отбор персонала должен быть ключевой задачей, оплата труда должна быть связана с результатами деятельности, центральным направлением кадровой работы должны стать организационная культура и стратегия управления людьми [Storey 1992, 90].

Для перехода к модели управления человеческими ресурсами, на наш взгляд, необходимо:

1. Усовершенствовать методику конкурсного отбора на должность государственной гражданской службы, включая разработку профессиограмм по отдельным группам и категориям должностей, разработать и нормативно закрепить процедуры, критерии, показатели и формы оценки кандидатов на вакантные должности. Также необходимо создать единую базу вакантных должностей государственной гражданской службы в открытом доступе.

2. Принцип компетентности, на наш взгляд, должен быть базовым при формировании кадрового состава органов государственной власти, а также при формировании и развитии кадрового резерва. Поэтому формирование и развитие кадрового резерва должно быть основано на компетентностном подходе, который дает возможность выявить необходимые требования к профессиональной подготовке резервистов и комплекс условий, необходимых для их обучения.

3. При формировании кадрового резерва необходимо учитывать направление подготовки кандидатов; установление взаимосвязи между результативностью деятельности государственного служащего и его продвижением через включение в кадровый резерв данного органа власти либо иных органов власти.

4. Необходимо осуществлять систематическую оценку (мониторинг) эффективности как процессов, так и результатов управления кадровым резервом. Оценка (мониторинг) эффективности управления кадровым резервом – это процесс систематического сбора и анализа информации о текущем состоянии резерва кадров по системе показателей. Его цель заключается в накоплении и анализе информации, позволяющей оценить динамику изменения показателей, результатов работы с резервом, оценить эффективность расходования бюджетных средств, своевременно выявить и устранить отклонения в работе с резервом. Результаты мониторинга позволяют определить зоны, требующие приоритетного внимания, сформировать перечень мероприятий по повышению результативности работы с резервом, в том числе по снижению неэффективных расходов, а также выявить внутренние ресурсы для повышения качества работы с резервом.

5. Для решения проблемы низкого уровня подготовки молодых специалистов, которые недавно закончили вуз и не имеют практического опыта, необходим институт наставничества. Данный механизм должен включать фиксацию результатов наставничества в соответствии с разработанными критериями, с использованием специализированных отчетных форм; введение стимулирующих выплат для лиц, являющихся наставниками; механизм отбора, подготовки и мотивации наставников; расширение практики использования испытательного срока при замещении должностей государственной гражданской службы.

6. В связи с тем, что не всегда соблюдается нормативно установленное для госслужащих требование повышать квалификацию не реже 1 раза в 3 года, необходимо направить на повышение квалификации служащих, не проходивших курсы повышения квалификации более трех лет, поскольку по результатам опроса выяснилось, что данное нормативное требование не соблюдается.

При направлении на повышение квалификации дифференцированный подход позволяет выделить три основные группы служащих и соответствующим им цели повышения квалификации:

– для наиболее успешных служащих (категория «превышает требования») повышение квалификации проводится в рамках работы с кадровым резервом и предполагает развитие тех знаний, умений и навыков, которые необходимы на более высокой должности;

– для служащих, демонстрирующих стабильно высокий уровень эффективности профессиональной служебной деятельности (категория «удовлетворяет требованиям»), повышение ква-

лификации должно быть направлено на развитие их потенциала, актуализацию имеющихся знаний, освоение новых навыков работы, более современных подходов к выполнению привычных операций;

– для низкоэффективных служащих (категории «минимально допустимый» и «неудовлетворительный») повышение квалификации производится с целью роста их профессиональной компетентности для соответствия требованиям замещаемой должности.

Таким образом, повышение квалификации является инструментом увеличения эффективности профессиональной служебной деятельности как успешных, так и низкоэффективных государственных служащих.

8. Необходимо проводить анкетный опрос госслужащих для изучения потребности в совершенствовании знаний, навыков и умений, а также выявлять субъективные потребности в получении государственными служащими дополнительного профессионального образования.

Список литературы References

1. Об областной государственной программе "Реформирование и развитие государственной гражданской службы Свердловской области (2010 – 2013 годы): Постановление Правительства Свердловской области от 19.10.2009 № 1452-ПП // Собрание законодательства Свердловской области. 2010. № 10-4 (2009). Ст. 1587.

Ob oblastnoy gosudarstvennoy programme "Reformirovaniye i razvitiye gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Sverdlovskoy oblasti (2010 – 2013 gody): Postanovleniye Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 19.10.2009 № 1452-PP // Sobraniye zakonodatel'stva Sverdlovskoy oblasti. 2010. № 10-4 (2009). St. 1587.

2. Bach S., Bordogna L. Varieties of new public management or alternative models? The reform of public service employment relations in industrialized democracies // International Journal of Human Resource Management. 2011. № 22 (11). Pp. 2281-2294.

3. Guest D.E. Human resource management: the workers verdict // The International Journal Resource Management, (9)2, P. 5-25.

4. Legge K. Human Resource Management: A Critical Analysis // New Perspectives on Human Resource Management / Edited by J. Storey. London: Routledge, 1989. P. 19-40.

5. Storey J. Developments in the Management of Human Resources. Oxford, UK: Blackwell, 1992.

6. Nomden K. L'évolution de la gestion des ressources humaines dans les administrations publiques de l'Union européenne // Eipascope. 2000. № 1. Pp. 25-27.

7. Gestion du capital humain et réforme de la fonction publique, OCDE Paris, 1996. Pp. 9-10.

8. Aimé P., Berthé T., Froment B., Grosmaire A.-M. et etc. Guide d'audit des établissements d'enseignement supérieur et de recherché en vue de l'optimisation des fonctions de support. Paris: IGAENR, 2010. P. 20.

9. Об утверждении областной целевой программы «Развитие кадровой политики в системе государственного и муниципального управления Свердловской области» на 2013 – 2015 годы: Постановление Правительства Свердловской области от 19 февраля 2013 г. № 183-ПП (в ред. от 10.06.2013) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ob utverzhdenii oblastnoy tselevoj programmy «Razvitiye kadrovoy politiki v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya Sverdlovskoy oblasti» na 2013 – 2015 gody: Postanovleniye Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 19 fevralya 2013 g. № 183-PP (v red. ot 10.06.2013) [elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 02.04.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2004 goda № 79-FZ (red. ot 02.04.2014). Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

УДК 378.147.091.31

**МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СТУДЕНТОВ
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****MOTIVATIONAL ASPECTS OF STUDENTS' PARTICIPATION
IN RESEARCH AND PROJECT ACTIVITIES****Е.А. Гуськова, В.Б. Тарабаева
E.A. Guskova, V.B. Tarabaeva**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: guskova@bsu.edu.ru; tarabaeva@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье даются рекомендации по организации эффективной работы научных и проектных команд с участием одаренных студентов. Исследуется проблема вовлечения одаренных студентов в научно-исследовательские и проектные группы. Одаренный студент рассматривается не только как катализатор идей, но и как человек, представляющий собой фактор риска для групповой работы.

Resume. In this paper the problem of involving of gifted students in research and project teams is discussed. A gifted student is considered not only as a catalyst for ideas, but also as a risk factor for group work. The recommendations on effective work organization of research and project teams with the participation of gifted students are given.

Ключевые слова: интеллект, одаренность, креативность, научно-исследовательская группа, проектная команда.

Key words: problems of giftedness, intelligence, creativity, research team, project team.

Введение

Современные тенденции развития образования всё более явно ориентируют его на свободное развитие человека, на творческую инициативу, самостоятельность обучаемых, конкурентоспособность, мобильность будущих специалистов. Образовательной организации недостаточно осуществлять только подготовку по конкретному профилю, требуется создать условия для наиболее полного раскрытия и реализации способностей одаренной молодежи. Поэтому, значительное место в жизни студентов занимают научные разработки и работа в проектных командах.

Мотивационные аспекты участия студентов в научно-исследовательской и проектной деятельности интересуют многих педагогов-исследователей и ученых. Вопросы привлечения студентов в научные коллективы, в практикоориентированные бизнес-проекты и социально значимые программы выявляют проблему «потребительства» современных студентов. Воспитываясь в «эпоху потребления», современная молодежь ставит на первое место извлечение выгоды из участия в научно-исследовательской и проектной деятельности, а не собственно научный интерес.

Теоретический анализ

В этой связи возникает закономерный вопрос – как эффективнее можно привлечь одаренную молодежь к совместной научно-исследовательской и проектной деятельности в вузе. Попытки решить стереотипными методами проблему соучастия таких студентов к работе, часто не приводят к должному результату.

Практически любой вуз при формировании временных научных или проектных групп использует следующие основные стратегии:

- 1) подбор наиболее одаренных студентов, обладающих незаурядными аналитическими и творческими способностями, оригинальностью, нестандартностью мышления;
- 2) подбор научным руководителем «последователей» его собственных идей, формирование команды в рамках научной школы;

3) включение в указанные группы инициативных молодых исследователей, активно проявляющих желание работать над научными проблемами.

Каждая из стратегий в определенных условиях приносит свои результаты. При этом могут возникать такие проблемы, как немотивированность участия в научно-исследовательской и проектной работе, конфронтация исследовательских позиций (при первой стратегии), смещение мотивации научного познания на социальные мотивы, мотивы вторичной выгоды и нивелирование собственной научной позиции молодого исследователя и разработчика (при второй стратегии), проблемы качества проектов и достоверности исследований (при третьей стратегии) и т.д.

По сути, участие студентов в научно-исследовательской и проектной деятельности является реализацией их творческих возможностей, интеллектуальных способностей. Эффективность управления креативной реализацией студенческой молодежи зависит от мотивационных особенностей личности и креативного поля реализации. Я.А. Пономарев выделил несколько типов креативной реализации: интуитивно-непроизвольная, произвольная и гедонистически направленная. Интуитивно-непроизвольной креативной реализации соответствует и способствует в реализации «ситуативно-креативное поле»: непроизвольно-интуитивную креативность эффективно стимулирует неожиданная, но жизненно-значимая ситуация или же достаточно сильная депривация привычных и значимых для субъекта объектов потребления. Произвольная креативность легче всего реализуется в «социально-креативном поле», то есть при коллективно выполняемом или коллективно значимом творческом решении задач, при социально положительной оценке и подкреплении его социальной инициативности. Реализации гедонистически направленной креативности способствует «лично внутренне-определяемое креативное поле», зависящее от уникальности индивидуального опыта, глубины познавательной потребности и характерных черт личности [Пономарев 1999].

Вузы пытаются создать для студентов максимальное количество возможностей для проявления способностей и талантов в рамках учебного процесса и внеаудиторных мероприятий. При этом возникает проблема – при наличии «поля реализации» у студентов часто отсутствует мотивация для проявления себя в научно-исследовательской и проектной деятельности. Решению данной проблемы и посвящено настоящее исследование.

Обращаясь к теории В.И. Герчикова [Герчиков 2006, 222-233] о мотивационных классах и типах, можно выделить два основных класса мотивации самореализации в деятельности – избегательный и достижительный. Избегательный класс стремится к уходу от ответственности, уравнительности благ, получаемых в процессе деятельности, отличается завистливостью и обостренным чувством несправедливости распределения благ, не любит проявления индивидуальности в работе. К избегательному классу мотивации относится люмпенизированный мотивационный тип.

Достижительный класс мотивации представлен четырьмя мотивационными типами: инструментальным, патриотическим, хозяйским и профессиональным.

Инструментальный тип мотивации участвует в деятельности в основном за вознаграждение, в частности – материальное. Для него имеет значение величина и скорость получения данного вознаграждения, обоснованность цены на его труд и способность обеспечить свою жизнь самостоятельно.

Патриотический тип мотивации работает на общее благо, ради общечеловеческих ценностей. Для представителей данного типа необходима идея, которая будет ими двигать, главной наградой является признание незаменимости в коллективе.

Хозяйский тип добровольно принимает на себя ответственность, характеризуется обостренным требованием свободы действий, не терпит контроля со стороны.

Профессиональный тип мотивирован самим процессом деятельности, приложением своих профессиональных способностей и возможностей. Представители данного типа стремятся к постоянному повышению квалификации, самообразованию, ищут новые решения и стороны профессионального совершенства.

Данные мотивационные типы можно проследить уже на стадии «оптации» и «адепта» (по Е.А. Климову) [Пряжников 2001], когда закладываются основы профессионализации молодежи. Чем раньше установить доминирующий мотивационный тип профессионализации студента, тем быстрее можно с помощью адекватных мотивационному типу стимулов добиться высоких результатов в научно-исследовательской и проектной деятельности.

Методика исследования

Исследование мотивационных аспектов участия студентов в научно-исследовательской и проектной деятельности проводилось с помощью методов опроса и тестирования. В качестве конкретного диагностического инструментария использовалась анкета, посвященная основным аспектам мотивации участия в научно-исследовательской и проектной деятельности, модифицированный опросник «Построение мотивационного профиля» (Ю.К. Балашов, А.Г. Коваль на основе исследований В.И. Герчикова), адаптированный к студенческому возрасту, тест М.Р. Белбина на выявление командной роли. Общий контингент испытуемых за четыре года исследования составил 384 человека – студентов НИУ «БелГУ», активно участвующих в научной работе и проектной школе «Пегас».

Результаты проведенного исследования показали, что в условиях современной рыночной экономики научная и проектная деятельность привлекают все больше молодежи, ориентированной на внешние мотивы – в нашем исследовании основными мотивами самореализации в научной сфере явились: получение вторичной выгоды – дополнительные «плюсы» при сдаче экзаменов и зачетов (94,3%); материальное поощрение – доплаты к стипендии (62,03%). Только 5,7% опрошенных в качестве главных мотивов участия в научных исследованиях и студенческих проектах указали собственный интерес к разрабатываемой проблеме.

Исследование, проведенное в 2011-2013 годах с целью изучения отношения студентов к научно-исследовательской деятельности, и дополненное в 2014 году с целью изучения отношения к проектной деятельности, показало, что только 31,8% опрошенных стремятся к участию в данных видах внеучебной деятельности в вузе. Из студентов, периодически участвующих в научно-исследовательской и проектной деятельности, более 50% – представители профессионального типа мотивации, то есть они выбирают научно-исследовательскую деятельность в целях самосовершенствования, развития собственных познавательных способностей, реализации имеющегося интеллектуального потенциала. 32,7% выборки – представители инструментального типа, которые пытаются получить выгоды для себя в качестве «бонусов» за научную работу. 14,4% респондентов представляют собой группу представителей патриотического типа. Личности с патриотическим типом мотивации участвуют в исследованиях и проектах из чувства преданности организации, они готовы выполнить все поручения, даже противоречащие их собственным интересам. Менее 3% исследуемой выборки – представители люмпенизированного типа, которые участвуют в исследованиях только при угрозе применения санкций, такие люди не берут на себя ответственность, им сложно предлагать собственные решения поставленных проблем, поскольку доминирует мотивация избегания неудач. Среди представителей хозяйского типа мотивации желающих войти в научные и проектные коллективы для совместной работы над проблемами выявлено не было. Это может быть объяснено тем, что представители данного типа предпочитают работать автономно, не терпят, когда ими руководят, или им предлагают для разработки чужие идеи.

Проблемы, которые возникают при создании проектных и научно-исследовательских команд, можно объединить в следующие группы:

1) одаренный человек рассматривает свой научный путь как цепь проектов; добившись успеха, легко переключается на другие виды деятельности, меняет тему исследования;

2) высокая сензитивность, повышенная подверженность стрессу и склонность к психосоматическим заболеваниям;

3) отсутствие лояльности к научной школе у творчески одаренных студентов (интеллектуально одаренные быстро адаптируются, находят свое место, подстраиваясь под мнение руководителя);

4) трудности в командной работе. Часто педагоги и научные руководители стремятся подобрать наиболее талантливых студентов во временные научные коллективы. Но отбирая студентов с высоким интеллектуальным потенциалом, часто игнорируется аспект совместности данных личностей друг с другом;

5) пристальное внимание работодателей, которые отбирают одаренных студентов для стажировок и дальнейшего трудоустройства и, таким образом, лишают проектные команды и научные группы наиболее талантливой части молодежи.

Формирование временных научных и проектных групп должно строиться на основе научного подхода к проблеме. Обращаясь к теории эффективных команд М. Белбина [Белбин 2003], можно сделать следующий вывод: если коллектив исследователей будет состоять только из одаренных людей с высокой оригинальностью мышления, то есть генераторов идей (коэффициент корреляции между оригинальностью мышления и степенью выраженности дан-

ного типа – $r=0,684$, при $p<0,05$), эффективной и слаженной работы коллектива добиться будет сложно. Каждый из членов будет выдвигать собственные инновационные идеи, гипотезы, часто противоречащие друг другу, и работать на их подтверждение. Причем на оказание помощи со стороны коллег можно не рассчитывать, поскольку чужая идея вряд ли будет поддержана, и, скорее всего, вызовет сопротивление.

Эффективность временного студенческого научного или проектного коллектива может быть обеспечена наличием 1-2 генераторов идей (для здоровой конкуренции научных позиций), обязательным наличием исполнителей (от 2-х человек – для поддержки и детальной разработки идей каждого из генераторов), исследователя (для поиска ресурсов – от информационных до финансовых – во внешней среде), эксперта (оценивающего степень адекватности научно-исследовательских разработок и проектов поставленным задачам) и координатора (который будет четко отслеживать сроки исполнения исследования или проекта, координировать работу отдельных исполнителей).

Еще одним проблемным моментом является вознаграждение студентов по результатам научно-исследовательской и проектной деятельности. Если процесс оценивания учебной деятельности студентов в вузе определен и нормирован, то технологии оценки результатов научно-исследовательской работы и проектной деятельности в вузе отработаны недостаточно. Материальное поощрение одаренных студентов и поощрение выставлением оценки по предмету «автоматом» за участие в научно-исследовательской и проектной деятельности разрушает внутреннюю содержательную мотивированность деятельности, что приводит к уничтожению интереса к выбранному виду деятельности.

Заключение

Таким образом, для успешной реализации интеллектуального и творческого потенциала студентов в научно-исследовательских и проектных группах необходимо адекватное психолого-педагогическое сопровождение, подбор совместимых команд и формирование мотивации для их дальнейшей самоорганизации.

Список литературы References

1. Белбин, Р.М. Команды менеджеров [Текст]/ Р.М. Белбин. – М: НИППО, 2003.
Belbin, R.M. Komandy menedzherov [Tekst]/ R.M. Belbin. – М: НИППО, 2003.
2. Герчиков, В.И. Трудовая мотивация: понятие, выявление, управление (Часть I) [Текст]/ В.И. Герчиков// Личность. Культура. Общество. – 2006. – Том.VIII. – №3. – С.222-233.
Gerchikov, V.I. Trudovaya motivatsiya: ponyatiye, vyavleniye, upravleniye (Chast' I) [Tekst]/ V.I. Gerchikov// Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. – 2006. – Tom.VIII. – №3. – S.222-233.
3. Пономарев, Я.А. Психология творчества [Текст]/ Я.А. Пономарев. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж, Изд-во НПО «Модэк», 1999.
Ponomarev, YA.A. Psikhologiya tvoreniya [Tekst]/ YA.A. Ponomarev. – М.: Moskovskiy psikhologosotsial'nyy institut, Voronezh, Izd-vo NPO «Modek», 1999.
4. Пряжников, Н.С. Психология труда и человеческого достоинства [Текст]/ Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М., 2001.
Pryazhnikov, N.S. Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva [Tekst]/ N.S. Pryazhnikov, Ye.YU. Pryazhnikova. – М., 2001.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 304.9

О МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ИНТЕНЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СОЦИУМОВ¹

ABOUT MODERNIZATION INTENSION OF NORTH CAUCASIAN SOCIETIES

В.П. Гриценко, Т.Ю. Данильченко
V.P. Gritsenko, T.Y. Danilchenko

*Краснодарский государственный университет культуры и искусств,
Россия, 50072, Краснодар, ул. им.40-летия Победы, 33
Krasnodar State University of Culture and Arts, 50072, 33 im. 40 anniversary of the Victory St, Krasnodar, Russia*

E-mail: postmodernist@mail.ru

Аннотация. С философской точки зрения рассматривается и оценивается совокупность аргументов в отношении предпосылок и тенденции северокавказских социумов к модернизации, делается позитивный вывод.

Resume. From the philosophical point of view set of arguments concerning prerequisites and a tendency of North Caucasian societies to modernization is considered and estimated, the positive conclusion is drawn.

Ключевые слова: социумы Северного Кавказа, историческая динамика, модернизация, социально-философская оценка модернизации.

Key words: societies of the North Caucasus, historical dynamics, modernization, social and philosophical assessment of modernization.

Важной проблемой современного исследования Кавказа является вопрос о модернизации северокавказских социумов в российском и глобальном контексте. Современный модернизационный тренд выражается в поиске своей воспроизводственной ниши в сложившейся глобальной и региональной многосубъектной системе взаимодействий. Явно или неявно философской подоплекой такого анализа такого модернизационного тренда экономистами, политологами, социологами, этнологами является формационный или цивилизационный подход. С философской точки зрения также уместна концептуальная стратегическая оценка перспектив и тенденций исторической динамики северокавказских социумов. Она обладает своим достоинством, поскольку носит «глобальный» и сущностный характер. Она всегда рефлексивна, поэтому следует отчетливо зафиксировать ее мировоззренческие и методологические основания. Главная цель статьи – оценить модернизационные интенции северокавказских социумов с социально-философских позиций. Под интенцией в этом случае мы будем понимать смысловую и волевую направленность этих социумов к модернизации.

Поскольку философские рассуждения строятся как метарефлексия, рефлексия второго уровня, то теоретические разработки и обобщения социологов, политологов, экономистов, этнологов по поводу модернизации социумов Северного Кавказа для нас являются лишь исходным материалом для философских размышлений.

¹ Поддержано грантом № 14-13-23008 Российского гуманитарного научного фонда и администрацией Краснодарского края.

В кавказоведении зачастую господствуют традиционные методы: сравнительный, системный, формационный [Волков 2000, 19-21]. В 1990 гг. с формационным стал конкурировать цивилизационный подход. В настоящее время привлекают внимание постмодернистский подход, синергетика [Гриценко, Вакуленко 2012, 33-36], концепция исторических циклов, ситуационный анализ. Мы исходим из положений стадийной теории цивилизаций [Тоффлер 1999, 6-261], которая рассматривает современное общество как систему, переходящую к постиндустриальному, информационному обществу. Однако глобальная картина также квалифицируется проявлениями неравномерности, наличием неоднородных секторов и социальных структур, неравномерностью и несинхронностью циклов, наличием различного рода лакун и синергетической неопределенности. Постмодернизм порой оказывается не только метафорой, но и характеристикой диверсифицированной, мозаичной картины мира.

Если 30-20 лет назад «традиция» и «новация» четко противопоставлялись, то современная характеристика лежит чаще в плоскости их внутренней неразрывности [Буранчин 2011]. Стало очевидным, что любая традиция существует за счет своей изменчивости и любая новация, чтобы стать нормой, должна превратиться в традицию. Поэтому логично считать, что сущностной задачей модернизации России является ее переход к такой социальной системе, при которой инновационность станет нормой, то есть элементом традиции новой культуры как основы социального воспроизводства.

Критика вестернизации способствовала утверждению мнения о многообразии путей модернизации. Модели неклассических теорий [Устрижицкая 2014, 40-42] выглядят с традиционной точки зрения эклектическими, поскольку допускают национальные особенности как сочетания обычая и нововведения, секулярности в общественной жизни и религиозности в культуре. Но не надо забывать, что в эпоху постмодерна эклектика перешла из маргинальной характеристики в норму.

Некоторые ученые (В. А. Тишков, Э. Паин) отрицательно оценивают историческую динамику северокавказских социумов [Тишков 2001], называют эти социумы традиционными. С этим в определенной мере солидаризируется и официальная оценка, данная региону Д.А. Медведевым в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г., где регион был назван как отстающий, дотационный, и выделен затем в самостоятельный округ.

Соотношение «традиции и новации» не так тривиально [Бабинцев, Римский 2013, 18], как писалось об этом ранее и позитивность новации неоднозначна. Обратим внимание на то, что смысл понятия «традиционное» общество уже стал другим, чем 20-30 лет тому назад. Термин «традиционный» многозначен и если северокавказские социумы называют «традиционными», то нужно понимать, что уже не в архаико-патриархальном смысле. Они прошли через горнило модернизации в рамках советской комплексной модернизации. Постсоветские катаклизмы на Северном Кавказе также связаны с переустройством политической системы и общей системы самоорганизации этих социумов. Но это не исключает того, что этническая идентичность, основанная на кровнородственной, семейно-клановой системе отношений является элементом социально-экономической и социально-политической системы этих социумов [Аствацатурова 2011].

Заслуживающей внимания нам представляется позиция тех авторов [Боров 2010, 175-183], которые считают, что интенциональная устремленность северокавказских социумов в течение XX в. в целом была модернизационной, хотя и амбивалентной. Двойственность идентификационной интенции проявлялась в формальной направленности на советскую идентичность и в скрытой ориентации на нетождественную ей этническую идентичность даже к окончанию 1980-х гг. Согласно же официальной идеологической доктрине того времени, в структуре социально-экономической формации этноэкономика не могла играть базисного характера. Между тем, по оценкам некоторых экономистов (В.И. Бутова, В.Г. Игнатова, Ю.С. Колесникова), в этноэкономике северокавказских социумов основная доля используемого сырья производится частным способом, а почти половина населения региона, относимого к категории «экономически неактивного населения», является субъектами этой деятельности, производя 20% продуктов растительного происхождения и до 75% продуктов животноводства [Игнатов, Бутов 2005]. Поэтому социумы Северного Кавказа классифицировались как полупериферийные или периферийные аграрно-промышленные, аграрные или сырьевые регионы. В то же время, не в полной мере учитывалось сложившееся разделение труда внутри СССР, которое обеспечивало этим социумам интегрированность в единый народнохозяйственный комплекс.

Социально-философская оценка адекватна лишь по меркам всемирно-исторической динамики основных субъектов социально-исторического процесса. Поэтому проецирование ее на макро- и микросоциумы требует соответствующих поправок, что многие авторы забывают делать. Субъекты истории региона Северного Кавказа закономерно эволюционировали к социализму и коммунизму в рамках «семьи советских народов» на основе использования исторического опыта индустриально продвинутых районов и были включены в общий процесс цивилизационной модернизации.

Рассмотрим современные социально-философские оценки социально-исторической динамики России и северокавказских социумов в связи с задачами модернизации. В 1990–2000 гг. все более актуализировались концепции циклической динамики [Розов 2011]. Заслуживает внимания междисциплинарный анализ циклов исторической динамики, проведенный новосибирским профессором Н.С. Розовым, который оценивает циклическую динамику России в двух основных вариантах [Розов 2011, 142–143]: долгие циклы мобилизации, в которых доминирует «государственный успех» (И. Грозный, Петр I, Сталин) и краткие циклы, где интегральный показатель – «свобода как защищенность». С точки зрения либеральной позиции автора, позитивные реформы характеризуются экономической, политической и социальной либерализацией (политика Временного правительства (1917), НЭП (1922–1927), хрущевская оттепель (1956–1968), перестройка 1988, а реформы и действия Петр I или Сталина – контрпродуктивны. По его мнению, всемирно-историческая динамика России реализуется в виде маятниковых и циклических колебаний в сторону государственности или либерализации.

Оценим социально-политическую и экономическую динамику северокавказских социумов.

В аналитическом докладе Центра политических технологий (2011 г.) о социально-политической системе и модернизации на Северном Кавказе [10], справедливо отмечена двойственная динамика в рамках исторического процесса. Эта же амбивалентность наблюдалась и в советский период. По большому счету, она коррелятивна противоречивости модернизационных реформ в России в целом. Действительно, в целом политические процессы в республиках Северокавказского региона подвержены демократизации, например, политическая конкуренция элит, партий, персон возрастает. Но растет и количество нарушений, есть множество искажений. Однако общий конкурентный накал региона высок. Мы допускаем, что в силу особенностей национального характера и «кавказского темперамента» этот накал выше и непримиримей, чем в других регионах России. Однако не всегда эта пассионарная энергия реализуется в рамках легальных демократических процедур и проявляется в форме межклановых, межэтнических, межконфессиональных противоречий и экстремизма. Вместе с тем растет и массовое обращение граждан по поводу нарушений, развивается правозащитное движение, все более полноценным становится разделение властей. В то же время, еще значителен паразитический бюрократизм, слой чиновничества слишком широк и чиновничество часто оценивается как главный тормоз модернизации.

Специфические атрибуты политической системы северокавказских социумов определяются значительным влиянием межэтнических и клановых субэтнических отношений в купе с внутриисламской конфронтацией. Это сильно затрудняет процессы развития более качественной политической системы. Тем не менее, социумы Северного Кавказа, несмотря на новый рост влияния ислама и тенденцию ретрадиционализации, уже прошли исторический этап советской модернизации с ее индустриализацией, урбанизацией и секуляризацией и продолжают свою специфическую затяжную модернизацию. Монополизация политической сферы отдельными элитами, манипуляции с партиями, клановость и кумовство во власти и бизнесе, разрыв между политической элитой и обществом, коррумпированность общественных и политических структур, низкое качество образования, – все это характерно не только для социумов Северного Кавказа, но и для политической системы России в целом. На Северном Кавказе отдельные характеристики выглядят рельефнее, учитывая социальный темперамент этносов региона и их плотное расселение. Но это частности. В целом, нелогично отрицать сходство ситуации модернизации Северного Кавказа и общей тенденции общероссийской социально-исторической динамики.

Урбанизация еще не стала абсолютной доминантой региона, а удельный вес сельских жителей велик. Поскольку с 1940 г. численность коренного населения северокавказских социумов удвоилась, то это привело к обострению лимитирующих факторов, особенно – недостатка земли. При этом интенсивно развиваются миграционные процессы, растет сезонная миграция, изменилось отношение к социальным лифтам, захваченная социальной динамикой

инфообщества молодежь стремится в мегаполисы. Мы считаем, что эти тенденции можно рассматривать как тренд в сторону модернизации. Модернизации должны быть подвержены как социальная структура, так и идеология, так как современный социальный порядок содержит высокий удельный вес теневых экономических и финансовых отношений и криминализации. Роль малого бизнеса и свобода предпринимательства как атрибуты инновационного потенциала также пока слабы и отстают от среднероссийского уровня.

Экономический базис северокавказских социумов в виде этноэкономики оказался относительно автономен как по отношению к советской, так и по отношению к российской рыночной системе. Он комбинирован из элементов «официальной экономики», «рыночной экономики» и «этноэкономики». Надо также понимать, что современная модернизация – это не просто индустриализация, но это и внедрение малой механизации, информатизации (интернет) в любой, в том числе и в аграрный бизнес. Д. Соколов перспективной называет «очаговую модернизацию» [11; 13], под которой понимается товарное производство «на экспорт», осуществляемое множеством компактно взаимосвязанных производителей. Инновационному развитию региона могут способствовать идеи, увязывающие микро- и макросубъектов и факторы экономики, а также рассматривающие экономический фактор в культурно-цивилизационном контексте.

Нам импонирует точка зрения И.В. Стародубовской [12], которая считает неверной традиционную оценку Северокавказского федерального округа как абсолютно депрессивного региона с тотальной бедностью, повсеместной безработицей, отсутствием инвесторов. Согласно ее оценкам Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия и Ставропольский край не являются застойными территориями: от приусадебного хозяйства северокавказская семья за сезон выручает значительные средства. Молодое поколение северокавказских городов практически полностью получает высшее образование и является носителем модернистских и постиндустриальных притязаний, что доказывает наличие продвинутой креативной субкультуры. Однако есть ли у нее возможность реализации этих притязаний в регионе? По оценке И.В. Стародубовской, проблема не столько в безработице (так как в агропромышленности вакансий хватает, а молодежь устремляется в мегаполисы), сколько в дефиците социальных лифтов. Тейпово-клановые препоны ограничивают тенденции сдвига к инновационному социуму. Поскольку основная доля выпускников сельских школ тоже стремится в города, то построение инновационной среды для адаптации молодежи к городским ценностям является первостепенным фактором модернизации традиционного социума. Если вспомнить место молодежи в оранжевых революциях Востока, Украины, то эта задача актуализируется еще в большей мере. Поэтому инвестиционные стратегии региона следует ориентировать на создание адекватной интересам молодежи креативной среды.

Непосредственное отношение к инновационному процессу имеет состояние науки. Научная сфера на Северном Кавказе развита неравномерно: в целом лидерами считаются Дагестан и Северная Осетия. В области технологических изобретений и внедрения, фиксируемых выдачей патентов, лидирует Дагестан, а показатель инновационной активности организаций во всех республиках Северного Кавказа ниже среднероссийских. Однако в связи с этой статистикой мы не делали бы односторонней оценки об отсутствии инновационного потенциала этих социумов. Мы сделали бы другой вывод, заключающийся в том, что инновационный тренд северокавказских социумов лежит в своеобразной специфической сфере. Часто это такие виды деятельности как спорт, курорты, туризм, ремесло, строительство, производство экологически чистых продуктов питания. Во многих случаях модернизация заключается не в изобретении собственных технологий, а в заимствовании мирового опыта.

Самой проблематичной является оценка культурного потенциала модернизации. В этой области чаще всего высказываются наименее оптимистичные оценки, поскольку культурный тренд характеризуют как ретрадиционализацию. Однако мы считаем, что развитие ислама само по себе не является аргументом против модернизации, на основании того, что модель просвещенческой и индустриальной модернизации в Западной Европе была связана с секуляризацией. Для страны первого эшелона модернизации была характерна секуляризация, современные технологии заимствования используют и авторитарно-религиозные режимы. В настоящее время тренд модернизации на Северном Кавказе сочетается с ростом религиозности: это или развитие конформного традиционного сознания, или рост фундаменталистского сознания. Модернизация развивается через борьбу межконфессиональных и внутриконфессиональных противоположностей, своеобразно кодирующих социальные и культурные тенденции преобразований и модернизации в культуре. Иногда эта борьба приобретает форму

войны, которая расчищает дорогу модернизации. Уровень секуляризации, по экспертным оценкам, выше в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, но и в этих регионах ислам и традиционализм стали духовным трендом. Также как в Саудовской Аравии или некоторых других странах Азии, модернизационный тренд в современных северокавказских социумах отличен от классического западного пути. Модернизация идет как бы альтернативным классической модели способом: технократический тренд осуществляется через использование авторитарных методов управления, а также в контексте ретрадиционализации и роста значения религиозных ценностей ислама.

Таким образом, традиционно ведущей формой интеграции в российской цивилизации выступает государственность, авторитаризм, а ведущим социотипом развития является мобилиционность. Главные архетипические качества, связанные с этими типологическими характеристиками – это этатизм, патернализм, социоцентризм. Эти качества, а также поликонфессиональность и поликультурность в полной мере характерны и для современного Северного Кавказа. Важной особенностью и достоинством российской цивилизации является то, что государственность в ней носит надконфессиональный характер, а культурные архетипы – подконфессиональный. В советское время государство на Северном Кавказе выполняло не только властно-политическую, но и экономическую и социально-благотворительную роль. В постсоветское время в конкуренцию с Федеральным центром в области патернализма вступил ислам как форма глобальной идеологии.

В научной, политической и публицистической литературе существуют пессимистические, оптимистические и амбивалентные оценки модернизационного тренда на Северном Кавказе. С нашей точки зрения, общая тенденция имеет модернизационный характер и определяется ориентацией в продвинутое по меркам глобализации общество. Идеологически это может быть обеспечено оптимальным сочетанием религиозности и светскости. Было бы неверным рассматривать Северный Кавказ как абсолютно уникальный регион, а республики Северного Кавказа как патриархальное традиционное общество. Современность на Северном Кавказе характеризуется как этап догоняющей, конфликтной, затянутой модернизации, опирающейся на авторитаризм и интенсивную конфессионализацию.

Если оценивать модернизационный потенциал региона в целом, то налицо неравномерность частей региона. Очевидно, что успешность общей модернизации зависит от политического процесса. Недостатки модернизационного процесса для северокавказского региона типичны для России в целом: бюрократизм, коррупция, клановость и отсутствие инновационного тренда как ведущего звена, отсутствие постоянных «правил игры» и приоритетов для новационных структур, отсутствие цивилизованной конкуренции. Это можно оценивать как общие «беды» модернизации в России, проявляющиеся на Северном Кавказе со своей этнорегиональной спецификой.

В целом, наша оценка модернизационного тренда северокавказских социумов, несмотря на его внутренне амбивалетную природу, позитивна. Северокавказские социумы имеют в качестве базовой основы модернизации специфическую экономику, содержат в себе большой мобилизационный потенциал, собственные векторы инновационного развития и, к тому же, получают дополнительные финансовые бонусы от Правительства Российской Федерации. Вследствие этого, можно полагать, что многие, а может быть и все из этих социумов, через 10-20 лет окажутся брэндами специфической передовой модернизации в России.

Список литературы References

1. Аствацатурова М. А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). – Монография. – М.: Московское бюро по правам человека. 2011. – 192 с.

Astvatsaturova M. A. Severnyy Kavkaz: perspektivy i riski (Transformatsiya regional'nogo etnopoliticheskogo prostranstva). – Monografiya. – M.: Moskovskoye byuro po pravam cheloveka. 2011. – 192 s.

2. Бабинцев В.П., Римский В.П., Матрица русофобии и ментально антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2013. № 8 (151). Выпуск 24. С. 18.

Babintsev V.P., Rimskiy V.P., Matritsa rusofobii i mental'no antropologicheskiye tipy russkoy intelligentsii // NAUCHNYE VEDOMOSTI Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2013. № 8 (151). Vypusk 24. S. 18.

3. Боров А.Х. Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. №2. 2010. С. 175-183.
Borov A. KH. Problemy sotsial'no-kul'turnoy modernizatsii Severnogo Kavkaza: sovetskiy opyt. // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii na-uk. T. 12. №2. 2010. S. 175-183.
4. Волков Ю.Г. Актуальные проблемы кавказоведения. // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2 (22). С. 19-21.
Volkov YU.G. Aktual'nyye problemy kavkazovedeniya. // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2000. № 2 (22). S. 19-21.
5. Гриценко В.П., Вакуленко А.С. Границы применения синергетического метода в социальных науках // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 4. С. 33-36.
Gritsenko V.P., Vakulenko A.S. Granitsy primeneniya sinergeticheskogo metoda v sotsial'nykh nauках // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2012. № 4. S. 33-36.
- Игнатов В. Г., Бутов В. И. Юг России: научно-методические и информационно-аналитические материалы. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2005. – 184 с. // URL. <http://refrend.ru/837509.html>
Ignatov V. G., Butov V. I. Yug Rossii: nauchno-metodicheskiye i informatsiono-analiticheskiye materialy. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS, 2005. – 184 s. // URL. <http://refrend.ru/837509.html>
6. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // URL. <http://base.garant.ru/196589/#ixzz3ITPzIeT>.
Poslaniye Prezidenta RF D. A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu RF ot 12 no-yabrya 2009 g. // URL. <http://base.garant.ru/196589/#ixzz3ITPzIeT>.
7. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий исторической динамики России в XXI веке. // – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 735 с.
Rozov N.S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy istori-cheskoy dinamiki Rossii v KHKHNI veke. // – М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklope-diya (ROSSPEN), 2011. – 735 s.
8. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий исторической динамики России в XXI веке. / Н.С. Розов – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.- С. 142, 143.
Rozov N. S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy istori-cheskoy dinamiki Rossii v KHKHNI veke. / N.S. Rozov – М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011.- S. 142, 143.
9. «Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов». Аналитический доклад Центра политических технологий при грантовой поддержке Общественной палаты (НКО-оператор – Институт общественного проектирования) // URL. http://www.insor-russia.ru/files/SevK_2011.pdf.
«Sovremennaya evolyutsiya politicheskoy sistemy na Severnom Kavkaze i perspekti-vy modernizatsionnykh protsessov». Analiticheskiy doklad Tsentra politicheskikh tekhnologiy pri grantovoy podderzhke Obshchestvennoy palaty (NKO-operator – In-stitut obshchestvennogo proyektirovaniya) // URL. http://www.insor-russia.ru/files/SevK_2011.pdf.
10. Соколов Д.В. Кормление Кавказа или очаговая модернизация // URL. <http://southru.info/1148153734-denis-sokolov-kormlenie-kavkaza-ili-ochagovaya-modernizatsiya.html>.
Sokolov D.V. Kormleniye Kavkaza ili ochagovaya modernizatsiya // URL. <http://southru.info/1148153734-denis-sokolov-kormlenie-kavkaza-ili-ochagovaya-modernizatsiya.html>.
11. Стародубовская И. В. Модернизация на Северном Кавказе: есть ли решение? // «Неприкосновенный запас». 2011. №1 (75). //URL/<http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/sa9-pr.html>.
Starodubovskaya I.V. Modernizatsiya na Severnom Kavkaze: yest' li resheniye? // «Neprikosnovennyu zapas». 2011. №1 (75). //URL/<http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/sa9-pr.html>.
12. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 2001. 552 с. URL.<http://www.nr2.ru/ekb/329988.html>.
Tishkov V.A. Obshchestvo v voooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoy voyny). М.: Nauka. 2001. 552 s. URL.<http://www.nr2.ru/ekb/329988.html>.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. С. 6-261.
Toffler E. Tret'ya volna. М.: ООО "Firma "Izdatet'stvo AST", 1999. S. 6-261.
14. Устрижицкая Д.О. О модернизационном потенциале современного российского общества // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3. С. 40-42.
Ustrizhitskaya D.O. O modernizatsionnom potentsiale sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2014. № 3. S. 40-42.

УДК 78.01

**ЧТО ЕСТЬ МУЗЫКА? (ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ)
ЧАСТЬ 1. О МЕСТЕ МУЗЫКИ В СТРУКТУРЕ МИРА**

**WHAT IS MUSIC?
(A PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF MUSIC IN FOUR PARTS).
PART 1. MUSIC IN THE STRUCTURE OF THE WORLD**

**А.С. Клюев
A.S. Klujev**

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48
Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, 48 Moika St, St. Petersburg, 191186, Russia*

E-mail: aklujev@mail.ru

Аннотация. Определяется место музыки в структуре мира с позиции синергетики. Показывается, что в соответствии с синергетической парадигмой музыка – система, являющаяся вершиной системно-эволюционного развития мира.

Resume. From the synergy standpoint, the paper identifies the place of music in the structure of the World. The writer argues that, according to the synergy paradigm, music is a system in which the World's systems evolution culminates.

Ключевые слова: музыка, мир, человек, синергетика, синергетический подход, система, эволюция.
Key words: Music, World, human, synergy, synergy approach, system, evolution.

Очевидно: ответ на вопрос «Что есть музыка?» прежде всего предполагает прояснение ситуации, касающейся места музыки в структуре мира. Попробуем прояснить ее с позиции *синергетики*. Для этого предварительно определим, что такое синергетика.

Синергетика – наука о самоорганизации систем на всех уровнях эволюционирующей материи по принципу: неживая (мертвая) – живая – социокультурная (человеческая). Отличительным признаком системы, находящейся на последующем уровне эволюции материи, от существующей на предыдущем, является *более совершенная в качественном отношении организация этой системы* (обусловленная интеграцией, упорядоченностью элементов, входящих в систему предыдущего уровня)¹.

Поскольку таким образом, как справедливо утверждают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, «синергетика устанавливает мостики между мертвой и живой природой, между целесообразностью поведения природных систем и разумностью человека, между процессом рождения нового в природе и креативностью человека» [Князева, Курдюмов 1992, 18], можно сказать, что синергетика позволяет нам увидеть мир в его системно-эволюционном саморазвертывании. Причем в силу того, что указанное системно-эволюционное разворачивание мира осуществляется как сложный многомерный и нелинейный процесс, *возможно его различное теоретическое моделирование*.

В качестве подтверждения сказанному сошлемся на мысль основоположника теории систем Л. фон Берталанфи, высказанную им еще в 60-х гг.: один из важных аспектов современного развития научной мысли состоит в том, что «мы более не признаем существования уникальной и всеохватывающей картины мира». Все научные построения суть модели, представляющие определенные аспекты или стороны реальности. «Различные теории систем... являются моделями различных аспектов мира. Они не исключают друг друга и часто сочета-

¹ Законы синергетики раскрываются с помощью таких понятий, как: *аттрактор* (от лат. attraho – притягивать к себе), *суператтрактор* (от лат. super – сверху, сверх и аттрактор), *бифуркация* (от лат. bi и furcus – разделенный надвое, раздвоенный), *фрактал* (от лат. fractus – дробленный, состоящий из частей, каждая из которых подобна целому) и др.

ются при их использовании... Это, конечно, не исключает, а скорее предполагает возможность последующих синтезов, в которые войдут и будут объединены различные современные исследования целостности и организации» [см. Бертуланфи 1969, 32; Митрофанов 1991, 6, 9, 14, 39].

В контексте вышеприведенных суждений, как мы полагаем, мир (включая в него человека) можно интерпретировать как эволюционирующую метасистему, эволюция которой осуществляется за счет последовательной смены составляющих ее систем: природы (неживой, живой), общества, культуры, искусства (в целом), музыки. Иначе говоря, эволюцию мира можно представить как эволюционное движение: природа (неживая – живая) – общество – культура – искусство (в целом) – музыка. При этом *эволюционное движение от одной из названных систем к другой означает, разумеется, не отрицание предшествующей системы последующей, а лишь ее качественное совершенствование (качественное «снятие», по Гегелю) этой последующей системой, в рамках которого любая из обозначенных систем сохраняется и в своем первоначальном облики.*

Обратимся к более детальному анализу указанного эволюционного движения мира и прежде всего к эволюции внутри природы: неживая – живая.

В настоящее время в науке существуют две точки зрения на соотношение неживого и живого. Первая, наиболее широко распространенная, заключается в трактовке живого – органического – как производного из неживого – неорганического [см. напр.: Югай 1985, 6, 8 и др.]. Вторая, представленная в первую очередь концепцией академика В.И. Вернадского, сводится к пониманию неживого (в терминологии Вернадского – косного) и живого как принципиально различных явлений, вследствие чего живое никогда не развивается из неживого/косного, а изначально пребывает и эволюционирует самостоятельно [Вернадский 1978, 127, 320; Вернадский 1988, 24]. Мы солидаризируемся с первой точкой зрения, поскольку именно она соотносится с отмеченным выше синергетическим видением взаимосвязи явлений в мире, в частности принадлежащих неживой и живой природе [Моисеев 1989, 6].

Практическим доказательством связи неживого и живого и, следовательно, возможности рассмотрения живого как новой ступени развития неживого может служить анализ поведения минерало-кристаллических образований. По свидетельству специалистов (минералогов, геохимиков, геологов), минералы, принадлежа литосфере земли, т.е. неодушевленной, неживой материи, обладают характеристиками, которые присущи живым организмам: зарождаются, растут, гибнут и т.д. Так, по словам отечественного геохимика Г.В. Вульфа, «казалось бы, неподвижная, как бы застывшая, геометрически правильная форма кристаллов противоречит понятию жизни как чему-то неустойчивому, непрерывно меняющему свой облик. Однако исследования в области кристаллизации показали, что всякий кристалл, как и все существующее в природе, претерпевает со временем ряд изменений, составляющих то, что условно называют его «жизнью». Кристаллы зарождаются, растут, подвергаются регенерации и даже пожирают друг друга» [Вульф 1922, 4].

Итак, существует эволюция материальных форм в рамках природы (неживая – живая). Вместе с тем природа, как целостное системное образование, сама эволюционирует и в качестве эволюционирующего образования подготавливает появление общества, тоже целостного системного явления. Иными словами, общество – последующая за природой стадия развития мира (включая человека). Прокомментируем этот тезис.

Мысль о том, что природа, в целом, является предпосылкой существования общества, общепризнанна в специальной литературе. Например, с точки зрения А.Г. Маслеева, «природа как источник орудий и предметов труда, как источник средств к жизни и определенная среда жизнедеятельности выступает как постоянное и необходимое условие предметно-практического существования человека и общества». Возникают связи человека с природой, представляющие собой «предельно широкое отношение, когда человек взаимодействует с природой как с целостностью, т.е. универсальным, всесторонним образом. Это отношение включает в себя практическое и эстетическое, нравственное и познавательное отношение человека к природе. Оно, наконец, включает в свое содержание и отношение к другому человеку...» [Маслеев 1982, 52-53].

Очевидно, что общество возникает с появлением человека, которое, в свою очередь, обусловлено формированием в природной биологической среде у представителей предшествующего человеческого обществу семейства гоминид феномена, именуемого «сознание». Причем первоначально – коллективного сознания: «мы» и лишь постепенно, в процессе эволюции этого типа сознания, – индивидуального сознания: «я» [см.: Поршнева 1979; Поршнева 2007]. Согласно многим исследователям, человеческое сознание – продукт эволюции психической организации, зачатки которой наблюдаются уже в биологическом мире. (Своеобраз-

ное «напоминанием» об этом, по всей видимости, – наличие в структуре человеческой психики подсознания, контролирующего природные – биологические – проявления человеческого организма [Симонов 2004]).

На определенном этапе своего эволюционного становления и в соответствии с предложенной нами выше моделью эволюции мира: природа – общество – культура – искусство – музыка, общество, будучи целостным системным образованием, генерирует возникновение культуры, также оказывающейся своеобразной целостной системой.

Необходимо подчеркнуть, что, как правило, в отечественной научной литературе общество и культура практически не различаются. Приведем в связи с этим некоторые рассуждения ученых, почерпнутые нами из монографии Е.В. Боголюбовой, специально посвященной проблеме соотношения культуры и общества.

Так, например, по Э.С. Маркаряну, цитирует Е.В. Боголюбова, ««общество» выражает строение, а «культура» – способ деятельности единого целого – социальной системы». Э.В. Соколов считает, что «в культуре представлены структурный и функциональный аспекты общественной жизни. Общество создает культуру. Чем сложнее, богаче она становится, тем значительнее ее обратное воздействие на человека и общество». По мнению же О.И. Генисаретского, вообще «социум и культура являются двумя подсистемами единой общественной системы» [Боголюбова 1978, 195-196].

Вместе с тем в работах отдельных ученых настойчиво утверждается мысль о том, что общество и культура – разные явления, при этом культура – новый в качественном отношении уровень развития общества. Наиболее отчетливо, на наш взгляд, эту идею выразил А.К. Уледов. По мнению ученого, «культура – это не структурная часть целого... а скорее определенное качественное состояние общества на каждом данном этапе его развития» [Уледов 1974, 27-28]. Подобную точку зрения высказывает и Е.В. Боголюбова. «Культура, – отмечает исследовательница, – есть качественная характеристика общества и его развития по пути прогресса с точки зрения активного, творческого участия в этом процессе общественного индивида» [Боголюбова 1978, 203; Уайт 2004]. Чем объясняется такая интерпретация?

Как указывалось выше, возникновение общества было подготовлено появлением человека, точнее, – человеческого сознания. Очевидно, что эволюция общества связана с развитием человека, его психики. Известно, что свидетельством более высокого уровня развития психической организации человека служит возникновение в ее структуре, помимо сознания, сверхсознания (надсознания). Будучи источником творческого «озарения» (интуиции) человека, его сверхсознание, максимально реализуясь, обеспечивает результативность творческой деятельности человека, причем в различных областях: искусстве, науке, философии и других [см. Фейнберг 2004]. Поскольку эти области, в целом, образуют сферу культуры, максимальная выявленность сверхсознания человека свидетельствует о перерастании общества в процессе его эволюции в культуру.

Определенным этапом эволюции культуры становится искусство, также как и ранее названные формы развивающегося мира: природа, общество, культура, представляющее собой целостное явление.

Говоря об этом этапе эволюционного становления мира, прежде всего важно отметить исключительную связь культуры и искусства, еще большую, чем связь общества и культуры, поскольку искусство – органичная часть культуры. Возникает вопрос: почему в нашей модели именно искусство – последующая за культурой ступень системно-эволюционного движения мира, ведь в культуре, помимо искусства, содержатся (и в этом плане способны стать этапами ее эволюции) наука, философия и др.?

Эта своеобразная «воля культуры к искусству» – результат дальнейшей эволюции человека. Поясним сказанное.

Как мы видели, переход от природы к обществу в процессе эволюционного становления мира был обеспечен возникновением человека – человеческого сознания. Дальнейшее эволюционное движение от общества к культуре было связано с развитием человека, его психики: рождением в структуре человеческой психики феномена сверхсознания. Таким образом, мы можем предположить, что последующий эволюционный скачок культуры должен быть связан с дальнейшим совершенствованием психической организации человека. В каком направлении оно должно осуществляться?

Вновь обращаясь к законам синергетического миропредставления, можно сказать, что человеческая психика есть своеобразная система. Поскольку одним из условий развития системы является усиление интеграционных процессов, протекающих в ее структуре, то и развитие человеческой психики как системы должно отвечать этому принципу [Иваницкий 1991, 876; Евин 2005]. По нашему мнению, дальнейшее эволюционное становление, совершенство-

вание психики человека манифестируется интеграцией в ее структуре подсознания, сознания и сверхсознания, предопределяющей образование самосознания человека [Мамардашвили 2010, 16].

Полагаем, что именно искусство и есть то, что выявляет интеграционное слияние подсознания, сознания и сверхсознания человека, т.е. выявляет самосознание человека в структуре его психической деятельности, а значит, именно искусство есть то, что следует за культурой в процессе эволюционного развертывания мира. Понимание того, что именно искусство – последующая за культурой стадия развития мира, или иначе – качественно новый уровень развития культуры, отражает популярная в специальной литературе точка зрения на искусство как на ядро культуры, особенно же – концепция искусства как самосознания культуры, предложенная М.С. Каганом [Каган 2007, 100-128; Князева, Курдюмов 1994].

Этапом эволюции искусства (еще раз подчеркнем – искусства в целом) становится музыка – подобно всем, рассмотренным выше, системам эволюционирующего мира (природе, обществу и т.д.) представляющая собой системное образование.

Музыка и искусство еще теснее сопряжены, чем в предыдущем случае культура и искусство: если искусство *принадлежит* культуре, музыка, музыкальное искусство – *собственно* искусство, его разновидность. Причем как разновидность оказывается наиболее интегрированным воплощением искусства.

В этом плане нельзя не согласиться с утверждением С.Х. Раппопорта о том, что в музыке «мы находим... все необходимые и достаточные стороны искусства в их теснейшем взаимодействии, в их нерасторжимом сплаве... Больше того, анализ показывает, что в музыке природа искусства находит самое отчетливое выражение». «Главная особенность музыки... состоит, по-видимому, в том, что она, несомненно, является наиболее “чистой” моделью искусства как особой системы...» [Раппопорт 1980, 98, 100; Фарбштейн 1976, 83; Бонфельд 2006, 573].

С чем это связано?

Причина такого положения – дальнейшая эволюция психики человека, вызванная новым этапом усиления протекающих в ней интеграционных процессов, в данном случае – интеграцией самосознания, ведущей к обретению подлинного (глубинного) «я» (это подлинное «я», по аналогии с приведенным выше замечанием М.К. Мамардашвили, можно уже интерпретировать как «самосознание самосознания»). С такой интеграцией самосознания – подлинным «я» – мы и встречаемся в музыке.

Данное признание убеждает в том, что, в самом деле, музыка предстает конечной системой системно-эволюционного движения мира. Исследованию этой системы будет посвящена следующая часть работы.

Список литературы References

1. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М., 1988.
Akhtutin A.V. Ponyatiye «priroda» v antichnosti i v Novoye vremya («fyusis» i «natura»). М., 1988.
2. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: пер. с англ. и польск. М., 1969. С. 32.
Bertalanfi L. fon. Obshchaya teoriya sistem – kriticheskiy obzor // Issledovaniya po obshchey teorii sistem: per. s angl. i pol'sk. М., 1969. S. 32.
3. Боголюбова Е.В. Культура и общество: вопросы истории и теории. М., 1978. С. 195, 196.
Bogolyubova Ye.V. Kul'tura i obshchestvo: voprosy istorii i teorii. М., 1978. S. 195, 196.
4. Бонфельд М.Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление: Опыт системного исследования музыкального искусства: Монография. СПб., 2006. С. 573.
Bonfel'd M.SH. Muzyka: YAzyk. Rech'. Myshleniye: Opyt sistemnogo issledovaniya muzykal'nogo iskusstva: Monografiya. SPb., 2006. S. 573.
5. Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1978. С. 127, 320.
Vernadskiy V.I. Zhivoye veshchestvo. М., 1978. S. 127, 320.
6. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 24 и др.
Vernadskiy V.I. Filosofskiyemy mysli naturalista. М., 1988. S. 24 i dr.
7. Евин И.Е. Синергетика мозга. М.; Ижевск, 2005.
Yevin I.Ye. Sinergetika mozga. М.; Izhevsk, 2005.
8. Евин И.Е. Синергетика сознания. М.; Ижевск, 2008.
Yevin I.Ye. Sinergetika soznaniya. М.; Izhevsk, 2008.
9. Иваницкий А.М. Сознание, его критерии и возможные механизмы // Журнал высшей нервной деятельности. 1991. Т. 41. Вып. 5. С. 876.

Ivanitskiy A.M. Soznaniye, yego kriterii i vozmozhnyye mekhanizmy // Zhurnal vysshey nervnoy deyatelnosti. 1991. T. 41. Vyp. 5. S. 876.

10. Ильенков Э.В. Вопрос о тождестве мышления и бытия в домарксистской философии // Диалектика – теория познания. Историко-философские очерки. М., 1964. С. 21-54.

Il'yenkov E.V. Vopros o tozhdestve myshleniya i bytiya v domarksistskoy filosofii // Dialektika – teoriya poznaniya. Istoriko-filosofskie ocherki. M., 1964. S. 21-54.

11. Ильин В.В. Онтологическое содержание и гносеологические функции категорий «качество» и «количество» // Об онтологическом и гносеологическом аспектах некоторых философских категорий: Сб. статей. Л., 1968. С. 12-157.

Il'in V.V. Ontologicheskoye sodержaniye i gnoseologicheskiye funktsii kategoriy «kachestvo» i «kolichestvo» // Ob ontologicheskom i gnoseologicheskom aspektakh nekotorykh filosofskikh kategoriy: Sb. statey. L., 1968. S. 12-157.

12. Каган М.С. Искусство в системе культуры // Каган М.С. Избранные труды: В VII т. Т. III. СПб., 2007. С. 100-128.

Kagan M.S. Iskusstvo v sisteme kul'tury // Kagan M.S. Izbrannyye trudy: V VII t. T. III. SPb., 2007. S. 100-128.

13. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.

Knyazeva Ye.N., Kurdyumov S.P. Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh sistem. M., 1994.

14. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 18.

Knyazeva Ye.N., Kurdyumov S.P. Sinergetika kak novoye mirovideniye: dialog s I. Prigozhinym // Voprosy filosofii. 1992. № 12. S. 18.

15. М.К. Мамардашвили, самосознание человека можно рассматривать как его (человека) «сознание сознания».

M.K. Mamardashvili, samosoznaniye cheloveka mozhno rassmatrivat' kak yego (cheloveka) «soznaniye soznaniya».

16. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб., 2010. С. 16.

Mamardashvili M.K. Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti. SPb., 2010. S. 16.

17. Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3-18.

Mamardashvili M.K. Soznaniye kak filosofskaya problema // Voprosy filosofii. 1990. № 10. S. 3-18.

18. Маслеев А.Г. Диалектика отношений природы и культуры // Диалектика культуры: Сб. статей. Куйбышев, 1982. С. 52, 53.

Masleyev A.G. Dialektika otnosheniy prirody i kul'tury // Dialektika kul'tury: Sb. statey. Kuybyshev, 1982. S. 52, 53.

19. Митрофанов А.Г. Онтологическая вакуум-субстанциональная картина мироздания. Петрозаводск, 1991. С. 6. См. также: с. 9, 14, 39 и др.

Mitrofanov A.G. Ontologicheskaya vakuum-substantsional'naya kartina mirozdaniya. Petrozavodsk, 1991. S. 6. Sm. takzhe: s. 9, 14, 39 i dr.

20. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм и коэволюция // Природа. 1989. № 4. С. 6.

Moiseyev N.N. Universal'nyy evolyutsionizm i koevolyutsiya // Priroda. 1989. № 4. S. 6.

21. Мотрошилова Н.В. Онтология // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4. М., 1967. С. 140-143.

Motroshilova N.V. Ontologiya // Filosofskaya entsiklopediya: V 5 t. T. 4. M., 1967. S. 140-143.

22. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2007.

Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii). 2-ye izd., dop. i ispr. SPb., 2007.

23. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М., 1979.

Porshnev B.F. Sotsial'naya psikhologiya i istoriya. 2-ye izd., dop. i ispr. M., 1979.

24. Симонов П.В. Избранные труды: В 2 т. М., 2004.

Simonov P.V. Izbrannyye trudy: V 2 t. M., 2004.

25. Уайт Л. Избранное: наука о культуре: пер. с англ. М., 2004.

Uayt L. Izbrannoye: nauka o kul'ture: per. s angl. M., 2004.

26. Уледов А.К. К определению специфики культуры как социального явления // Философские науки. 1974. № 2. С. 27-28.

Uledov A.K. K opredeleniyu spetsifiki kul'tury kak sotsial'nogo yavleniya // Filosofskie nauki. 1974. № 2. S. 27-28.

27. Фарбштейн А.А. Музыка и эстетика. Л., 1976. С. 83.

Farbshteyn A.A. Muzyka i estetika. L., 1976. S. 83.

28. Фейнберг Е.Л. Две культуры: интуиция и логика в искусстве и науке. 3-е изд., расш. и доп. Фрязино, 2004.

Feynberg Ye.L. Dve kul'tury: intuitsiya i logika v iskusstve i nauke. 3-ye izd., rassh. i dop. Fryazino, 2004.

29. Югай Г.А. Общая теория жизни: диалектика формирования. М., 1985. С. 6, 8 и др.

Yugay G.A. Obshechaya teoriya zhizni: dialektika formirovaniya. M., 1985. S. 6, 8 i dr.

УДК 316.75-055.2 "19"

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПАТРИАРХАТА**THE INFLUENCE OF GENDER FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF WOMAN PERSONALITY IN THE PERIOD OF PATRIARCHY****Т.И. Липич, Е.А. Марьясова**
T.I. Lipich, E.A. Mariasova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: mariasova@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрение и анализ образа женщины, его специфических особенностей проявления в различные исторические эпохи становления русской государственности способствует полному и адекватному воспроизведению культурной панорамы общественной жизни России.

В статье рассматривается положение российской женщины в традиционно-нормативном обществе. Анализируются основные факторы, оказывающие влияние на развитие женской личности в рассматриваемый период, выделяются причины, способствующие отказу женщины от традиционного поведения и отношение общества к таким маргинальным проявлениям поведения.

Resume. Studying and analysis of woman character, its specific manifestations in different epochs of the Russian state establishment help to reproduce the cultural view on Russian society more fully and more adequately.

The article studies the role of a woman in the traditionally-normative society. We try to analyze the main factors influencing on the development of a woman personality at this period, to underline reasons promoting the woman refusal from the traditional performance and the attitude of the society towards such marginal behavior.

Ключевые слова: женщина, религия, традиция, общество.
Key words: woman, religion, tradition, society.

Проблемы пола в последнее время становятся весьма актуальными. «Женский вопрос» в этом смысле – не исключение, т.к. проблемы женщин в современном социокультурном пространстве приобретают особый смысл. Женщина все больше вовлекается в общественное производство. Это порождает огромное количество интерпретаций, как роли самой женщины, так и осмысление различных подходов в понимании сути и назначения женщины в обществе. Рассмотрение и анализ образа женщины, его специфических особенностей проявления в различные исторические эпохи становления русской государственности способствует полному и адекватному воспроизведению культурной панорамы общественной жизни России. Философско-культурологический анализ этой проблематики дает возможность не только её теоретического осмысления, но имеет и практическое значение. В частности, рассмотрение становления образа женщины и ее роли в общественной жизни позволяет выявить тенденции в решении многих современных женских проблем, способствует теоретическому осмыслению существующих гендерных взаимоотношений и выявлению скрытых оснований дискриминации женщин.

Принято считать, что период традиционно-нормативных отношений характеризует женщину как предикат мужа, мужчины и, следовательно, место женщины определялось исключительно домом, а её поведение определялось исключительно покорностью. Следуя Библии, переход от язычества к Христианству сделал женщину на Руси одной из самых достойных носительниц веры. Исследователь Феоктист игумен (Кириленко) характеризует принадлежность женщины к христианской вере следующим образом: «Если вы хотите, чтоб в характере женщины было смирение без унижения, уступчивость без пошлого угождения, неистощимая любовь, которая, особенно заботясь о благе душевном, старается доставить благо земное, – если вы захотите всего этого, – делайте её христианкой» [Феоктист (Кириленко), 2006].

Период X-XV веков трактуется учёными, изучающими положение древнерусских женщин по-разному. Существует некое разногласие во мнениях на общественное положение россиянки в обществе: от всецелой зависимости до экономического равноправия. Историки И. Беляев, С. Соловьёв, Б. Романов, опираясь на древнерусские документы, отмечали экономическую состоятельность женщин в эти века, тогда как Н. Костомаров, А. Амфитеатрова, Е. Забелин излагали свой взгляд на женщину как на постоянную невольницу и заложницу общественных и церковных традиций. XVI век, по мнению антропологов, внёс существенное изменение в жизнь россиянок – резко сузил права и власть.

Со вступлением России в период патриархата (система социальных структур и практик, в которых принято мужское доминирование, подавление и эксплуатация женщин) [Maltby, 1994], россиянка «отошла» от общества и утратила былые права на земельное имущество, ограничив себя лишь домом и семьёй. По мнению историков как российских (С. Шашков, Е. Щепкина), так и западных (К. Клаус, С. МакНелли), россиянка перешла из статуса общественницы в статус затворницы, что было результатом влияния церковных правил и обычаев на жизнь женщины. «Домострой», свод законов, правил и советов по содержанию быта и семьи, определил главенство мужчины в семье, тем самым резко урезав права женщин. Место женщины определялось исключительно домом, а поведение определялось исключительно покорностью. Наблюдался явный регресс в общественной жизни русской женщины. Россия в образе женщины вступила в новую фазу, которую можно определить как «век терема и домостроя». По мнению Забелина, «женщина постепенно удалась от общества, и являлась в нем уже только в силу некоторых жизненных обстоятельств, требовавших неминусом ее присутствия или же дававших ей самостоятельное вотчинное значение» [Забелин, 1869].

Женская покорность прослеживалась на всех жизненных этапах: от рождения до смерти. Рождение девочки в христианской семье означало рождение нежной, чувствительной, благочестивой помощницы, продолжательнице рода человеческого. На родителей ложилась огромная ответственность в воспитании истинной христианки, не потерявшей веру в Бога при любых обстоятельствах и испытаниях. Гнев отца всегда был справедлив и обоснован, материнское же сострадание к ребёнку как бы противопоставлялось его гневу её милосердием и всепрощением. Пушкарёва отмечает, что: «Почтение к матери объявлялось делом «богоугодным» («Пчела» XV в.), а пренебрежение и забвение памяти родителей («паки насмеялся отцу и укоряюще старость материю...») резко осуждалось: «...и возплачется тогда, и господь не услышит его...» [Пушкарёва, 1989].

Во время свадебного процесса отец невесты передавал мужу плеть как символ власти над дочерью и наказания за провинность. А. Толстой описывал это следующим образом: «...отстегнул от пояса плеть и ударил дочь по спине три раза – больно. – Ты, дочь моя, знала отцовскую плеть, передаю тебя мужу, ныне не я за послушанье – бить тебя будет муж сей плетью...» [Толстой, 1968]. Став законной женой, женщина должна была в полной мере раскрыть свои способности по ведению дома и стать достойной женой своему мужу во всех его делах и желаниях. Христианский брак строился в первую очередь на духовности, и без благоговения Неба вся красота, радость, ценность семейной жизни могла быть в любой момент разрушена. Но святость брака, определяемая апостольскими посланиями, охватывала и интимные отношения мужа и жены как дополняющих друг друга, любящих друг друга личностей. Интимные отношения являлись венцом их духовной близости, поэтому в древней Церкви первую неделю новобрачные жили как брат и сестра. Это способствовало более глубокому осмыслению семейной жизни. Но, и как традиция на стене в каждом доме висела плеть, которой муж бил жену проявляя к ней, таким образом, свои чувства и слыл этот поступок нравственным. Проявление, таким образом, внимания к жене расценивалось как проявление интереса к её существованию. Бить жену плетью и нравственно, властно, и нравоучительно, а главное по-христиански. Н.И. Вавилов отмечает: «Что деревенская баба. Слякоть одна... все как кроты слепые – ничего не знают. И побои, как средств[о] учения ложатся в основу крестьянских отношений к жене. Да они и сами ничего не имеют против. «Нашу сестру нельзя не учить» [Вавилов, 2006].

Патриархальная модель российской семьи и общества определяла отношение к женщине с позиций «богатырского идеала», отводя ей подчиненную, второстепенную роль как в общественной, так в семейной жизни. Конечно, если сравнить женщину с богатырём, то она окажется существом слабым, беззащитным, но умственные качества приравнивались к физическим и женщина оказывалась с двух сторон несостоятельна. По мнению В. Иваницкого, с точки зрения гендерного подхода, как социальной принадлежности, в России «...женщинам

на протяжении веков приходилось нести на своих плечах, как мужские работы, так и мужские роли, мужскую ответственность» [Иваницкий, 1995]. Но церковь настаивала на абсолютном разделении прав и обязанностей. По словам Св. Иоанна Златоуста следует, что «Если бы Он создал мужа способным к тому и другому, то женский пол был бы в презрении; с другой стороны, если бы жене предоставили большее и полезнейшее, то жёны стали бы надмеваться великою гордостью» [Иоанн Златоуст, 1994]. Так же, по словам В. Иваницкого, «Домострой» настаивал на совпадении секса и гендера. Разделение функций стало абсолютным, разделение прав сделалось пустым понятием вследствие того, что у одной из сторон не стало никаких прав» [Иваницкий, 1995]. Это доказывает слова И. Юкиной, что русской женщине отводилось «место общего фона, молчаливого большинства, существование которого всем очевидно, но которое не имеет своего голоса и которое не вписано в историческое полотно» [9].

Таким образом, двойственная роль, подробно описанная и продиктованная церковью, делала женщину полностью зависимой от мужа. Созданная из ребра человека, то есть мужчины, она должна быть близка сердцу мужа, послушна и покорна ему, не боясь его. Ю. Максимов отмечает всем известную фразу, принадлежащую Ап. Павлу: «А жена да боится своего мужа» [10]. В данном случае глагол «бояться», как отмечает Максимов, необходимо трактовать как «благоговеть». Жена должна повиноваться мужу, как Господу, повиноваться безгранично, как Церковь – Христу. Таким образом жена-христианка являлась устроительницей Царства Божия в семье. Требованием к жене являлась верность. Супруги должны были доверять друг другу без опаски. Тень сомнения могла омрачить или даже разрушить брак. Несправедливость состояла в том, что при несчастливом браке, вина ложилась на женщину. Но часто сами мужья становились зачинщиками разводов, отчего женщине не становилось легче и им приходилось нести все горести на своих плечах. Амвросий Оптинский в своей книге «Советы старца» даёт следующее утешение покинутой жене: «Пишешь, что муж тебя отослал, ...почему решилась прибегнуть к Богу и просить его...? И что же – вот и проси, и проси несомненно и терпеливо, – получишь» [Амвросий Оптинский, 1998: 10]. Даже получив развод, женщина не могла по закону Божьему сочетаться законным браком, как бы навсегда оставшись при муже своём. Ап. Павел провозглашал: «Она не должна отдаляться от живого мужа, принимать другого супруга, или вступать в другой брак... Она связана законом» [Иоанн Златоуст, 1994]. Вдовство определённо приносило женщине свободу, но по закону засматриваться на молодых вдов женатым мужчинам было запрещено. Однако сословие одиноких женщин имело место быть, и общество относилось к нему неоднозначно.

Маргинальность поведения определялась отходом от правил: брак по расчёту, мотовство, женское прелюбодеяние, неповиновение. Браки по расчёту со стороны женщин считались греховными, по причине того, что жена купила себе мужа. Женщина, вышедшая замуж по расчёту в христианском обществе присваивала себе роль «мегеры» и право менять поклонников как свои башмаки. Такие браки вели к антихристианскому началу, то есть к плотской любви, что вело к разврату. Вопрос развода не решался в пользу женщины, так как, разведясь, она по закону становилась прелюбодейкою. Прелюбодеяние считалось огромным грехом, и блудники помещались в один разряд с ворами и разбойниками. Замужняя женщина не только не могла завести знакомство, но даже лишний раз взглянуть на незнакомца, чтобы не разгневать в лице мужа Господа Бога. Женские измены нередко оборачивались поощряемыми общественным мнением жестокими расправами. Блюдея каноны нравственности, согрешившую девушку до замужества общество не только порицало, но и по закону могло придать смерти. История знает случаи, когда раскаявшихся женщин отдавали в монастырь, где жизнь напоминала тюремную. Преступниц держали в уединении и кандалах. Жестоко обходились с убийцами женщинами и, судя по изощрённости наказания, народ получал своеобразное наслаждение от жестокости по отношению к жертве. Пожалеть в душе – возможно, но никакого публичного протеста, никакой защиты женщины от тирана мужа, мужа-изменника ждать не приходилось.

Церковный закон принимал только жертвенное отношение со стороны женщины. Общество руководствовалось теми же правилами. Стать истинной христианкой – значило отказаться от свободы в пользу веры, которая давала взамен свою защиту. Утешение находилось в самом предназначении женщины на земле: рождение детей, служение Богу. История церкви знает много имён, которые своей жизнью и подвигом показали, что женщина-христианка способна претерпеть множество мук и лишений и умереть за свою веру, например, Ульяна Осоргина, Ксения Петербургская.

Таким образом, традиционно–нормативному периоду соответствовал тип истинной христианки, который подразумевал всецелое подчинение общественно-религиозным законам патриархального общества. Нарушение данных законов рассматривалось как преступление против общества и церкви и жестоко каралось.

Список литературы References

1. Феоктист игумен (Кириленко). Пастырское душепопечение о женщинах / Игумен Феоктист (Кириленко). – СПб.: Ладан, 2006. – С. 21.
Feoktist igumen (Kirilenko). Pastyrskoye dushepopeniye o zhenshchinakh / Igumen Feoktist (Kirilenko). – SPb.: Ladan, 2006. – S. 21.
2. Maltby, T. Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency. – Brookfield: Avebury, 1994. – P. 22.
Maltby, T. Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency. – Brookfield: Avebury, 1994. – P. 22.
3. Забелин, Е.И. Домашний быт русских цариц / Е.И. Забелин. – Москва: Типография Грачева и Комп., у Пречистенских в., д. Шиловой. 1869. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zabelin_i_e/text_0070.shtml.
Zabelin, Ye.I. Domashniy byt russkikh tsarits / Ye.I. Zabelin. – Moskva: Tipografiya Gracheva i Komp., u Prechistsenskikh v., d. Shilovoy. 1869. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/z/zabelin_i_e/text_0070.shtml.
4. Пушкарёва, Н.Л. Женщины древней руси / Н.Л. Пушкарёва. – М.: Мысль, 1989. – С. 93.
Pushkarova, N.L. Zhenshchiny drevney rusi / N.L. Pushkarova. – M.: Mysl', 1989. – S. 93.
5. Толстой, А.Н. Петр Первый / А.Н. Толстой. – М.: Правда, 1968. – С. 119.
Tolstoy, A.N. Petr Pervyy / A.N. Tolstoy. – M.: Pravda, 1968. – S. 119.
6. Вавилов, Н.И. Тематические записи в студенческом дневнике / Н.И. Вавилов // Человек. – М. – 2006. – №2. – С. 136.
Vavilov, N.I. Tematicheskiye zapisi v studencheskom dnevnike / N.I. Vavilov // Chelovek. – M. – 2006. – №2. – S. 136.
7. Иваницкий, В. Русская женщина в эпоху «Домостроя» / В. Иваницкий // Общественные науки и современность. – 1995. – №3. – С. 161-172.
Ivanitskiy, V. Russkaya zhenshchina v epokhu «Domostroya» / V. Ivanitskiy // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. – 1995. – №3. – S. 161-172.
8. Иоанн Златоуст. Похвала Максиму, и о том, каких должно брать жён. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе: в 12 т. / Иоанн Златоуст. – М.: Златоуст, 1994. – Т.3. – С.230.
Ioann Zlatoust. Pokhvala Maksimu, i o tom, kakikh dolzhno brat' zhon. Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatoust Arkhiyepiskopa Konstantinopol'skogo v russkom perevode: v 12 t. / Ioann Zlatoust. – M.: Zlatoust, 1994. – T.3. – S.230.
9. Юкина, И. И. «Новая история женщин» России. / И. И. Юкина // Библиография «История женского движения и феминизма в России. 1850-е –1920-е годы». СПб.: Алетейя, 2003. – Режим доступа: <http://www.gender-ehu.org/files/File/Yukina.pdf>.
Yukina, I. I. «Novaya istoriya zhenshchin» Rossii. / I. I. Yukina // Bibliografiya «Istoriya zhenskogo dvizheniya i feminizma v Rossii. 1850-ye –1920-ye gody». S.Pb.: Aleteyya, 2003. – Rezhim dostupa: <http://www.gender-ehu.org/files/File/Yukina.pdf>.
10. Максимов Ю. Святые отцы о семейных обязанностях христианина / Ю. Максимов // Интернет-журнал Сретенского монастыря. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28265.htm>.
Maksimov YU. Svyatyye ottsy o semeynykh obyazannostyakh khristianina / YU. Maksimov // Internet-zhurnal Sretenskogo monastyra. – Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28265.htm>.
11. Амвросий Оптинский. Поучения преподобного Амвросия Оптинского супругам и родителям / Амвросий Оптинский. – Саратов: Благовест, 2011. – С. 10.
Amvrosiy Optinskiy. Poucheniya prepodobnogo Amvrosiya Optinskogo suprugam i roditelyam / Amvrosiy Optinskiy. – Saratov: Blagovest, 2011. – S. 10.

УДК 1.091.470

**СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РУССКОГО
КОСМИЗМА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ УТОПИЗМА
В РУССКОМ КОСМИЗМЕ)****SOCIO-ANTHROPOLOGICAL PROGRAM OF RUSSIAN COSMISM
(THE PROBLEM OF UTOPIANISM IN RUSSIAN COSMISM)****В.В. Лыткин¹, В.Ю. Панов²
V.V. Lytkin, V.Y. Panov**

¹Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского, Россия, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26
Kaluga state University of Konstantin Tsiolkovsky, 26 Stepana Razin St, Kaluga, 248023, Russia

²Государственный музей истории космонавтики им. К.Э. Циолковского, Россия, 248000, Калуга, ул. Академика
Королева, 2

The State Museum of Cosmonautics history of K. E. Tsiolkovsky, 2 Academician Korolev St, Kaluga, 248000, Russia

E-mail: vlad-lytkin@yandex.ru; panov@gmik.ru

Аннотация. В данной статье анализируется социально – антропологическая программа русского космизма. Актуальность темы определена потребностью дальнейшего осмысления в философско – антропологическом и мировоззренческом плане комплекса идей и построений, свойственных русскому космизму. Целеполагание исследования состоит в том, чтобы раскрыть утопические идеи социально – антропологической программы в русском космизме. С этой целью авторы последовательно анализируют концепции Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского. Выбор персоналий определен тем, что на основе рассмотрения их учений можно проследить динамику развития утопических идей в космизме от религиозной утопии к научно-технической и прогностической.

Resume. This paper analyzes the socio – anthropological program of Russian cosmism. The relevance of the topic defined by the need for further understanding in philosophical – anthropological and philosophical terms of complex ideas and constructions that are characteristic of the Russian cosmism. The purpose of the study is to uncover the utopian idea of a socio – anthropological program in Russian cosmism. To this end, the authors analyze the concept of N. F. Fedorov, K. E. Tsiolkovsky, V. I. Vernadsky. The choice of personalities has been determined, that based on the consideration of their teachings can be traced to the dynamics of the development of utopian ideas in the art from a religious utopia to scientific, technical, and predictive.

Ключевые слова: русский космизм, утопизм, социальная антропология, философская антропология, программа. К.Э. Циолковский, Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский.

Keywords: Russian cosmism, utopianism, social anthropology, philosophical anthropology, program. K.E. Tsiolkovsky, N.F. Fedorov, V.I. Vernadsky.

В последние десятилетия постоянно и устойчиво растет интерес к русскому космизму, его философскому и общекультурному наследию. Это не в последнюю очередь связано и с углубляющейся кризисной ситуацией в российском обществе, и в значительной мере с неопределенностью социальных идеалов, недооценкой их значимости для устойчивого развития как социума, так и его отдельных субъектов. Анализ исторических и современных моделей социального развития с целью выявления сущности, а так же степени обоснованности выдвинутых антропологических и общественных идеалов принадлежит к числу принципиально важных для сегодняшнего дня.

Всем этим в значительной мере и объясняется устойчивый интерес к истории, теории и методологическим проблемам русского космизма, которые, начиная с 70-х годов XX века, неизменно находятся в центре внимания философов, социологов и антропологов не только в нашей стране, но и за рубежом (Hagemester M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Verlag Otto Sagner, 1989; Finney B. From Sea to Space. Massey University, New Zealand, 1992; Siddiqi A.A. The red rockets' glare: spaceflight and the Soviet imagination, 1857-1957. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010; Young G.M. The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers. Oxford University Press, 2012). Научный и общественный интерес к русскому космизму связан с развитием практической космонавтики, продемонстрировавшей неизбежность и закономерность начала эры изучения и освоения космо-

са, космических путешествий. Космонавтика стала не только естественной частью бытия человека начала XXI века, но и формой его жизни, укорененной в структурах его мышления.

Всемирно-историческое значение русского космизма в лице его классиков (Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и другие) заключается в развитии оригинальных представлений о путях и средствах достижения социального и личного совершенства. Исходя из осмысления эволюции вселенной как единого целого, русский космизм поставил проблему социального устройства как условия создания гармоничного порядка планетного целого, сознательного согласования развития природы и общества. За рубежом в разное время в русле подобных представлений работали П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа, Г. Оберт и Р. Годдард, Р. Эсно-Пельтри, Ж. О'Нейл, Ф. Дайсон, А. Кларк и многие другие. Выяснение возможных путей развития человеческой цивилизации и перспектив ее устойчивого существования занимает важнейшее место как в русском космизме, так и в интеллектуальной жизни Западной Европы.

В конце 80-х годов XX столетия, в период трансформации российского общества, идеи основоположника «русского космизма» Н.Ф. Федорова становятся предметом философских и мировоззренческих дискуссий. Эти идеи, также как и воззрения К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского, рассматриваются в качестве важнейшего элемента отечественной интеллектуальной традиции. Повышенный интерес к философии Федорова уже второй раз проявляется в период, когда Россия переживает социально-политические катаклизмы. Это вызвано, в первую очередь, тем, что в Федоровском учении не только явно присутствует прогностический элемент и направленность в будущее, но это будущее представляет собой идеал. Философию Федорова отличает то, что, как отметил Н.А. Устрялов, «ее несравненный, головокружительный оптимизм пригоден для уловления душ. Есть в ней нечто современное, от эпохи масс. Она словно просится на трибуны и в микрофоны». Его философия выходит за рамки рациональной философии, она «мифоносна, и потому многообещающа, особенно в наш век, когда человечество явно тоскует по новому или обновленному мифу» [Устрялов, 1934]. Идеи Федорова были актуальны в тридцатые годы прошлого века, когда писал Устрялов, в период революционных преобразований в России, и продолжают привлекать мыслителей в наше время. Начатый Федоровым и продолженный его последователями поиск обновления человеческого общества с перспективой распространения человеческого управления на Космос, безусловно, сохраняет актуальность в условиях современной глобальной цивилизации.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных русскому космизму и его ключевой фигуре Н.Ф. Федорову, до сих пор нет однозначности как в понимании самого явления русского космизма, так и в определении принадлежности учения Федорова к какому-либо философскому направлению. В.В. Зеньковский характеризует философию Федорова как «христианскую», «всцело погруженную в схемы христианства» [Зеньковский, 1991]. А.В. Гулыга решительно утверждает, что взгляды Н.Ф. Федорова «насквозь пронизаны материалистическими основаниями» [Гулыга, 1979]. Г.В. Флоровский определяет философские положения Н.Ф. Федорова как «своеобразную форму религиозного позитивизма» [Флоровский, 1991], а Бердяев – как «радикальный прагматизм» [Бердяев, 1915]. Современные исследователи творчества Н.Ф. Федорова называют его философию «космизмом», «христианским материализмом», «прометеизмом».

Такие расхождения в оценке концепции Федорова свидетельствуют о необходимости глубокого и тщательного ее анализа с целью более точного определения ее места в историко-философском контексте и ее влияния на последующие учения в русле русского космизма. В существенной мере все вышесказанное относится и к более позднему этапу «русского космизма» и, в частности, к творческому наследию К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского.

Первые аналитические работы о русском космизме появились в 20-е годы XX века и были связаны с выходом в свет статей Н.Ф. Федорова, [Философия общего ..., 1906, 1913] раскрывающих идею «общего дела». Авторы работ, посвященных статьям Н.Ф. Федорова (А.К. Горский, Н.А. Сетницкий и др.) не ограничивались интерпретацией идеи «общего дела», а стремились развить и уточнить мировоззренческую направленность взглядов Н.Ф. Федорова [Горский, Сетницкий, 1995].

Сам термин «русский космизм» ввел в научный оборот Н.К. Гаврюшин в 70-е годы XX века, опубликовав работу «Из истории русского космизма» [Гаврюшин, 1972]. Однако, как отмечает А.И. Алешин, космизм как одна из ведущих традиций самобытной философской мысли России, «рассмотренная в полноте представляющих ее обычно имен, обнаруживает

исключительное внутреннее разнообразие, полярные по самому их существу концепции» [Алешин, 1995].

Начиная с 80-х годов прошлого столетия в отечественной философии заметно активизировался интерес к изучению русского космизма. Такой интерес был вызван изданием трудов А.Л. Чижевского (1976), Н.Ф. Федорова (1982), К.Э. Циолковского (1986) и В.И. Вернадского (1988). В следующее десятилетие был опубликован целый ряд историко-философских работ, посвященных русскому космизму, отечественных авторов: С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой, Н.Н. Моисеева, Ф.И. Гиренка, А.В. Гулыги, В.В. Казютинского, О.Д. Куракиной, Ю.В. Олейникова, А.А. Оносова, В.А. Кутырева, Л.В. Фесенковой, А.И. Алешина, Т.Н. Желниной, В.В. Лыткина, С.С. Хоружего и др. В этих работах внимание акцентируется на отдельных сторонах русского космизма: идеях активной антропологической и социальной эволюции, взаимосвязанности природы и общества, социокультурном значении русского космизма, утопических чертах в философии русских космистов, а также исследуется творчество отдельных представителей русского космизма. Появились диссертационные исследования и монографии, посвященные данной проблематике [Лыткин, 2012; Лыткин, автореф. дис... 2013]. Намечилась тенденция комплексного исследования русского космизма, отраженная в работах С.Г. Семеновой и А.Г. Гачевой «Русский космизм»: Антология философской мысли (1993) [Русский космизм ..., 1993], в сборниках «Грезы о Земле и Небе: Антология русского космизма» (1995), «Философия русского космизма» (1996) и «Русский космизм: традиции и современность» (1997) [Грезы о Земле и ..., 1995; Философия русского космизма, 1996; Русский космизм ..., 1997].

В начале XXI вышли сборники, посвященные научному наследию В.И. Вернадского: «Реалии ноосферного развития: материалы межгосударственной научно-практической конференции. Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» (2001) и «Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке» (2003).

Поскольку философия русского космизма в статье рассматривается в связи с утопизмом, то следует отметить, что в нашей стране издано большое количество научных трудов, посвященных этой проблематике. Еще в 20-е годы прошлого века В. Святловским был создан каталог утопий, представляющий собой синтез аннотированного указателя и библиографического обзора изданий утопических произведений преимущественно зарубежных авторов. Анализ и критике некоторых сторон утопии посвящены статьи Г.В. Флоровского [Флоровский, 1991], С.Л. Франка [Франк, 1992], Н.А. Бердяева [Бердяев, 1924] и других видных философов.

Применительно к советскому периоду следует особо выделить заслуги академика В.П. Волгина и представителей его школы, издававших и популяризовавших с конца 20-х годов и до начала 90-х прошлого столетия наследие утопистов с древности до начала XX века. Изучению западноевропейского утопического социализма Нового времени и творчеству его отдельных представителей посвящены работы отечественных философов Л.М. Баткина [Баткин, 1976], А.Х. Горфункеля [Горфункель, 1966], А.Я. Штекли [Штекли, 1975] и других. Важным направлением исследований в 70-80-е годы XIX века стали теоретические разработки проблемы природы и сущности утопического сознания (Э.А. Араб-Оглы, В.А. Чаликова, В.П. Шестаков и другие). В конце 80-х – начале 90-х гг. появились первые антологии отечественной и европейской утопической мысли: «Русская литературная утопия: Антология» (1986), «Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы» (1991). Переведена с польского языка и издана фундаментальная работа Е. Шацкого «Утопия и традиция» (1991).

В последние годы написано большое количество кандидатских и докторских диссертаций по утопической проблематике. Следует назвать работы О.Ю. Яценко, Г.М. Пономаревой, В.П. Кондратьева, Р.Е. Селеверстова [Яценко, автореф. дис... 1994; Пономарева, автореф. дис... 1996; Кондратьев, автореф. дис... 1998; Селеверстов, автореф. дис... 2000], наиболее интересной из которых представляется работа Г.М. Пономаревой, в которой на высоком теоретическом уровне дан глубокий анализ утопического сознания в России. В отличие от нашего исследования автор акцентирует внимание на анализе утопического сознания в художественной литературе. Фундаментальный вклад в разработку проблем утопии и утопического мышления внесли работы зарубежных философов (К. Мангейм, Э. Блох, М. Ласки, Х.А. Мараваль, Е. Шацкий, П. Тиллих) [Утопия и ..., 1991; Шацкий, 1990; Tilih, 1955].

Целью данной статьи является сравнительный и философско-критический анализ утопических идей русских философов-космистов Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и В.И. Вер-

надского, определение основных типологических характеристик опыта философской утопии, представленного в данном направлении русской мысли.

В основном работа построена на анализе философских трудов Н.Ф. Федорова («Философия общего дела», а также множество статей), К.Э. Циолковского («Горе и гений», «Наука и вера», «Мысли о лучшем государственном устройстве», «Идеальный строй жизни», «Устройство людей на Земле», «Радость без расплаты», «Радость и страдание», «Горе человечества», «Жизнь человечества», «Радость смерти», «Нирвана», «Монизм Вселенной», «Грезы о Земле и Небе», «Растение будущего» и другие работы), В.И. Вернадского («Биосфера в космосе», «Область жизни», «О научном мировоззрении», «Научная мысль как планетное явление», «Несколько слов о ноосфере», «Автотрофность человечества», «Живое вещество», «Философские мысли натуралиста», «Проблемы биогеохимии» и другие работы).

При анализе феномена русского космизма использовались работы: Ф.И. Гиренка, А.В. Гулыги, С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой, В.С. Степина, Л.Ф. Кузнецовой, А.И. Алешина, Н.И. Гаврюшина, М. Хагемайстера, Л.В. Фесенковой, В.В. Лыткина и другие. В статье рассмотрены концептуальные подходы к утопии отечественных мыслителей (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Г.В. Флоровский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и другие) и зарубежных ученых (Е. Шацкий, Э. Блох, К. Мангейм, М. Ласки, П. Тиллих, Сиоран).

Научная новизна исследования определяется тем, что:

1. Предполагается осуществить систематическое исследование утопической проблематики в философии русского космизма, определены основные этапы и направление эволюции утопических идей в этом течении русской мысли.

2. В плане философско – антропологической критики будет рассмотрена связь сциентистско-просветительских элементов в учении Н.Ф. Федорова с утопизмом его религиозно-философского проекта.

3. Будет раскрыта специфика утопизма К.Э. Циолковского («узаконенного дарвинизма»), связанного, прежде всего, с утопической задачей «тотального технократизма», универсальной преобразовательной деятельности человека в масштабах Вселенной.

4. Будут определены утопические элементы в научной концепции ноосферы В.И. Вернадского, связанные, преимущественно, с идеей автотрофности.

5. На основе анализа выявленных у русских космистов характерных утопических идей и концепций будет прослежена динамика их развития от религиозного утопизма к научной теоретической футурологии.

По мнению авторов:

1. Русский космизм рассматривает мир не только в его данности, но и с позиции должностного бытия, что непосредственно связывает его с утопизмом. Кроме этого, он выходит за рамки классического определения утопии. В то время как традиционные утопии в большей степени ориентированы на создание идеального общественного устройства на Земле, утопии Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского направлены на коренное преобразование всего природно-мирового порядка.

2. Утопические идеи Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского могут быть определены как прометеизм, поскольку власть над пространством и временем, покорение природы, бессмертие мыслятся ими с позиции человека, обладающего этими идеями, а также человека, подобного богам, «овладевающего огнем» и способного одним поступком изменить ход истории и культуры. Прометеизму свойственна вера в безграничную творческую силу и власть человека над природой.

3. Своеобразие взглядов Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского состоит в том, что они стремились достичь симбиоза утопических и научных идей. Идеал будущего состояния социоприродного универсума дается ими в единстве со стратегией его достижения, то есть проективно, с присущими им верой в неограниченную мощь научного знания и культивированием науки.

4. Утопические идеи в философии русского космизма имеют определенную динамику развития в сторону научной концепции и технократической реальности. В религиозно-философской утопии Н.Ф. Федорова намечена лишь тенденция к научному осмыслению реальности и будущего развития человечества, и его проект в целом является утопическим. В технократический утопии К.Э. Циолковского содержится научно-обоснованная аргументация развития универсума, хотя его учение об обществе будущего и носит утопический характер. Учение о ноосфере В.И. Вернадского представляет собой уже не утопический проект, а научно сформулированную материалистическую концепцию, хотя и не лишенную утопических черт.

Представленное содержание и проблематика призваны прояснить роль утопических идей в философии русского космизма. Определение утопических идей Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского как прометеизм и выявление динамики их развития от религиозно-философской утопии к научной концепции является важным моментом в изучении развития русской философско-утопической мысли. Работа может служить основой для дальнейшей разработки проблем, связанных с понятием утопии и утопического сознания, с прояснением роли утопических идей русских космистов в развитии современных течений в отечественной философии, науке и общественной жизни.

Авторы делают вывод о том, что исключительно негативная интерпретация понятия утопии неверна. Утопизм является одним из способов видения мира, который ведет к формированию проектов его совершенствования и, соответственно, не предполагает какой-либо однозначной позитивной или негативной оценки. При этом отмечается, что русская утопия в меньшей степени, чем западная, сосредотачивается на конкретных формах социальной организации. Ее прообразы – братство, солидарность, соборность – заключают в себе преимущественно этический смысл.

Проведенный анализ, а также изучение критических взглядов на утопию русских и зарубежных авторов позволили автору сформулировать собственную критическую оценку утопии. В работе утверждается, что трактовка утопии только как ложного, иллюзорного и деструктивного начала не отражает всей полноты этого понятия. Утопию следует рассматривать как феномен, обладающий определенными позитивными и конструктивными функциями. В стремлении к утопическим построениям всегда присутствует гуманизм и благородное желание привести людей и общество к совершенству. Также будет подробно проанализирован проект «общего дела», который выдвинул Н.Ф. Федоров.

Утопия Н.Ф. Федорова не ограничивается описанием общественной и государственно-политической жизни воображаемой страны, что свойственно классическим утопиям, она посягает не на тот или иной общественный строй, а на весь природно-мировой порядок. В основе проекта Федорова лежит дерзкая мечта о полном овладении тайнами жизни, победе над смертью и расселением людей во Вселенной. Раскрываются религиозно-философские основания утопического проекта «общего дела» Федорова, его полемика с Кантом, Гегелем, Ницше, отталкиваясь от которой он строит свое учение, а также следствия принятия Федоровым таких идей как конец истории Гегеля, времени после Христа в христианстве, возврата к единству жизненного и духовного начал и возврата к единству идеи и действия у Ницше. Этими следствиями являются материализм, христианский натурализм и проективизм. Критически осмысливается философская система Н.Ф. Федорова, с точки зрения заложенной в ней гипертрофированной веры в христианскую Православную веру, разум и в безграничную преобразовательную силу науки, которую он разделяет с мыслителями Просвещения XVIII века и позитивистами XIX века. Здесь прослежено, как идеи этих мыслителей доводятся Н.Ф. Федоровым до крайней степени, превращая его учение в религиозную этику – технократическую утопию [Лыткин, 2013]. Н.Ф. Федоров обосновывает принципиальные возможности бессмертия как с физической точки зрения, так и с нравственной. Он считает, что люди должны стать активным орудием воли Бога, желающего восстановления мира в бессмертное состояние. Имманентного воскрешения достигнет по воле Божьей все объединенное братское человечество, овладевшее тайнами жизни и природы. Здесь диссертант подчеркивает «религиозный материализм» философа, переносящего идею воскрешения из сферы религиозной и мистической в сферу реальную.

В основе идеального общества у Н.Ф. Федорова лежит полное и совершенное знание и взаимознание, прежде всего, физической и психической природы людей. Н.Ф. Федоров разрабатывает материально-символический комплекс деятельности идеальной общины и рассматривает его предназначение в жизни идеального психократического общества.

Утопический проект Н.Ф. Федорова является деонтологическим, предполагающим не просто должный мир, но и должное действие. Такой проект демонстрирует неудовлетворенность миром, как он есть, и нацеливание на тотальную перестройку, посредством науки и техники, на мир, каким он должен быть. Проект, таким образом, понимается Н.Ф. Федоровым как мост, связывающий существующий мир с идеалом.

«Технократическая утопия К.Э. Циолковского». Авторы рассматривают утопические идеи К.Э. Циолковского, изложенные им в ряде работ. Определяются причины, побудившие К.Э. Циолковского к теоретической разработке идеального общественного устройства, раскрыты идеи, положенные в основу построения такого общества, и принципы его организации,

роль так называемого “общественного дома” в идеальном обществе, необходимость регуляции браков, путь к социальному совершенству, права людей. В работе анализируется смысл, который вкладывает К.Э. Циолковский в соединение своей социальной утопии с космической экспансией человечества. Рассматривается обоснование К.Э. Циолковским права человека и “высших существ” на уничтожение “низших форм”, идея преобразования и становления бессмертного человека в результате автоэволюции, трактовка возможностей бессмертия. Раскрывается взгляд К.Э. Циолковского на человека как микрокосм, имманентный космосу. Идеи К.Э. Циолковского предвосхищают антропный космологический принцип: если Вселенная породила человека, то человек должен обладать способностью преобразовывать Вселенную. Существование человека, с такой точки зрения, накладывает ограничения и на свойства, и на облик Вселенной. Сам факт существования человека делает мир таким, каков он есть. Следовательно, эволюция разума человека должна привести к эволюции самого мира. Отмечается, что в основе эволюционных процессов у К.Э. Циолковского лежит воля, высшим проявлением которой является разум. В утопии К.Э. Циолковского Вселенная наделена волей и подобна Богу, она выступает как творящий, «волящий» и детерминирующий все Абсолют. Вселенная обуславливает не только сущее, но и разум человека [Лыткин, 1987].

Вселенная действует опосредованно через высшие формы жизни. В основе деятельности этих высших форм – право на жестокую регуляцию жизни в рамках эволюционного отбора. Право на насилие К.Э. Циолковский обосновывает биологической необходимостью и высшими целями эволюции Вселенной, рассматривая его как общий закон развития. Такая позиция К.Э. Циолковского представляет собой «узаконенный дарвинизм», отрицающий право на жизнь «низших форм», оправдывающий насилие по отношению к ним, обоснованное целесообразностью эволюционного процесса, сверхразумностью Вселенной. Раскрывается взгляд К.Э. Циолковского на преобразовательную деятельность человека, направленную не только на внешнюю природу, но и на свою собственную. Человек представляется как промежуточная форма на пути к идеалу и не является венцом творения; со временем человеческий организм принципиально химико-биологически перестроится, и люди преобразуются в разумных «животных-растений», существующих независимо от среды обитания и питающихся лучами солнца. «Сверхновый человек» станет бессмертным, а космос превратится в великое совершенство. Человек будущего займет место Бога, утверждая самого себя в качестве высшей ценности. Он выступает той силой, которая оформляет мир, задает ему цели и направление эволюции. Фактически, К.Э. Циолковский обосновывает необходимость новой научной дисциплины, «Космической антропологии» [Лыткин, автореф. дис... 2013].

Концепция В.И. Вернадского о ноосфере сопоставляется с подобной концепцией Тейяра де Шардена, выявляются сходство и различия этих концепций, анализируется понятие ноосферы у Вернадского и Шардена и рассматриваются различные трактовки ноосферы, предложенные Вернадским. Выявляется отличие реального состояния ноосферы от утопической мечты. Вернадский считает, что появление и образование на нашей планете живой материи есть явление космического характера, которое прослеживается в отсутствии абиогенеза, т.е. в течение всей геологической истории живой организм происходит из живого же организма. Появление человека – показатель новой эры в истории планеты. Человек представляет собой небывалую геологическую силу, которая есть разум. Организованная воля его как существа общественного меняет коренным образом биосферу. Эволюция, происходящая в биосфере, приводит к эволюции самой биосферы, которая под влиянием человеческой деятельности (научной, социальной, трудовой) переходит в новое состояние – ноосферу, сферу разума.

Проводится сопоставительный анализ концепций ноосферы В.И. Вернадского и Шардена, на основе которого делается вывод, что ноосфера, по Шардену, исполняет вспомогательную функцию, тогда как для В.И. Вернадского ноосфера есть самодовлеющая ценность, завершающая фаза исторического развития. Акцентируется внимание на противоречивости характеристик ноосферы у В.И. Вернадского. Рассматриваются положения, которые В.И. Вернадский считает необходимыми для образования ноосферы, а также ее предпосылки. Предпринята попытка вычленив идеи ученого, превращающие его концепцию в утопию и дать оценку научной составляющей его учения. В связи с этим рассматривается трактовка В.И. Вернадским ноосферы как новой планетарной реальности, возникающей в качестве природной среды проявления сознания и, следовательно, неразрывно связанной с перестройкой материально-энергетических процессов биосферы. Предпринимается попытка доказать, что ноосферу В.И. Вернадского нельзя свести к явлениям сознания и представлять только как новый идеальный компонент планеты. Авторы считают, что, хотя В.И. Вернадскому и не удалось

избежать известной утопичности в разработке своего учения, его концепцию ноосферы, в целом, можно рассматривать как научно сформулированную, материалистическую концепцию.

Очень интересными и заслуживающим внимания являются параллели, которые прослеживаются между К.Э. Циолковским и В.И. Вернадским по вопросу о роли гениев и выдающихся личностей в «Креативной функции ноосферы». И К.Э. Циолковский, и В.И. Вернадский крайне высоко оценивают здесь место и функции творца, создателя нового знания. В.И. Вернадский писал, что уверен – все решает личность, а не коллектив, elite страны, а не демос. Мы находим в философии космизма явные и непосредственные следы влияния на распространение идей индивидуализма и значения личности в истории со стороны западно-европейской философии. И здесь, в частности, можно найти явные параллели во взглядах К.Э. Циолковского и Ницше, Шопенгауэра и других представителей западной неклассической школы «философии жизни», которых Н.Ф. Федоров, кстати, резко критиковал.

По нашему мнению, в центре интересов всей философии космизма стоит человек, человеческое счастье и возможные пути его достижения. Их идеалом – этическим и антропологическим – становится «счастливый человек», и «совершенное, счастливое» человеческое общество. Таким образом, философия и этика русского космизма приобретает ярко выраженный антропоцентрический характер. В лице К.Э. Циолковского он формулирует здесь антропологический идеал в виде ученого-гения, познавшего тайны бытия и несущего эти знания миру, обществу. Интересы человека, счастье для каждого человека, безграничное развитие каждой личности, достижение личностью бессмертия – это философско-антропологический идеал русского космизма. В своих антропологических построениях он опирается на идеи русских и зарубежных философов, революционно-демократическую традицию, немецкую философскую мысль. Всем этим русский космизм закладывает основы «космической антропологии» и «космической социологии».

Список литературы References

1. Алешин А.И. Русский космизм// Малый энциклопедический словарь. Русская философия. – М.: 1995.
Aleshin A.I. Russkiy kosmizm// Malyy entsiklopedicheskiy slovar'. Russkaya filosofiya. – М.: 1995.
2. Баткин Л.М. Ренессанс и утопия// Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М.: 1976.
Batkin L.M. Renessans i utopiya// Iz istorii kul'tury srednikh vekov i Vozrozhdeniya. – М.: 1976.
3. Бердяев Н.А. Религия воскрешения: «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова// Русская мысль. – 1915, №7.
Berdyayev N.A. Religiya voskresheniya: «Filosofiya obshchego dela» N. F. Fedorova// Russkaya mysl'. – 1915, №7.
4. Бердяев Н.А. Новое средневековье. – Берлин, 1924.
Berdyayev N.A. Novoye srednevekov'ye. – Berlin, 1924.
5. Горфункель А.Х. Гуманизм, христианство и утопия. – Л.: 1966.
Gorfunkel' A.KH. Gumanizm, khristianstvo i utopiya. – L.: 1966.
6. Гаврюшин Н.К. Из истории русского космизма// Труды V и VI чтений, посвященных творчеству К.Э. Циолковского. – М.: АН СССР, 1972.
Gavryushin N.K. Iz istorii russkogo kosmizma// Trudy V i VI chteniy, posvyashchennykh tvorchestvu K.E. Tsiolkovskogo. – М.: AN SSSR, 1972.
7. Горский А.К., Сетницкий Н.А. Соч. – М.: 1995.
Gorskiy A.K., Setnitskiy N.A. Soch. – М.: 1995.
8. Грезы о Земле и Небе: Антология русского космизма. – М.: 1995.
Grezy o Zemle i Nebe: Antologiya russkogo kosmizma. – М.: 1995.
9. Гулыга А.В. Философское наследие: 80 т.//ЛГ.№ 39.26.09.1979, с. 13.
Gulyga A.V. Filosofskoye naslediyе: 80 t.//LG.№ 39.26.09.1979, s. 13.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2. ч.1. – Л.: 1991. – с. 141-142.
Zen'kovskiy V.V. Istoriya russkoy filosofii. T. 2. ch.1. – L.: 1991. – s. 141-142.
11. Кондратьев В.П. Утопия и утопическое сознание: опыт социокультурного анализа. Автореф. дис. на соиск. уч. степ, к.ф.н. – М.: 1998.
Kondrat'yev V.P. Utopiya i utopicheskoye soznaniye: opyt sotsiokul'turnogo analiza. Avtoref. dis. na soisk. uch. step, k.f.n. – М.: 1998.
12. Лыткин В.В. Детерминизм и проблема первопричины в трудах К.Э.Циолковского. Социальные и философские аспекты критики религии. – Л-д.: Государственный музей истории религии и атеизма, 1987. – С.71-78.

- Lytkin V.V. Determinizm i problema pervoprichiny v trudakh K.E.Tsiolkovskogo. Sotsial'nyye i filosofskiye aspekty kritiki religii. – L-d.: Gosudarstvennyy muzey istorii religii i ateizma, 1987. – S.71-78.
13. Лыткин В.В. Космические альтернативы человечества. Социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма. Монография. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2012. – 208 с.
- Lytkin V.V. Kosmicheskiye al'ternativy chelovechestva. Sotsial'no-filosofskiye, antropologicheskiye i religioznyye problemy russkogo kosmizma. Monografiya. – SPb.: ООО «Knizhnyy dom», 2012. – 208 s.
14. Лыткин В.В. Проблема влияния русского космизма и «космической философии» К.Э. Циолковского на освоение космического пространства // Научный вестник МГТУ ГА. – № 191 (5). – М: МГТУ ГА, 2013. – С. 42.
- Lytkin V.V. Problema vliyaniya russkogo kosmizma i «kosmicheskoy filosofii» K.E. Tsiolkovskogo na osvoyeniye kosmicheskogo prostranstva // Nauchnyy vestnik MGTU GA. – № 191 (5). – М: MGTU GA, 2013. – S. 42.
15. Лыткин В.В. Философско – антропологический проект К.Э. Циолковского. Автореф. дис. На соиск. уч. степ. д.ф.н. – Белгород: 2013. – 42с.
- Lytkin V.V. Filosofsko – antropologicheskiy proyekt K.E. Tsiolkovskogo. Avtoref. dis. Na soisk. uch. step. d.f.n. – Belgorod: 2013. – 42s.
16. Пономарева Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX в.в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д.ф.н. – М.: 1996.
- Ponomareva G.M. Utopiya i utopicheskoye soznaniye v kontekste russkoy kul'tury XIX – nachala XX v.v. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. d.f.n. – М.: 1996.
17. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: 1993.
- Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli. – М.: 1993.
18. Русский космизм: традиции и современность, М., 1997.
- Russkiy kosmizm: traditsii i sovremennost', М., 1997.
19. Селеверстов Р.Е. Социальный идеал и утопия: опыт русской философии. Автореф. дис. На соиск. уч. степ. к.ф.н. – М.: 2000.
- Seleverstov R.Ye. Sotsial'nyy ideal i utopiya: opyt russkoy filosofii. Avtoref. dis. Na soisk. uch. step, k.f.n. – М.: 2000.
20. Устрялов Н. А. Очерки философии эпохи. Фрагменты// Наше время. – Шанхай, 1934. – с. 197.
- Ustryalov N. A. Ocherki filosofii epokhi. Fragmenty// Nashe vremya. – Shankhay, 1934. – s. 197.
21. Утопия и утопическое мышление. – М.: 1991.
- Utopiya i utopicheskoye myshleniye. – М.: 1991.
22. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н.Ф. Федорова, изданные под редакцией В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Т. I. – Верный, 1906.
- Fedorov N.F. Filosofiya obshchego dela. Stat'i, mysli i pis'ma N.F. Fedorova, izdannyye pod redaktsiyey V.A Kozhevnikova i N.P. Petersona. T. I. – Vernyy, 1906.
23. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н.Ф. Федорова, изданные под редакцией В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. Т. II. – Москва, 1913.
- Fedorov N.F. Filosofiya obshchego dela. Stat'i, mysli i pis'ma N.F. Fedorova, izdannyye pod redaktsiyey V.A Kozhevnikova i N.P. Petersona. T. II. – Moskva, 1913.
24. Философия русского космизма. – М.: 1996.
- Filosofiya russkogo kosmizma. – М.: 1996.
25. Флоровский Г. Пути русского богословия. – Киев, 1991.
- Florovskiy G. Puti russkogo bogosloviya. – Kiyeu, 1991.
26. Франк С.Л. Ересь утопизма// Квинтэссенция. Философский альманах. – М.: 1992.
- Frank S.L. Yeres' utopizma// Kvintessentsiya. Filosofskiy al'manakh. – М.: 1992.
27. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: 1990.
- Shatskiy Ye. Utopiya i traditsiya. – М.: 1990.
28. Штекли А.Я. Город Солнца: утопия и наука. – М.: 1975.
- Shtekli A.YA. Gorod Solntsa: utopiya i nauka. – М.: 1975.
29. Яценко О.Ю. Социально-философские аспекты русского утопизма XIX века. Автореф. дис. На соиск. уч. степ. к.ф.н. – М.: 1994.
- Yatsenko O.YU. Sotsial'no-filosofskiye aspekty russkogo utopizma XIX veka. Avtoref. dis. Na soisk. uch. step. k.f.n. – М.: 1994.
30. Paul Tillih. Critique and Justification of Utopia// Utopias and Utopian thought, Edited by Frank E. Manuel, 1955.

УДК 378.091

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ВУЗЕ DEVELOPMENT OF INTELLIGENT SPACE IN HIGH SCHOOL

Н.В. Посохова, М.Е. Мережко
N.V. Posokhova, M.E. Merezko

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
The Belgorod state institute of arts and culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: int@bgiik.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития интеллектуального пространства вуза, направления создания интеллектуальной собственности вуза, ряд правовых аспектов, связанных с защитой авторских прав, целесообразность постановки на учет объектов интеллектуальной собственности.

Resume. The article discusses the features of the intellectual space of the university, the direction of creating intellectual property of the university, a number of legal issues related to copyright protection, the appropriateness of the registration of intellectual property.

Ключевые слова: интеллектуальное пространство, интеллектуальная собственность, инновационность, нематериальный актив, контент.

Key words: intellectual space, intellectual property, innovation, intangible assets, content.

В условиях рыночной экономики капитализация вуза имеет важное значение, так как она является денежной оценкой полезности хозяйствующего субъекта и успешности ее функционирования. Производственная структура в развитых странах уже не дает возможности обеспечивать существенные преимущества организации только за счет материальных и финансовых факторов, делая их в принципе общедоступными. Индивидуальные преимущества и лидерство во все большей и большей степени становятся следствием эффективного использования уникальных по своей природе факторов нематериального, неосязаемого характера, включающих в себя объекты интеллектуальной собственности.

Особое место среди хозяйствующих субъектов занимают организации образования. В конце прошлого – начале текущего столетия в отечественной системе образования сложилась парадоксальная ситуация, суть которой состоит в том, что основной результат труда многочисленного профессорско-преподавательского корпуса – контент – не входит в состав основных фондов вуза, не отражается на бухгалтерском учете, на него не начисляется амортизация, другими словами, с точки зрения экономики он не принимает участия в формировании экономической базы вуза. Такое положение дел порождает обманчивое и опасное представление о том, что создание контента не требует приложения усилий, а сам контент не имеет ни стоимости, ни цены. В понятие «контент» мы включаем все учебно-методические материалы и учебно-методические комплексы (УМК), используемые в том или ином виде в учебном процессе. Надо отметить, что возмещение затрат вуза в настоящее время осуществляется в неявном виде через накладные расходы, а амортизация контента не производится вовсе в связи отсутствием мотивации для учета нематериальных активов.

Интеллектуальное пространство вуза создается в двух направлениях: учебно-методическом и научно-методическом. С оценкой прав на создаваемый контент и постановкой его на учет все более менее ясно. Если произведение создано в свободное (личное) время автора и при этом на создание произведения затрачены личные средства автора, то при постановке на учет как объекта нематериальных активов его стоимость формируется в размере авторского вознаграждения, при условии, что срок полезного использования превышает 12 месяцев. Если произведение является служебным, то есть произведение создано в рабочее время за средства нанимателя или по договору с нанимателем, то возможность распоряжаться произведением будет принадлежать нанимателю, если иные условия не предусмотрены договором между нанимателем и автором, если таковой существует. Исключительные права в этом случае принадлежат работодателю, т. е. вузу. В этом случае возникают проблемы с оцен-

кой созданного произведения. На стоимостную оценку объектов интеллектуальной собственности вуза оказывают влияние множество факторов. Это и история развития вуза, количественный и качественный кадровый состав, материально-техническое обеспечение, финансовое состояние вуза. Существующие стандарты оценки рекомендуют проводить оценку методом начальных затрат, рыночным методом, методом пересчета валютной стоимости. В рамках рыночного метода выделяют доходный, затратный и сравнительный методы. Однако данные стандарты не учитывают специфики вуза и создаваемых в нем объектов интеллектуальной собственности. На наш взгляд для оценки создаваемого контента наиболее предпочтительнее затратный и доходный методы. В рамках затратного подхода контент будет оценен на основании стоимости затрат необходимых для воссоздания объекта интеллектуальной собственности. Но такой подход скорее недооценивает стоимость создаваемого контента. Будет логично оценивать контент исходя из тех доходов, которые принесет его эксплуатация. Естественно встанут такие важные вопросы как определение величины ожидаемых доходов, ставки дисконтирования, возможного срока эксплуатации объекта и т. д. Все это предопределяет необходимость разработки стандарта оценки интеллектуальной собственности вуза, который бы учитывал специфику организации. Это позволило бы дать четкое понимание сотрудникам бухгалтерско-финансовых служб и руководству организации, что будет оценено, как проводить оценку, и соответственно будет поставлено на учет и амортизироваться. В этом случае постановка на учет контента как объектов интеллектуальной собственности в составе нематериальных активов позволяет решить следующие проблемы:

- оплата профессорско-преподавательского состава будет зависеть не только от проведенных в аудиторией часов, но и от активности его научной деятельности, и напрямую связана с внесением им вклада в формирование интеллектуального пространства;

- интеллектуальная собственность вуза, в рамках образуемого интеллектуального пространства, обретает «права гражданства», так как при постановке контента на бухгалтерский учет требуются правоустанавливающие документы, подтверждающие наличие правообладателей и распределение прав между ними, при этом авторы и администрация оказываются в состоянии ответить на вопрос «кому принадлежат права на данный УМК или его часть?»;

- возможность возмездной реализации контента, права на который документально подтверждены правоустанавливающими документами;

- оплата подготовки контента устраняет деление дисциплин на «выгодные» и «невыгодные»;

- фонд амортизации нематериальных активов становится источником средств для организации научных исследований в вузе;

- появляется возможность (и необходимость) выплаты профессорско-преподавательскому составу авторского вознаграждения за контент.

Интеллектуальное пространство вуза формирует также его *репутации* (имидже, бренде), представленной:

- историей вуза. В современной системе высшего образования в России государственный вуз с многолетней историей является высокоэффективным объектом интеллектуальной собственности, обеспечивающим дополнительные доходы вузу;

- впечатлением, производимым вузом на потребителей образовательных услуг (престижность вуза, степень сложности вступительных экзаменов, стоимость и содержание обучения, материальная база вуза);

- результатами применения на практике полученных в вузе знаний, выражающимися в возможности хорошего трудоустройства.

По способу правовой защиты интеллектуальное пространство вуза представлено:

- 1) объектами авторского права – учебно-методические материалы (тексты лекций, учебники и учебные пособия, учебно-методические комплексы, программы дисциплин и т.п.), программы для ЭВМ, базы данных;

- 2) объектами патентного права – для технических вузов – изобретения, полезные модели;

- 3) объектами, охраняемыми в режиме коммерческой тайны, – результаты опытов и их протоколы, статистические расчеты, методы обучения студентов и т.п.

Одной из основных проблем системы управления интеллектуальным пространством вуза является оценка рыночной стоимости ее объектов, что объясняется:

- 1) их экономической и правовой спецификой как объектов оценки;

- 2) слабой проработанностью методических аспектов оценки таких объектов в России.

Методические особенности оценки объектов интеллектуального пространства вуза непосредственно связаны с целями оценки, которые, в свою очередь, обусловлены выполнением определенных задач (функций) такими объектами и интеллектуальной деятельностью вуза в целом.

Стоимостная оценка объектов интеллектуальной собственности (ОИС), из которых формируется интеллектуальное пространство в вузах, представлена в настоящее время следующими основными направлениями:

- при передаче или уступке прав на ОИС;
- при определении размера вознаграждения авторам ОИС и лицам, содействующим их применению;
- для учета и поощрения творческого вклада преподавателя;
- оценкой величины ущерба при нарушении прав на ОИС;
- оценкой стоимости ОИС в целях бухгалтерского и налогового учета.

Во всех перечисленных ситуациях оценки оцениваемые ОИС вуза должны соответствовать обязательным требованиям к объекту оценки, включающим:

- отчуждаемость (отделимость) ОИС от автора или вуза;
- представление ОИС на материальном носителе (для того, чтобы отчуждение и присвоение прав на ОИС конкретизировали строго обозначенные структуру, форму и свойства);
- наличие оформленных прав на использование ОИС.

Для повышения эффективности использования объектов интеллектуального пространства необходимо создание и внедрение в вузе системы управления интеллектуальной собственностью, включающей совокупность мер относительно объектов интеллектуальной собственности:

- по разработке политики вуза в данной области;
- по оформлению и защите прав;
- по бухгалтерскому и налоговому учету;

Указанный выше комплекс мер по управлению интеллектуальной собственностью в настоящее время реализуется в Белгородском государственном институте культуры и искусств и постоянно совершенствуется. Использование подходов и элементов этой системы помогает организовать менеджмент интеллектуальной собственностью и воспользоваться возможностями быстро меняющейся внешней инновационной среды, а также реализовать свои преимущества на рынке инноваций, особенно в связи с ускорившимся процессом интеграции России в мировую экономику.

Список литературы References

1. Андреев В.К. Некоторые правовые проблемы учета интеллектуальной собственности // Бухгалтерский учет. 1997. № 10. С. 39-43.
Andreyev V.K. Nekotoryye pravovyye problemy ucheta intellektual'noy sobstvennosti // Bukhgalterskiy uchet. 1997. № 10. S. 39-43.
2. Бромберг Г., Розов Б. Российская наука на "полосе препятствий": Вопросы использования прав на интеллектуальную собственность // Интеллектуальная собственность. 1995. № 9/10. С. 5-7.
Bromberg G., Rozov B. Rossiyskaya nauka na "polose prepyatstviy": Voprosy ispol'zovaniya prav na intellektual'nuyu sobstvennost' // Intellektual'naya sobstvennost'. 1995. № 9/10. S. 5-7.
3. Волкова Т. Индивидуальная интеллектуальная собственность в науке // Российский экономический журнал. 1993. № 6. С. 137-139.
Volkova T. Individual'naya intellektual'naya sobstvennost' v nauke // Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal. 1993. № 6. S. 137-139.
4. Костюк В. О вопросах защиты авторских и смежных прав // Хозяйство и право. 1995. № 6. С. 101-109.
Kostyuk V. O voprosakh zashchity avtorskikh i smezhnykh prav // Khozyaystvo i pravo. 1995. № 6. S. 101-109.
5. Мамаев В.М. Интеллектуальная собственность: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 38-44.
Mamayev V.M. Intellektual'naya sobstvennost': proshloye i nastoyashcheye // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 1996. № 4. S. 38-44.

УДК 130.2

**ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ЦЕННОСТЕЙ
В ИСТОРИИ АКСИОЛОГИИ****THE PROBLEM OF ONTOLOGICAL STATUS IN THE HISTORY OF AXIOLOGY****А.А. Радугин, Л.С. Перевозчикова**
A.A. Radugin, L.S. Perevozchikova*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия, 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84*
*Voronezh State Architectural-Building University, 84 20-th Anniversary of October St, Voronezh, 394006, Russia**E-mail: aradugin@yandex.ru; E-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа основных направлений аксиологии предпринята попытка исследовать онтологический статус феномена ценностей. Авторы критически оценили сильные и слабые стороны различных концепций и в качестве позитивного предложили свое оригинальное понимание природы ценности, при котором ценность трактуется как идеальное качество явлений Культуры, формирующееся в процессе общественно-исторической, предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности Человека и отражающее отношение их (явлений) значимости в социальном взаимодействии и общении, служащее смыслообразующим основанием человеческого бытия, задающее направление и мотивацию конкретной деятельности, поступков и всей жизнедеятельности.

Resume. Annotation: In this article the attempt is made to examine ontological status of values on the base of the analyses of the main trends in axiology. The authors critically appraised strong and weak aspects of different concepts and offered their own original approach to the nature of value. Value is interpreted as the ideal property of Cultural phenomena which is formed in the process of sociohistorical, practical and object, spiritual and spiritual – practical activities of a human-being. This property reflects their (phenomena's) significance in social interaction and communication and serves as the meaning made base of a human-being existence and it sets the direction and motivation for concrete activity, deals and life activity.

Ключевые слова: аксиология, идеальное, общественно-историческая деятельность, онтологический статус, ценность, человечество, трансцендентальный субъект.

Key words: axiology, ideal, sociohistorical activity, ontological status, value, humanity (mankind), transcendental subject.

Основой общества, определяющей духовные и материальные установки социальных групп и личности, являются ценности. Проблема ценностей занимала в философии важное место на протяжении всей истории ее существования. Особую актуальность она приобретает в переходные эпохи общественного развития. Именно такую эпоху переживает современное общество.

Основная задача аксиологии на протяжении ее исторического развития состояла в поиске ответов на вопросы: как возникает ценность, и какое место она занимает в общей структуре бытия, как она соотносится с данностями наличного бытия, социума и культуры? Многообразие ответов определяется существенными различиями в понимании природы ценности, способа ее формирования, возникновения (продуцирования).

Важной стороной этой проблемы стало решение вопроса о формах и способах легитимизации, то есть обоснования и узаконивания существования аксиосферы. В данном случае речь идет не об установлении тех или иных конкретных ценностей, а об обеспечении возможности их существования в принципе, иными словами, речь идет об онтологической основе существования мира ценностей. В решении этого вопроса в историко-философском процессе сформировались две основные тенденции. Одна связана с субъективизацией, релятивизацией и психологизацией аксиосферы. Другая – с объективизацией, онтологизацией, абсолютизацией ценностного мира. Сторонники субъективного и релятивистского понимания природы ценностей считают, что ценности привносятся в мир самим человеком. В своих концепциях они представляют добро, справедливость, красоту и другие ценности как то, что имеет значение только для субъекта в его отношении к объекту, то есть ценности оказываются производ-

ными от субъект-объектных отношений. Так, согласно теории Х. Эренфельса, ценность объекта – это «желаемость его субъектом; что же касается возможности возникновения желания, она существует в том случае, если как можно более наглядное, живое, полное представление о бытии объекта обуславливает состояние удовольствия, более высоко лежащее на шкале (удовольствие – неудовольствие), чем представление о небытии объекта» [Von Ehrenfels, 1982]. Таким образом, относительная приятность и желаемость связаны, что и есть ценность объекта. Исходя из этих теорий, абсолютной ценности не существует, а объективная ценность – это все эмпирически возможные реакции и чувства, которые возникают при полном знании объекта.

Более умеренным вариантом субъективизации и психологизации понятия ценности является прагматизм Д. Дьюи. Он рассматривает ценность как полезность, стандартизируемые и типологизируемые представления о которой имеют прагматический и утилитарный смысл.

Отождествление ценности с «благом» характерно для концепции позитивизма. Благо сводится к норме – ценности, легитимность которой обеспечивается следующей за ней «санкцией». В позитивистской версии аксиологии в качестве ценности могут выступать любые предметы, имеющие определенное содержание и значение для членов социальной группы, или «правила поведения», регулирующие отношения внутри социальной группы, сохраняющие и распространяющие собственные типы действия среди своих членов.

Своеобразной разновидностью субъективизма является культурно-исторический релятивизм, основанием которого является идея аксиологического плюрализма В. Дильтея, базирующаяся на представлении о множественности ценностных систем, равноправность (равнозначность) которых распознается с помощью исторического метода. Таким образом, Дильтей предъявил программу критики самой возможности общей аксиологии, поскольку последняя, по мнению немецкого философа, необоснованно абстрагируется от конкретно-исторических контекстов и осуществляет произвольную абсолютизацию некоей одной «подлинной» системы ценностей. Эта программа была поддержана в работах О.Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и других сторонников концепции национально-культурных типов.

Субъективистским и релятивистским концепциям в аксиологии исторически первыми противостояли онтологизм и трансцендентализм. Аксиологический онтологизм наиболее ярко представлен в концепции М.Хайдеггера, который трактовал значимость ценностей как «род бытия». Как известно, М. Хайдеггер свою философскую концепцию построил исходя из предельно широкого толкования Бытия: если о чем-то можно сказать, что оно «есть», то оно обладает бытием.

Бытию противоположно только Ничто. При такой трактовке, поскольку ценности также «есть», им присуще бытие. Трансценденталистская версия бытия аксиосферы наиболее активно развивалась в неокантианской философии. В этой версии обоснование бытия и сущности ценности шло по пути утверждения их надличностного характера. С точки зрения сторонников этой версии, носителем ценностей и источником нормотворчества является трансцендентальный субъект. Формирование этой версии аксиологии связывают с именем Г. Лотце, который первым ввел в научный оборот понятие «ценность» для обозначения достоинства духовного бытия человека. В работе Лотце «Микрокосм» говорилось о «внутренней ценности» духовной жизни, о «ценности чувственных впечатлений», о «ценности развития человека» и «ценности истории» [Каган, 1997]. Органично мир ценностей с трансцендентальным субъектом связал Г. Коген. С точки зрения Г. Когена, ценности обусловлены порождающей их «чистой волей» трансцендентального субъекта, при этом трансцендентальность выступает как основополагание, постоянно заново совершаемое мышлением.

В наиболее разработанной форме трансцендентальная версия аксиологии был предложена Баденской школой неокантианства (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), которая трактовала ценности как идеальное бытие нормы, надличностное нормативное знание и связывала ее существование с миром должного. Так, ценности и бытие для Г. Риккерта несовместимы, они существуют в разных плоскостях. Бытие – это эмпирически существующая во времени и пространстве реальность, а ценности – трансцендентная область значений. «Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности» [Риккерт, 1910].

В. Виндельбанд, осуществляя перевод языка ценностей на язык философии, обосновывал общезначимость и нравственного действия, и познания в целом. Он считал, что «абсолютность оценки» выступает как «коренной факт» философии и является универсальным средством преодоления релятивизма аксиологии. С точки зрения Виндельбанда, ни от чего и ни от кого не зависящая абсолютная значимость, к которой стремятся только ради нее самой,

обнаруживается именно в ценностях-благах культуры «нормирующих» ценностные содержания по отношению к субъекту и выступающих в качестве обязательных норм бытия.

Продолжая эту традицию, но уже с феноменологическим уклоном, современный итальянский философ Э. Агацци считает, что отличительной особенностью сферы человека и его деятельности является наличие долженствования. Он полагает, что «уместным назвать ценностями все проявления *долженствования*, т.е. все *идеальные модели*, действующие как регулятивные принципы для операций, исполнений действий и собственно человеческих действий» [Агацци, 1998]. Деятельность, вдохновленная ценностями, таким образом, направлена на достижение идеала, выражающего эти ценности. Э. Агацци отмечает, что именно «благодаря нашей способности интенционально представлять себе идеальные сущности, некоторые из них служат идеальными моделями нашей деятельности и ее ориентиром»

Согласно Веберу, ценность есть то, что «оценивается как ценное, исходя из принятого ценностного масштаба, но не трансцендентальным субъектом, а историческим, т.е. людьми, существующими в определенное время и в определенном месте» [Вебер, 1990]. В его понимании, ценности, которые лишены трансцендентального основания, являются выражением иррационального в своей основе исторического жизненного процесса культуры общества. Таким образом, М. Вебер, на основе неокантианской методологии выступавший против позитивизма и психологизма в подходе к пониманию ценностей, попытался найти «золотую середину», избегая крайностей «растворения ценности» в имманентном бытии. В учении М.Вебера отправным пунктом является анализ эмоциональной жизни и действий субъекта, имеющих имманентный смысл. С точки зрения немецкого мыслителя, традиционное поведение становится целерациональным или ценностно-рациональным действием тогда и только тогда, когда действующий индивид связывает его с конкретным субъективным смыслом. При этом смысловые характеристики определяются ценностью, позволяя артикулировать индивидуальные цели и придавать самим ценностям свойства нормы. Постигание субъектом ценностей осуществляется с помощью понимающе-объясняющих процедур.

Религиозно-философский вариант трансценденталистской онтологизации проблематики аксиологии предложил М. Шелер. М. Шелер с позиций феноменологического трансцендентализма разработал концепцию ценностей, в которой подчеркивалась особая роль интуитивного переживания. Значение ценностного подхода к реальности, по мнению М.Шелера, обусловлено не только содержательной стороной (каким свойством тот или иной объект становится значимым для человека), но и эффектом переживания акта оценивания. Ценность отличается от простой констатации фактов в акте оценки значимости эмоциональной, часто бессознательной составляющей. Знания о ценностях-сущностях независимы от человеческих «случайных чувств», они априорны, «имеют силу за пределами нашего чувственного опыта» [Шелер, 1988]. Из знаний о сущностях образуются «высшие аксиомы», которые определяют цель человеческого бытия – «постижение абсолютного сущего бытия».

М. Шелер считал, что ценность есть не отношение, а объективное качество. Вместе с признанием самостоятельной содержательности ценностей он утверждал возможность их данности в сознании автономно от собственных носителей, например, мы можем воспринимать цвет без вещи, которой он принадлежит, точно так же и ценности могут проникать в сознание независимо от конкретных благ, являющихся их носителями. Однако, в отличие от секулярных версий трансцендентализма, М. Шелер переходит на позицию трансцендентизма, в которой основание ценностного мира связывается с трансцендентным бытием – Богом. М. Шелер ввел в аксиологию проблематику типологии ценностей. С точки зрения М. Шелера, структура ценностей априорна. При этом иерархия ценностей определяется их «рангами» на основе критериев: долговечности, «неделимости», способности вызывать удовлетворение.

В этой типологии вместе с утверждением объективности ценностей религиозный философ отстаивает существование абсолютных ценностей. Реальность ценностного мира у М. Шелера гарантируется, по его выражению, «вневременной аксиологической серией в Боге», которая только отражается и воплощается на индивидуальном уровне. По Шелеру, на этом уровне задается типология личностей, определяемая типологией систем ценностей, имеющих соответствующие «ранги», задающих личностную онтологичность. В соответствии со своими мировоззренческими установками М. Шелер предложил иерархическую классификацию ценностных представлений, во главе которой стоит религиозная «ценность святости».

Н. Гартман разделяет многие идеи аксиологии М. Шелера. Как и М.Шелер, Н. Гартман считает, что мир человека ценностно наполнен, так как ценности существуют в повседневной

человеческой жизни, они априорно даны человеку в качестве феноменов сознания. Источник же априорного содержания сознания находится в мире объективных ценностей. По Гартману, ценности – это не законы, а содержательно-материальные, объективные образования. Вслед за Шелером Гартман отмечает, что ценности-сущности являются неким специфическим качеством лиц, вещей, отношений и всё, что имеет к ним отношение, что причастно к ним, оказывается ценным. Бытие ценности не имеет существования, но их материя доступна познанию. Познание априорной данности ценностей происходит в эмоционально-трансцендентных актах теоретического познания. Для Гартмана предмет познания дается субъекту вне пределов осуществляемого познавательного акта, который может наделяться разными онтологическими статусами, «смоделированными» на основе ценностей. Вместе с тем, Гартман принципиально отделяет познание от эмоционально-трансцендентных актов, непосредственно и прямо воспринимающих действительность. По Гартману, ценность проявляется в системе возникающих эмоциональных предвосхищений субъекта (надежда, страх, беспокойство), фиксируется в реализуемых спонтанно ориентационно-поисковых актах (вожделение, желание, воля). Следовательно, в аксиологии Гартмана имеются два полюса. Первый полюс образуют эмоционально-трансцендентные акты, а второй – составляют интенциональные предметы – ценности, принятие или неприятие которых основывается на интуиции, рождающейся в актах любви – ненависти. Гартман принципиально не использует авторитет Бога для своего обоснования аксиологии. Его «Этика» признает свободу человека определяющим условием высокой нравственности. «Специфика нравственных ценностей, с точки зрения Н. Гартмана, заключается не в их высоте, не в их обоснованности другими ценностями, но в их соотносительности со свободой». Отстаивая объективность ценностей, их независимость от сознания субъектов, Н. Гартман утверждает возможность существования ценностей абсолютных. По его мнению, «совершенно не во власти человека изменить то, что для него является добром или злом» [Гартман, 2002].

Религиозно-философский вариант трансценденталистской онтологизации проблематики аксиологии развивал Н.О. Лосский. В своей работе «Ценность и бытие» важнейшую задачу аксиологии он видит «в установлении существования абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма». Критикуя субъективизм, Н.О. Лосский справедливо отмечает, что в мире замкнутых в себе обрывков бытия нет общезначимых ценностей. «Всякое благо в таком мире разрывается на куски, потребляется и истребляется одними существами, каждым в себе и для себя, в ущерб остальным; здесь невозможна соборная жизнь и соборное дело, невозможна и абсолютная полнота бытия» [Лосский, 2000]. В мире, где ценна только своя жизнь, абсолютные ценности отсутствуют. В таком ущербном мире признаются лишь факты, идеальный аспект мира, мирообъемлющий смысл отвергается.

Из всего вышеизложенного следует, что один из важнейших вопросов аксиологии – это вопрос об онтологическом статусе ценностей. Существо спора при разрешении этого вопроса сводится к тому, является ли ценность только результатом субъективной, человеческой оценки или ценность является объективным качеством действительности. Сторонники субъективного и релятивистского понимания природы ценностей считают, что ценности привносятся в мир самим человеком. Сторонники субъективистского понимания природы ценностей их легитимизацию связывают с ценностворческой деятельностью эмпирического субъекта – человеческого индивида, личности. Из позиции исследователей, придерживающихся точки зрения на ценность как на сугубо индивидуальную реальность, вытекает, что ценность значима только для переживающего её субъекта, и эта позиция означает признание релятивности ценностного мира.

Сторонники объективистского понимания природы ценностей, стремясь обосновать их общезначимый и стабильный характер, делают акцент на независимость существования аксиосферы от сознания людей, однако они не обязательно выводят ценности из самой природы вещей как объективное свойство вещи. По их мнению, значимость объекта существует независимо от сознания субъекта, но до оценки, до осознания объекта его ценность не существует для субъекта.

В целом аксиологи согласны с мнением, что ценностная оценка предполагает наличие носителя ценностного суждения, так как это субъективный акт. Однако в трактовке субъекта ценностных оценок и, следовательно, субъекта легитимизации ценностной сферы существуют большие разногласия. Поэтому следующая дихотомия аксиологии касается проблемы индивидуальной или надиндивидуальной природы ценностных представлений: ценности следует рассматривать либо как результат индивидуального сознания, либо как имеющие надинди-

видуальную природу. По нашему мнению, стремление к релятивизации ценностей, обоснование их субъективного, изменчивого характера в Культуре является деструктивным. Оно продуцирует социальный и нравственный нигилизм и в своих крайних формах может породить установку: «Все позволено!»

В неокантианской традиции легитимизация ценностной сферы осуществляется за счет признания ее источником и сферой существования трансцендентального субъекта. Представители аксиологического трансцендентализма трактуют ценности как надындивидуальные сущности особого рода, бытие которых подчинено особым законам, отличным от законов бытия материального мира. Таким образом, ценности образуют «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [Шеллер, 1988]. По нашему мнению, это положение трансцендентального онтологизма не может быть принято в полном объеме. Мы разделяем мнение аксиологов об определенной уязвимости концепции трансцендентального онтологизма и в качестве дополнения, определенного эвристического варианта, имеющего серьезные объяснительные возможности, считаем необходимым предложить концепцию социально-исторической сущности ценностей, базирующуюся на теории идеального К. Маркса, которая в отечественной литературе была представлена Э.В. Ильенковым.

С точки зрения этой концепции, продуцирует и легитимизирует ценности человечество как субъект общественно-исторической предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности, субъект Культуры. Под культурой в данном случае понимается универсальное отношение человека к миру, через которое человек создает окружающий его мир и самого себя. Ценность формируется в процессе ценностного отношения. Ценности – это не вещи, а отношения, отношения людей к вещам, опосредованные их отношениями друг с другом. Ценностное отношение предполагает переживание реальности оценивающим осмыслением. Ценности – это отношения значимости, но значимости не только для индивида, но и для других людей, общностей, социума в целом, человечества, а значит, общезначимости. Ценность, претендуя на общезначимость, предъявляет значимость любого феномена действительности «для других», в социальных проекциях, во взаимоотношениях с другими людьми, выступая в качестве посредника между ними.

Следует согласиться с мнением тех философов, которые считают, что ценность не является внутренним атрибутивным качеством вещи, но только в том случае, если саму вещь брать при этом в ее «внесоциальности», в ее «изысканности» из общественного жизненного процесса и общественных связей, в которых она реально существует. Погруженная в общественную жизнь в качестве ее компонента, всякая «вещь» предстает как «связка» или «пучок» социальных связей и ориентаций, смыслов и значений. В реальном общественном функционировании вещи эти социальные отношения не отделены от имманентных «материальных» качеств самой вещи, только благодаря которым она и оказывается в состоянии обретать надстраивающиеся над ними дополнительные общественные (как их называл К. Маркс, – «чувственно-сверхчувственные») качества [Риккерт, 1910].

Ценности – это продукт (результат) общественно-исторической, предметно-практической и духовно-преобразовательной деятельности. Предметно-практическая и духовно-преобразовательная деятельность в качестве элемента содержит момент социального отражения, активного процесса преобразования объективных форм в субъективные идеальные формы. Иными словами, предметно-практическую и духовно-преобразовательную деятельности следует рассматривать как важные характеристики совокупной общественно-исторической деятельности Человека, целью и результатом которой является выработка социальных идеальных форм, имеющих сферу существования и движения Культуры через ее объективные и субъективные формы бытия. Из всего вышеизложенного следует, что значимость тех или иных явлений действительности – это социальное качество. Иными словами, ценности – это социальные, культурные качества. Социальное (культурное) качество, с точки зрения теории Маркса, – это функциональное качество того или иного явления действительности, которое определяется не его природно-вещественной формой, природными качествами материи самой по себе, а его отношением к человеку, служебной, функциональной ролью в обществе. Главный смысл культуротворческой деятельности человека, по К. Марксу, состоит в том, что общественный субъект (человечество) вырывает важные компоненты из природной среды, превращает их в составную часть социального бытия путем придания в этом процессе природной субстанции внешней для нее, но целесообразной и необходимой для человека социальной формы. Социальная форма и есть то социальное качество, которое создается человеческим трудом и объективируется в его продуктах как со-

циальная реальность. В данном контексте социальная форма рассматривается как абстрактная характеристика продукта человеческого труда, связанная со способностью человека творить «вторую природу», мир человеческой культуры. Однако в социальных формах проявляется и социальное качество другого рода, а именно: способность предмета культуры быть носителем общественного отношения, выступать в качестве необходимого посредника при обмене деятельностью и ее результатами, другими словами, служить объективированным средством связи между людьми, кристаллизации общественных отношений. Открытие этой стороны продуктов труда принадлежит К. Марксу и вытекает из его учения о двойственной природе труда.

Как известно, марксово учение о двойственной природе труда предполагает, что в процессах производства материальных благ имеется две стороны. Первая сторона – это процесс производства предметов для удовлетворения общественных потребностей, создание потребительских стоимостей, мира материальной культуры. Вторая сторона – процесс создания общественных связей и отношений. Социальные качества первого типа – результат специализированного конкретного труда. Социальные качества второго типа – результат труда вообще, т.е. всеобщего труда, труда как обмена деятельностью, труда как общения. По К. Марксу, существенным моментом человеческого труда как общественного труда является наличие того или иного способа придавать отдельным разнокачественным результатам единую однокачественную, объективно реальную общественную форму, посредством которой индивидуальный труд становится общественным трудом, т.е. трудом-общением. Этот труд и выступает субстанцией общественных отношений. Именно им производятся средства взаимосвязи индивида и общества – материальные идеальные социальные формы. Таким образом, социальные формы продуктов человеческой деятельности выступают в качестве средств человеческой деятельности и общения. Через их движение осуществляется связь между индивидами, формируются общественные отношения.

Общественные отношения всегда существуют в субъективной и объективной формах: субъективно – в качестве живой чувственной деятельности и общения, объективно – в виде опредмеченной общественной деятельности и общения, т.е. в виде движения «застывшего» результата этой деятельности. Социальная (культурная) форма является формой объективации общественных отношений. Но она теряет этот смысл вне взаимодействия субъектов деятельности. Поэтому в общественных отношениях объективное необходимо рассматривать в единстве с субъективным, застывшие формы деятельности людей – в единстве с живыми, ибо только в их рамках продукт приобретает и сохраняет социальную форму, т.е. статус объективной социальной реальности. В связи с этим социальную форму нельзя считать только материальной формой. Предмет как социальная форма всегда содержит в себе идеальный момент. Всякий результат трудовой деятельности человека – это не что иное, как объективированная цель субъективной деятельности, опредмеченное сознание. В то же время он заключает в себе и материальный момент, который в данном случае выступает как носитель идеального момента, его объективирование, фиксация. В определенном смысле социальная форма – это, выражаясь словами К. Маркса, «объективированная мыслительная форма», или идеальная форма. Это особые чувственно-сверхчувственные объекты, видимый образ которых не совпадает с их сущностью. Отсюда следует, что ценности не материальны, а идеальны, они не могут существовать вне и независимо от сознания людей. Основное положение марксовской аксиологии: ценность как общественное отношение – это идеальное качество явлений действительности.

И здесь мы сталкиваемся с большой проблемой, решение которой представляло серьезные трудности для всей домарксистской философии и в наши дни вызывает серьезные дискуссии в философской литературе, – с проблемой идеального. Трудность решения этой проблемы, по словам Э.В. Ильенкова, заключается в том, чтобы разграничить мир коллективно исповедуемых представлений, т.е. весь социально организованный мир духовной культуры со всеми устойчивыми и вещественными схемами и реальный материальный мир, каким он существует вне и помимо выражения в этих социально узаконенных формах опыта, формах духа [Ильенков, 1979].

Идеальность вообще, с позиции Э.В. Ильенкова, и есть характеристика таких вещественно зафиксированных образцов общественной человеческой культуры, т.е. исторически сложившихся способов общественной человеческой жизнедеятельности, противостоящей индивиду с его сознанием и волей как особая «сверхприродная», объективная

действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью, находящийся с ней в одном и том же пространстве.

Идеальное непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека (т.е. вполне предметного, материального существа), направленной на внешний мир. Поэтому если говорить о материальной системе, функцией и способом существования которой выступает идеальное, то этой системой является только общественный человек в единстве с тем предметным миром, посредством которого он осуществляет свою специфически человеческую жизнедеятельность, то есть Культура. Все предметы культуры по своему способу существования, по своему наличному бытию вещественны, материальны, но по своей сущности, по происхождению идеальны, ибо в них воплощено коллективное мышление, «всеобщий дух» человечества. Идеальное, по определению Э.В. Ильенкова, и есть не что иное, как форма общественной человеческой деятельности, представленная как вещь, как предмет [Ильенков, 1979]. Идеальность тем самым имеет чисто социальную природу, социальное происхождение. Идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства. Идеальное осуществляется в многообразных формах общественного сознания и воли человека как субъекта общественного производства материальной и духовной жизни.

Э.В. Ильенков справедливо подчеркивал диалектический характер феномена «идеальное». По его словам, «это то, чего нет и вместе с тем – есть. Это то, что не существует в виде внешней, чувственно воспринимаемой вещи, и вместе с тем существует как деятельная способность человека. Это бытие, которое, однако, равно небытию, или наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде его внутреннего образа, потребности, побуждения и цели. Именно в этом смысле идеальное бытие вещи и отличается от его реального бытия» [Ильенков, 1962]. На основе вышеизложенного можно дать такое определение идеального: идеальное – это универсальный способ бытия и движения культуры в объективированных формах деятельности общественного человека на основе соотношения между материальными объектами, внутри которого один объект выступает в роли представителя всеобщей природы другого объекта.

Наиболее всеобщей, имманентной характеристикой общественно-исторической, предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности, раскрывающей взаимоотношения объективного и субъективного моментов этой деятельности, является диалектика опредмечивания и распредмечивания. Определмечивание – это переход свойств и характеристик живого процесса движения субъекта в объект, в покоящееся свойство, качество предмета, создание произведения культуры. Распредмечивание – это освоение социального опыта человечества, превращение предметных и духовных форм культуры в содержание внутреннего мира человека, в его собственные силы и способности, в момент живого труда и общественного отношения. Создавая произведения культуры и искусства, люди опредмечивают в них свои знания, эмоции, жизненный опыт, свои идеалы, стремления и надежды. Усваивая культуру в процессе обучения и самообразования, люди, наоборот, распредмечивают заключенные в ней материальные и духовные ценности, развивая при этом свой интеллектуальный кругозор, умножая и развивая индивидуальные творческие способности.

По Марксу, феномены культуры, пребывающие преимущественно в идеальной, ментальной, деятельностной и иных неформленных сферах, должны быть укоренены в узнаваемых состояниях, которые бы сделали их определенным образом встроенными в конкретное пространство и время, придали им процессуально-ритуализованный характер и через них закрепились бы в мировоззрении, менталитете личности и социума. То есть культура в любом случае должна быть материализована. Когда Маркс определяет идеальное как «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней», подчеркивал Э.В. Ильенков, он отнюдь не понимает эту «голову» натуралистически, естественно – научно. Здесь имеется в виду общественно-развитая голова человека, все формы деятельности которой суть продукты и формы общественно-человеческого развития, непосредственно общественные и общезначимые формы, начиная с форм языка, его словарного запаса и синтаксического строя и кончая логическими категориями. Только будучи выражено в этих формах, внешнее материальное превращается в общественный факт, в достояние общественного человека, т.е. в идеальное [Ильенков, 1962]. Процесс опредмечивания и распредмечивания, по мнению Э.В. Ильенкова, можно выразить и так: «Форма внешней вещи, вовлеченной в процесс труда,

«снимается» в субъективной форме предметной деятельности; последняя же предметно фиксируется в субъекте в виде механизмов высшей нервной деятельности. А затем обратная очередь тех же метаморфоз – словесно выраженное представление превращается в дело, а через дело – в форму внешней, чувственно созерцаемой вещи, в вещь. Эти два встречных ряда метаморфоз реально замкнуты на цикл: вещь – дело – слово – дело – вещь [Ильенков, 1962]. В этом постоянно возобновляющемся циклическом движении только и существует идеальное, идеальный образ вещи. Человек существует как человек, как субъект деятельности, направленной на окружающий мир и на самого себя, с тех пор и до тех пор, пока он активно производит и воспроизводит свою реальную жизнь в формах культуры, созданных им самим, его собственным трудом. И этот труд, это реальное преобразование окружающего мира и самого себя, совершающееся в общественно-развитых и общественно-узаконенных формах, как раз и есть тот процесс, совершенно независимо от мышления начинающийся и продолжающийся, внутри которого в качестве его метаморфозы рождается и функционирует идеальное, совершается идеализация действительности, природы и общественных отношений, рождается язык символов как внешнее тело идеального образа внешнего мира.

Объективация идеального содержания человеческой деятельности, взаимодействия и общения осуществляется средствами языка культуры. К таким средствам можно отнести знаки, символы, тексты, то есть все, что позволяет индивидам вступать в коммуникативные отношения в культурном пространстве, что фиксирует значимые для субъекта явления и его отношения к ним. В социальных коммуникациях язык играет роль посредника, способного придавать интерсубъективное, культурное значение личностному опыту, транслировать социально-значимые представления, придавать таким представлениям общезначимый, разделяемый всеми смысл. В духовной культуре в объективации содержания идеального ведущая роль принадлежит символам. С внешней стороны духовная культура предстает как мир символических форм. Общаясь с символами, люди общаются с ценностями.

На основе базовых ценностей формируются культурные смыслы. Если тот или иной предмет (явление) не имеет смысла, он перестает существовать для человека, т.е. смысл соотносит каждое явление или предмет с человеком. Смыслы существуют на рациональном уровне, на уровне сознания, и на нерациональном уровне, в подсознании человека. Но как в первых, так и во вторых формах смыслы могут приобретать всеобщую значимость для всего сообщества, связывая многих индивидов и являясь общей основой их мыслей и чувств. Собственно такие смыслы создают культуру. Субъект наделяет этими смыслами весь окружающий мир, и мир выступает для него в своей универсальной человеческой значимости. С точки зрения психологии, ценность приобретает для человека значимость личностного смысла. Человек осознает ценность тогда, когда смысл имеет для него принципиальную важность, т.е. когда ценность выступает в категории «значимости», а не в категории «знания» [Перов, 1997].

Таким образом, любая ценность определяется двумя качествами – значением и личностным смыслом. Ценности и смыслы находятся в тесном взаимодействии – они взаимно обуславливают друг друга: ценности, выступая критериальными характеристиками значимости, ориентирами деятельности, отражают личностные смыслы субъекта. Смыслы же, проявляя отношение индивида к объективной реальности, придают предметам ценностный статус. Следовательно, в ходе освоения объективной реальности именно смысл является фундаментом создания и развития личностных ценностей, которые в свою очередь придают личностный статус самому смыслу. Проявляется личностный смысл в освоении индивидом онтологической значимости жизни, в осознании осмысленности прошлого, настоящего и будущего, формирования жизненной стратегии.

На основе вышеизложенного можно предложить следующее определение ценности: **ценность** – это идеальное качество явлений Культуры, формирующееся в процессе общественно-исторической, предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности Человека и отражающее отношения их (явлений) значимости в социальном взаимодействии и общении, служащее смыслообразующим основанием человеческого бытия, задающее направление и мотивацию конкретной деятельности, поступков и всей жизнедеятельности.

Предложенная нами концепция позволяет решить вопрос об онтологическом статусе ценностей. Ценность в данной концепции представлена как атрибутивное свойство социального бытия. С точки зрения данной концепции, онтологическим основанием аксиосферы является социально-историческая реальность, «вторая природа» человека, мир культуры, созданный человечеством на протяжении всего его исторического развития. Однако челове-

ство в данной концепции выступает не только субъектом онтологической основы ценностного мира, но и субъектом оценки.

Список литературы References

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци. – М.: МФФ, 1998. – С.11-14.
Agatstsi E. Moral'noye izmereniye nauki i tekhniki / E. Agatstsi. – М.: MFF, 1998. – S.11-14.
2. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 590 с.
Veber M. Izbrannyye proizvedeniya / M. Veber. – М.: Progress, 1990. – 590 s.
3. Гартман Н. Этика / Н. Гартман. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 367 с.
Gartman N. Etika / N. Gartman. – SPb.: Vladimir Dal', 2002. – 367 s.
4. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов В 5-ти томах, М., 1960-1970, Т.2. – 1962. – С. 221-222.
P'yenkov E.V. Ideal'noye // Filosofskaya entsiklopediya / Gl. red. F.V. Konstantinov V 5-ti tomakh, M., 1960-1970, T.2. – 1962. – S. 221-222.
5. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – №7. – С. 146-148.
P'yenkov E.V. Problema ideal'nogo // Voprosy filosofii. – 1979. – №7. – S. 146-148.
6. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский. – М.: Фолио, 2000. – С. 82.
Losskiy N.O. Tsennost' i bytiye. Bog i Tsarstvo Bozhiye kak osnova tsennostey / N.O. Losskiy. – М.: Folio, 2000. – S. 82.
7. Лотце Р. Микрокосм. Цит. по: Каган М.С. Философская теория ценностей. – СПб., 1997. – С. 14.
Lottse R. Mikrokosm. Tsit. po: Kagan M.S. Filosofskaya teoriya tsennostey. – SPb., 1997. – S. 14.
8. Перов Ю.В. О «метафизических» предпосылках философии ценностей / Ю.В. Перов // «Вестник СПбГУ». – 1997. – Сер. 6. Вып. 2. – 32 с.
Perov YU.V. O «metafizicheskikh» predposylkakh filosofii tsennostey / YU.V. Perov // «Vestnik SPbGU». – 1997. – Ser. 6. Vyp. 2. – 32 s.
9. Риккерт Г. О понятии философии / Г. Риккерт // Логос: Международный ежегодник по философии и культуре. Кн.1. – М., 1910. – С. 33.
Rikkert G. O ponyatii filosofii / G. Rikkert // Logos: Mezhdunarodnyy yezhegodnik po filosofii i kul'ture. Kн.1. – М., 1910. – S. 33.
10. Шелер М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 62.
Sheler M. Polozheniye cheloveka v Kosmose / M. Sheler // Problema cheloveka v zapadnoy filosofii. – М.: Progress, 1988. – S. 62.
11. Von Ehrenfels Chr. System der Werttheorie. – Munchen, Philosophia, 1982.-S.65.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.3

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА»

DECONSTRUCTION OF THE NOTION OF «SOCIAL STRUCTURE»

О.С. Мантуров
O.S. Manturov

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19 World St, Yekaterinburg, 620002, Russia*

E-mail: oleg.manturov@urfu.ru

Аннотация. В статье производится деконструкция понятия «социальная структура», позволяющая проследить становление понятия в научном дискурсе и выявить основные механизмы структурных проявлений. Устанавливается круг значений данного термина и очерчивается область смыслов, в которой он может и должен вращаться. В статье провозглашается необходимость трансформации статуса и смысла термина «социальная структура». Автор призывает к отказу от редукционистских представлений о структуре, предлагает отойти от представления структуры в качестве модели и изучать ее функционирование в динамике, в пространственно-временном измерении.

Resume. The notion of “social structure” that allows to retrace a notion formation in an academic argument and reveal principal mechanisms of structural manifestations is deconstructing in the article. Scope of sense of afore-said term is formed and scope of meaning in which the term can and should be is outlined. Necessity of mining and status transformation of the term “social structure” is proclaimed in the article. The author suggests departing from presentation of the structure in the capacity of model and studying its functioning in dynamics, in spatio-temporal measurement.

Ключевые слова: социальная структура, деконструкция, структурирование, процессуальность, дифференциальность.

Key words: social structure, deconstruction, structuring, procedural activity, differentiability.

Данная статья посвящена исследованию смысла и способов применения термина «социальная структура». Отметим, что по настоящий день данный термин является не просто актуальным, но скорее даже «модным», без обращения к которому не обходится практически ни одно серьезное исследование в области социальных наук. На стадии становящегося пост-классического этапа научного теоретизирования, связанного не столько с отрицанием классических парадигм, сколько с необходимостью выработки новых типов образцов, обуславливающих механизмы сосуществования социальных систем, становится особенно важным определить с универсальными терминами, используемыми в большинстве исследований, отказаться от которых невозможно ни при каких условиях. Термин «социальная структура», занимающий в данном проблематическом поле одну из первых позиций, определенно нуждается в деконструкции – переосмыслении, раскрытии смыслового спектра и исключении из него всевозможных противоречий и предрассудков.

В основе понятия «структура» лежит латинское «struere», что можно перевести как «строить», «соединять». Тем самым, представления о структуре изначально связаны с отсыл-

кой к «строению, «конструкции: «Изначально понятие «структура» относится лишь к пространству, морфологическому или геометрическому порядку форм. Этот термин служил метафорой для обозначений пространственных коннотаций» [Деррида, 2000]. Второе значение термина «structura» – «расположение», «порядок». Данные значения термина остаются актуальными и в эпоху Нового времени. В 18 веке в научный оборот вводится словосочетание «органическая структура». М. Фуко в своей работе «Слова и вещи» отмечал активное его использование в рамках «естественной истории», у Линнея, Бонне и др. (оно служило для понимания образования сложных тел из простых элементов). К 19 веку (у Ламарка, Жюсье) оно служит уже для определения признаков: «оно подчиняет одни признаки другим, связывает их с функциями, располагает их согласно архитектонике не только внутренней, но и внешней, столь же невидимой, сколь и видимой, оно распределяет эти признаки в ином пространстве, нежели пространство имен, речи и языка» [Фуко, 1994]. Понятие «структура» использовалось и для противопоставления органической и неорганической природы. Использование понятия органической структуры, отмечает М. Фуко, помогало описывать: а) иерархию признаков б) связь признаков с функциями в) связи между различными органами в рамках организма как целого г) совокупности живых существ. В конечном счете, использование понятия органической структуры в работах Ламарка помогло последнему сосредоточить внимание на двух отдельных друг от друга областях исследования: описании видовых сходств и постепенных преобразований.

В 19 веке термин «структура» всплывает в некоторых дисциплинах научного знания: в химии (в теории химического строения вещества), психологии (у В. Вундта, К. Эренфельса), лингвистике (у Ф. де Соссюра). В начале 20 века данный термин всюду используется антропологами (Б. Малиновским, А. Рэдклиф-Браун) и литературоведами (Б. Томашевским). Именно в этих областях знания термин «структура» приобретает особую актуальность в 20 веке. В 1928 году на «Первом международном конгрессе лингвистов» в Гааге термин «структура» используется в словосочетании «структура системы» [см. Рикер, 2008]. Структура тем самым выступила набором сочетаний, из которых создавалась индивидуальная конфигурация языка. «Структурный» фактически означало «системный».

Стоит заметить, что в прошлом столетии термином «структура» пользовались практически все социальные и гуманитарные науки. Такая «актуализация» сыграла с данным понятием злую шутку – оно приобрело не просто множество значений, но чуть ли не каждый исследователь считал своим долгом придать ему собственный, «авторский», смысл. Научное сообщество словно подхватывает призыв, провозглашенный однажды Э. Голосовкером: «Не только все физическое, но и все ментальное, все духовное имеет свою структуру, – безразлично, будет ли оно дано в положительном или отрицательном плане» [Голосовкер, 2010]. Такая постановка вопроса не могла устраивать научное сообщество: в 1959 году в Париже по инициативе ЮНЕСКО проводится colloquium, посвященный правильности употребления термина «структура» [Дьяков, 2010]. Четко выделяются два способа применения термина: 1) применительно к реальным объектам («реальные структуры») и 2) как некие информационные конструкции, модели («формальные структуры»). Первый способ применения был характерен, например, для биологии, второй – для математики («структуры упорядоченного множества», «топологические структуры»). Уже тогда такой способ решения проблемы не мог устраивать многих ученых. Так, Ж. Пиаже, выступая против подобного деления, говорил о необходимости различения «универсальной» структуры (которая бы составляла аппарат всех наук без исключения) и «частных» структур (характерных для конкретных научных дисциплин или школ). Основными определяющими характеристиками структуры, согласно Пиаже, должны выступать: целостность (подчинение элементов целому), трансформация (возможность упорядоченного перехода одной структуры в другую) и саморегулирование (внутренне функционирование правил в системе) [Peaget, 1968].

В 1974 году проходит 69-ое годовое заседание Американской социологической ассоциации, провозгласившее девиз для своей работы: «Фокус на социальную структуру» [Руткевич, 2004]. Изучением области применения термина «социальная структура» пристально занимался польский социолог П. Штомпка. Анализируя спектр значений термина, он выделяет четыре основных черты, отмечаемых большинством исследователей: а) структура как существование связи между элементами; б) структура как регулярность, закономерности, повторяемость, устойчивости; в) структура как «глубинное, скрытое, фундаментальное, существенное измерение»; г) структура как «детерминирующее, определяющее, контролирующее влияние в отношении эмпирических явлений» [Штомпка, 2001]. Сам же П. Штомпка предлагает ис-

пользовать обобщенное, универсальное значение термина «структура»: «Структура – это скрытая сеть устойчивых и регулярных связей между элементами в какой-либо области реальности, существенным образом влияющая на развитие явлений, наблюдаемых в этой области» [Штомпка, 2001]. Социальная структура для Штомпки – категория абстрактная, лишенная конкретизации; она необходима для объяснения конкретики общественной жизни, но является при этом сугубо теоретической. В отличие от общественной жизни, социальная структура не может быть наблюдаема. Эта категория служит для упорядочения и объяснения социальных фактов: «Общественная жизнь – *поверхностный*, открытый слой социальной реальности; социальная структура – слой *глубинный*, скрытый от социального мира [Штомпка, 2001]. Социальная структура тем самым – лишь «аспект» социальной реальности. Штомпка считает необходимым заявить о существовании четырех «измерений» данного аспекта: 1) «Нормативное» (провозглашенное Дюркгеймом); 2) «Идеальное» (совокупность идей и убеждений, распространенных в обществе); 3) «Интеракционное» (взаимная ориентация членами общества своих действий); 4) «Измерение, касающееся различных и связанных интересов», распределения доступа к общественным благам (очевидна отсылка к исследованиям К. Маркса). Думаю, можно назвать данное измерение «иерархическим». Эти измерения предстают перед Штомпкой как нечто единое целое, «структура структур», «метаструктура», «структура второго порядка».

К во многом схожим выводам приходит в своих работах и М.Н. Руткевич. Прежде всего, стоит отметить, что Руткевич смог обозначить наиболее распространенные ошибки в трактовке термина «структура». Они таковы: 1. Понятие структуры используют, замещая им понятие системы, то есть понимают под структурой некую организацию; 2. Общепринятое определение структуры как совокупности связей между элементами сужают до определения ее как «закона связи элементов» в системе, то есть относят к структуре только основные, главные связи. Сам же Руткевич предлагает обязательно учитывать следующие моменты: «1. Иерархичность строения социальной системы (любая социальная система расчленена на подсистемы, каждая из которых также состоит из подсистем); 2. Под социальной структурой общества подразумевается спектр, клубок различных структур; 3. Важно учитывать процессы дифференциации и интеграции и отображающие их категории» [Руткевич, 2004]. Выстраивая собственную типологию социальных структур, он выделяет 3 основных типа: 1) Глобальный. Речь идет о социальной структуре всего общества на Земле (а не об отдельном социуме); 2) Структура связи и взаимодействия различных областей, сторон общественной жизни (экономическая структура, политическая структура и т.п.); 3) Структура связи и взаимодействия социальных групп, слоев и других общностей. По мнению Руткевича, основной вид социальной структуры – социально-классовая, поскольку именно она определяет все остальные. Менее значимые: социально-демографическая, социально-территориальная, профессионально-квалификационная и т.д. Менее всего исследователя, согласно убеждению Руткевича, должна заботить так называемая «структура личности»: «Структура личности не может быть положена в основу структуры социальной системы. Для того чтобы перейти от структуры личности к структуре общества в более широком аспекте, чем обрисованный выше, нужны дополнительные посылки» [Руткевич, 2004].

Децентрированность структуры

И Руткевич, и Штомпка выделяют среди самых существенных одну (основополагающую для них, надо заметить) характеристику социальной структуры – ее связь с социальными общностями. Такими общностями могут выступать социальные институты, слои общества, классы людей, большие и малые группы. Но можем ли мы, отмечая существование проблемы структурирования социальности, заикливаться только на социальных общностях? Очевидно, что социальность и коллективность – это не совсем одно и то же. Или же совсем не одно и то же. Социальные общности – лишь одна сторона медали. Вторая, не менее важная – личности. Очевидно, что личности оказывают какую-то роль в становлении социальности и ее структур. Социальность – не эфемерный объект, представить существование социальности без человека – по меньшей мере абсурдно. Эта сторона проблемы отмечалась многими признанными учеными (к трудам которых, к слову, обращались и Руткевич, и Штомпка, обходя при этом указанную нами дилемму). Тем самым, мы можем заметить, что проблематизация социальной структуры подавалась социальной теорией как правило сквозь призму редукционистского типа анализа. Методология редукционизма приводит нас к целому калейдоскопу концептов, базирующихся главным образом на системном аспекте структуры: «В каких бы контекстах,

сопоставлениях или противопоставлениях ни использовалось понятие структуры (в гуманитарных науках, в социологии, в топологии конца XIX – начала XX веков), неизменным остается ее понимание как совершенной функционирующей системы» [Керимов, 2010].

Анализ, претендующий на более или менее удовлетворительное объяснение понятия социальной структуры, должен в первую очередь доказать необходимость самого этого понятия. Даже если принять во внимание классическое определение структуры (структура как нечто стабильное, неизменное, повторяющееся), то мы наталкиваемся на череду более распространенных терминов и категорий, выражающих в обыденном языке те же самые представления: «Чтобы узнать, почему говорят “структура”, нужно знать, почему появляется желание больше не говорить *eidos*, “сущность”, “форма”, *Gestalt*, “множество”, “композиция”, “комплекс”, “конструкция”, “корреляция”, “тотальность”, “Идея”, “организм”, “состояние”, “система” и так далее. Нужно понять, почему каждое из этих слов обнаружило свою недостаточность и почему также понятие структуры по-прежнему заимствует у них некое скрытое значение, позволяя им гнездиться в себе» [Деррида, 2000]. Общее у термина «структура» и группы этих понятий – акцентирование на центрированности (выделении центра, вокруг которого образуется структура) и закрытости (как одном из условий неизменности, стабильности).

Любая структура мыслится центрированной, выстраивающейся вокруг некоего объединяющего начала или принципа (что, собственно, и дает структуре ее номинальное определение). Центр становится тем источником, который во многих отношениях определяет пространство структуры. Центричность задавала координаты структур общества в социальном пространстве, а также четко указывала границы, за пределами которых всякое структурирование социальности наталкивается на хаотичность, непредсказуемость последствий. Не менее важным остается и принцип структурной закрытости. Закрытость структуры предполагает правила и границы этой игры элементов, при которой содержательные изменения не оказывают рокового влияния на форму самой структуры. Границы и область применения разнообразнейших трансформаций определялась изнутри самой структуры. Только принимая во внимание закрытость структуры, ее способность противостоять чуждым влияниям (то, что понимается как устойчивость структуры к изменениям), возможно уловить само ее существование, представив социальную структуру тем самым некой идеальной моделью.

В этом заключается апория эмпирической закрытости и трансцендентальной открытости структуры. Любые метафорические коннотации, вращающиеся вокруг пространственных детерминант, заведомо будут приводить нас в тупик. Мы должны исходить из той посылки, что структура всегда – открытая, становящаяся и тем самым децентрированная. Структура – это не только форма (а именно форму видят в структуре большинство исследователей), но и содержание: «Форма соблазняет, когда нет больше сил понимать силу изнутри ее самой» [Деррида, 2000]. Структура всегда – единство формы и смысла, содержания и значения. Только заключая в скобки все фигуративные коннотации понятия «социальная структура», то есть тематизируя и исключая из этого понятия геометрическую репрезентацию унифицированного и центрированного пространства, мы способны будем помыслить «структуральность структуры».

Следуя по пути, проложенному структурализмом, мы отрываем структуру от временно-го измерения социальной жизни, допуская тем самым роковую ошибку. Именно от такой ошибки и предостерегал нас Деррида: «В самом деле, пока метафорический смысл понятия структуры не признан в качестве *такового*, то есть не исследован и, быть может, даже не разрушен в своей фигуральной силе, что необходимо для пробуждения непространственности или особой пространственности, указанной в нем, мы рискуем в тем более незаметном, чем более *эффективном* соскальзывании смешать смысл с его геометрической или морфологической, в лучшем случае – кинематической, моделью. Мы рискуем заинтересоваться самой фигурой в ущерб игре, которая разыгрывается здесь метафорой» [Деррида, 2000]. Отказ от подобных принципов ведет нас к взглядам на не-пространственность, или опространствование, структуры (ее функционирование в динамике, то есть в пространственно-временном измерении). Открытость структуры и ее существование в длительности, в процессе – ключевые факторы самой возможности ее существования: «Структуральность структуры – это “фундаментальная”, “сущностная” структура; она позволяет целостности открывать саму себя и выходить за свои пределы. Без открытия и, стало быть, предвосхищения своей конечной цели, любая закрытая структура бессмысленна. Это открытие трансцендентального рода. Это структурное открытие, или структуральность открытия» [Керимов, 2010]. Открытость структуры – не просто способ ее существования, но также и возможность ее завершенности, и даже условие воз-

возможности ее закрытости. Структура как замкнута, так и открыта, как статична, так и исторична. Структура – трансцендентально открытая множественность, представляющая собой условия возможности этих и многих других альтернатив.

Принцип структуральной бесконечности

Итак, само предположение о устойчивой структуре всегда основано на молчаливом постулировании некоего центра, который не принадлежит структуре полностью. Наличие такого центра позволяет упорядочить элементы структуры в единый строгий ансамбль. «Функция этого центра заключалась не только в том, чтобы сориентировать, уравновесить и организовать структуру – ведь неорганизованная структура и в самом деле немыслима, – но, самое главное, в том, чтобы сам принцип организации структуры полагал предел тому, что можно было бы назвать ее *игрой*. Несомненно, что центр структуры, ориентируя, организуя и обеспечивая связность системы, допускает игру элементов внутри целостной формы. И сегодня структура, лишенная всякого центра, по-прежнему представляет само немыслимое» [Деррида, 2000]. Для Ж. Дерриды этот «центр» – не объективное свойство структуры, а фикция, постулированная наблюдателем, результат его «силы желания». То есть, не отвергая наличия у структуры центра, он, тем не менее, отрицает их генетическое родство («центр не принадлежит структуре») и подчёркивает внешний, субъективный характер центричности структуры. Из этого тезиса можно сделать важный вывод: если центр не есть объективное свойство структуры и не является при этом единственно возможной для структуры константой, значит, во-первых, структура может совсем отказаться от него (то есть быть хаотичной, децентрированной), и, во-вторых, может ориентироваться в своём становлении и развитии на несколько одновременно существующих центров (то есть быть плюральной, множественной).

Таким образом, неразрывно связанными между собой оказываются утверждение «структуральности структуры» как игры различия и невозможность репрезентации, тотализации структуры. «Игра различия» проявляет себя в сериях бесконечных замещений, совершающихся в очерченном пространстве конечного множества. Конечность пространства структуры, ограниченность его области как раз таки предполагает необходимость бесконечных замещений, как основополагающий принцип самой возможности существования-становления структуры. Так, структура в своем непрерывном становлении оказывается принципиально нетотализируемой, окончательно незавершенной. В отсутствии источника, центра эта игра избегает горизонта истины.

Структурная бесконечность как «игра различия», бесконечность замещений центра, сопротивляется окончательной тотализации. В конструкции первоначальной структуральности деконструируется оппозиция между эмпирической закрытостью и трансцендентной открытостью, эмпирической конечностью и трансцендентной бесконечностью. Структурная бесконечность предполагает возможность истинного бесконечного (по Гегелю), и даже возможность тотализации, но таким образом, что она дополнительно обременяется, ограничивается постоянной отсылкой к иному, другому центру. Существованием этого иного центра и задается невозможность окончательной тотализации структуры. Принцип структуральной бесконечности, проявляющий себя в децентрации социальной структуры как истории непрерывных замещений ее центра, не оставляет ей шанса сформироваться окончательно, просто открыться или просто закрыться.

Но если бесконечность неизбежна, то причина этого в том, что она конечна, но конечность понимается в несколько ином смысле. Главное здесь – «избыточная природа конечности, бесконечность неприсваиваемости ее смысла, ее отказ закрыться на себе полностью» [Nancy, 1998]. Бесконечность этой структурной бесконечности зависит от конечности области, которая регулируется бесконечными замещениями. Конечная область структуры есть результат ее ограниченного числа элементов. Но эти элементы располагаются таким образом, что в обход тотализующего центра структуры допускают игру бесконечных замещений. Закон этой игры структурален, поскольку «в отсутствие» тотализующего центра с необходимостью порождает возможность бесконечных замещений. Такая игра, которая налагает запрет на тотализацию, не более конечна, чем бесконечна, и, как пишет Деррида, «больше не может пониматься в оппозиции конечности и бесконечности, отсутствия и присутствия, отрицания и утверждения» [Деррида, 1999]. Понятие структурной бесконечности объясняет связь и различие конечного и бесконечного, тождества и различия, единого и многого, и задает другой порядок открытости и закрытости, эмпирического и трансцендентального.

Для нас остается открытым вопрос, как возможно объяснить стабильность и воспроизводимость структуры в терминах организации самой этой структуры, избежав при этом порочного круга структуры и действия (события, генезиса). Суть проблемы становится очевидной с введением третьего элемента отношения — субъекта действия. Если действие зависит от субъекта, а последний зависит от структуры, но структура в свою очередь невозможна без действия, тогда мы попадаем в замкнутый круг, в котором мы не можем обосновать то, что изначально намеревались обосновать. То есть структура становится мыслимой только при условии готового, заранее данного действия. Другими словами, структура обосновывает возможность действия, но сама структура получает оправдание, поскольку действие представляется в качестве структурированного. Деконструкция понятия «социальная структура» будет осуществленной только тогда, когда нами будет дан ответ на вопрос о том, как можно мыслить «структуральность структуры» изнутри самой структуры.

Критерии актуализации структуры

На чем основывается «структуральность структуры»? Не только на ее «геометрических» (критерии выделения структуры, делающие ее для нас зримой, придающие ей форму) и «архитектурных» (придающие ей содержание, соответствующее форме, то есть механизмы функционирования) параметрах, но и на категориях длительности. Структура имеет смысл трансцендентальной открытой множественности, которая представляет собой условия возможности взаимного опосредования структуры и генезиса, структуры и события, структуры и действия. Структура обозначает здесь открытую множественность, то, в чем организовывается игра присутствия и отсутствия, конечности и бесконечности.

Главный вопрос для нас заключается в том, чтобы заменить проблему обусловливания на проблему становления. Такой переход осуществим только при условии трансформации статуса и смысла структуры. Эта трансформация связывается нами с выдвиганием на первый план такого принципа функционирования структуры, как процессуальность. У. Эко, разрабатывая свою теорию структуры, заявлял: «Речь идет о термине, который определяет одновременно как целое, части этого целого и отношения частей между собой, об “автономной целостности внутренних зависимостей”, о некоем целом, образованном слитыми воедино частями, причем все они зависят друг от друга и каждая из них может быть тем, что она есть, только во взаимосвязи со всеми остальными...» [Эко, 1998]. Это высказывание в точности схватывает основную суть структуры, то, что позволяет рассматривать ее именно как процесс и в процессе, но не как самостоятельную сущность или же форму. Если сущность или формы всегда даны нам наперед, то структура определяется в процессе, по ходу дела.

Для описания структуры в процессе, мы должны выделить критерии или параметры этого процесса. Эти критерии мы обнаруживаем, в частности, в исследованиях Ж. Делеза. Делез пишет: «... “структурализм” представляется нам, пожалуй, единственным средством, с помощью которого генетический метод может реализовать свои амбиции» [Делез, 1998]. Но структуру он определяет не в качестве вневременного кода или формальной аксиоматической системы. Напротив, основой его определения служит анализ математических структур, представленный в трудах А. Лотмана и Ж. Вюйемена. Для определения структуры он выделяет две группы критериев.

Первую группу составляют следующие критерии:

1. Элементы структуры. Структура состоит из множества дифференциальных элементов, вступающих в отношения друг с другом. Дифференциальные — значит различные, изменяющиеся в зависимости от внешних условий. Каждый раз элементы и отношения между ними определяют природу сущего и объекты, осуществляющие в своей актуальности данную структуру. Данные элементы связаны между собой в качестве мест в топологическом структурном пространстве. Структура тем самым выступает единством множества комбинаций дифференциальных элементов.

2. Дифференциальные отношения. В математике дифференциальные отношения устанавливаются между элементами, не обладающими определенным значением, но тем не менее взаимоопределяющимися в отношениях между собой. Дифференциальные отношения между элементами актуализируются в пространственно-временной сфере, а элементы этих отношений актуально воплощаются в разнообразных терминах и формах. Элементы дифференциального отношения являются неопределенными, не реальными и не воображаемыми, они не существуют вне нелокализуемых идеальных связей дифференциальных отношений, в которые вступают и благодаря которым взаимоопределяются.

3. Сингулярности. Взаимоопределению дифференциальных отношений соответствует полное определение ряда сингулярностей, образующих проблематическое пространство, соответствующее элементам структуры. Структура всегда проблематична, и это проблематическое поле определяется дифференциальным полем сингулярных точек. Распределение сингулярных точек соответствует отношениям и элементам структуры, которые соответственно актуализируются в различных пространственно-временных отношениях и воплощаются в разнообразных терминах и формах – инстанциях решения.

Первая группа критериев позволяет нам отметить следующие фундаментальные характеристики структуры. Структура – это виртуальное множество, в котором все элементы, отношения, сингулярности и значения сосуществуют в полностью и совершенно определенном ансамбле. Но этот ансамбль как таковой никогда окончательно и полностью не актуализируется. Актуализируются здесь и теперь конкретные отношения, конкретные значения отношений, конкретные распределения сингулярностей; другие актуализируются в другом месте, в другое время. Таким образом мы можем заявлять, что не существует общества как такового. Каждая социальная формация воплощает строго определенные элементы, отношения и значения. Иначе говоря, социальные структуры всегда виртуальны. Термин «виртуальность» здесь обозначает модальность структуры. Виртуальная структура обладает присущей ей реальностью, не тождественной актуальной реальности – прошлого, настоящего и будущего.

Данные критерии – скорее «геометрического» порядка, позволяющие нам зафиксировать структуру, обозначить ее внешние границы, но не отражающие ее движение, динамику. Для придания структуре содержательности необходимо обратиться ко второй группе критериев. Ее составляют:

1. Серии. Структура всегда определяется несколькими (ни в коем случае не одной) сериями элементов, существующими одновременно. Сингулярность является исходной точкой ряда, распространяющейся на все обычные (ординарные) точки системы вплоть до приближения к другой сингулярной точке, порождающей другой ряд, местами сходящийся, местами расходящийся с первым. Одни и те же ординарные элементы дифференциальной структуры могут быть отнесены как к одной серии, так и к другой. Это позволяет говорить о ризоматическом строении социальной структуры: множестве, в котором разнородные элементы связаны между собой серийно в соответствии с комплексными отношениями схождения и расхождения (или бифуркации).

2. Алеаторные точки. Взаимодействие расходящихся между собой серий элементов проявляется в существовании алеаторных точек. Это точки схождения серий, во многом расходящихся между собой, точки, принадлежащие в равной мере к каждой из серий. Алеаторная точка – такой элемент структуры, по отношению к которому определяются символические элементы и вариации дифференциальных отношений. Структура тем самым выступает как порядок мест при вариации отношений, алеаторная точка в ней – то, что распределяет различия по всему полю структуры, изменяет дифференциальные отношения. Алеаторные точки обеспечивают функцию соединения двух серий, их коммуникацию, сосуществование и ветвление.

3. Метастабильность. Сингулярности формируют систему, которая развивается в метастабильных состояниях. Метастабильная система характеризуется потенциальной энергией, распределяющей различия между сериями. Метастабильное состояние предполагает существование несоответствий между по меньшей мере двумя порядками величин или двумя шкалами разнородных реалий, между которыми распределяются потенциалы. Сингулярности определяются существованием и распределением таких потенциалов.

Вторая группа критериев как раз таки и позволяет нам отойти от представления о социальной структуре как о тождестве (элементов, социальных отношений, распределения потенциалов и т.д.) и перейти к представлению структуры общества в качестве процесса, непрерывного становления. Выявленные критерии показывают нам всю динамику процесса индивидуации социальной структуры, всегда метастабильной, незавершенной, неполной. Дифференциальные отношения внутри структуры определяют актуальные качества, виртуальные сингулярности – актуальные протяженности.

Осуществленная нами на страницах этой работы деконструкция термина «социальная структура» позволяет нам сделать следующий вывод: структура общества – это пребывающая в метастабильном состоянии виртуальная множественность дифференциальных элементов (как ординарных, так и сингулярных), сосуществующих серийно в пространственно-временных отношениях. Ключевым для нас является признание в качестве социальной струк-

туры процесса, формирующего свои собственные дифференциальные элементы, интенсивность которого неотделима от экстенсивности, так же как проблематическое от решения: это две стороны единого процесса становления структур общества.

Список литературы References

1. Голосовкер Э. Логика античного мифа // Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010.
Golosovker E. Logika antichnogo mifa // Izbrannoye. Logika mifa. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2010.
2. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
Delez ZH. Razlichie i povtoreniye. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998.
3. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999.
Derrida ZH. Golos i fenomen. SPb.: Izdatel'stvo «Aleteya», 1999.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000.
Derrida ZH. Pis'mo i razlichie. M.: Akademicheskii proyekt, 2000.
5. Дьяков А.В. Клод Леви-Строс: в поисках структуры // Хора. – 2010. – № 1/2 (11/12).
D'yakov A.V. Klod Levi-Stros: v poiskakh struktury // Khora. – 2010. – № 1/2 (11/12).
6. Керимов Т.Х. Общество различия: дифференциальная теория структуры // Общество различия и современная социальная онтология II: материалы круглого стола. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2010.
Kerimov T.KH. Obshchestvo razlichiya: differentsial'naya teoriya struktury // Obshchestvo razlichiya i sovremennaya sotsial'naya ontologiya II: materialy kruglogo stola. Yekaterinburg: Izdatel'stvo AMB, 2010.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
Riker P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenевtike. M.: Akademicheskii proyekt, 2008.
8. Руткевич М.Н. Социальная структура. – М.: Альфа-М., 2004.
Rutkevich M.N. Sotsial'naya struktura. – M.: Al'fa-M., 2004.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: A-cad, 1994.
10. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социальные исследования. – 2001. – №9.
Shtompka P. Ponyatiye sotsial'noy struktury: popytka obobshcheniya // Sotsial'nyye issledovaniya. – 2001. – №9.
11. Эко У. Отсутствующая структура. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998.
12. Nancy J.-L. The Sense of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
13. Peaget J. Le structuralisme. P., 1968.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 34.342

ИНФОРМАЦИОННО–КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ПРАВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

THE INFORMATION INTEGRATED APPROACH AND DEVELOPMENT OF THE THEORY OF THE RIGHT IN INFORMATION SOCIETY

Ю.А. Белевская, А.П. Фисун
Yu.A. Belevsky, A.P. Fisun

Государственный университет – Учебно-научно-производственный комплекс, Орёл, ул. Наугорское шоссе, 29
State University – Educational scientific production complex, Oryol, Naugorskoye Highway, 29

E-mail: furiya_ua@mail.ru; fisun@orel.ru

Аннотация. В работе рассматривается очередная актуальная проблема развития теории права в информационном обществе. Систематизированы существующие концепции, направления развития методов теории права.

Resume. In work the next actual problem of development of the theory of the right in information society is considered. The existing concepts, the directions of development of methods of the theory of the right are systematized.

Ключевые слова: информация, информационное общество, информационная сфера, методология права в информационном обществе.

Key words: information, information society, information sphere, methodology of the theory of the right.

Анализ современных критических [см. Пугинский, 2010; Лунц, 1970; Волков, 2011; Алексеев, 1994; Азми, 2011; Сырых, 2001; Сырых, 2004; Черненко, автореф. дис... 2006; Черненко, Бобров, 2003; Давыдова, 2009; Давыдова, автореф. дис... 2010] взглядов ученых и специалистов по вопросам развития методов теории права, обеспечивающих решение теоретических и прикладных задач в правовых исследованиях, позволяет обосновано утверждать об актуальности и своевременности критического и всестороннего рассмотрения существующих методов [см. Пугинский, 2010; Лунц, 1970; Волков, 2011; Алексеев, 1994; Азми, 2011; Сырых, 2001; Сырых, 2004; Черненко, автореф. дис... 2006; Черненко, Бобров, 2003; Давыдова, 2009; Давыдова, автореф. дис... 2010] и отдельных их компонентов, претендующих на статус новых, развивающихся [см. Пугинский, 2010; Лунц, 1970; Волков, 2011; Алексеев, 1994; Азми, 2011; Сырых, 2001; Сырых, 2004; Черненко, автореф. дис... 2006; Черненко, Бобров, 2003; Давыдова, 2009; Давыдова, автореф. дис... 2010], а также позволил выявить особенности их применения в праве, толкование содержания и предложения специалистов по их использованию [см. Волков, 2011;] в условиях развивающегося информационного общества.

Среди рассмотренных, методов теории права, по нашему мнению, одной из наиболее детализированных и обоснованных является система методов Сырых В.М. [Сырых, 2001; Сырых, 2004]. Их анализ позволил выявить ряд особенностей, подходов, требований, оснований

классификации, принципов, правил формирования содержания их структуры и критериев, а также сформулировать ряд выводов и предложений относительно исследуемой развивающейся теории права информационного общества (ТПИО).

Во-первых, базовыми основаниями формирования содержания структуры методов ТПИО должны являться:

1) принцип строгого следования известным этапам процесса теоретического мышления, основанного на эмпирическом изучении объективного состояния развивающегося информационного общества, процесса формирования знаний о закономерностях функционирования и развития предмета искомой теории права включающего последовательные этапы:

– последовательного восхождения от непосредственного наблюдения правовых и иных социальных явлений к выявлению их общих признаков, свойств;

– разработки совокупности общих абстракций искомой теории;

– раскрытия сущностных и закономерных процессов функционирования и развития права;

2) постановка основной задачи ТПИО, решение которой предполагает максимально полное описание предмета ТПИО, получение знаний об информационном праве, как неотъемлемой части развивающегося информационного общества, выявление особенностей и закономерностей зарождения, функционирования и развития современного общества;

3) определение содержания состава структуры методов ТПИО как необходимого условия его соответствия предмету, представляющих эффективный инструментальный, гарантирующий успешную постановку и решение теоретических и прикладных задач;

4) учет значительного многообразия и разнообразия взглядов на содержание метода общей теории права (теории государства и права), порождающих соответствующее многообразие вариантов структур методов его составляющих, соотношения понятий «методология», «метод», определяющих и соответствующее содержание структуры методов ТПИО.

5) учет того, что определение и содержание методологии общей теории права (МОТП)¹, представляющей в целом сложную систему, предполагает и обуславливает необходимость определения структуры этой системы, ее основных элементов и их связей, что, в свою очередь обуславливает необходимость в любых исследованиях содержания как общей, так и отраслевой теории права, т.е. ТПИО, в обязательном порядке рассматривать не только структуру искомой теории, но и структуру ее методов.

Во-вторых, с учетом рассмотренных выше оснований, формирование содержания понятия метода ТПИО должно основываться на ряде правил и свойств, характерных для процесса формирования МОТП:

– на различении понятий «метод общей теории права» и «методология права», определяющего самостоятельное и независимое существование учения о методах общей теории права и реальной практики их применения в познании, обуславливающих соответствующее развитие методологии права информационного общества и формирование содержания структуры их методов;

¹ 1) МОТП – способ (или совокупность способов), с помощью которого изучается ее предмет. Учение о методах познания, их применении представляет методологию теории права.

2) МОТП – необходимый компонент общей теории права, представляющий собой органически целостную, сложную систему методов, используемых для познания предмета данной науки, раскрытия закономерностей функционирования и развития права во всей их полноте и всесторонности. (Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. – 528 с., С. 365;

2) МОТП – методология права – применение обусловленной философским мировоззрением совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов исследования государственно-правовых явлений (Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. Учебник для вузов. – М.: 1998. – 448 с., С. 19; В.В. Лазарев, Е.И. Темнов. Теория государства и права / Под ред. Марченко М.Н. – М.: 1996. – 475 с., С. 17);

3) МОТП – методология, методы теории государства и права (методы научного познания) – приемы, способы, подходы, которые используются ею для познания своего предмета и получения научных результатов (В.М. Корельский. Теория государства и права / Под ред. Корельского В.М. и Перевалова В.Д. – М.: 1997. – 570 с., С. 11);

4) МОТП – методология правоведения – единая наука о методах, способах научного познания закономерностей права и его использования в практической деятельности (Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения. – Саратов, 1972. – 226 с., С. 14–18.);

5) Методология – учение о методах, особая наука, непосредственной задачей которой является разработка и совершенствование системы приемов, способов научного познания;

6) Методология права – часть теории права, содержащая знания о приемах, способах научного познания предмета общей теории права, процессов исследования, права и его закономерностей, а также о взаимосвязях методов в процессе познания, движения к новым знаниям в процессе восхождения от конкретного к абстрактному и, наоборот, от абстрактного к конкретному.

– исключении подмены понятия «метод общей теории права» понятием «методы познания права», с целью недопущения упрощенного понимания сложной связи и зависимости методов в процессе познания, приводящего к рассмотрению метода общей теории права не как единой, органически целостной системы, а как некоего суммативного множества, механически соединенных не связанных между собой приемов, способов познания права, что предполагает и соответствующее понимание метода ТПИО и содержание соответствующей структуры методов;

– недопущении рассмотрения метода общей теории права как совокупности методов научного познания и практического действия, несмотря на двойственное применение значительной части МОТП для решения эмпирических задач законотворческой, правоприменительной и иной предметно-практической деятельности (например: методы толкования права, изучения и обобщения юридической практики, прогнозирования правовых явлений и другие.);

– формировании содержания структуры методов ТПИО, как и МОТП, только на основе методов познания предмета теории, обеспечивающих получение новых эмпирических или теоретических знаний в сфере искомой науки;

– формировании интегративного свойства метода ТПИО, обеспечивающего целостное познание предмета ТПИО;

– необходимости решения задачи формирования соответствующей системы методов, обеспечивающих эффективное решение поставленной теоретической проблемы исследований в рамках возможной самостоятельности научных исследований по развитию системы общих, специальных и частных методов общей теории права, обусловленной не совпадением с разработками теоретических проблем правоведения вследствие целенаправленной разработки правил, принципов познания, необходимости использования достижений правовой науки и других наук, наличия специальных требований, предъявляемых к этим правилам, для эффективного решения проблемы формирования и развития ТПИО.

В-третьих, выбор многообразия методов по содержанию и применению в ТПИО должен осуществляться с учетом целей обеспечения получения достоверной, полной и всесторонней информации, отражающей объект ТПИО не суммой отдельных событий, процессов, а совокупностью конкретно-исторических условий формирования, существования и развития информационного права современного информационного общества.

В-четвертых, определение и выбор критериев декомпозиции и классификации общих, частноправовых и специальных методов ТПИО должно осуществляться с учетом следующих факторов:

– двойственного характера части методов (формально-логического, толкования права, сравнительно-правового и других);

– фактического применения метода в познании права;

– степени модификации, приспособления тех или иных методов применительно к специфике правовых исследований;

– возможности перехода конкретных методов из группы общих или специальных в группу частноправовых только по мере достаточной разработанности и широкой применимости общих и специальных методов познания государственно-правовых явлений.

В-пятых, выбор методов ТПИО должен осуществляться с учетом соответствия их свойств таким требованиям общей теории права как:

– детерминированность – строгое следование правилам и принципам познания правовой действительности информационной сферы;

– направленность – строгое следование и подчиненность поставленной цели познания правовой действительности;

– результативность – способность метода обеспечивать достижение определенных целей новых знаний.

В-шестых, формирование структуры методов ТПИО должно осуществляться с учетом известных требований [Серых, 2001]:

– рассмотрения структуры как системы философских, общих, специальных и частноправовых взаимосвязанных методов, а не как суммы некоторого количества отдельных конкретных методов;

– описания связей и взаимодействия методов между собой в процессе исследования государственно-правовых явлений;

- определения соотношения используемых методов между собой, степени их равнозначности, равноценности и различия для исследования объекта и предмета ТПИО;
- определения порядка использования методов исследования ТПИО;
- обеспечения взаимосвязи и целостности системы методов исследования предмета общей теории права и таких частных теорий права как конституционное, информационное, гражданское, административное, уголовное и других, включающих достаточно полную и развитую структуру методов (общих, специальных и частных), и за счет этой взаимосвязи и целостности, обеспечения необходимого и верного критерия оценки эффективности использования применяемых методов;
- обеспечения научности развивающейся структуры методов ТПИО, отличающейся от существующей структуры методов общей теории права, основанной на обязательности правильного применения методов в соответствии с их действительной гносеологической природой и получение объективно-истинных знаний;
- использования принципов познания метода и исследования предмета общей теории права для применения следующих требований (принципов) системного подхода к формированию структуры методов ТПИО:
 - 1) принципа изучения методов в их непосредственном существовании, бытии, объективной реальности развивающегося информационного общества;
 - 2) принципа обоснования способов выявления объективной системной связи между различными компонентами метода ТПИО;
 - 3) принципа раскрытия основных компонентов метода ТПИО и их взаимосвязи друг с другом;
 - 4) принципа выявления метода, способного раскрыть относительно полное и всестороннее содержание предмета ТПИО.

В-седьмых, с учетом известных оснований классификации теоретического познания и оснований классификации методов, составляющих метод общей теории права², классификация видов методов ТПИО может быть осуществлена по таким основаниям как этапы познания ТПИО, уровни иерархически взаимосвязанных компонентов, группы взаимосвязанных методов и обеспечить формирование следующего варианта структуры методов:

- 1) методы, классифицируемые по этапам познания ТПИО:
 - методы сбора и изучения единичных фактов;
 - методы обобщения;
 - методы научной абстракции;
 - методы познания закономерности;
 - методы познания предмета науки;
- 2) методы классифицируемые по уровням иерархически взаимосвязанных компонентов:
 - методы первого уровня, представляющие обязательные основные методы: сбора и изучения единичных фактов; индуктивные: сравнительно-правовой и статистические; восхождения от конкретного к абстрактному; восхождение от абстрактного к конкретному; системно-структурного подхода;
 - методы второго уровня, образующие методы основных компонентов: методы наблюдения; метод анкетирования; метод толкования права; методы статистического анализа; другие.
- 3) методы классифицируемые по взаимосвязанным группам:
 - группа общих методов;
 - группа специальных методов;
 - группа частных методов.

В-восьмых, к процессу выбора эффективных методов ТПИО, обеспечивающих качественное решение научных задач должны предъявляться следующие известные требования [Серых, 2001]:

² Возможные основания декомпозиции методов теории права, определяемые этапами развития теоретического мышления: 1) познание единичного факта; 2) научное обобщение, раскрывающее специфические и общие черты исследуемого, его сходство с другими явлениями; 3) познание необходимости; 4) познание внутренней закономерности. Наивысшая форма знаний на этой стадии выражается в виде всеобщего закона, принципа существования и развития исследуемого; 5) познание предмета науки как тотального целого, во всем многообразии его закономерных связей и отношений (Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. – 528 с.).

1) четкая постановка, формулирование или выбор задач исследования ТОИП, решаемых выбираемым методом;

2) однозначность формулировок результатов, получаемых выбранным методом в конкретных исследованиях;

3) выявление причин несоответствия полученных результатов, некорректности и неточности использования выбранного метода;

4) адресность применения конкретного метода для решения конкретных специфических познавательных задач;

В-девятых, к используемым методам могут быть предъявлены следующие, известные в общей теории права [Серых, 2001] требования:

– обеспечение объективности, полноты и всесторонности полученных научных знаний;

– обеспечение принципа системно-структурной организации методов ТПИО, не противоречащей использованию отдельных методов для решения частных задач научного исследования.

В-десятых, к иерархическим связям разрабатываемой целостной структуры общих, специальных и частных методов ТПИО, должны предъявляться следующие известные требования [Серых, 2001]:

– строгость определенности места каждого метода в системе методов, т.е. формирования кортежа методов;

– зависимость метода от предшествующих ему в познании других методов, представляющих исходные данные для искомого (например, методы изучения единичных фактов предшествуют в познании индуктивным, а индуктивные – методам восхождения от конкретного к абстрактному);

– первичность полученных результатов использования метода для получения знаний более глубокого научного познания с использованием других методов;

– строгость и последовательность применимости метода в соответствии с его гносеологической природой;

– определенность числа видов основных элементов структуры метода ТПИО, аналогичных структуре методов общей теории права до момента изменения основания их классификации на стадии теоретических исследований;

– последовательность применения всех основных элементов метода ТПИО, обеспечивающая полноту, всесторонность и объективность раскрытия предмета ТПИО.

Проведенный анализ принципов, требований, подходов и вариантов формирования структур методов позволили сделать ряд выводов относительно использования соответствующих методов для развития конкретной структуры методов ТПИО:

1) в рамках развиваемой ТПИО применимость выше названных методов обоснована и доказана автором, что подтверждается результатами решения частных задач исследований, в том числе таких задач как, развитие терминологического базиса, разработка информационно-комплексного подхода, структуры, содержания ТПИО;

2) рассматриваемые учеными и специалистами методы классической теории права, вполне объективно не всегда отражают современное состояние, перспективы и направления развития науки информационного общества, что, в частности относится и к ТПИО, для которой характерны:

– разрозненность и недостаточная систематизация ряда существующих методов теории права, обуславливающая сложность для реального применения при решении теоретических проблем и получения нового теоретического знания в искомой сфере информационного общества, в силу того, что «любая теория, изучающая другую теорию всегда беднее объекта изучения» [Диалектика процесса..., 1985], что обуславливает необходимость регулярного решения задач развития существующего методического базиса, разработки новых методов, выбора апробированных методов из других теорий;

3) диалектика развития правовой науки подтверждает актуальность решаемой автором проблемы развития методологии ТПИО на основе не только сложившихся в теории права, в том числе информационного, соответствующих методов теории, но и методов других отраслей науки, в том числе информационных, позволяющих выявить, описать и развить методический инструментарий ТПИО, дополнив его информационно-комплексным методом [Белевская, Фисун, Митяев, 2011; Белевская, Фисун, 2014] (подходом), который по содержанию можно отнести к группе системных (системно – деятельностных) методов;

4) в условиях глобального использования ИКТ для их эффективного правового регулирования важное значение приобретает использование математических и информационных методов в формировании норм права, регулирующих безопасность информации и информационной безопасности информационной сферы и ее ИКТ;

5) структурированное содержание рассмотренных методов представляет варианты определенных систем методов теории права, которые:

– могут быть приняты как эталонные инварианты для анализа, уточнения, развития существующих или разработки новых структур частных, отраслевых теорий права;

– могут быть использованы для формирования обобщенной модели структуры методов, как общей теории права, так и частных правовых теорий, в том числе ТПИО;

– будучи использованными как данные экспертов высшей квалификации, позволят, применяя определенные методы экспертных оценок, получить обоснованную количественную оценку значимости каждого метода и на ее основе сформировать оптимальную структуру методов теории права. При этом уровень общности варианта структуры методов будет определяться целями, глубиной исследований и потребностями в развитии методов теории права или его частных отраслей.

Анализ вышеназванных литературных источников в области теории права, а также методологии других наук [см. Венцовский, 1982; Мельников, 1974; Мельников, Муранивский, 1973; Мельников, Преображенский, 1989; Пугинский, 2010; Тедеев, 2007; Бачило, 2008; Копылов, 2000] в контексте искомой проблемы развития методов ТПИО, позволил автору выявить не только определенную полноту разработанности ряда частных методов, но и возможность их применимости при решении проблемы развития методологии права в информационном обществе.

Таким образом, в основе использования многообразия методов, применимых, в том числе, и для исследуемой сферы, лежит информационно-комплексный подход (метод) [Белевская, Фисун, Митяев, 2011; Белевская, Фисун, 2014], который позволяет говорить о том, что модель концепции правового регулирования искомой сферы определяется и может быть представлена определённой структурой ТПИО. В основе указанного подхода лежит дедуктивный подход вывода знаний на основе недостаточно полных исходных данных для разработки теоретических аспектов предметных областей, характеризующихся неопределенной (неполной априорной определенностью) информацией, полученной в ходе практики и решении прикладных задач сложившейся теории.

Предложенный автором информационно-комплексный подход (метод) [Белевская, Фисун, Митяев, 2011; Белевская, Фисун, 2014], по существу, можно ассоциировать с известным гипотетико–дедуктивным методом, применение которого основано на принципе выдвижения гипотез и их проверки, либо на доказательстве в рамках теоретической модели объекта исследования.

Как и в дедуктивном подходе, гипотеза может выдвигаться без доказательства ее справедливости, при этом гипотеза, в отличие от аксиомы абсолютной силы может не иметь, и выполнять задачу переменной, а не константы. Выдвижение гипотез опирается на результаты практики и решение прикладных задач сформировавшейся теории. Здесь гипотезы выступают как исходные посыпки и ограничения для разработки теоретического метода [Теоретические и практические проблемы ..., 2002; Белевская, Фисун, Митяев, 2011; Белевская, Фисун, 2014].

Для доказательства дедуктивных посылок рассматриваемой предметной области, использованы методы аппарата теории множеств, известные методы количественного обоснования глубины (силы) гипотез и аппроксимации результатов по определенным логико-методологическим правилам, что в целом и составляет основное содержание предложенного метода. Формирование правил опирается на опыт решения задач правового регулирования, а точность и достоверность выдвинутых гипотез обосновывается существующим объемом знаний действующих теорий. Акцентирование внимания на комплексность предложенного метода, применено для конкретизации используемого понятийного аппарата, формируемого в нескольких отраслях права.

При разработке метода учитываются недостатки существующих методов. Эти недостатки, обусловлены отсутствием априорных полных данных о характеристиках и особенностях объекта возникающих информационных отношений, т.е. обрабатываемой информации, информационных процессах, ИКТ, а также о характеристиках информационных угроз этим объектам, определяющим содержание обеспечения информационной безопасности, и, естествен-

но, соответствующих общественных отношений. Возникает проблема получения не только относительно полного множества таких угроз, но и оценка их значений. Поэтому предлагается для формирования гипотетического множества таких угроз, использовать известные положения нормативной правовой базы, определяющие множество свойств, характеристик, требований информационных объектов.

Список литературы References

1. Азми Д.М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права / Автореф. дисс... докт.юрид наук. М., 2011. – 49 с.
Azmi D.M. Istoriko-teoreticheskiy i metodologicheskiy analiz struktury prava / Avtoref. diss... dokt.yurid nauk. M., 2011. – 49 s.
2. Алексеев С. С. Теория права. – М., 1994.
Aleksyeyev S. S. Teoriya prava. – M., 1994.
3. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
Aleksyeyev S.S. Struktura sovetskogo prava. M., 1975.
4. Бачило И.Л. Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики. М., 2008. – 544 с.
Bachilo I.L. Informatsionnoye pravo. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki. M., 2008. – 544s.
5. Копылов В.А. О системе информационного права // НТИ. – Серия 1. – 2000. – № 4. – С. 1-9.
Kopylov V.A. O sisteme informatsionnogo prava // NTI. – Seriya 1. – 2000. – № 4. – S. 1-9.
6. Белевская Ю.А., Фисун А.П. Теоретические основы права современного общества и обеспечение информационной безопасности: монография / Ю.А. Белевская, А.П. Фисун. – Орел: ГУ–УНПК, 2014. – 461 с.
Belevskaya YU.A., Fisuna A.P. Teoreticheskiye osnovy prava sovremennogo obshchestva i obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti: monografiya / YU.A. Belevskaya, A.P. Fisun. – Orel: GU–UNPK, 2014. – 461 s.
7. Белевская Ю.А., Фисун А.П., Митяев В.В. Конституционное и информационное право развивающегося информационного общества: содержание и проблемы: монография / Под. ред. д.т.г. А.П. Фисун. – Орел: ГОУВПО «ОГУ», 2011. – 231 с.
Belevskaya YU.A., Fisun A.P., Mityayev V.V. Konstitutsionnoye i informatsionnoye pravo razvivayuyeshchegosya informatsionnogo obshchestva: sodержание i problemy: monografiya / Pod. red. d.t.g. A.P. Fisun. – Orel: GOUVPO «OGU», 2011. – 231 s.
8. Венцковский Л.Э. Философские проблемы развития науки. – М.: Наука, 1982. – 190 с.
Ventskovskiy L.E. Filosofskiyе problemy razvitiya nauki. – M.: Nauka, 1982. – 190 s.
9. Волков Ю.В. Перспективы технологического метода в юриспруденции // Многоконцептуальность в науке. Материалы международной научной конференции / под. Ред. Проф. В.В. Запария. Изд-во УМЦ-УПИ. Екатеринбург. 2011. С. 137- 141.
Volkov YU.V. Perspektivy tekhnologicheskogo metoda v yurisprudentsii // Mnogokontseptual'nost' v nauke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod. Red. Prof. V.V. Zapariya. Izd-vo UMTS-UPI. Yekaterinburg. 2011. S. 137- 141.
10. Давыдова М.Л. Классификация юридической техники как научная проблема / М.Л. Давыдова // Проблемы в российском законодательстве. № 2. – М.: 2009.
Davydova M.L. Klassifikatsiya yuridicheskoy tekhniki kak nauchnaya problema / M.L. Davydova // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. № 2. – M.: 2009.
11. Давыдова, М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники / Автореф.дисс... докт.юрид наук. Волгоград; 2010. – 50 с.
Davydova, M.L. Teoreticheskiye i metodologicheskiye problemy ponyatiya i sostava yuridicheskoy tekhniki / Avtoref.diss... dokt.yurid nauk. Volgograd; 2010. – 50 s.
12. Диалектика процесса познания / Под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. – М.: МГУ, 1985. – 367 с.
Dialektika protsessа poznaniya / Pod red. M.N. Alekseneva, A.M. Korshunova. – M.: MGU, 1985. – 367 s.
13. Лунц Л. А. Международное частное право. М., 1970. С. 43.
Lunts L. A. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo. M., 1970. S. 43.
14. Мельников Г.П. Структурный и системный подходы в истории развития науки // Труды 8 Международного конгресса по истории науки. Секция 1А. – М.: 1974.
Mel'nikov G.P. Strukturnyy i sistemnyy podkhody v istorii razvitiya nauki // Trudy 8 Mezhdunarodnogo kongressа po istorii nauki. Sektsiya 1A. – M.: 1974.
15. Мельников Г.П., Мурановский Т.В. Системные методы в информатике и научно-информационной деятельности // Теория и практика научно-технической информации (системные методы в информатике и информационной практике). – М.: 1973. – с. 3-19.

Mel'nikov G.P., Muranivskiy T.V. *Sistemnyye metody v informatike i nauchno-informatsionnoy deyatelnosti // Teoriya i praktika nauchno-tehnicheskoy informatsii (sistemnyye metody v informatike i informatsionnoy praktike)*. – М.: 1973. – С. 3-19.

16. Мельников Г.П., Преображенский С.Ю. *Методология лингвистики*. – М.: Университет дружбы народов, 1989.- 84 с.

Mel'nikov G.P., Preobrazhenskiy S.YU. *Metodologiya lingvistiki*. – М.: Universitet druzhby narodov, 1989.- 84 s.

17. Пугинский Б.И. *Методологические вопросы правоведения // Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 2010. – №1. – С.6-19.

Pugin'skiy B.I. *Metodologicheskiye voprosy pravovedeniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. – 2010. – №1. – С.6-19.

18. Сырых В.М. *Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав*. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. – 528 с.

Syrykh V.M. *Logicheskiye osnovaniya obshchey teorii prava: v 2 t. T. 1: Elementnyy sostav*. – 2-ye izd., ispr. i dop. – М.: Yuridicheskiy Dom «Yustitsinform», 2001. – 528 s.

19. Сырых В.М. *Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2: Логика правового исследования (Как написать диссертацию)*. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2004. – 560 с.

Syrykh V.M. *Logicheskiye osnovaniya obshchey teorii prava: v 2 t. T. 2: Logika pravovogo issledovaniya (Kak napisat' dissertatsiyu)*. – М.: Yuridicheskiy Dom «Yustitsinform», 2004. – 560 s.

20. Тедеев А.А. *Теоретические основы правового регулирования информационных отношений, формирующихся в глобальных компьютерных сетях: Монография*. – М.: Изд-во Манускрипт, 2007. – 22,0 п.л.

Te deyev A.A. *Teoreticheskiye osnovy pravovogo regulirovaniya informatsionnykh otnosheniy, formiruyushchikhsya v global'nykh komp'yuternykh setyakh: Monografiya*. – М.: Izd-vo Manuskript, 2007. – 22,0 p.l.

21. *Теоретические и практические проблемы естественнонаучных, правовых и социальных дисциплин развивающегося информационного общества: Монография. В 3 ч. Часть 2. Актуальные правовые и социологические аспекты теории и практики развития информационного общества / Под ред. д.т.н. А.П. Фисуна, к.ю.н. Ю.А. Фисун. Орловский государственный университет. – Орел, 2002. – 132 с.: ил. – Библиогр.: 5 назв. – Рус. – Деп. в ВИНТИ 19.12.03. № 2211 – В2003.–С.114– 127.*

Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy yestestvennonauchnykh, pravovykh i sotsial'nykh distsiplin razvivayushchegosya informatsionnogo obshchestva: Monografiya. V 3 ch. Chast' 2. Aktual'nyye pravovyye i sotsiologicheskiye aspekty teorii i praktiki razvitiya informatsionnogo obshchestva / Pod red. d.t.n. A.P. Fisuna, k.yu.n. YU.A. Fisun. Orlovskiy gosudarstvennyy universitet. – Orel, 2002. – 132 s.: il. – Bibliogr.: 5 nazv. – Rus. – Dep. v VINITI 19.12.03. № 2211 – V2003.–S.114– 127.

22. Черненко А. К. *Теоретико-методологические аспекты формирования правовой системы общества / Автореф. дисс... докт.юрид наук. М.; 2006.*

Chernenko A. K. *Teoretiko-metodologicheskiye aspekty formirovaniya pravovoy sistemy obshchestva / Avtoref.diss... dokt.yurid nauk. M.; 2006.*

23. Черненко А.К., Бобров В.В. *Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: социально-философский аспект*. – Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2003. С. 27-54.

Chernenko A.K., Bobrov V.V. *Tselevaya sostavlyayushchaya i aksiologicheskiye osnovaniya pravovoy tekhnologii: sotsial'no-filosofskiy aspekt*. – Novosibirsk: Izd-vo GTSRO, 2003. S. 27-54.

УДК 130.2

**ПРИНЦИПЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ
ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**THE PRINCIPLES OF LAW IN TERMS OF IMPLEMENTATION
OF THE SPIRITUAL AND WORLD OUTLOOK POTENTIAL
OF THE JURIDICAL REGULATION**

**Г.А. Борисов, В.А. Носков, Н.В. Зайцева
G.A. Borisov, V.A. Noskov, N.V. Zaitseva**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: borisov@bsu.edu.ru; noskov@bsu.edu.ru; ringo__02@mail.ru

Аннотация. В статье уточняется понятийный строй принципов права на основе выдвинутых ранее и сложившихся в последнее время философско-юридических подходов. Проанализирована регулятивная роль правовых принципов в их привязке к различным формам и проявлениям духовно-мировоззренческой реальности. Мировоззренческие ориентации есть своего рода «текст» духовности – конкретный духовный инструментарий, обустройства человека в социальном мире, связанный с «аутентичным» прочтением человеком динамично изменяющихся внутренних и внешних условий его жизнедеятельности. Каждый правовой принцип, будучи включенным в духовно-мировоззренческую реальность, реализует свое регулятивное предназначение в органической связи с другими принципами.

Resume. This paper clarifies the conceptual system based on the principles of law put forward previously and have developed in recent philosophical and legal approaches. Analyzed the role of regulatory legal principles as they relate to the various forms and manifestations of spiritual and ideological reality. Ideological orientation have a kind of «text» spirituality – a specific spiritual tools, everything human in a social world that is associated with the «authentic» human readability dynamically changing internal and external conditions of his life. Each legal principle, being included in the spiritual and ideological reality, realizes its regulatory purpose in organic connection with the other principles.

Ключевые слова: принцип права, естественное право, позитивное право, юридическая наука, духовность, мировоззрение, духовно-правовой регулятор.

Key words: principle of law, natural law, positive law, legal science, spirituality, philosophy, spiritual and legal control.

Актуальной в юридической науке сегодня представляется проблема исследования регулятивной роли принципов права на основе их «погружения» в реальность духовно-мировоззренческого плана. Это, на наш взгляд, создает новые эвристические перспективы и возможности применительно к исследованию данной проблемы. Главная идея работы состоит в том, что логика духовной реальности накладывается на логику правовой реальности и, соответственно, складывается взаимообусловленность, взаимопроникновение их регулятивных потенциалов – всего того, что олицетворяет целенаправленное и эффективное воздействие на общественные отношения с целью их изменения в «нужном» направлении.

Исходя из подобного допущения, правовые принципы можно вначале анализировать в «отрыве» от духовно-мировоззренческих реалий, а затем на основе их «привязки» к этим реалиям. При данном подходе принципы права выступают в двух своих основных формах, а именно, как: (1) «автономные» принципы; (2) «подчиненные» принципы. В первом случае принципы права понимаются как нечто «самодостаточное» что подчеркивает их исключительную значимость как универсального регулятора общественных процессов, а во втором – принципы права интерпретируются на основе их включения в «иную» реальность, что позво-

ляет дополнить их основополагающие характеристики новыми смысловыми акцентировками и вариациями.

Исходя из обозначенной выше логики изложения материала, речь первоначально пойдет об «автономных» правовых принципах, а затем – о «подчиненных» правовых принципах, разумеется, с учетом того, что подобная классификация носит относительный, а не абсолютный характер, поскольку и в том, и в другом случае речь идет об одном и том же стандартном (классическом) наборе фундаментальных принципов – свободе, справедливости, равенстве и т.д.

К исследованию общетеоретических проблем принципов права привлечено пристальное внимание ученых и научных сообществ. Свидетельством этого являются монографические работы, академические издания, публикации в отраслевой науке, труды зарубежных авторов, многочисленные статьи, посвященные данной проблематике [Марченко, 1998; Бержель, 2000; Баландин, 2001; Скурко, 2008; Ершов, 2010 и др.].

Наибольшее распространение в философии и юридической науке получило определение принципов в праве как *руководящих идей*, раскрывающих саму сущность, пронизывающих содержание права, других явлений, относящихся к сфере правового регулирования, к правовой системе в целом. «Главное заключается в том, – пишет С. С. Алексеев, – что правовые идеи ... изначально пребывают в юридической материи, выраженной в законах, ... в качестве самой сути, центрального звена юридической организации (внутренней формы) правового материала – своего рода «стержня» юридических конструкций» [Алексеев, 2011, с. 311]. Принципы как правовые идеи приобретают статус нормативных установлений, становятся воплощенным правовым идеалом. Не случайно во многих источниках в определениях принципов терминологически сочтается «исходные, определяющие идеи», а также «положения, установки», «начала» [Ершов, 2010, с. 73].

Отметим также значимость подхода к определению понятия принципов права (правовой системы) через явления «объективный закон права и других правовых явлений» либо «юридическая закономерность». Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, в данной связи необходимо избегать соблазна смешивать правовые явления с законами природы, поскольку механизм реализации последних характеризуется прямолинейностью, постоянством, неизменностью действия зависимостей и воздействующих на них сил [Марченко, 1998, с. 179].

Принципы права выступают в естественно-правовой оболочке, что предполагает проведение аналитической работы через привлечение приемов и средств абстрагирования, нормативного оформления, юридического закрепления, реализации требований принципов в установлениях позитивного права и законодательства, в институциональной системе общества. В юридической литературе в связи с этим высказывается перспективная идея о том, что принципы реализуются во всех формах российского и международного права, являются элементом единой их системы [Алексеев, 2011, с. 323].

В качестве гносеологических категорий правовые принципы дают о себе знать непосредственно через их обнаружение, осознание, придание юридической формы, перевод на язык нормативных установлений, в том числе в плоскость правомочий, юридических ограничений, обязываний, дозволений, запретов. В принципах правовые требования могут присутствовать потенциально. Они обнаруживают себя в процессе углубления познавательной деятельности через осознание потребности принятия как новых норм в соответствии с уже сложившимися образами, так и выведения из уже действующих так называемых юридических конструкций, нормативных обобщений. И данный процесс идет в двух направлениях, когда, с одной стороны, подчеркивается исходное значение гносеологической природы принципов, а, с другой – осуществляется «юридизация» самих принципов, а именно, их интерпретация как объективных юридических законов [Сырых, 2012, с. 77].

Правовые принципы как центральное звено юридической организации становятся стержнем юридических конструкций, на который нанизывается вся инфраструктура (внутренняя форма) юридической организации. В качестве звеньев инфраструктуры юридических принципов можно назвать такие предписания законодательства, которые обособлены в общей части любого законодательного акта: программные положения, закрепляющие цели, задачи, прогнозы; собственно предписания-принципы; нормативные обобщения (дефиниции, конструкции, составы и др.); статусные предписания; нормативные перечни и т. п. Через естественное право требования природной предопределенности и

социально-политической необходимости трансформируются из сферы теоретических представлений мыслителей и доктринального анализа современной практики жизни в плоскость правовых абстракций, нормативных обобщений. В них нет еще правовой индивидуализации, но уже отчетливо просматриваются конструктивные особенности выстраивания правовых средств, приближающих «правовые идеалы и прообразы правовых норм» к статусу индивидуально ориентированных правовых требований.

Логика движения юридической материи при этом не может быть только односторонней. Следует принять во внимание сложный характер взаимодействий, взаимовлияний, взаимосогласований – всего множества объективных факторов, которые накладывают отпечаток на особенности «движения» материи права, на все то, что связано с осознанием, юридическим оформлением, правовым закреплением, реализацией принципов правовой системы. Все это создает условия для использования методологического потенциала других типов правовознания – аналитической юриспруденции, легистского, социологического, а также возможностей юридической практики – правотворческой, правоприменительной, официальной интерпретационной и др. Это можно считать своеобразным двусторонним движением на пути становления и реализации правовых принципов.

Глобализация в государственно-правовой сфере жизни современного общества актуализирует вопрос о необходимости обобщения многих выдвинутых ранее и сложившихся в последнее время представлений, связанных с дальнейшим уточнением правовой природы принципов права и правовой системы, отражающих наиболее общие закономерности развития и функционирования гражданского общества и социального демократического государства. В этой связи особенно остро ощущается недостаточное внимание в научных исследованиях к таким правовым реальностям современного общества, которые обеспечивают трансформацию объективных потребностей жизни в плоскость правовых требований, в так называемые прообразы правовых норм [Скурко, 2008, с. 29]. Здесь необходимо учитывать информационное, ценностное, гуманитарное, практическое и иное проникновение в сферу права. Например, В. Н. Протасов отмечает, что принципы на самом деле не что иное, как информационное отражение в праве основных связей, реально существующих в правовой системе [Протасов, 1999, с. 99].

Общечеловеческая природа естественно-правовых идеалов, ценностей и правовых императивов требует согласования соответствующего объема научных знаний с уровнем правовой системы как целостным, обобщенным и универсальным образованием, имеющим в своем составе нормативный блок (право и законодательство), институциональный, поведенческий (в том числе юридическую практику), правокультурный (правосознание, ценности правовой культуры, правокультурная среда) [Байтин, 2005, с. 177-200]. Адекватная интерпретация объема понятия и структурная характеристика правовой системы создает условия для соотношения принципов её построения с другими уровнями социальной организации, а также с собственно правоведческими вопросами уточнения понятия и построения системы юридических принципов.

Если исходить из установления возможных оснований разграничения юридических принципов на виды, то наиболее распространенным из них является структура права, что, соответственно, подразумевает обособление общеправовых, межотраслевых, отраслевых принципов институтов права. Приведенная классификация, между тем, не исчерпывает решение проблемы классификации юридических принципов.

Большое значение имеет деление принципов на социально-экономические, социально-политические, общесоциальные, а также специально-юридические. Такая классификация принципов на группы играет положительную роль для отбора критериев, установления характера взаимодействия названных разновидностей юридических принципов в системе, хотя и уязвима для критики [Рабинович, 2006, с. 167].

Приемлемой также представляется классификация принципов на группы в зависимости от степени обобщенности отражаемых ими государственно-правовых закономерностей. В соответствии с этим подходом можно выделить следующие разновидности юридических принципов: 1) общечеловеческие государственно-правовые принципы (принципы надпозитивного права), 2) принципы правовой семьи (национальной правовой системы), 3) принципы позитивного права, 4) принципы правового государства, 5) межотраслевые принципы права (принципы частного права, принципы публичного права; принципы

материального права, принципы процессуального права), 6) принципы отраслей права, 7) принципы институтов права.

Как представляется, правовые принципы можно также классифицировать по критерию их духовной «обремененности» и, соответственно, с учетом той регулятивной роли, которую они играют, будучи привязанными к основным ипостасям (формам) духовности. Герменевтическая подоплека данной проблемы такова, что, только «погрузившись» в самую духовную реальность, можно прояснить ее глубинные смыслы, такие, например, как запрограммированность духовности на регулятивную роль по отношению к обществу, социальным группам, классам, институтам, отдельным индивидам и т.д.

В своих дальнейших рассуждениях мы будем исходить из онтологической тройственности самой духовности, понимаемой как олицетворение того, что, во-первых, есть выход за пределы «посюсторонней» (социальной) реальности (трансцендирование); во-вторых, есть отражение, объяснение этой реальности (адаптация); в-третьих, есть воздействие на эту реальность (регуляция). Подобное методологическое допущение подразумевает, что данные ипостаси духовности взаимосвязаны по принципу кумулятивного эффекта, когда каждая последующая ипостась духовности включает в себя регулятивный потенциал предыдущей, а каждая предыдущая ипостась духовности, наоборот, нуждается в своем предметном «заземлении». В итоге, духовность в рамках обозначенного выше методологического подхода будет представлять собой следующую регулятивную триаду:

1. «Чистая» духовность – стремление к трансцендентному, то есть придание смысла имманентному, а именно, облагораживание социальной бытия. Здесь статус духовного имеет именно стремление вырваться за рамки, за границы наличной социальной реальности, определяющейся «естественными» потребностями, интересами, целями и т.д. Но само это стремление есть по своей сути скрытое, опосредованное, завуалированное влияние на социальную реальность, выступающее как реализация цели приближения, приобщения к высшим ценностям и смыслам.

2. «Конъюнктурная» духовность – мировоззренческие конструкции, порожденные определенными социальными условиями, то есть тем, что генерирует, поддерживает и развивает их (конструкции) с точки зрения содержательного наполнения. Строго говоря, именно в «конъюнктурном» своем состоянии духовность становится мировоззрением.

3. «Инструментальная» духовность – сила, воздействующая на социальную реальность и являющаяся в этой связи мировоззренческими ориентациями, или теми факторами, которые, с одной стороны, соединяют «чистую» и «конъюнктурную» ипостаси духовности, а с другой – «заземляют», или, если угодно, втягивают, инкорпорируют, включают их в различные социальные проекты, технологии и практики жизнедеятельности людей. Опять-таки, внесем уточнение, что регулятивной силой в узком своем смысле является именно «работающая» духовность – мировоззренческие ориентации.

В нашем понимании «чистая» духовность тождественна духовности вообще, выступающей как «единство многообразного, которое охватывает процессы сознания и бессознательного (тоже многообразные по конкретным формам своего существования и проявления), включает знания, воплощающиеся, материализующиеся в формах естественных языков и искусственных знаково-символических систем. К духовным продуктам и процессам принадлежат также нормы, принципы человеческого общения, включая нормы и критерии нравственности, права и художественного творчества» [Фролов, 2003, с. 40].

Применительно к обозначенной выше проблеме, «чистая духовность» выступает именно как трансцендирование, то есть как переход, перескакивание от «конъюнктурного» (посюстороннего) к «истинному» (потустороннему) миру, что позволяет трактовать ее как регулирующую силу, оказывающую, пусть формальное, но, тем не менее, влияние на индивидуальные и социальные формы самовыражения человека.

Содержательное же наполнение подобных форм возможно на основе перехода к «конъюнктурной» духовности, или тому, что, на наш взгляд, равнозначно мировоззрению, выступающему как «система взглядов человека на мир в целом, на место отдельных явлений в мире и на свое собственное место в нем, понимание и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, философских, политических, правовых, нравственных, религиозных убеждений и идеалов людей» [Берлин, 2002, с. 454]. Духовность становится «конъюнктурной» в том смысле, что она ориентирует человеческое сообщество не столько на «запредельные» идеалы, сколько на то, что востребовано в «этом» мире и, следовательно, помогает человеку адаптироваться,

приспосабливаться к его нормам, требованиям и правилам игры. Поэтому «конъюнктурная» духовность носит не столько теоретический, сколько практический характер, ибо она подразумевает запрос общества на человека-реалиста, соотносящего свою активность со сложившимися социальными, политическими, историческими и иными контекстами, ибо «каждое общество имеет свое представление о реальности, о мире, о самом себе, о природе и что все это воплощается и выражается в своеобразных словах, языковых формулах, институтах» [Берлин, 2002, с. 11].

Однако, как только духовность переходит в свою практическую плоскость, она неизбежно «расщепляется», т.е. привязывается к социальным сферам, этапам, ситуациям и т.д., Это приводит к тому, что целостное мировоззрение трансформируется в соответствующие ориентации – результат подобной привязки и «расщепления». По большому счету именно так и «работает» мировоззрение, ибо каждый социальный или индивидуальный контекст востребует свое «аутентичное» прочтение, являющееся, с одной стороны, исходным пунктом, трамплином для «реалистического» и «истинного» воспарения духовности, а, с другой – неизбежным следствием их «очеловечивания», «конъюнктурности», «заземления», или, если угодно, практической реализации в партикулярном (не универсальном!) ключе. Поэтому мировоззренческие ориентации есть своего рода «текст» духовности – конкретный духовный инструментарий, обустройства человека в социальном мире, связанный с «аутентичным» прочтением человеком динамично изменяющихся внутренних и внешних условий его жизнедеятельности.

Рассмотренные выше ипостаси духовности органически взаимосвязаны, ибо стремление к «запредельным» ценностям осуществляется не в вакууме, а в рамках конкретно складывающихся обстоятельств – общих мировоззренческих объяснительных схем, которые, в свою очередь, трансформируются в конкретные духовные паттерны освоения и преобразования мира – мировоззренческие ориентации. По сути, речь идет о фундаментально прописанных в обществе трех экзистенциальных (переживаемых) программах духовного (само)регулирования бытия человека.

Корреляция духовности с правовыми принципами обусловлена тем обстоятельством, что исторически правовые принципы создавались не на пустом месте, а были, так сказать, выстраданы человечеством в процессе поиска такого универсального регулятора общественных отношений, который был бы выведен из сферы влияния конъюнктуры сиюминутных обстоятельств, возвышался бы на этих обстоятельствах (в качестве естественного права) и в то же время был с ними связан, чутко улавливая исходящие от них сигналы и импульсы (в качестве позитивного права). По сути, эта основополагающая характеристика накладывается на всю духовно-правовую реальность. Правовые принципы в духовно-мировоззренческой оболочке представляют собой основополагающие идеи (убеждения) как результат синтеза философской рефлексии, юридической догматики и здравого смысла. Подобный синтез имеет своей целью регулирование общественных отношений на основе придания этим отношениям не только легального (обязательного), но и легитимного (справедливого) статуса. В итоге правовые принципы, будучи укорененными в мировоззрении человека, становятся неотъемлемым регулятором его деятельности и поведения, выступая то в качестве возвышенных философских идей, то в качестве четко очерченных юридических норм и процедур, то в качестве интуитивного стремления подчиняться требованиям, вытекающим из права. Поэтому духовность и право являют собой два взаимопроникающих фундаментальных регулятора общественной жизни, ибо право выступает в оболочке естественного права (с духовной доминантой) и позитивного права (с политической доминантой), а духовность в качестве основополагающих своих ценностей предполагает справедливость, свободу, равенство, т.е. все то, что имеет правовую подоплеку. Результатом «встречи» духовности и права становится духовно-мировоззренческая ангажированность правовых принципов, или, если угодно, их одухотворенность.

В связи с этим возникает вопрос о «специализации» самих правовых принципов с точки зрения их привязки к духовности. Действительно, одно дело исходить из того, что тот или иной принцип права свое регулятивное предназначение реализует в рамках всей духовности и другое – когда принцип права объявляется регулятором общественной жизни в рамках соответствующего выражения (ипостаси) духовности. Здесь, по-видимому, нужно исходить из того, что чем более универсальным является правовой принцип, тем в большей степени он претендует на репрезентацию всего регулятивного потенциала духовности, и, наоборот.

Соответственно, более универсальные правовые принципы будут аккумулировать в себе регулятивный потенциал менее универсальных принципов.

В данном случае речь идет о поуровневом подходе в деле определения места того или иного принципа (ценности) в системе принципов права. Как представляется, поуровневый подход в трактовке правовых принципов можно экстраполировать на духовно-мировоззренческую реальность, руководствуясь при этом методологическим критерием Н. Неновски: «Оценка правовых институтов и права», пишет он, «делается с помощью внеправовых критериев» [Неновски, 1987, с. 40]. Таковыми критериями в контексте обозначенной нами проблемы являются рассмотренные выше основные формы духовно-мировоззренческой регуляции общественных процессов. Данный посыл можно конкретизировать на примере таких правовых принципов, как принцип справедливости, принцип взаимной ответственности государства и личности, принцип гласности.

В приведенном перечне правовых принципов справедливость, несомненно, является регулятором в рамках «чистой» духовности, поскольку речь идет о фундаментальном (формальном) мировоззренческом ориентире без его детальной смысловой (содержательной) расшифровки. Попутно отметим, что «справедливость» по своей сути тяготеет к максимальному абстрагированию в целях обеспечения простора для многочисленных своих интерпретаций, которые будут выступать уже как другие принципы права, пристегнутые, однако, не к «чистой» духовности, а к иным, более «заземленным» ипостасям духовного регулирования.

К такой «заземленной» ипостаси духовности можно, например, отнести правовой принцип взаимной ответственности государства и личности, вписывающийся в требование «конъюнктурного» духовного регулирования, так как его актуализация происходит лишь в условиях, когда гражданское общество становится достойным партнером государственной власти, когда человек становится гражданином, а не подданным, когда происходит не на словах, а на деле разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ее ветви, когда культура детерминирует политику, а не наоборот и т.д. Словом, лишь при данной конъюнктуре, т.е. при наличии соответствующего спроса и предложения принцип взаимной ответственности власти и гражданина становится значимой ценностью, которая разделяется многими людьми, приобретает мировоззренческую окраску и, таким образом, трансформируется в духовный регулятор жизнедеятельности общества.

Что касается правового принципа гласности, то, по нашему взгляду, он олицетворяет «инструментальную» духовность, ибо его смысловым ядром является, по большому счету, как раз пропаганда и реализация на практике и правового принципа справедливости и правового принципа взаимной ответственности государства и личности, так как только на этом пути два последних принципа становятся явлениями мировоззренческого порядка, т.е. будучи глубоко усвоенными, де-факто превращаются в регулятивную духовно-правовую силу. В рамках правового принципа гласности реализуется политика информирования широких слоев населения касательно ценностей и норм права, наработанных соответствующей правовой традицией и получившим силу законов благодаря авторитету и мощи государства, касательно тех критериев, на основе которых дается правовая оценка событий, явлений и процессов, имеющих место в данном обществе, касательно действий и процедур правового характера, призванных защитить права и свободы личности и т.д. Но информирование означает приобщение к тому, что выше «текущей повседневности», т.е. выше самого правового принципа гласности и, следовательно, воплощает правовые принципы более высокого порядка. В данном случае получается, что реализация регулятивного потенциала правового принципа гласности подразумевает апелляцию вначале к «промежуточному» правовому принципу взаимной ответственности гражданина и государства, а затем – к предельному (универсальному) правовому принципу справедливости.

Подобная взаимосвязь правовых принципов и *рамках духовно-мировоззренческой активности* выступает как *требование со* стороны гражданского общества информации от государственных структур касательно соответствия их деятельности духу и букве более высоких (универсальных) принципов права. Причем, само это требование выступает как мировоззренческая установка, рождающая своего рода цепную реакцию, способствующую актуализации в общественном и индивидуальном сознании более «возвышенных» принципов права в качестве духовно-правовых регуляторов.

Таким образом, каждый правовой принцип, будучи включенным в духовно-мировоззренческую реальность, реализует свое регулятивное предназначение не в

автономном режиме, а в органической связи с другими принципами. Это позволяет говорить о своеобразном единстве в многообразии, когда в качестве духовно-правового феномена одни правовые принципы претендуют на универсализм и накладываются на «чистую» духовность, подразумевая, вместе с тем, свое «заземление» в более повседневных ее ипостасях с сопутствующими им частными правовыми принципами, а другие принципы тяготеют к партикуляризму, ориентируясь на привязку исключительную к «своей» ипостаси» духовности, одновременно апеллируя к более высоким ипостасям духовности и, соответственно, к более универсальным правовым принципам.

Список литературы References

1. Алексеев С.С. 2011. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 752.
Aleksseev S.S. 2011. Voshozhdenie k pravu. Poiski i resheniya [The ascent to the right. Searches and solutions]. М.: Norma, 752 (in Russian)
2. Байтин М. И. 2005. Сущность права. М.: ИД «Право и государство», 544.
Baytin M.I. 2005. Suschnost prava [Essence of the law]. М.: Izd-vo «Pravo i gosudarstvo», 544 (in Russian)
3. Баландин В.Н. 2001. Принципы юридического процесса. Тольятти, 150.
Balandin V.N. 2001. Printsipy iuridicheskogo protsessa [The principles of the legal process]. Togliatti, 150 (in Russian)
4. Бержель Ж.Л. 2000. Общая теория права. Пер. с фран. М.: Изд-во NOTA BENE, 575.
Berzhel J.L. 2000. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. Perevod s fran. М.: Izd NOTA BENE, 575 (in Russian)
5. Берлин И. 2002. Подлинная цель познания: избранные эссе. Пер. с англ. и коммент. М.: Канон, 799.
Berlin I. 2002. Podlinnaya cel' poznaniya: izbrannye esse [The original purpose of knowledge: Selected essays]. Perevod s angliyskogo i kommentarii. М.: Kanon, 799 (in Russian)
6. Ершов В.В. 2010. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М., Изд-во РАП, 223.
Ershov V.V. 2010. Osnovopolagaiuschie obshcheteoreticheskie i grazhdansko-pravovye printsipy prava [Fundamental Theoretical and civil-law principles of law]. М.: Izd-vo RAP 223 (in Russian)
7. Марченко М.Н. 1998. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т.1. М., Изд-во Зерцало, 416.
Marchenko M.N. 1998. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava [The general theory of state and law. Academic course in 2 volumes]. V.1. М.: Izd-vo Zertsalo, 416 (in Russian)
8. Неновски Н. 1987. Право и ценности. М., 245.
Nenovski N. 1987. Pravo i cennosti [Rights and values]. М., 245 (in Russian)
9. Протасов В.Н. 1999. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М.: Новый Юрист, 240.
Protasov V.N. 1999. Teoriya prava i gosudarstva. Problemy teorii prava i gosudarstva: voprosy I otvety [Theory of Law and State. Problems of Theory of Law and State: Questions and Answers]. М.: Novyi Iurist, 240 (in Russian)
10. Рабинович П.М. 2006. Социалистическое право как ценность. Одесса: Юридична література, 167.
Rabinovich P.M. 2006. Socialisticheskoe pravo kak cennost [Socialist law as a value]. Odessa: Yurydychna literatura, 167. (in Russian)
11. Скурко Е.В. 2008. Принципы права. М., Изд-во Ось-89, 192.
Skurko E.V. 2008. Printsipy prava [Principles of law]. М.: Os-89, 192 (in Russian)
12. Сырых В.М. 2008. Проблемы теории государства и права. М.: Эксмо, 528.
Serih V.M. 2008. Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of state and law]. М.: Eksmo, 528 (in Russian)
13. Фролов К.Т. 2003. Введение в философию. М.: Республика, 623
Frolov K.T. 2003. Vvedenie v filosophiiu [Introduction to Philosophy]. М.: Respublika, 623 (in Russian)

УДК 349.3

**РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА****THE PROBLEMS OF REFORMATION AND SUGGESTION
OF IMPROVEMENT OF RETIREMENT INSURANCE****Ю.С. Гусакова¹, Е.Д. Проценко²
J.S. Gusakova, E. D. Protsenko**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, 48

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, 48 Moika St, St. Petersburg, 191186, Russia

E-mail: gusakova@bsu.edu.ru E-mail: gospravolaw@yandex.ru

Аннотация. Современная пенсионная система представляет собой совокупность правовых, организационно-управленческих и финансово-экономических отношений, с одной стороны, между наемными работниками и индивидуальными предпринимателями, с работодателями и государством, с другой стороны, которые созданы для реализации долгосрочных государственных обязательств по пенсионному обеспечению. Деятельность пенсионной системы государства направлена на реализацию конституционных прав всех граждан на получение материального обеспечения при наступлении установленного законом возраста либо иного страхового случая, влекущего за собой невозможность трудиться.

Resume. Modern Retirement system is a combination of legal, managing and financial relations between employees and private entrepreneurs and between employers and government. These relations are made to realize long lasting state obligations on the retirement insurance. Activity of state retirement system aims on realization of constitutional rights of all citizens to get material support that is suggested by the government.

Ключевые слова: пенсия, Пенсионный фонд, пенсионная реформа, материальное обеспечение.
Key words: material support, retirement fund, reformation of retirement insurance.

Российская пенсионная система за последнее десятилетие претерпела существенные изменения, связанные с введением в действие принципов пенсионного страхования. Осуществление преобразований подготовили необходимые предпосылки для дальнейших реформ, однако из-за влияния «внешних» к пенсионной системе (в первую очередь, политических и экономических) факторов позитивное влияние с каждым годом все более снижается [Федоров, 2014].

Выделим основные экономические причины реформирования пенсионной системы:

1) устойчивая на протяжении десятилетия тенденция к снижению покупательной способности пенсии;

2) сужение дифференциации размеров пенсий, обусловленное, с одной стороны, стремлением застрахованных лиц к сокрытию своих доходов от уплаты в пенсионное страхование (занижение базы начисления страховых взносов), и с другой стороны, сохранением жестких ограничений на предельный размер пенсии, при необходимости перманентного повышения ее минимального уровня исходя из покупательной способности пенсии;

3) окончательная утрата связи пенсии с «трудовым вкладом» пенсионера, которая выражается в том, что размер трудовой пенсии по старости практически не зависит ни от продолжительности трудового стажа, ни от размера заработка, так как для исчисления максимальной пенсии может быть учтена только половина среднемесячной заработной платы;

4) снижение стимулов к уплате взносов в пенсионную систему не только работодателями, но и самими работниками, которые фактически вступают в «сговор» для

сокрытия полной суммы выплат в пользу работника для начисления обязательных пенсионных платежей;

5) ухудшение демографических факторов развития рынка труда, которые проявляются при прогнозируемом резком сокращении численности населения в трудоспособном возрасте при одновременном росте численности граждан в нетрудоспособном возрасте;

6) сохранение нестабильности финансовых ресурсов для долгосрочного развития системы обязательного пенсионного страхования по причине продолжения спада в реальном производстве и периодических финансовых кризисов;

7) «замораживание» цены рабочей силы в нашей стране на недопустимо низком, для цивилизованного европейского государства с «социально – ориентированной» экономикой, уровне по причине низких темпов развития отечественной экономики в долгосрочной перспективе, что наглядно проявляется в макроэкономических показателях на ближайшие 20 лет, и другое;

8) с начала 90-х годов минимальная пенсия постоянно ниже величины прожиточного минимума пенсионера, а в 1998 г. отчетливо проявилась тенденция к тому, что средняя пенсия с учетом компенсационной выплаты не достигает указанной величины [Соловьев, Бурнашев, 2001: С. 45-51].

Современная пенсионная система представляет собой совокупность правовых, организационно-управленческих и финансово-экономических отношений, с одной стороны, между наемными работниками и индивидуальными предпринимателями (а так же иными гражданами деятельность которых направлена на извлечение дохода, материальной выгоды), с работодателями и государством, с другой стороны, которые созданы для реализации долгосрочных государственных обязательств по пенсионному обеспечению.

Деятельность пенсионной системы государства направлена на реализацию конституционных прав всех граждан на получение материального обеспечения при наступлении установленного законом возраста либо иного страхового случая, влекущего за собой невозможность трудиться. Такое материальное обеспечение граждан по старости получило название пенсия.

Под «пенсией» предполагается понимать ежемесячную денежную выплату, предназначенную для компенсации гражданину заработка (дохода), утраченного в связи с достижением установленного законом возраста, наступлением инвалидности, потерей кормильца, а также по другим основаниям, право на получение, которой определяется условиями и нормами, установленными законодательством Российской Федерации [Бочкарев, 2001].

Основаниями для пенсионного обеспечения являются: достижение соответствующего пенсионного возраста, наступление инвалидности, а для нетрудоспособных членов семьи кормильца – его смерть, основанием для пенсионного обеспечения специальных категорий трудящихся – длительное исполнение определенной профессиональной деятельности [ФЗ от 1 апреля 1996 г. № 27].

Введение новой пенсионной реформы вызывает неисчислимо количество вопросов как у работающего населения, так и у тех, кто уже находится на заслуженном отдыхе. Трудоспособных граждан больше интересуют последние новости о повышении пенсионного возраста в 2015 г. в России. Но не меньше люди хотят знать, на какую минимальную сумму выплат они могут рассчитывать.

С учетом сложной политической ситуации, которая напрямую отражается на экономике страны, исключать возможность пересмотра граничного возраста выхода на положенный отдых не стоит.

Так, одним из рассматриваемых вариантов повышения является следующий. Начиная с 2018 г. возможно плановое увеличение возраста каждый год на полгода. Таким образом, за 10 лет можно продлить трудовой период еще на 5 лет. Но эти планы находятся на стадии рассмотрения, окончательных решений еще никто не принимает.

Пенсионный возраст женщин в России в 2015 г. будет неизменным. Стоит заметить, что он один из наиболее низких в мире. Так, дамы могут попрощаться с трудовой деятельностью в возрасте 55 лет. При этом пенсию по старости им будут выплачивать при условии, что они работали хотя бы 5 лет. Но указанный минимальный стаж действителен только в 2015 году. Принятая новая пенсионная реформа ввела новые ограничения. Минимальный стаж будет постепенно повышать. К 2025 г. для получения пенсии необходим официальный стаж от 15 лет.

Такие сроки применяются как для женщин, так и для мужчин. Кстати, последние могут на пенсию уйти в 60 лет.

При завершении трудовой деятельности и выходе на отдых люди могут рассчитывать на получение 11582 руб. А вот средняя социальная пенсия ощутимо ниже – она составляет 7595 руб. Сказать же точно, каков минимальный уровень пенсии трудно. Он зависит от региона и установленного в нем прожиточного минимума. В Белгороде, например, она составляет 6054 рублей, а в Москве пенсионеры могут получить 9046 руб. Неработающим пенсионерам, у которых общая сумма денежных выплат не достигает величины прожиточного минимума пенсионера в регионе проживания, устанавливается социальная доплата к пенсии до величины прожиточного минимума пенсионера [5].

Несмотря на внедрение многих изменений в пенсионных правоотношениях, такие виды пенсий как по выслуге лет, многодетным матерям, родителям, имеющих детей-инвалидов, и другие социальные пенсии будут сохранены. Также неизменным останется применение «северного коэффициента» [ФЗ № 400 от 28 декабря 2013 г.].

Гражданам, достигших возраста 50-52 года, размер пенсионной выплаты будет насчитан согласно действующим положениям закона. А для лиц, получающих пенсию, насчитанную до начала января этого года, будет произведен ее перерасчет по измененным критериям. Если сумма пересчитанной пенсии будет ниже предшествующей, то её сохранят на том же уровне [Курбатов, 2014: С. 23-24].

Кроме того, с нового года вводится новый порядок расчета пенсии – балльная система.

Формула такова: все собранные пенсионные баллы (это те деньги, которые перечисляются работодателем как страховые взносы) умножат на стоимость одного балла (пока он составляет 64 рубля 10 копеек), к этому прибавят фиксированную выплату, гарантируемую государством (около 4 тыс. рублей). Полученная сумма и составит размер вашей страховой пенсии. То есть чем больше заработная плата, тем больше баллов и выше пенсия. С нового 2015 г. повышение страховых пенсий собираются проводить путем индексации ценности каждого балла. На 1 января он равен 64 рублям и 10 копейкам [Пудов, 2013].

Каждый трудовой год будет равен определенному количеству баллов. Кстати, они начисляются и в тех случаях, если человек не работает, но занят социально значимой деятельностью. Речь идет о призывной военной службе, уходе за детьми или инвалидами, пожилыми людьми старше 80 лет. Пенсионный возраст не изменится: на заслуженный отдых женщины выйдут в 55 лет, мужчины – в 60 лет.

Уже через месяц эти цифры пересмотрят. Пенсионный Фонд готовился к индексации коэффициента на 7,5%. Но, учитывая уровень роста цен, повышение должно составить не менее 11,5%.

Для жителей Белгорода с 1 февраля 2015 г. страховые пенсии вырастут на 11,4%. Страховые пенсии 498 тысяч белгородских пенсионеров будут проиндексированы на 11,4 процента, исходя из роста потребительских цен за 2014 год. Вместе со страховой пенсией на 11,4 процента будет проиндексирована и фиксированная выплата к ней (аналог бывшего фиксированного базового размера) [9; 10].

В результате индексации средний размер пенсии в Белгородской области с учетом фиксированной выплаты составит 11,6 тыс. рублей.

Напомним, с 2015 г. индексация страховых пенсий осуществляется через индексацию стоимости пенсионного балла. С 1 февраля 2015 года его стоимость увеличится с 64 руб. 10 копеек до 71 руб. 41 копейки.

Что касается дальнейшего повышения пенсий в течение 2015 года, то с 1 апреля пройдет индексация социальных пенсий с учетом темпов роста прожиточного минимума пенсионера в Российской Федерации за прошедший год.

Введение новой формулы расчета трудовой пенсии, которая финансируется за счет страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, уплачиваемого работодателем, предусматривает две составляющие: страховую часть трудовой пенсии – дифференцированную часть, зависящую от результатов труда конкретного человека (стажа, заработной платы) в течение всей трудовой деятельности.

Накопительная часть трудовой пенсии будет определяться путем деления суммы накопленного пенсионного капитала, учтенного на специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица, на количество месяцев ожидаемого периода получения пенсии по старости [Гусева, 2014].

Накопительная же часть пенсии зависит не от государства, а от негосударственного пенсионного фонда, выбранного самим человеком. Эта организация инвестирует деньги на финансовом рынке, поэтому, может принести как прибыль, так и убыток [ФЗ № 424 от 28 декабря 2013 г.].

С 1 февраля возрасла и фиксированная доплата к пенсии. Она составила почти 4 000. В итоге, по прогнозам специалистов, средняя пенсия по старости в 2015 г. превысит 12 000 руб.

Последнее повышение пенсий в 2015 г. ожидается в апреле. На 5,5% проиндексируют ежемесячную денежную выплату. Тогда же возрастут и социальные пенсии, предположительно на 12%. Они напрямую зависят от уровня прожиточного минимума.

Таким образом, социальная пенсия, должна превысить 8 500 руб., подсчитали в Пенсионном Фонде [ФЗ № 385 от 1 декабря 2014 г.].

Преимущества новой пенсионной модели: новая пенсионная система предусматривает учет каждого рубля, страховых взносов внесенных за каждый месяц и год трудового стажа застрахованного лица, закрепляются обязательства государства персонально перед каждым работником. После выхода на пенсию застрахованного лица, эти обязательства будут выполняться в полном объеме, с учетом всех повышений и индексаций, проводившихся за годы трудовой деятельности [Зурабов, 2002: С. 22-27].

Таким образом, реформа в пенсионной системе обеспечивает прозрачность пенсионной системы. Накопительная часть трудовой пенсии обеспечивает необходимый пенсионный резерв в расчете на прогнозируемое ухудшение демографической ситуации.

Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации исходит из того, что права граждан, приобретенные в рамках государственной пенсионной системы, будут тождественны государственным обязательствам Российской Федерации.

Главной задачей государства при проведении пенсионной реформы, как важнейшего ее элемента, способного поднять коэффициент послетрудового возмещения до среднеевропейских показателей, должно стать достижение гарантированного минимального уровня пенсии, по размеру соответствующего прожиточному минимуму пенсионера, а также условий для самостоятельного формирования населением достаточных пенсионных накоплений.

По нашему мнению, необходимо установить всеобщую государственную базовую пенсию, предоставляемую всем гражданам (резидентам) Российской Федерации (за исключением тех, кто получает другие виды государственных пенсий), размер которой обеспечивал бы им средства, минимально достаточные для существования.

Пенсионную систему необходимо, на наш взгляд, строить по принципу личной заинтересованности человека за свою обеспеченную старость, сокращая при этом масштабы общественной ответственности за уровень жизни и доходов человека и одновременно увеличивая его собственную роль в формировании накоплений, обеспечивающих достойный уровень жизни в старости. Такая система делает человека свободным, поскольку ощущать себя по-настоящему свободным, в конечном счете, может только человек, имеющий возможность самому выбрать форму и способ прироста пенсионных накоплений.

Задача государства – создание для этого необходимых условий, к которым следует отнести:

- установление налогового режима, стимулирующего более активное участие фондов, граждан и работодателей в формировании пенсионных накоплений;
- обеспечение строгого контроля за соблюдением всеми субъектами и участниками процесса обязательного и добровольного пенсионного обеспечения норм и правил, гарантирующих сохранность пенсионных накоплений;
- обеспечение льготного доступа к инвестированию пенсионных накоплений граждан в эффективные инвестиционные проекты, обеспеченные гарантиями государства [Акимова, 2013: С. 67-74].

Реализация этих условий предполагает понимание государством необходимости стимулировать все виды пенсионных накоплений. Естественно, что границы такого стимулирования определяются экономическими возможностями государства и должны быть определены законодательно. В качестве ориентира, определяющего границы такого стимулирования, можно еще раз указать на достижение коэффициента послетрудового возмещения в размере 75% последнего заработка. И не в среднем по стране, а для каждого конкретного человека [Пудов, 2004].

Таким образом, необходима дальнейшая законодательная работа по формированию пенсионной системы России, органически сочетающей как обязательные виды пенсионного

страхования, так и добровольное пенсионное обеспечение, в наибольшей степени, способствующей активному участию всех граждан в формировании своей будущей пенсии, так как вопрос обеспечения достойной жизни нынешних и будущих пенсионеров является одним из важных.

Список литературы References

1. Федоров Л.В. Пенсионный фонд Российской Федерации. М.: Дашков и Ко, 2014.
2. Соловьев А.К., Бурнашев Р.А., Данилов В.Д., Дубинкин А.Е., Аммосов А.Е., Донцова С.А., Новикова Е.Б. Экономические предпосылки пенсионной реформы в Российской Федерации // Пенсия. 2001. № 4. С. 45-51.
3. Бочкарев В.К. Пенсионная реформа в программе «Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года» // Вестник государственного социального страхования. 2001. № 2.
4. Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном учете в системе государственного пенсионного страхования» (ред. от 12.03.2014 г.) // Российская газета. 2014, 25 июля.
5. Закон Белгородской области от 30 октября 2014 года № 313 «Об установлении величины прожиточного минимума пенсионера в Белгородской области в целях определения социальной доплаты к пенсии на 2015 год» // www.garant.ru
6. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Российская газета. 2013, 31 декабря.
7. Курбатов А.А. Пенсионный Фонд Белгородской области – основа благополучия граждан // Белгородская правда. 2014. № 18. С. 23-24.
8. Пудов А. Пенсионная реформа: за и против // АиФ. 2013, ноябрь.
9. Постановление Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 39 «Об утверждении индекса роста потребительских цен за 2014 год для установления стоимости одного пенсионного коэффициента с 1 февраля 2015 г.» // www.garant.ru
10. Постановление Правительства РФ от 23 января 2015 г. № 40 «Об утверждении коэффициента индексации с 1 февраля 2015 г. размера фиксированной выплаты к страховой пенсии» // www.garant.ru
11. Гусева Т.А. Право социального обеспечения в России. М.: Юркомпани, 2014.
12. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии» // Российская газета. 2013, 30 декабря.
13. Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 385-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» // Российская газета. 2014, 5 декабря.
14. Зурабов М.Ю. О целях и ходе проведения пенсионной реформы // Пенсия. 2002. № 4. С. 22-27.
15. Акимова Ю.А. Негативные тенденции судебной практики в отношении положения женщин в Российской Федерации // Современное право. 2013. № 1. С. 67-74.
16. Пудов А.Н., Баранова А.М. Сборник нормативных правовых актов по пенсионной реформе. Москва, 2004.

УДК 316.334.4

**К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ
«ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ»****TO THE QUESTION OF OPERATIONALIZATION OF THE CONCEPT
«LEGAL SOCIALIZATION»****М.Ю. Крутиков
M.Y. Krutikov***Помощник прокурора Белёвского района Тульской области, Россия, 301840, Ефремов, ул. Ленина, 32
Senior assistant prosecutor of the Belyov area Tula Region, 32 Lenin St, Efremov, 301840, Russia**E-mail: krutikov-michail@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются методологические основания процедуры операционализации понятия «правовая социализация», применительно к современному российскому контексту.

Resume. This article is devoted to the methodological basis of procedure of an operationalization of the concept «legal socialization» conformably to the modern Russian context.

Ключевые слова: право, правовая социализация, операционализация.
Key words: law, legal socialization, operationalization.

Современное российское общество переживает сложный трансформационный период, для которого характерны глубокие изменения в социально-экономической, идеологической, политической и иных сферах. Неизбежным следствием политического реформирования стали институциональные преобразования правовой системы. Социальная трансформация в России вызвала к жизни большое количество социально-правовых проблем, связанных с дестабилизацией правовых институтов, формальным существованием правовых предписаний и негативной тенденцией возникновения внеправовой регуляции социальных процессов. В сложившейся ситуации нарушение правовых предписаний приобрело распространенный характер. Причина подобных проблем кроется в том, что правовая модернизация общества заключается не только в институционально-правовой реформе. Системный кризис трансформирующегося российского общества порождает неравномерное изменение основных элементов правовой системы.

Преобразование законодательной базы, связанное с ежегодным принятием большого количества законов, регулирующих общественные отношения в различных сферах и устанавливающих новые виды юридической ответственности, само по себе не является гарантией правореализации. Большое значение в современных условиях приобретает процесс интернализации ценностно-правовых и нормативных установок в массовое сознание российского населения. В связи со структурными преобразованиями современного российского общества обострилось противоречие между потребностью в адаптации населения к деятельности в политико-правовой сфере и практикой правомерной реализации законодательных норм. Один из основных путей решения этой проблемы – эффективная правовая социализация.

В условиях кризиса социально-ценностного содержания правовых механизмов актуализируется изучение правовой социализации как объективного социального процесса, связанного с адаптацией индивидов к правовым ценностям. Выход из состояния социально-правового кризиса возможен лишь с развитием в обществе мотиваций уважительного отношения к закону и правопорядку, а также активизацией механизмов усвоения индивидами правовых знаний и навыков правореализации.

Таким образом, социологическое исследование феномена правовой социализации, применительно к современным российским условиям, вызвано объективной потребностью.

В отношении социализационно-правового процесса современная социологическая наука располагает обширным концептуальным аппаратом. Содержание большинства пред-

ставленных отечественными учеными концепций сводится к определению правовой социализации как усвоения индивидами и общностью правовых норм и стереотипов правомерного поведения, а также формирования определенной ценностно-правовой ориентации, выражающей отношение личности к различным юридически-значимым ситуациям.

Так, по мнению А.Н. Бабенко, правовая социализация представляет собой процесс признания интериоризации, ассимиляции в своем сознании правовых ценностей и иных представлений и знаний о праве своего общества с целью приобретения правосубъектности, гражданских прав и обязанностей. Это процесс, в результате которого члены общества усваивают его правовые ценности, такие как честность, порядочность, равенство, справедливость, а также установленные в нем нормы права. При этом в правовой социализации А.Н. Бабенко усматривает две особенности: первая связана со статусом права в обществе, со статусом правовых норм и ценностей по отношению к иным нормам и ценностям; вторая особенность заключается в общеобязательности правовых норм. Ценность права, по мнению ученого, проявляется в том, что знание закона позволяет каждому отстаивать свои права [Бабенко, 2002].

Наиболее развернутая концепция правовой социализации в отечественной социологии права представлена в трудах В.Н. Кудрявцева и В.П. Казимирчука. По мнению ученых, правовая социализация составляет важную часть общей социализации и означает непрерывно происходящие в течение сознательной жизни человека осознание им своей социальной роли и включение в социально-правовые отношения. Основной содержательный смысл социализации они видят в приобщении индивида к политическим и правовым нормам, ценностям, к политической и правовой культуре и к сознательной социально-активной деятельности, являющейся универсальным способом совершенствования социальной среды и одновременно формирования личности.

В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук отмечают, что правовая социализация не есть простое повторение из поколения в поколение устоявшихся мнений и шаблонов поведения. Социализация предполагает преемственность, передачу наследия. В ходе жизненного цикла или исторического развития в более общем смысле субъекты, формирующиеся под влиянием ранее сложившихся установок, могут обогащать свой опыт и изменять шкалу предпочтений. Ранее сложившиеся установки составят ту первичную матрицу, в которую будет неизменно включаться всякий новый опыт. При этом правовую социализацию нельзя понимать как процесс наращивания информации. При изучении процесса социализации важно познать, как происходит интериоризация знаний. С этой точки зрения простой замер уровня знаний недостаточен. Приобщение к социальным и политическим институтам и даже воздействие авторитетом может быть делом случая или сугубо индивидуального опыта. Единственно, что остается прочным, это качество самого усвоения и стабильность полученных знаний. Предложенный В.Н. Кудрявцевым и В.П. Казимирчуком подход к феномену правовой социализации подвел их к различению трех его каналов: правовая социализация посредством научения, передача опыта и «символическая» социализация.

По мнению О.А. Попандопуло, «процесс правовой социализации продолжается всю жизнь человека, он предполагает: одновременное усвоение социальных ролей и образцов правового поведения, позволяющих индивиду претендовать на занятие определенных общественных позиций и приобретение соответствующего социального статуса; овладение формами, ценностями, символами, нормами, традициями, языками и смыслами правовой культуры; приобретение собственного правового опыта и личностной идентичности; достижение статуса «взрослого» – самостоятельного и автономного деятеля, способного к принятию ответственных решений, касающихся его жизни в соответствии с предписаниями, запретами и ожиданиями общества» [Попандопуло, 2012].

Обобщенный взгляд на теоретические представления о сущности правовой социализации позволяет понимать данный социальный феномен как протекающий в единстве стихийной и целенаправленной форм социальный процесс усвоения (интернализации) личностью или общностью правовых ценностей и норм, связанный с формированием стереотипа активного правомерного поведения. Правовая социализация представляет собой результат вовлеченности личности в сферу права и различных социально-правовых отношений, которые являются составным элементом социальной среды.

Изучение специфики, факторов и закономерностей правовой социализации на современном этапе общественного развития невозможно без выявления реального состояния данного процесса в условиях российского социума. Поскольку процесс правовой социализации –

понятие сложное и его невозможно наблюдать непосредственно, то в связи с этим оно нуждается в процедуре операционализации.

В литературе отмечается, что «любой социальный, в том числе социализационный процесс предполагает, что в ходе его развития формируются некие параметры, с помощью которых отслеживается его эффективность и, в конечном счете, функциональность» [Бабаскина, 2010].

Протекание правовой социализации влияет на изменение правокультурных показателей, отражающих степень интегрированности индивидов в социально-правовую сферу общества. Это показатели, которые связаны с реализацией населением своей функции в качестве субъекта правовых отношений. Индивидуальная или групповая правовая социализированность тем выше, чем более выражено положительное отношение к социально-правовым институтам как необходимым регуляторам общественной стабильности. Кроме того, уровень правовой социализации связан с конкретными действиями индивидов в определенных сферах правовой действительности. Указанные действия могут характеризоваться как частотой их проявления (на оси «активно-пассивно»), так и степенью их соответствия правовым предписаниям (на оси «правомерно-противоправно»). Также нельзя не учитывать в этом ряду знание и понимание населением нормативно-правовых требований, предъявляемых государством, которое обеспечивает их реализацию деятельностью правоохранительной системы.

Осознание возможности и перспективы развития в России гражданского общества не мыслимо без анализа правовой активности, которая в правовом государстве характеризует участие людей в реализации правовых норм. Уровень правовой активности является показателем степени правовой социализированности населения. С целью изучения состояния правовой активности россиян в качестве соответствующих эмпирических индикаторов могут быть выбраны ситуации, предполагающие участие граждан в государственной и общественной деятельности. У респондентов, к примеру, может быть выяснен уровень активности при участии: в выборах и референдумах; в работе органов местного самоуправления; в мероприятиях по охране общественного порядка; в судебном процессе в качестве присяжного заседателя, а также в иных случаях.

Другим показателем правовой социализации современного российского населения является правовое поведение граждан. Междисциплинарный характер указанного понятия влечет сложность его единообразной трактовки. За основу можно взять определение, выработанное В.Н. Кудрявцевым и В.П. Казимирчуком, которые полагают, что правовое поведение – это социально значимое поведение социальных субъектов, предусмотренное правовыми нормами и влекущее юридические последствия. В структуре правового поведения Г.К. Варданыц предлагает выделять следующие элементы: правовую установку, правовые интеракции и юридические последствия последних. Объективной стороной правового поведения являются конкретные правовые действия (бездействие) субъекта, включая способы, методы, достижения, результаты, – правовые интеракции и их последствия. В состав субъективной стороны правового поведения включаются мотивы правового поведения, цели и степень их осознания, характер отношения к ним [Варданыц, 2008].

Важным отличительным признаком правового поведения является его четкая юридическая регламентация. Это означает, что субъективные и объективные особенности поведенческой направленности индивида ограничены рамками действия определенного нормативно-правового акта (закона, постановления, инструкции и др.) и в связи с этим подвержены контролю со стороны правоохранительной системы государства.

Другим отличительным признаком правового поведения является психологический (субъективный) признак, связанный с действием воли и сознания индивида по контролю его поведения в условиях возникновения определенных правоотношений с иными субъектами правового регулирования. Это тоже очень важный признак, поскольку право в состоянии стимулировать общественно-полезное поведение и предупреждать общественно вредное.

В правовом поведении выделяют его разновидности: правомерное и противоправное. Правомерное поведение согласуется с действующими правовыми нормами. Противоправное (неправомерное) принятым нормам права противоречит.

Для реализации правомерного поведения очень важно формирование правовых навыков (привычного правового поведения), в условиях реализации которых правомерные действия индивида в силу многократного их повторения переходят в привычку, т.е. приобретают характер стереотипной, внутренне устойчивой потребности индивида. Степень развитости и распространенности навыков правомерного поведения является показателем уровня сформированности правовой культуры конкретного общества.

Таким образом, правовое поведение является целью и результатом правовой социализации личности.

В качестве эмпирических индикаторов правового поведения, реализуемого в современных российских условиях, могут быть выбраны модельные ситуации, предполагающие реализацию гражданами правомерной либо противоправной мотивации. У респондентов, в частности, может быть выяснен характер их поведения в различных ситуациях, предполагающих правомерный либо противоправный исход (например, «перейдете ли Вы проезжую часть автодороги на красный сигнал светофора, если в зоне видимости отсутствуют движущиеся транспортные средства?»). Указанные ситуации могут находиться в сфере действия норм различных отраслей права.

В основе правовой активности и правового поведения личности как явлений общественно-правовой действительности лежит сформированная система правовых ценностей, представляющая собой внешнее выражение данных явлений, их движущую силу. В качестве производного понятия, обеспечивающего возможность эмпирического познания ценности, выступает ценностная ориентация. В социологических исследованиях по ценностной проблематике справедливо отмечается, что ценности как элементы личностной структуры проявляют себя в качестве фундаментального мотивирующего источника поведения индивида [Труфанов, 2006].

В типологическом смысле принято выделять традиционные ценности как «разновидности ценностей, в которых отселектирован, передан и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в виде образцов, норм, принципов представления о лучшем, авторитетном в культуре» [Рассади́на, 2006]. Традиционные ценности производны от культуры конкретного общества, его национально-этнических особенностей. Они призваны сохранить исторически сложившиеся национальную самобытность и социальную идентичность.

Другим ценностно-типологическим элементом являются популярные в социологических исследованиях базовые ценности, к которым относятся «конечные, целевые (и потому более обобщенные, абстрактные) ценности человека, на основе которых формируется все множество инструментальных (оперативных, текущих, ситуативных) ценностей, в большей степени определяющих конкретное содержание его активности» [Руднев, 2009]. В базовых ценностях, таким образом, выделяют терминальную и инструментальную составляющие. Отечественный ученый Н.И. Лапин понимает базовые ценности как обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм деятельности людей и образующие смысловое основание норм повседневного поведения [Лапин, 2003].

По мнению А.Н. Бабенко, мир права представляется миром ценностей, который индивид в меру своих возможностей познает и осваивает. Ценностная ориентация направляет человека в море правовых фактов и инициирует его познавательную деятельность в праве. Ученый полагает, что правовые ценности – это переживаемые людьми и определяемые культурой формы позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения соответствующий этой системе, а также юридическую оценку событий [Бабенко, 2002]. Если говорить о предметном содержании правовых ценностей, то в теории права к ним принято относить конкретные социально-правовые явления, правовые средства и механизмы. Их составляют: конкретное выражение собственной ценности права в практической жизни людей – безопасность человека в конфликтных ситуациях, определенность и гарантированность прав, обеспечение истины, правды при решении юридических вопросов; фундаментальные прирожденные права человека, основополагающие демократические правовые принципы; особые правовые средства и юридические механизмы, обеспечивающие ценность права, гарантированность прав, институты, выражающие оптимальное соотношение нормативного и индивидуального регулирования, и т. д.

Право как социально-политическое явление обладает специфической ценностью. Указанное свойство права связано в первую очередь с его нормативным характером, со способностью права привносить упорядоченность в общественное развитие. В литературе отмечается, что важность выявления ценностей при исследовании правовой сферы обусловлено тем, что ценности и идеалы обеспечивают интеграцию общества, помогают индивиду осуществлять одобряемый обществом выбор соответствующего поведения в жизненно значимых ситуациях. Специфика правовых ценностей связана, таким образом, с особой ролью правовых норм в обществе [Копкарева, 2008].

Но, не смотря на то обстоятельство, что правовая сфера является носителем важнейшей социальной ценности, ее реализация в общественных отношениях требует включения специ-

фического механизма, направленного на интернализацию правовых ценностей субъектами правоотношений. В качестве универсального механизма усвоения ценностей права признается правовая социализация как объективный социальный процесс, представляющий собой специфическое усвоение индивидом норм и ценностей политической и правовой культуры в целом, окружающей его социальной среды посредством воспитания, изменения в развитии его деятельности и общественных отношений [Плаксин дис. ...канд. соц. н., 2007]. В.П. Воробьев, исследуя ценностные основания социализации в современном обществе, делает вывод, исключительно важный для понимания механизмов социализации в рационально-правовом обществе: ориентация на целерациональное поведение означает выделение ценности в качестве ключевого феномена культуры и выделение ценностной трансляции в качестве главного, исходного процесса социализации. Ученый полагает, что «акцентирование внимания на ценностных аспектах социальной жизни необходимо не только для точного описания процессов социализации, но и для адекватного уяснения значения данных процессов в ходе воспроизводства и развития культуры социума» [Воробьев дисс. ... докт. соц. н., 2001].

Для эмпирического изучения ценностно-правовой ориентации российского населения необходимо определиться с конкретным содержанием правовых ценностей, господствующих в российском обществе. В исследованиях правовой культуры в систему правовых ценностей принято включать такие элементы, как правосознание, правовая наука, законодательство, порядок, правовая деятельность. Правовые ценности (права человека, идея конституции, идея юридической определенности личности и др.) вырабатываются самим обществом и в процессе их выработки проявляется эволюция правовой культуры.

Для эмпирического исследования могут быть использованы различные правовые ценности, которые составляют основу и смысл отраслевого российского законодательства, регулирующего общественные отношения в самых различных сферах. К ним могут быть отнесены базовые правовые ценности (закон, демократия, ответственность, порядок, право, правовое государство, равенство, разделение властей, свобода, справедливость), либо конституционно-правовые ценности (в виде основных конституционных прав и свобод). При этом изучение ценностно-правовой компоненты современного российского общества можно предпринимать как с позиции отражения в массовом сознании смыслового ценностно-правового содержания, так и с позиции оценки степени их важности с использованием ранговой шкалы («очень важно» – «безразлично» – «неважно»).

Одним из элементов правовой культуры общества является правосознание его членов, которое основывается на усвоенных, ставших частью сознания правовых знаниях. Очевидно, что источником правовых знаний становится правовая информированность, реализуемая как социальный процесс. По мнению Н.Я. Соколова, «правовые знания составляют интеллектуальный компонент правосознания, основу его познавательной функции. Без глубокого знания права невозможна правильная оценка правовых явлений, формирование установок, ориентации в поведении личности» [Соколов, 1981]. Правовая информированность представляет собой результат осознанного восприятия сознанием человека правовой информации, которую в литературе определяют как «разновидность социальной информации общества, охватывающая все ценности, которые созданы людьми в области права, составляющие их правовую культуру в реальном ее функционировании, а также динамичном процессе формирования социально-правовой памяти общества по накоплению, систематизации, хранению, передаче и использованию (знаний, умений, навыков, оценок, понятий и т.п.) во всех областях юридической практики» [Боер, 1998].

Подавляющее большинство российского населения испытывает острую необходимость в получении правовой информации. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в современных условиях постоянно изменяющегося (реформирующегося) законодательства, отсутствия устойчивой практики, в том числе и судебной, применения отдельных законодательных норм, а также в условиях ежегодного принятия большого количества федеральных и региональных нормативно-правовых актов личность теряет ориентацию в правовой сфере.

Необходимым условием адекватного восприятия правовой информации (правовых знаний) является высокий уровень правосознания населения, который предполагает уважительное отношение к праву и закону, а также достаточную степень доверия государственно-правовым институтам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для понятия «правовая социализация» можно выделить следующие параметры операционализации:

- 1) правовая активность;

- 2) образцы (стереотипы) правового поведения;
- 3) ценностно-правовая ориентация;
- 4) правовая информированность;
- 5) развитость правового сознания;
- 6) лояльность в отношении правоохранительной системы.

Перечисленные параметры поддаются эмпирической фиксации путем перевода в соответствующие индикаторы и их изменение пропорционально динамике правосоциализационного процесса.

Список литературы References

1. Бабаскина В.В. Институциональные основы и социальные механизмы управления правовой социализацией в России: дис.... канд. социол. наук. – Пятигорск, 2010.
Babaskina V.V. Institutional'nyye osnovy i sotsial'nyye mekhanizmy upravleniya pravovoy sotsializatsiyey v Rossii: diss.... kand. sotsiol. nauk. – Pyatigorsk, 2010.
2. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2002.
Babenko A.N. Pravovyye tsennosti i osvoyeniye ikh lichnost'yu: dis. ... dokt. yurid. nauk. – M., 2002.
3. Боер В.М. Информационно-правовая политика государства. – СПб: ГУАП, 1998.
Boyer V.M. Informatsionno-pravovaya politika gosudarstva. – SPb: GUAP, 1998.
4. Варданыц Г.К. Социальный генезис права: гештальтсоциологический анализ: автореф. дис. ... докт. социол. наук. – М., 2008.
Vardanyants G.K. Sotsial'nyy genезis prava: geshtal'tsotsiologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... dokt. sotsiol. nauk. – M., 2008.
5. Воробьев В.П. Социализация в переходном обществе: теоретическое моделирование и социокультурный контекст: дис. ... докт. социол. наук. – Пенза, 2001.
Vorob'yev V.P. Sotsializatsiya v perekhodnom obshchestve: teoreticheskoye modelirovaniye i sotsiokul'turnyy kontekst: diss. ... dokt. sotsiol. nauk. – Penza, 2001.
6. Копкарева С.И. Особенности формирования правовых ценностей студенческой молодежи: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2008.
Kopkareva S.I. Osobennosti formirovaniya pravovykh tsennostey studencheskoy molodezhi: sotsiologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. – Yekaterinburg, 2008.
7. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. – 2003. – № 6.
Lapin N.I. Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2003. – № 6.
8. Плаксин Д.В. Правовая социализация в условиях противоречий развития институтов права: автореф. дис. ...канд. социол. наук. – Майкоп, 2007.
Plaksin D.V. Pravovaya sotsializatsiya v usloviyakh protivorechiy razvitiya institutov prava: avtoref. dis. ...kand. sotsiol. nauk. – Maykop, 2007.
9. Попандопуло О.А. Проблема правовой социализации человека: опыт социально-философского анализа // Вестник ВолГУ. – 2012. – Серия 7. Филос. №2 (17).
Popandopulo O.A. Problema pravovoy sotsializatsii cheloveka: opyt sotsial'no-filosofskogo analiza // Vestnik VolGU. – 2012. – Seriya 7. Filos. №2 (17).
10. Рассадина Т.А. Трансформации традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. – 2006. – № 9.
Rassadina T.A. Transformatsii traditsionnykh tsennostey rossiyan v postperestroynyy period // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2006. – № 9.
11. Руднев М.Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.
Rudnev M.G. Bazovyye tsennosti naseleniya: sravneniye rossiyan s zhitelyami drugikh yevropeyskikh stran: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. M., 2009.
12. Соколов Н.Я. Правовая информированность общества: сущность и содержание // Советское государство и право. – 1981. – №11.
Sokolov N.YA. Pravovaya informirovannost' obshchestva: sushchnost' i sodержaniye // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1981. – №11.
13. Труфанов Д.О. Теоретико-методологические принципы постнеклассической социологии в исследовании ценностных ориентаций личности: дис.... канд. социол. наук. – Красноярск, 2006.

УДК 342.25

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕТОДА
МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ****CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONCEPT
OF MUNICIPAL LAW PROGRAMMING****А.Е. Новикова, А.М. Жорник****A.E. Novikova, A.M. Zornik**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru; zhornik94@mail.ru

Аннотация. Охарактеризована конституционно-правовая основа муниципальных целевых программ. Проанализированы доктринальные подходы к определению муниципальной целевой программы и сформулированы признаки и дефиниция муниципальной целевой программы. Даны рекомендации по совершенствованию нормативно-правового регулирования.

Resume. The authors described the constitutional basis of municipal target programs. The doctrinal approaches to the definition of the municipal target programs were analyzed and new definition of municipal target program was worded. The authors made some recommendations to improve the legal and regulatory.

Ключевые слова: местное самоуправление, социально-экономическая политика, целевая программа, муниципальная целевая программа, программно-целевое управление.

Key words: local government, social and economic policy, the target program, municipal target program, program-oriented management.

Согласно Конституции Российской Федерации местное самоуправление является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, оно признается и гарантируется, самостоятельно в пределах своих полномочий и не входит в систему органов государственной власти (ст. 12) [1].

Местное самоуправление призвано решать вопросы местного значения, повышать уровень и качество жизни населения муниципального образования и повышать благоустройство последнего. При этом, полагаем, наибольшая приближенность органов местного самоуправления к населению по сравнению с иными публичными властными структурами позволяет им эффективней осуществлять социальную и экономическую политику на территории муниципальных образований. Одним из самых результативных способов реализации социально-экономической политики является принятие и исполнение целевых программ.

Впервые целевые программы в Российской Федерации были приняты на федеральном уровне и произошло это относительно недавно [2; 3]. Вслед за федеральными стали появляться целевые программы на уровне субъектов Российской Федерации (региональные целевые программы)[4; 5] и муниципальные целевые программы[6; 7]. Однако, несмотря на существование целевых программ уже более 10 лет, в настоящее время отсутствует единый нормативно-правовой акт, который бы регулировал вопросы порядка разработки, утверждения и реализации целевых программ всех видов и уровней. Хотя некоторые программы уже были реализованы, завершены, а также существуют те, которые были приняты и находятся в процессе реализации. Вместе с тем, в ряде Федеральных законов встречаются нормы, которые посвящены муниципальным целевым программам.

Так, Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» [8] (далее – ФЗ № 131) в п. 6 и п. 6.1 ст. 17 в качестве полномочий органов местного самоуправления закрепил следующие:

- принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования, а также организация сбора статистических показателей, характеризующих состояние экономики и социальной сферы муницип-

ципального образования, и предоставление указанных данных органам государственной власти в порядке, установленном Правительством Российской Федерации;

- разработка и утверждение программ комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры поселений, городских округов, требования к которым устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Прежде чем орган местного самоуправления примет целевую программу, она должна быть в обязательном порядке вынесена на обсуждение – публичные слушания – с участием населения муниципального образования представительным органом муниципального образования или главой муниципального образования (пп. 3 п. 3 ст. 28 ФЗ № 131). И только после публичных слушаний муниципальная целевая программа может быть принята представительным органом муниципального образования, который впоследствии утверждает отчет о ее исполнении (пп. 4 п. 10 ст. 35 ФЗ № 131).

Кроме ФЗ № 131 наличествуют и другие Федеральные законы, в которых предусмотрено существование муниципальных целевых программ. Данные Федеральные законы носят узкопрофильный характер. Так, например, Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [9] предусматриваются муниципальные программы развития субъектов малого и среднего предпринимательства, которые дефинируются как «нормативные правовые акты органов местного самоуправления, в которых определяются перечни мероприятий, направленных на достижение целей в области развития малого и среднего предпринимательства, в том числе отдельных категорий субъектов малого и среднего предпринимательства, и осуществляемых в муниципальных образованиях, с указанием объема и источников их финансирования, результативности деятельности органов местного самоуправления, ответственных за реализацию указанных мероприятий» (п. 4 ст. 3).

Кроме определения в этом Федеральном законе в п. 1 ст. 11 сформулировано такое полномочие муниципальных органов, как формирование и реализация местных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства с учетом местных и национальных экономических, социальных, культурных, экологических и иных особенностей.

Еще одним Федеральным законом, в котором упоминаются муниципальные целевые программы, является Федеральный закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [10]. В отличие от предыдущего Федерального закона в данном законе отсутствует дефиниция муниципальной целевой программы в соответствующей сфере, однако в ст. 18 предусмотрена возможность органов местного самоуправления разрабатывать муниципальные программы развития торговли.

В этой же статье законодатель обозначил круг вопросов, которые должны обязательно содержаться в муниципальной программе развития торговли. К числу таковых относятся:

- цели, задачи и ожидаемые результаты развития торговли;
- мероприятия, ориентированные на достижение целей политики государства в сфере торговли, в том числе мероприятия по оказанию приоритетной поддержки в развитии торговли товарами российским производителям товаров, субъектам малого или среднего предпринимательства, формированию конкурентной среды, развитию торговли в сельской местности;
- источники и объем финансирования мероприятий, способствующих торговому развитию;
- основные показатели результативности осуществления программ развития торговой деятельности;
- порядок организации осуществления программ развития торговой деятельности и порядок контроля за их осуществлением.

Также Федеральным законом определены те основные показатели эффективности реализации муниципальных программ развития торговли. Представляется, что подробная регламентация вопросов содержания муниципальных программ и оценки их результативности на федеральном уровне является дополнительной гарантией добросовестного и эффективно исполнения таких программ.

В Федеральном законе от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [11] рассматриваемому вопросу посвящен пп. 1 п. 3 ст. 31.3, в котором в качестве одного из полномочий муниципальных органов закреплена разработка и осуществление муниципальных про-

грамм поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций с учетом местных экономических, социальных, культурных, экологических и других особенностей.

Помимо названных выше Федеральных законов о муниципальных целевых программах также говорится в Федеральном законе от 27.07.2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [12]. Однако кроме единоразового упоминания о возможном существовании муниципальных программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности больше о них речи нет (пп. 4 п. 8 ст. 23). Несмотря на отсутствие регламентации некоторых вопросов содержания и порядка реализации муниципальных целевых программ в данной области, полагаем, что даже сам факт их закрепления в Федеральном законе должен быть расценен с позитивной стороны.

Очевидным является тот факт, что ни одна целевая программа, в том числе и муниципальная, не может быть принята и реализована без финансовых средств. Поэтому целесообразно обратиться к Бюджетному кодексу Российской Федерации [13] (далее – Бюджетный кодекс РФ) для выявления норм, регламентирующих порядок финансирования муниципальных целевых программ.

В ст. 179 Бюджетного кодекса РФ урегулированы наиболее общие вопросы (например, утверждение муниципальных программ местной администрацией посредством принятия ею муниципального правового акта; утверждение объема бюджетных ассигнований на финансовое обеспечение реализации муниципальных программ в законе (решении) о бюджете по соответствующей каждой программе целевой статье расходов бюджета в соответствии с утвержденным программой муниципальным правовым актом).

Именно в Бюджетном кодексе РФ установлено правило, согласно которому реализация муниципальных целевых программ подлежит ежегодной оценке эффективности, а по результатам такой оценки местная администрация может прекратить или изменить программу. Также местная администрация может изменить объем бюджетных ассигнований на финансовое обеспечение реализации муниципальной программы.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что одним из наиболее эффективных способов осуществления социальной и экономической политики как на государственном и региональном, так и на местном уровне, являются целевые программы. На местном уровне принимаются муниципальные целевые программы, о чем свидетельствует ряд федеральных законов. Однако в исследованных федеральных законах муниципальные целевые программы рассматриваются лишь с узко-отраслевой позиции и поэтому установленные нормативы и правила распространяются лишь на муниципальные программы, принятые в конкретной сфере (сфера торговли, экономики, политики, энергоснабжения и др.).

Несмотря на их широкое применение во многих отраслях, в настоящее время отсутствует единый нормативно-правовой акт, который регулировал бы принципиально важные аспекты функционирования муниципальных целевых программ (как, например, существует для ведомственных целевых программ).

Представляется, что такой пробел может негативно отразиться при разработке, принятии и реализации муниципальных целевых программ, когда необходим унифицированный подход к этим вопросам.

Полагаем, целесообразно будет внести изменения в ФЗ № 131, а также в законы субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы местного самоуправления, а именно включить в них такие понятия как муниципальная целевая программа, порядок ее разработки, реализации, а также порядок и формы контроля за эффективностью ее исполнения.

При исследовании любого правового института, явления, отношения важнейшей частью является освещение теоретической стороны. Это необходимо для более глубокого осмысления и понимания правовой природы исследуемого объекта.

В науке конституционного и муниципального права применение целевых программ называют программно-целевым управлением или программно-целевым методом.

Например, В.С. Рапопорт и Л.В. Родионова утверждают, что программно-целевое управление является организационной формой, применение которой необходимо для осуществления комплекса работ (программы) и подразумевает вполне определенный тип структуры. Они также говорят, что для управления программами создаются должности соответствующих руководителей, максимально сосредотачивающих на себе полную ответственность за достижение цели программы, координируют сотрудничество по программе внутри организации и за ее пределами [Рапопорт, 1976].

Некоторые ученые рассматривают программно-целевое управление как разновидность государственного управления, называя один из его методов – программно-целевой – наиболее актуальным методом переходного периода [Калинина, 2012].

Относительно программно-целевого метода такие ученые как Б.А. Райзберг и А.Г. Лобко говорят, что он является способом решения больших и сложных проблем при помощи разработки и проведения системы программных мер, направленных на цели, достижение которых обеспечивает решение наличных проблем [Райзберг, 2002]. Вместе с тем, они акцентируют внимание на том, что программно-целевой метод необходимо использовать в случае неустранимости проблемы в ходе естественной деятельности системы, а наоборот, обладает тенденцией к обострению. Поэтому, пишут ученые, следует принять специальные программные меры, сосредоточить усилия, мобилизовать ресурсные возможности в интересах решения проблемы в течение определенного срока.

По мнению другого ученого, С.В. Васильева, программно-целевой метод заключается в отборе приоритетных целей экономического, социального, научно-технического развития, разработке взаимосвязанных мероприятий по их достижению в заданные сроки с максимальной эффективностью при требуемом обеспечении ресурсами [17]. Метод включает разработку программ с учетом стратегических целей, определение путей, средств и организационных мероприятий по их достижению.

Интересной представляется позиция М.Ю. Кривошеевой, которая рассматривает программно-целевой метод в качестве метода выделения основных целей и задач социального, экономического, государственного, культурного, экологического и территориального развития, выработки взаимосогласованных мероприятий по их осуществлению в установленные сроки [17].

Программно-целевой метод в узком и широком смыслах рассматривают ученые Б.А. Райзберг, Е.П. Голубков, Л.С. Пекарский [Райзберг, 1975]:

- в широком смысле – это воздействие субъекта управления на объект управления, разрабатываемое на основе методологии системного анализа;

- в узком смысле – это лишь разработка и осуществление целевых комплексных программ различного типа.

Комплексно к определению программно-целевого метода подходит А.В. Цвикевич, утверждая, что он позволяет реализовать настоятельную потребность в осуществлении интеграционных процессов в экономике, обусловленную, с одной стороны, возрастанием сложности, комплексности проблем устойчивого развития, требующих для своего решения эффективных межотраслевых, межведомственных, межмуниципальных взаимодействий, и, с другой – высокой степенью отраслевой и территориальной дифференциации развития производительных сил, дополняемой в условиях перехода к рыночной экономике многообразием форм собственности [21].

Несмотря на достаточно развитый понятийный аппарат, некоторые ученые все же считают, что применительно к городским и сельским муниципальным образованиям теоретических представлений о возможностях программно-целевого управления, специфике его содержания и организации не достаточно и это является причиной не полного и неэффективного внедрения программно-целевого управления на муниципальном уровне [Шашина, 2012].

Однако позволим себе не согласиться с мнением Н.С. Шашиной по той причине, что природа проблем эффективности реализации программ кроется не в теоретических разработках, а, например, в финансовых возможностях муниципального образования, в способностях органов местного самоуправления увидеть проблему и разработать эффективную программу для ее преодоления и др.

Определившись с важнейшими понятиями, без которых невозможно понять сущность целевых программ, перейдем непосредственно к их определению.

Так, по мнению ранее упомянутого А.В. Цвикевича, целевые программы – это элемент механизма осуществления стратегии устойчивого развития страны, региона, муниципального образования, представляющий собой увязанные по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплексы научно-исследовательских, опытно-конструкторских, организационно-хозяйственных и иных мероприятий, обеспечивающих эффективное решение конкретных задач в области государственно-федеративного и муниципального строительства, научно-технического, экономического, инвестиционного, социально-демографического, внешнеэкономического, культурного, экологического, регионального и муниципального развития Российской Федерации [21].

Похожей позиции придерживаются и другие ученые: целевая программа – документ, согласованный по ресурсам, исполнителям и срокам задания на проведение научных исследований и разработок, а также других мероприятий по эффективному комплексному использованию финансовых ресурсов и развитию производительных сил в целях научного обоснования территориальных схем развития и размещения производительных сил; решения научных проблем формирования и реализации региональных целевых комплексных программ [Государственное регулирование ..., 2000].

Как уже упоминалось ранее, целевые программы бывают:

- государственные;
- региональные;
- муниципальные.

Именно муниципальные целевые программы представляют интерес в рамках исследования. Также, как и целевые программы, муниципальные целевые программы могут определяться по-разному. Так, например, по мнению Н.С. Шашиной, муниципальная целевая программа – это увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам комплекс социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение экономических, экологических, социальных и иных проблем развития муниципальных образований.

Согласно методическим рекомендациям, данным Управлением по инвестициям Администрации города Смоленска, муниципальная целевая программа – это одно из важнейших средств решения вопросов социально-экономического развития муниципального образования и должна быть сосредоточена на реализации крупномасштабных проектов, направленных на решение проблем в сферах полномочий органов местного самоуправления [23].

Изучив существующие в науке мнения по поводу целевых программ, выделим авторские основные признаки муниципальных целевых программ:

- принимаются представительными органами местного самоуправления;
- являются документом;
- распространяются на муниципальное образование, представительный орган которого их принял;
- согласованы по срокам, исполнителям и ресурсам;
- состоят из комплекса скоординированных мероприятий, направленных на улучшение экономических, социальных, культурных, экологических и других условий жизнедеятельности муниципального образования;
- для достижения целей и выполнения задач предполагают использование научных, технических, современных, информационных и др. технологий;
- согласование финансовых, материальных и трудовых ресурсов в целях их наиболее эффективного использования;
- достижение требуемого поставленного результата в строго установленные программой сроки;
- соответствие планируемого результата с итоговым.

Полагаем, отсутствие в науке единого мнения по поводу определения муниципальной целевой программы, а также отсутствие унифицированного определения, закрепленного законодательно, отрицательно влияет на понимание субъектами разработки программ их сущности и зачастую ведет к недостижению обозначенных целей. Представляется, что принятие муниципальных целевых программ, соответствующих названным признакам – одна из гарантий их эффективного исполнения.

Обобщая вышесказанное, сформулируем авторское определение муниципальной целевой программы.

Муниципальная целевая программа – это принятый представительным органом муниципального образования и распространяющийся на всю его территорию документ, согласованный по срокам, исполнителям и ресурсам, состоящий из комплекса скоординированных мероприятий, направленных на улучшение экономических, социальных, культурных, экологических и других условий жизнедеятельности муниципального образования и использующих для этого научные, технические, современные, информационные и др. технологии, а также методы согласования финансовых, материальных и трудовых ресурсов для достижения поставленного результата в строго установленные сроки.

Список литературы References

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
2. Постановление Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 728 «О федеральной целевой программе «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002-2010 годы и на период до 2015 года» // Российская газета. – 2001, 25 декабря.
3. Постановление Правительства РФ от 15 августа 2005 г. № 515 «О федеральной целевой программе «Создание системы базирования черноморского флота на территории Российской Федерации в 2005-2020 годах» // СЗ РФ. – 2005. – № 35. – Ст. 3607.
4. Постановление Губернатора Белгородской области от 2 марта 2007 г. № 37 «О территориальной программе государственных гарантий оказания жителям Белгородской области бесплатной медицинской помощи на 2007 год» // <http://www.garant.ru/hotlaw/belgorod/155066/>.
5. Постановление Правительства Белгородской области от 27 июня 2011 г. № 239-пш «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Улучшение инвестиционного климата для привлечения инвестиций в экономику Белгородской области в 2011-2015 годах» // http://belgorodinvest.com/files/pdf/Invest_klimat.pdf.
6. Решение Муниципального совета Города Валуйки и Валуйского района от 26 ноября 2010 г. № 432 «Об утверждении районной целевой программы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства на территории муниципального района «Город Валуйки и Валуйский район» на 2011-2013 годы» // <http://val-adm.ru/programs-actions/targeted/126939-22.12.2010/>
7. Решение Муниципального совета Алексеевского муниципального района от 30 апреля 2013 г. № 4 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Алексеевского района на 2012-2016 годы» // http://adm-alekseevka.ru/adm/index.php?option=com_content&view=category&id=19&Itemid=64
8. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» (ред. от 28.12.2013 г.) // Российская газета. – 2003, 8 октября; Российская газета. – 2013, 30 декабря.
9. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013 г.) // Российская газета. – 2007, 31 июля; Российская газета. – 2013, 30 декабря.
10. Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013 г.) // Российская газета. – 2009, 30 декабря; Российская газета. – 2013, 30 декабря.
11. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 28.12.2013 г.) // Российская газета. – 1996, 24 января; Российская газета. – 2013, 30 декабря.
12. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ (ред. от 03.02.2014 г.) «О теплоснабжении» // Российская газета. – 2010, 30 июля.
13. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2013, с изм. от 03.02.2014) // Российская газета. – 1998, 12 августа; Российская газета. – 2013, 30 декабря.
14. Рапопорт В.С. Объективные предпосылки и основные положения целевого управления. – М.: Мысль, 1976. – 60 с.
15. Калинина Л.Е. Программно-целевой метод как метод государственного управления // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 36-37.
16. Райзберг Б.А. Программно-целевое планирование и управление. – М.: Инфра-М, 2002. – 163 с.
17. http://www.ock.ru/menedzhment_i_trudovye_otnosheniya/municipalnye_celevye_programmy_por_yadok.html
18. Райзберг Б.А. Системный подход в перспективном планировании. – М.: Экономика, 1975. – 269 с.
19. Цвикелевич А.В. Совершенствование управления развитием муниципального образования // <http://www.rae.ru/monographs/93-3168>
20. Шашина Н.С. Муниципальные целевые программы: проблемы разработки и эффективной реализации // Власть и упр. На Востоке России. – 2012. – № 1. – С. 16-22.
21. Цвикелевич А.В. Совершенствование управления развитием муниципального образования // <http://www.rae.ru/monographs/93-3168>
22. Государственное регулирование экономики: курс лекций // под общей редакцией Н.Б.Антоновой. – Мн.: ООО Мисанта, 2000. – 333 с.
23. www.smoladmin.ru/invest/zakonodat/files/metod.doc

УДК 342.7

**РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
СОЦИАЛЬНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА**

**THE ROLE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN
FEDERATION IN ENSURING SOCIO-DETERMINED LEGAL STATUS**

Д.В. Тихонов
D.V. Tihonov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: tihon89air@mail.ru

Аннотация. В статье представлено обобщение опыта обеспечения Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации социально-детерминированного правового статуса личности. Автором осуществлен анализ ежегодных докладов российского омбудсмена (2010-2014 гг.); осуществлена систематизация содержащейся в них информации в заявленном аспекте, а также представлены направления совершенствования структурных частей докладов.

Resume. The article presents a synthesis of the experience of assurance by the Commissioner for human rights in the Russian Federation socio-determined legal status of the individual. The author conducts an analysis of the annual reports of the Ombudsman (2010-2014); implemented systematization of the information contained therein in the claimed aspects and the directions of improvement of the structural parts of the reports.

Ключевые слова: обеспечение, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, жалоба, доклад, социально-детерминированный правовой статус.

Key words: security, Commissioner for human rights in the Russian Federation, complaint, report, socio-deterministic legal status.

Общие права, свободы и обязанности не исключают, а, наоборот, предполагают наличие прав и обязанностей применительно к разным людям, характеризующимся специфическими чертами социального, служебного, семейного и тому подобного положения. В этом случае речь идет об особенных правах и обязанностях, предусмотренных законодательством для отдельных групп населения, объединенных общеспецифическими чертами их положения в обществе и государстве [Витрук, 2008: С. 297].

Исходя из ст. 7 отечественной Конституции Российская Федерация является социальным государством [1]. Провозглашенные в Конституции цели политики Российской Федерации как социального государства (ч. 1 ст. 7) предопределили обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности, и, если в силу возраста, состояния здоровья, по другим независимым от него причинам человек трудиться не может и не имеет дохода для обеспечения прожиточного минимума себе и своей семье, он вправе рассчитывать на получение соответствующей помощи, материальной поддержки со стороны государства и общества. В данной связи Конституция сопрягает обязанности социального государства не только с охраной труда и здоровья людей, установлением государственного минимального размера оплаты труда, но и с обеспечением государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитием системы социальных служб, установлением государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [14]. Следовательно, развитие системы социального обеспечения как составной части социальной защиты населения является необходимым условием осуществления социального государства [6].

Исходя из приведенного теоретического тезиса, а также с учетом конституционного установления ст. 7, полагаем целесообразно обособление социально-детерминированного специального статуса, который применим к категориям и лицам, задекларированным на

уровне базового закона государства – семье, материнству, отцовству и детству, инвалидам и пожилым гражданам.

Замысел ст. 7 Конституции России, безусловно, связан и с обеспечительным потенциалом со стороны государства в лице его уполномоченных структур. Полагаем, немаловажной здесь является деятельность специализированного правозащитного института – Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. О продуктивности его функционала мы можем судить, исходя из ежегодных докладов, в которых рассматриваются наиболее острые проблемы обеспечения прав и свобод человека в России, приводится информация о деятельности Уполномоченного, включающая рассмотрение как индивидуальных, так и коллективных обращений граждан, взаимодействие с государственными органами и институтами гражданского общества, анализ действующего законодательства в области прав и свобод человека, а также разработку предложений по его совершенствованию [8].

Наше дальнейшее исследование мы связываем с выявлением роли российского омбудсмена в гарантировании указанного выше специального социально-детерминированного статуса на основе докладов за период с 2010 по 2014 гг.

Итак, только в Докладе Уполномоченного за 2010 г. обособлен специальный раздел «Право на защиту семьи» [10]. В последующих докладах аналогичного раздела не содержится.

В 2010 г. российский омбудсмен в заявленном аспекте разрешал следующие проблемы:

- ненадлежащая деятельность органов местного самоуправления (по «шаблону») при решении вопросов об ответственности родителей перед детьми.

К примеру, в 2010 г. к Уполномоченному обратилась гражданка Е. из г. Юбилейного Московской области. Местные органы власти отобрали у заявителя дочь, девочку-инвалида, обвинив при этом мать в нарушении права ребенка на образование. Девочка была очень привязана к матери и тяжело перенесла разлуку с ней. Установить столь важный, хотя и «нематериальный» факт было, наверное, несложно. А установив его, можно было бы подумать о том, как помочь матери и ее ребенку. Ничего этого сделано не было.

В итоге Уполномоченному удалось защитить права этой семьи, но отнюдь не в силу отмеченных индивидуальных обстоятельств, а по причине неисполнения местными органами власти всех требуемых процедур.

- проблема минимального возраста вступления в брак;

- проблема международных браков, заключаемых между гражданами разных государств. В 2010 г. внимание Уполномоченного привлек вопрос о том, может ли наличие семьи на территории России являться основанием для предоставления иностранному гражданину или лицу без гражданства временного убежища в России.

При этом по всем приведенным позициям Уполномоченный по правам человека представлял свое видение решения проблемы; обращался к управомоченным субъектам; лично участвовал в разрешении сложившейся ситуации.

Дальнейшее исследование докладов показало, что разделы, которые бы содержали обособленную информацию о защите материнства, детства, инвалидов или пожилых людей – отсутствуют. В связи с этим внимание обращено на наличествующий в каждом докладе (за исключением, 2014 г.) данного хронологического периода раздел «Право на социальное обеспечение» [12; 13].

Право на социальное обеспечение по своей природе является позитивным, его защита требует от государства каких-либо конкретных действий, направленных на предоставление адресату той материальной или иной помощи, в которой он нуждается.

В данном разделе отражены проблемы адресатов права на социальное обеспечение – граждане, которые в силу разных причин нуждающиеся в особой заботе государства, – нетрудоспособные, люди с ограниченными возможностями здоровья, дети-сироты, престарелые, многодетные и молодые семьи и др.

Так, например, если говорить о людях преклонного возраста, то в Докладе за 2011 г. к Уполномоченному обратилась гражданка К. преклонного возраста, проживающая в учреждении социального обслуживания с. Леуза Кигинского района Республики Башкортостан. Заявительница жаловалась не только на плохие условия проживания, но также на постоянные оскорбления, угрозы и даже рукоприкладство со стороны сотрудников учреждения, на унижение ее человеческого достоинства. По этому поводу К. неоднократно, но, увы, безрезультатно обращалась как в органы местного самоуправления и исполнительной власти республики, так и в правоохранительные органы.

Со своей стороны, Уполномоченный обратился к Прокурору Республики Башкортостан с просьбой проверить изложенные в жалобе К. обстоятельства и в случае их подтверждения принять должные меры прокурорского реагирования.

В июне 2011 г. из республиканской прокуратуры пришел ответ, из которого следовало, что проведенная проверка выявила в учреждении, где жила К., многочисленные факты нарушений санитарно-эпидемиологического законодательства, в связи с чем в отношении заведующего стационарным отделением указанного учреждения было возбуждено административное дело по ст. 6.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а в адрес директора самого учреждения внесено представление об устранении нарушений и привлечении виновных в них лиц к дисциплинарной ответственности.

Также в апреле 2011 г. года к Уполномоченному поступило коллективное обращение граждан из Саранского пансионата ветеранов войны и труда Республики Мордовия. Заявители жаловались на безобразные условия проживания в пансионате.

Обращение ветеранов было направлено Уполномоченным на проверку Прокурору Республики Мордовия. И в этом случае проверка выявила факты многочисленных нарушений положений нормативных документов и регламентов. По результатам проверки прокурором Пролетарского района г. Саранска директору этого учреждения внесено представление об устранении нарушений.

В своих ежегодных докладах Уполномоченный не раз обращался к проблеме защиты права лиц, находящихся на иждивении граждан, застрахованных от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на получение страховых выплат после смерти последних.

В 2011 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [7], установившее, что смерть застрахованного, наступившая как в результате несчастного случая на производстве, так и вследствие профессионального заболевания, является основанием для возникновения у его иждивенцев права на получение страховых выплат, если страховое обеспечение предоставлялось при жизни самому застрахованному.

Однако в большинстве случаев оказывается невозможным обжаловать вступившие в законную силу судебные решения. Единственной возможностью защиты прав граждан в сложившейся ситуации является пересмотр судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам.

Вместе с тем в перечне оснований для пересмотра судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам отсутствует такое основание, как изменение судебной практики применения правовой нормы постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В 2011 г. к Уполномоченному продолжали поступать обращения общественных объединений инвалидов с настойчивой просьбой способствовать ускорению ратификации нашей страной Конвенции о правах инвалидов, а также подписания и ратификации Факультативного протокола к ней. Как известно, в 2012 г. указанный международный правовой акт был ратифицирован Россией [ФЗ РФ № 46 от 3 марта 2012 г.]. Сделаем ремарку, что, начиная с 2007 г. Уполномоченный неоднократно обращался к субъектам права законодательной инициативы с просьбой ускорить подписание и инициировать ратификацию Россией Конвенции (была подписана нашей страной 24 сентября 2008 г.). В марте 2011 г. Уполномоченный обратился к Министру здравоохранения и социального развития Российской Федерации с просьбой проинформировать о ходе выполнения плана мероприятий по подготовке к ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов.

В своих докладах за 2009 г. и 2011 г. Уполномоченный поднимал вопрос доступности социальной инфраструктуры для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Для обеспечения их беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры в нашей стране действует государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2015 годы [5].

Проблема, однако, в том, что положения указанного нормативного документа исполняются далеко не всегда. Граждане с ограниченными возможностями здоровья жалуются Уполномоченному на отсутствие в местах их проживания условий, обеспечивающих беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры: общественным и производственным зданиям, спортивным сооружениям, культурно-зрелищным, банковским и другим учреждениям.

Так, в 2012 г. В., инвалид-колясочник из г. Ярославля, обратился к Уполномоченному с жалобой на отсутствие в отделении банка ОАО «Сбербанк России» по месту его жительства специального стационарного подъемного устройства для заезда кресла-коляски.

После обращения Уполномоченного в Департамент труда и социальной поддержки населения Ярославской области, являющийся ответственным исполнителем областной целевой программы «Доступная среда» на 2012-2015 гг., утвержденной Постановлением Правительства Ярославской области от 10 октября 2011 г. № 770-П, указанным филиалом банка был приобретен и установлен при входе в здание гусеничный подъемник.

Согласно информации Минтруда России, в декабре 2013 г. поступившей к Уполномоченному, для участия в 2014 г. в федеральной программе были рассмотрены проекты программ 79 субъектов Российской Федерации. 68 из них одобрены. Остальным было рекомендовано доработать программы и повторно представить их в Минтруд России.

В поле зрения российского омбудсмена актуальны и проблемы детей-инвалидов.

В 2012 г. Уполномоченный обратился к Министру труда и социальной защиты с просьбой рассмотреть вопрос об изменении механизма установления инвалидности детям с синдромом Дауна. Согласно ответу министерства сам по себе диагноз «синдром Дауна» права на получение инвалидности не дает: условием этого является выраженность симптомов заболевания, а также их соответствие критериям инвалидности. В связи с чем большинство детей с синдромом Дауна получают инвалидность по сопутствующим заболеваниям, таким как приобретенное слабоумие.

Возникает еще одна парадоксальная и аморальная ситуация. Чем раньше ребенок с синдромом Дауна официально будет признан инвалидом, тем раньше он при поддержке государства сможет получить необходимую комплексную реабилитацию, и тем выше окажутся его шансы замедлить развитие сопутствующих заболеваний, например, того же слабоумия. Но государство, со своей стороны, не торопится прийти на помощь ребенку с синдромом Дауна, признав его инвалидом.

В целом, же, исходя из тематики поступающих к российскому омбудсмену жалоб заявленного среда, таковые можно условно подразделить на три группы, касающиеся вопросов:

- пенсионного обеспечения (социальная доплата к пенсии, накопительное пенсионное обеспечение и др.).

В докладах Уполномоченного за 2012 и 2013 гг. говорилось, с какими трудностями при назначении трудовой пенсии сталкиваются граждане, которым в силу разных причин не удалось подтвердить отдельные периоды своего трудового стажа. Чаще всего в таких случаях им приходится обращаться в судебные органы в порядке особого производства. Согласно ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [ФЗ № 173 от 17 декабря 2001г.], для подтверждения общего трудового стажа до 1996 г. можно сослаться на показания двух свидетелей. Однако для подтверждения трудового стажа после 1996 г. свидетельские показания не принимаются, а документальные доказательства – не всегда возможны. В целом же судебная практика не вполне единообразна: многим гражданам, оказавшимся в описанном положении, назначают пенсию минимального размера. По мнению российского омбудсмена, решение вопроса видится в законодательном закреплении принципа аналогии, позволяющего исчислять размеры пенсии на основе среднемесячного заработка работников той же специальности с учетом региональных надбавок.

Уполномоченный неоднократно направлял это предложение субъектам права законодательной инициативы, не найдя их поддержки. В апреле 2012 г. в целом по смыслу схожий законопроект был внесен в Государственную Думу законодателями Ставропольского края. Однако уже в октябре 2013 г. при рассмотрении в первом чтении законопроект был Государственной Думой отклонен.

- предоставления льгот. Как мера социальной поддержки льготы, несмотря на их значительное сокращение, не потеряли своей актуальности. Так, в 2010 г. резко обострились проблемы доступности пригородного железнодорожного транспорта. Напомним, что данная ситуация была актуальной и в начале 2015 г. и разрешилась лишь при непосредственном вмешательстве главы государства.

В 2012 г. российским омбудсменом была успешно урегулирована проблема, возникшая в связи с «монетизацией социальных льгот». Так, после продолжительной переписки с ФСИН России Уполномоченному весной 2012 г. удалось добиться пересмотра позиции ведомства и директор ФСИН России своим циркулярным письмом, адресованным территориальным ор-

ганам уголовно-исполнительной системы, запретил производство удержаний из ежемесячных денежных выплат, получаемых всеми категориями осужденных;

- осуществления иных мер социальной поддержки. Здесь укажем на нуждающихся в социальной поддержке граждан России, постоянно проживающие за рубежом.

Так, в 2010 г. к Уполномоченному обратился инвалид Великой Отечественной войны, постоянно проживающий в Латвийской Республике, с жалобой на несправедливо низкий, по его мнению, уровень социальной поддержки со стороны России. Уже в конце декабря 2010 г. Указом Президента Российской Федерации № 1584 предложенные Уполномоченным единовременные выплаты ветеранам указанной категории были все-таки установлены [4].

Как видим, российский Уполномоченный по правам человека самостоятельно либо, прибегая к помощи уполномоченных субъектов, с первого раза, либо, уделяя вопросу ни один год, позитивно влияет на обеспечение лиц со специальным социально-детерминированным статусом.

Особое внимание мы хотели бы обратить на доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. в силу его специфики, как структурной, так и содержательной.

Уточним, что по структуре доклад 2014 г. состоит из Введения и трех глав (I «Социально-правовой мониторинг развития правозащитной ситуации в России», II «Актуальные проблемы защиты и восстановления прав человека по результатам рассмотрения жалоб и обращений, поступивших к Уполномоченному в 2014 году», III «Приоритеты и рекомендации по обеспечению устойчивого развития в сфере прав человека»). При этом в Главе II предложена более «сжатая» классификация субъективных прав по сравнению с предшествующими докладами, но с включением особенно актуальных вопросов (например, «Крым: вопреки сложностям переходного периода», «Социально-экономические права в условиях санкционного давления»).

Полагаем, приведенная специфика доклада, обусловлена особенностями событий, которые произошли в российских внутренней и внешней политике. Во многом таковые повлияли на социальную сферу, в связи с чем Уполномоченному по правам человека по прежнему актуально анализировать жалобы и вопросы как типично связанные со специальным социально-детерминированным статусом, так и обращать внимание на новые феномены.

К примеру, в нашей стране выявлено наличие многочисленной группы «работающих бедных». 47% опрошенных граждан сказали, что им хватает заработанных денег только на еду, а вот покупка одежды уже составляет большую проблему [Права человека ..., С. 8].

В качестве положительной черты Доклада 2014 г. отметим, что в рамках интересующего нас раздела «Социально-экономические права в условиях санкционного давления» последовательно приведена подробная информация о нарушениях в заявленной сфере. Полагаем, данный способ с точки зрения юридической техники наиболее оптимальным. Также, представляется перспективным наличие подобного рода раздела в каждом ежегодном докладе Уполномоченного. Однако в качестве направления его совершенствования предлагаем упорядочение в изложении информации, исходя из определенных критериев. Базовым среди них может выступать последовательность категорий населения, обозначенная в ст. 7 Конституции России. Возможно изложение и с учетом нарушений конкретных видов социальных прав.

Список литературы References

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 851.
2. Федеральный закон РФ от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2013 г.) // Российская газета. 2001, 20 декабря; 2013, 30 декабря.
3. Федеральный закон от РФ 3 марта 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // Российская газета. – 2012, 5 мая.
4. Указ Президента РФ от 20 декабря 2010 г. № 1584 «О единовременной выплате некоторым категориям граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Латвийской Республике, Литовской Республике и Эстонской Республике, в связи с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» // СЗ РФ. – 2010. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7052.

5. Постановление Правительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175 «О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2015 годы» (Документ утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 26.11.2012 г. № 1225) // СЗ РФ. – 2011. – № 13. – Ст. 1765.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 1997 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции от 20 апреля 1996 года» // СЗ РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5878.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Российская газета. – 2011, 18 марта.

8. Вершинина И.Ф., Деменева А.В., Новикова А.Е., Дурнова И.А. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс, 2012.

9. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008.

10. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 3 марта 2011 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год» // Российская газета. 2011, 13 мая.

11. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 20 февраля 2012 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год» // Российская газета. – 2012, 6 марта.

12. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 19 февраля 2013 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год» // Российская газета. – 2013, 29 марта.

13. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 21 февраля 2014 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год» // Российская газета. – 2014, 9 апреля.

14. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Норма, Инфра-М, 2011.

15. Права человека, резонансные проблемы общества и гражданская активность. По результатам исследования ФОМ «Обеспечение прав человека как важнейший критерий качества жизни». – М., ФОМ, 2015.

УДК 94

**ОРГАНЫ ВЧК В СИСТЕМЕ АППАРАТА ПРИНУЖДЕНИЯ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ****PROCEDURAL AND TACTICAL PECULIARITIES FOR APPOINTMENT AND
PERFORMANCE OF FORENSIC INQUIRY IN PRELIMINARY INVESTIGATION****Е.А. Шаталов¹, О.Н. Дубровский²**
E.A. Shatalov, O.N. Dubrovskiy¹⁾ Хакасский государственный университет им.Н.Ф. Катанова, Россия, 655000, Абакан, ул. Ленина, 90²⁾ Тувинский государственный университет, Россия, 667000, Кызыл, ул. Ленина, 36

Khakassia state university im. N.F. Katanov, 90 Lenin St, Abakan, 655000, Russia

²⁾ The tuvan state university, 36 Lenin St, Kyzyl, 667000, Russia

E-mail: penalize@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются организационно-правовые основы деятельности, правовая природа, статус чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией в системе органов государственной власти РСФСР. В ней предложен авторский подход к определению понятия, задач, функций органов ВЧК.

Resume. The article examines the organizational and legal basis, the legal nature, status of the Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution in the public authorities of the RSFSR. In it the authors approach to the definition, objectives, functions of the Cheka.

Ключевые слова: ВЧК, чрезвычайные комиссии, органы принуждения.

Key words: Cheka, Extraordinary Commission, organs of coercion.

В современной науке нет единого мнения об организационно-функциональной сущности ВЧК и её органов. Среди ученых ведутся активные научные диспуты на этой почве. В связи с чем, исследуемые органы характеризуются с использованием различных понятий и терминов; «карательные», «репрессивные» и даже «карательно-репрессивные» [Романовская, С. 319; Расказов, 1994; Гринберг, С. 65; Швеков, С. 18].

Также существует мнение о том, что ЧК – это, прежде всего карательные органы, так как их деятельность связана с массовыми политическими репрессиями. С этим утверждением сложно не согласиться [Боева, С. 138; Мардамшин, С. 50-61; Рожнева С. 14]. Причём такое положение имеет под собой юридическую основу. Согласно принятому в 1918 г. президиумом ВЦИК постановлению по поводу опубликования ВЧК статьи «Нельзя миндальничать», в период вооруженной борьбы рабоче-крестьянское государство не собиралось отказываться от репрессивных мер [Декреты советской власти, С. 451]. Тем более, что ВЧК не отрицала карательного начала в деятельности её местных органов. 8 января 1921 г. ВЧК был издан приказ «О карательной политике органов ЧК», где в самом названии нормативного акта подчеркивалась репрессивная сентенция используемых комиссиями методов реализации государственных функций [Бюллетень Министерства юстиции РФ, С. 61]. Меры уголовного принуждения, применявшиеся ЧК во внесудебном порядке, привели к террору против общества в целом, подтверждением чему служат архивные документы [Лунеев, С. 72]. Однако указанные научные точки зрения не совсем полно отражают организационные и нормативно-правовые основы деятельности ЧК. Не стоит забывать о том, что они учреждались не только как квазисудебные органы, но и как оперативно-розыскные. Комиссии осуществляли охрану интересов Советской власти путем предупреждения, пресечения и выявления преступлений. В соответствии с оперативно-информационными ориентировками ВЧК «Об обнаружении и установлении негласного надзора», её органами на местах систематически проводилась работа по поимке подозреваемых, обвиняемых в антисоветских, общеуголовных преступлениях, находившихся во всероссийском розыске [АОАГАКК, Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 21. Л. 202, 232; Д. 62. Л. 1 – 23].

Под большим вопросом стоит возможность использования таких современных юридических понятий как «правоохранительные органы» [Кобзов, Семенов, С. 66] или «чрезвычайные правоохранительные органы» [Угроватов, С. 34], которые используются учеными в их ис-

следованиях. При этом в них недостаточно полно аргументируется состоятельность используемой правовой терминологии.

Дело в том, что под юридическим термином «правоохранительный орган» понимается государственный орган, основной функцией которого является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью [Большой юридический словарь, С. 526]. Исходя из этимологии указанного термина, достаточно сложно говорить о наличии каких-либо правовых институтов, правовой системе в целом, защите прав и свобод человека органами ЧК. Тем более что в государстве приоритет был отдан не правовым нормам, а правовым обычаям и революционному правосознанию [Известия ВЦИК, 1918; Второй съезд РСДРП, С. 182; Ленин, С. 504; Правда, 1917; Известия ВЦИК, 1924; Гойхбарг, С. 12].

VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов еще 8 ноября 1918 г. принял постановление «О точном соблюдении законов», по которому органам ЧК предоставлялись полномочия по отступлению от предписаний нормативно-правовых актов в борьбе с контрреволюционными преступлениями [СУ РСФСР, Ст. 908]. Нормативные акты, прежде чем вступить в силу, в обязательном порядке подлежали согласованию с представителями и руководящим составом ВЧК и её органов, для недопущения ограничения оперативно-служебной деятельности последних рамками права [Рассказов, С. 93; Портнов, С. 8, 17; Смыкалин, С. 52; Исаев, С. 146-148]. Отметим, что общероссийские декреты, регламентировавшие деятельность ЧК не предусматривали задач по охране права. Советский законодатель никогда не оперировал термином «правоохранительный орган». При этом анализ общегосударственных нормативных актов, принятых в период организации ЧК, позволяет сделать вывод о том, что сущность этих органов заключалась в охране советской власти путем осуществления функций по обеспечению революционной дисциплины – строгое повиновение всех советских граждан, госслужащих революционному порядку и правилам, установленным государством и его полномочными органами. Первые юридические акты – декрет «Социалистическое отечество в опасности», принятый 21 февраля 1918 г., и постановление СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. конкретизировали компетенцию ЧК в этой области [Известия ВЦИК, 1918].

В подтверждение вышеуказанного также следует отметить, что лица, нарушавшие революционную дисциплину приговаривались ЧК к лишению свободы, что следует подчеркнуть особо, «со строгой изоляцией» – усиленный режим содержания заключенных в концлагерях [ГАКК, Ф. Р. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 183; Гусев, С. 58]. В изоляции лиц, совершивших контрреволюционные уголовно-наказуемые деяния, также прослеживается охранная сущность этих мер. Дело в том, что заключенных (закрепленных за ЧК), не представлявших опасность для республики Советов и не совершавших преступлений против Советской власти, не изолировали столь строго, а перевоспитывали и порой даже отпускали на поруки [Авербах, С. VI; Печников, С. 18-19; Курицын, С. 56; Исаков, С. 58; Гиляров, С. 17; Рубинов, С. 78; Данилов, С. 222; Смыкалин, С. 73; АОАГАКК. Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 36].

Сотрудники ЧК не отрицали того факта, что их органы исполняли функции охраны. Так, на I конференции ВЧК Председатель Камышинской уездной ЧК заявил: «Нам говорят, что это «охранка». Да, это охранка, направленная против контрреволюции, есть охрана Советской власти» [Еженедельник ЧК, С. 24]. При этом подчеркнем, что сотрудник проводил аналогию между деятельностью охранных отделений МВД Российской империи и советскими органами ЧК. В этой связи некоторые ученые справедливо отмечают, что ЧК стали полноправными преемниками имперских сыскных органов [Пайпс, С. 491; Леонов, С. 249; Еженедельник ЧК, С. 24]. Однако следует сказать о том, что предмет деятельности органов ВЧК был гораздо шире. В соответствии с декретом «О спекуляции» от 22 июля 1918 г., последние также были обязаны организовать работу по борьбе с экономическими преступлениями, в том числе пресекать и предупреждать скупку товаров потребления по завышенным ценам [СУ РСФСР, Ст. 605], незаконную торговлю драгоценными металлами, ценными бумагами, иностранной валютой, а также подделку денежных знаков – «экономическая контрреволюция» [ВЧК и начало НЭПа, С. 122-123; Говоров, С. 144; Ходяков, С. 72-73; Павлов, С. 137; Мозохин, С. 1-10].

Органы ВЧК осуществляли уголовное преследование по делам о должностных преступлениях. С постепенным развитием товарно-денежных отношений взяточничество буквально захлестнуло государственный аппарат [Куракин, С. 26]. В связи с чем ЧК в соответствии с декретами СНК «О борьбе со взяточничеством» от 8 мая 1918 г. и «О борьбе со спекуляцией, хищениями, подлогами и другими злоупотреблениями по должности» от 21 октября 1919 г., а также «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 г. были предоставлены полномочия по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий, проведению следственных действий по уголовным

делам о преступлениях, совершенных должностными лицами [Декреты советской власти. Т. 2. С. 241-242; Т. 6. С. 217-318; СУ РСФСР. Ст. 421]. Для предупреждения, пресечения, выявления преступлений ЧК учреждали собственные оперативно-розыскные подразделения. Осведомители ЧК имелись в жилых кварталах, на транспорте, в военных учреждениях, в общественных и увеселительных местах, учебных заведениях, в селах и деревнях, даже в местах лишения свободы [Бычков, С. 70; ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 12; Дьяченко, С. 35].

Для обеспечения ЧК революционной дисциплины в условиях действия особых правовых режимов ВЦИК принял постановление «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» от 20 июня 1919 г. В соответствии с постановлением особые отделы, губчека, уездные ЧК должны были осуществлять уголовное преследование за организацию поджогов и взрывов, бандитизм (участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей), пособничество им, укрывательство, разбой и вооруженный грабеж, торговля кокаином [СУ РСФСР. Ст. 301]. Укажем при этом, что органы ЧК наделялись достаточно широкими полномочиями для расследования наиболее опасных общеуголовных преступлений [Маручек, С. 27].

Для охраны государственных интересов в условиях войны и военного положения органы ЧК совместным постановлением ВЦИК и СТО от 28 мая 1920 г. и положением ВЦИК «О местностях, объявленных на военном положении» от 13 августа 1920 г. наделялись полномочиями военных ревтрибуналов, с непосредственным правом применения смертной казни. Органам ВЧК также были предоставлены полномочия по охране интересов республики Советов в сфере её обороноспособности. Особые отделы производили оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия по уголовным делам о взрывах, поджогах, шпионаже, спекуляции военным имуществом, преступной халатности при проведении охраны военных складов, и т.д. [Декреты советской власти. Т. 8. С. 51].

Декреты обязывали комиссии оперативно пресекать любые попытки покушения на интересы Советской власти, абсолютно неважно, в какой сфере административного управления: оборонной, политической, экономической и т.д. При этом ни в одном нормативно-правовом акте советского государства не говорится об обеспечении законности и соблюдении прав и свобод человека. Задача по обеспечению прав и свобод человека в период гражданской войны не имела статуса общегосударственной. В государстве допускалась эксплуатация, ликвидация представителей общественно-социальных классов, относящихся к «буржуазии» [Косицын, С. 68-69; Ленин, С. 97; Роль В.И. Ленина ... С. 125; Игнатенко, Ромашов С. 14; Старосельский, С. 85; Вышинский, С. 53; Свердлов, С. 213; Бухарин, С. 162]. Поэтому главной целью оперативно-розыскной, процессуальной и внесудебной деятельности ЧК являлась охрана республики Советов. В связи с этим, достаточно трудно согласиться с точкой зрения ученых, которые полагают, что ЧК являлись правоохранительными органами. Наиболее корректным термином на наш взгляд здесь будет «охранительно-репрессивный». При этом под охранительно-репрессивной деятельностью ЧК нами понимается система организационно-административных (полицейских), юридических мер, обеспечивавших революционную дисциплину и охрану республики Советов. Целесообразность применения такой терминологии обусловлена тем, что реализуемая ЧК деятельность была ориентирована на достижение следующих целей: «охранительной» – охрана институтов советской власти, путем обеспечения революционной дисциплины, и «репрессивной» – согласно определению означающее карательную меру, наказание [Юридическая энциклопедия, С. 391].

Репрессия – это средство, применяемое органами ЧК для устрашения населения, террора, демонстрации силы принуждения новой власти, ликвидации политической оппозиции, в том числе в форме массовых показательных казней, которые имели место во многих губерниях. При этом заметим, что репрессивные меры ЧК были направлены на решение двух групп задач. Во-первых, прямой – охрана республики Советов. Во-вторых, косвенной – принуждению к исполнению законодательных, партийных актов, нормы которых в военных условиях в большей степени имели императивный характер. В связи с чем, термин «орган принуждения» наиболее полно отражает административную сущность органов ЧК. В широком смысле слова под принуждением принято понимать насильственное воздействие на индивида или группу с целью осуществления ими требуемых действий [Еникеев, Кочетков, С. 361]. В период гражданской войны неисполнение требований административных органов влекло за собой насильственное принуждение по законам военного времени. В.И. Ленин в свою очередь указывал, что без принуждения, существование рабоче-крестьянского государства абсолютно немыслимо [Ленин, Т. 36. С. 162-163]. В свою очередь, под системой принуждения подразуме-

вается бинарная структура органов уголовной юстиции, наделенных судебно-следственными (органы НКВД, ревтрибуналы, суды) и квазисудебными (органы ВЧК) полномочиями по применению насильственных мер к нарушителям революционной дисциплины. Именно перечисленные управленческие органы составляли советский аппарат принуждения [Петров, С. 18]. Органы ЧК занимали доминирующее положение в этом механизме. Это обуславливалось широтой квазисудебных полномочий, масштабностью исполняемых ими функций. Милиция преимущественно наделялась оперативно-розыскными полномочиями [Шумахер, С. 44; Из истории взаимоотношений ... С. 157-161; Апянян, С. 12]. Ревтрибуналы наделялись судебно-следственными правами, но не осуществляли оперативно-розыскную деятельность [Титов, С. 26-30]. ЧК наделялись правами всех органов уголовной юстиции вместе взятых.

Отметим, что в зависимости от военно-политического *status quo* в деятельности органов ЧК могла преобладать репрессивная или охранительная цель. Так, с началом НЭПа органы ЧК лишались права применять репрессивные меры вовсе. К 1921 г. советское руководство, не нуждаясь более в репрессивной деятельности ЧК, прикладывало максимальные усилия для воплощения в жизнь принципа законности, который на практике мешала реализовать гражданская война. В этих условиях ВЦИК 23 июня 1921 г. издает декрет «Об объединении всех военных трибуналов республики». По этому декрету внесудебные полномочия ЧК ограничивались применением уголовного наказания в виде лишения свободы на срок до двух лет и только за принадлежность к антисоветским политическим партиям или к явно белогвардейским элементам [СУ РСФСР. Ст. 294].

В качестве альтернативы «особым совещаниям» ЧК, в системе губчека учреждались камеры народного суда, которые стали переходным этапом на пути к смягчению уголовной политики РСФСР [ГАРФ. Ф. 353. Оп. 4. Д. 85. ЛЛ. 92, 94]. Судебные документы камеры народного суда Якутской губчека за период с декабря 1921 г. по январь 1922 г. свидетельствуют, что ЧК лишались квазисудебных полномочий. Полномочия губчека ограничивались производством розыска и предварительного следствия. Якутская губчека больше не рассматривала в административном порядке уголовные дела о спекуляции, растрате и хищении, трудовом дезертирстве, саботаже и т.п. [НАРС(Я). Ф. 861. Оп. 1. Д. 80; Ф. 53. Оп. 6. Д. 215; Оп. 1. Д. 184; Д. 199; Д. 222]. После окончания предварительного следствия по уголовным делам последние в зависимости от степени важности направлялись либо в ревтрибунал, либо в камеру народного суда губчека. В связи с чем деятельность органов ЧК к началу 1922 г. приобретала исключительно охранительный характер.

Проведение теоретико-правового анализа целью, которого явилось изучение основных функций и задач чрезвычайных комиссий позволяет сделать некоторые обобщения в вопросе определения понятия этих органов. Чрезвычайная комиссия – охранительно-репрессивный элемент системы органов принуждения РСФСР периода гражданской войны, наделенный оперативно-розыскными, процессуальными, внесудебными полномочиями. Задачи деятельности этих органов заключались в предупреждении, пресечении и выявлении угроз, представлявших опасность для Советской власти и её представителей, путем осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по государственным и тяжким общеуголовным преступлениям.

Список литературы References

1. Авербах И.Л. От преступления к труду. – М., 1936.
2. Апянян Н.А. Органы государственной безопасности советской Армении в период строительства социализма (1920-1934 гг.): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1980.
3. Архивный отдел Администрации города Ачинска Красноярского края (АОАГАКК). Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 21. Л. 202, 232; Д. 62. Л. 1 – 23.
4. Боева Л.А. Деятельность ВЧК-ОГПУ по контролю за лояльностью граждан политическому режиму (1921-1924 гг.): дис. ... канд. истор. наук. – М., 2002.
5. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М., 1998.
6. Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988.
7. Бычков Л. ВЧК в годы гражданской войны. – М., 1940.
8. В.И. Ленин о социалистическом государстве и праве. – М., 1969.
9. ВЧК и начало НЭПа // Свободная мысль. – 2000. – № 4.
10. Вышинский А.Я. Суд и карательная политика Советской власти. – Л., 1925.

11. Гиляров Е.М. Становление и развитие исправительно-трудовых учреждений РСФСР в первые годы советской власти (1917-1925 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1986.
12. Говоров И.В. Советское государство и преступный мир (1920-е-1940-е гг.) // Вопросы истории. – 2003. – № 11.
13. Гойхбарг А.Г. Пролетариат и право. Сборник статей. – М., 1919.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 353. Оп. 4. Д. 85. ЛЛ. 92, 94.
15. Гринберг М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. – 1993. – № 1.
16. Гусев Л.Н. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954 гг. Сборник документов. – М., 1955.
17. Данилов А.Ю. Местные ЧК в 1918-1922 гг. (На материалах Ярославской и Рыбинской губерний): дис. ... канд. истор. наук. – Ярославль, 1999.
18. Декрет ВЦИК от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех военных трибуналов республики» СУ РСФСР. – 1921. – № 51. – Ст. 294.
19. Декрет ВЦИК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности» // Известия ВЦИК. – 1918. – 23 февраля.
20. Декрет ВЦИК от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» // СУ РСФСР. – 1918. – № 54. – Ст. 605.
21. Декрет ВЦИК от 8 мая 1918 г. «О борьбе со взяточничеством» // Декреты советской власти. Т. 2. – М., 1962. – С. 241 – 242.
22. Декрет СНК от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» // СУ РСФСР. – 1921. – № 60. – Ст. 421.
23. Декрет СНК от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями, подлогами и другими злоупотреблениями по должности» // Декреты советской власти. Т. 6. – М., 1974. – С. 217 – 318.
24. Декреты советской власти. Т. 3. – М., 1964.
25. Дьяченко О.В. Органы государственной безопасности в реализации пенитенциарной политики советского государства (1917-1941 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002.
26. Ежедневник ЧК. – 1918. – № 4.
27. Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь. – М., 1997.
28. Игнатенко Д.И. Ромашов Р.А. Социалистическая законность (юридическое закрепление права на государственный произвол) // История государства и права. – 1999. – № 1.
29. Из истории взаимоотношений ЧК и ревтрибуналов // Вопросы истории. – 1990. – № 7.
30. Исаев И.А. Революционная психология и революционная законность // Государство и право. – 1995. – № 11.
31. Исаков В.М. Правовое регулирование и организация трудовой занятости осужденных в исправительных учреждениях советского государства (1917-1990 гг.): дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2000.
32. Кобзов В.С. Семенов А.И. Правоохранительные органы Урала в годы гражданской войны. – Челябинск, 2002.
33. Косицын А.П. Социалистическое государство. Закономерности возникновения и развития. – М., 1970.
34. Куракин А.В. Предупреждение и пресечение коррупции в период формирования и функционирования административно-командной системы (1917-1991 годы) // Следователь. – 2003. – № 3.
35. Курицын В.М. Советское государство и право в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). – М., 1960.
36. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
37. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 г. – М., 1997.
38. Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. – 1999. – № 5.
39. Мардамшин Р.Р. История Башкирской ЧК 1917-1922 гг.: дис. ... канд. истор. наук. – Уфа, 1995.
40. Маручек А.А. Становление органов охраны правопорядка РСФСР (1917-1922). – Омск, 1999.
41. Мозохин О.Б. ВЧК-ГПУ. На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. – М., 2004.
42. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 861. Оп. 1. Д. 80; Ф. 53. Оп. 6. Д. 215; Оп. 1. Д. 184; Д. 199; Д. 222.
43. Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. – 2004. – № 10.
44. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. – М., 1994.
45. Петров Г.И. В.И. Ленин и создание советских государственных органов принуждения // Правоведение. – 1969. – № 4.

46. Печников А.П. Становление организационно-правовых форм исправления и перевоспитания осужденных в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР (октябрь 1917-1925 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.
47. Положение ВЦИК от 13 августа 1920 г. «О местностях, объявленных на военном положении» // Декреты советской власти. Т. 10. – М., 1980. – С. 51.
48. Портнов В.П. Становление аппарата борьбы с преступностью в РСФСР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1973.
49. Постановление ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // СУ РСФСР. – 1918. – № 90. – Ст. 908.
50. Постановление ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // СУ РСФСР. – 1919. – № 27. – Ст. 301.
51. Постановление СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. // Известия ВЦИК. – 1918. – 23 февраля.
52. Приказ ВЧК от 3 марта 1920 г. «По лагерям принудительных работ подведомственных ВЧК» // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 183.
53. Приказ ВЧК от 8 января 1921 г. // АОАГАКК. Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
54. Приказ ВЧК от 8 января 1921 г. «О карательной политике органов ЧК» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 1999. – № 2.
55. Рассказов Л.П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917-1941 гг.): дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 1994.
56. Рожнева Ж.А. Политические судебные процессы в западной Сибири в 1920-1930 – е гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Томск, 2003.
57. Роль В.И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства. – М., 1969.
58. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века.: дис. ... докт. юрид. наук. – СПб, 1997.
59. Рубинов М.В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы 1918-1934: дис. ... канд. истор. наук. – Пермь, 2000.
60. Свердлов Я.М. Избранные произведения. Статьи, речи, письма. – М., 1976.
61. Смыкалин А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 – нач. 1960-х гг.: дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998.
62. Старосельский Я.В. Принцип построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. – 1927. – № 2.
63. Титов Ю.П. Правовые формы организации и деятельности революционных трибуналов РСФСР // Вопросы права и законности в первые годы советской власти. Сборник научных трудов: ВЮЗИ. – М., 1984.
64. Угроватов А.П. НЭП и законность (1921-1929 гг.). – Новосибирск, 1997.
65. Ходяков М. Сомнительные деньги. Фальшивомонетчики в годы революции и гражданской войны // Родина. – 2003. – № 7.
66. Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 12.
67. Швеков Г.В. Первый Советский Уголовный кодекс. – М., 1970.
68. Шумахер. Организационные формы уголовно-розыскных учреждений в 1917-1924 // Рабоче-крестьянская милиция. – 1924. – ноябрь.
69. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1998.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 7.011

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ХУДОЖНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НА ТЕМУ «КУПАНИЕ КОНЯ»

AESTHETIC VIEWS OF ARTISTS OF FIRST HALF OF XX CENTURY AND THEIR REFLECTION IN THE WORKS ON THE THEME "BATHING HORSE"

Е.А. Борцова
K.A. Bortsova

*Харьковская государственная академия дизайна и искусств, Украина, 61002, Харьков, ул. Червонопрапорна, 8
Kharkiv State Academy of Design and Art, 8 Chervonopraporna St, Kharkov, 61002, Ukraine*

E-mail: bortsova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается тенденция, появившаяся в изобразительном искусстве на стыке XIX и XX веков и заключающаяся в интересе к изображению лошади, а именно сцен купания коня. Автором проанализированы основные причины возникновения данного явления в изобразительном искусстве, его философская и эстетическая основа. Проводится связь между политическими событиями и переменами в эстетических взглядах деятелей искусства.

В статье раскрывается влияние национальной культуры на формирование мировоззрения отдельных взятых авторов. В статье раскрыто воздействие различных политических и культурных условий на интерпретацию сюжета с изображением купания коня.

Resume. In paper the author considers the tendency which appeared in fine arts on the border of the XIX and XX centuries and consisted in interest to depicting a horse, namely, scenes of bathing of a horse. The author has analyzed main causes of origin of this phenomenon in visual art, its philosophical and aesthetical basis. The relationship between political events and changes in aesthetical views of art workers is drawn.

The role of national culture in the works of individual authors and its influence on formation of their worldview are shown. It was brought out that various political and cultural situations influenced interpretation of the plot with representation of bathing a horse.

Ключевые слова: искусство, купание, лошадь, тема, эстетика, символика.

Key words: art, bathing, horse, theme, aesthetics, symbolic.

В изобразительном искусстве, литературе и других видах творческой деятельности человека изображение лошади часто встречается и занимает особое место. Именно история изобразительного искусства дает много примеров использования символического значения в изображении лошади. Некоторые художники всецело посвящают свое творчество этому животному, другие делают лошадь одной из составляющей частей широкоформатного полотна – исторического, батального или жанрового. Но в независимости от этого изображение коня в их работах воплощает определенную философию, сотканную из древних символов, аллегорий и рефлексий автора.

Несмотря на жанр и сюжет картины, у каждого автора есть свой излюбленный тип лошади. Одни показывают коня в момент лихого кавалерийского боя, меняющего совместно с человеком ход мировой истории. Другие изображают лошадок, измученных непосильной работой – отождествляя их с тягостями крестьянской жизни. Такое разнообразие связано со стилистическим направлением и творческой философией художника.

Одной из самых неоднозначных, наиболее символических, имеющей глубокий философский смысл является тема «купание коня». У знатоков изобразительного искусства при упоминании этого словосочетания сразу возникает ассоциация с работой великого русского художника К. С. Петрова-Водкина (1878 – 1939 гг.) «Купание красного коня» (1912 г.). Хотя разные интерпретации данного сюжета можно найти в произведениях художников разных эпох и стран, начиная с работ китайского художника XIII века Чжао Мэнфу (1254 – 1322 гг.) «Купание коней» (1312 г.) и до современности.

Однако особо широкое и многосторонне развитие тема «купание коня» получила в начале XX века, в период мировых войн, образования новых государственных систем, революций в эстетических взглядах человечества. Тенденция прослеживается от начала XX века и до Второй мировой войны. Созданные в это время работы принадлежат к различным стилистическим направлениям, являются воплощением абсолютно разных эстетических систем – от символизма К. С. Петрова-Водкина, реализма О. Меттьесена (1861 – 1957 гг.), импрессионизма В. А. Серова (1865 – 1911 гг.) и до соцреализма А. А. Пластова (1893 – 1972 гг.) и А. В. Трескина (1905 – 1986 гг.). Но факт возникновения у представителей диаметрально разных художественных направлений пристального интереса к теме неоспорим.

В чем же причина такой заинтересованности людей разных культур первой трети XX века к этой теме?

На пороге XX века, когда национальные культуры Европы вырабатывали новое мироощущение и новую философию, человечество столкнулось с пониманием того, что блага цивилизации неотделимы от её катастрофических последствий. Возникают все новые и новые направления в искусстве, имеющие философскую и эстетическую основу. Стоит вспомнить, что именно в начале XX столетия в Германии возникло творческое объединение представителей экспрессионизма – «Синий всадник». Хотя в названии, объединившем художников, композиторов, танцоров нет слова «лошадь», в сознании человека понятия – всадник и конь неразделимы. В. В. Кандинский вспоминал: *«Название «Синий всадник» мы придумали за кофейным столом в саду в Зиндельдорфе. Мы оба любили синий, Марк – лошадей, я – всадников. И название пришло само»*.

Выходит, что образ лошади с всадником, как символа новой эстетики, незримо парил над Европой и посещал умы людей искусства. Интерес к изображению лошади неслучайно возник на стыке столетий во время, бурлящее миллионами новых событий, как негативных, так и позитивных. За каждым образом лошади, созданным художником мы можем найти интерпретацию времени, в котором жил автор, его эстетики и философии. В европейской культуре стихийное первобытное начало лошади воспринималось как антагонистичность цивилизации и рождению массового общества. Поэтому образы, созданные в этот период не случайны, за каждым из них стоит глубокий философский смысл. Для того чтобы его расшифровать, прежде всего, нужно обратиться к самой символике коня.

Символика изображения лошади во многом определяется её мастью. Красный цвет, как в знаменитой работе К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня», представляет собой цвет пламени, огненную природу коня, что полностью отражает общие настроения, царившие в России в 1912 году. Белый же цвет в мифологии присущ потусторонним существам, потерявшим телесность. Везде, где конь играет культовую роль, он всегда белый. Так, греки приносили в жертву только белых лошадей; в «Апокалипсисе» смерть сидит верхом на «бледном коне»; в германских народных представлениях смерть является верхом на тощей белой кляче.

Но кроме цветовой символики в сценах «купания коня» интересна авторская трактовка движений. По различию трактовки движений работы делятся на две подгруппы: в одной всадник спокойно ведет лошадь под уздцы, в другой укрощает норовистого коня. К первой группе можно отнести работы П. Пикассо (1881 – 1973 гг.) «Мальчик, ведущий лошадь» (1906 г.), В. А. Серова «Купание лошади» (1905 г.), Л. Вакатко (1873 – 1956 гг.) «Обнаженный с двумя лошадьми под потоком воды». Ярким примером своеобразного «купания-укрощения» являются полотна О. Меттьесена «Офицеры шведского драгунского полка» (1906 г.), Р. Колера (1828 – 1905 гг.) «На белом коне» и Н. С. Самокиша (1860 – 1944 гг.) «Купание лошади».

Лошадь также символизирует ветер, свободу. Укрощая, оседывая такого коня, всадник либо становится подобным данной стихии и действует уже вместе с ней, либо подчиняет её себе. В свою очередь ветер является атрибутом женской символики. Продолжая приведенную выше логическую цепочку – укрощение коня, по сути, является укрощением женского начала. По толкованию З. Фрейда лошадь олицетворяет всё женское [Фрейд, 2008]. Если рассматривать данный сюжет с точки зрения психоанализа, то в нем зашифрован явный эротический

смысл. Ведь практически на всех работах изображающих купание коня показаны обнаженные мужчины. Но особенно явно этот подтекст читается в работах, на которых всадник оседлывает коня. Таким образом, в данных произведениях существует ещё один «подсознательный» пласт смысловой нагрузки.

Другой аспект, связанный с эротикой в рассматриваемой тематике – это эстетика изображения «ню». Изображение стихийной природы коня совместно с обнаженным телом человека, в его первобытном состоянии скрывает в себе протест против нарастающего давления излишней урбанизации, наступившей со скачком в развитии цивилизации. Стремление искусства к «истокам» поддерживалось и открытиями психологии в области подсознания, и уклоном к интуитивизму в философии. И то и другое вселяло надежду на возможность и силу спонтанного творчества, не рассудочного, а изливающегося из глубины духа, являющего образ «природы изнутри», человеческой природы, которая не менее истинна, чем «природа вне нас». Поэтому купание приобретает характер катарсиса, отображает стремление человечества к обновлению, очищению от многовековой пыли цивилизации. Неслучайно, что именно в это же время основатель психоанализа – З. Фрейд, начинает использовать катарсис как метод.

В своеобразном стремлении к возвращению к заре возникновения человечества прослеживаются отклики античного искусства. Художники по-своему интерпретируют термин «Поэтики» Аристотеля. Однако картины, изображающие сцены купания коней, апеллируют к античности не только по своему внутреннему наполнению, но и своими плавными ритмами и пластикой форм напоминают нам о рельефах Парфенона.

Античные реминисценции всплывали в искусстве и соответственно в эстетике вновь и вновь – в подходящее и не подходящее для них время. Греческая гармония и философия до сих пор обладает неиссякаемой притягательностью для человечества. Даже если попытаться развенчать миф о «золотом веке» человечества интерес к этой эпохе останется. Он возродился в эпоху Возрождения, классицизма, а затем и неоклассицизма. Так в середине XIX века казалось, что под натиском романтиков «скучный» классицизм был уже низвергнут навсегда. Как вдруг предводитель романтизма – Э. Делакруа, смеявшийся над греками Ж.-Л. Давида [Дмитриева, 1971], открывает «настоящих греков» в арабах Марокко. Едва европейские салоны распрощаются с академическими перепевами неоклассицизма, как на их смену придет новая интерпретация античности. Тяга к древнегреческой эстетике волной прошла по изобразительному искусству конца XIX – начала XX века. Сочетаясь с антагонизмом к академизму, она неожиданно привнесла отсвет более подлинной, не выхолощенной античности. Так в серии работ, изображающих купание коня, мы обнаруживаем очередное возобновление интереса к античности художников начала XX века.

Нужно отметить, что стилистическая трактовка обнаженного тела менялась. Если в работах «Купание лошади» В. А. Серова, «Мальчик, ведущий лошадь» П. Пикассо, «Мальчики на озере Балатон» Геза Кёвешди (1887 – 1950 гг.), «Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина мы видим утонченные пропорции, представляющие эстетику юности, то уже в более поздних произведениях – «Обнаженный с двумя лошадьми под потоком воды» Л. Вакатко, «Купание коней» А. А. Пластова, «Котовцы. Купание коней» А. В. Трескина, «Купание красной конницы» П. П. Кончаловского (1876 – 1956 гг.) побеждают атлетически сложенные, агрессивные формы. В последних работах в изображении усиливается животное начало, вызывающее к основным инстинктам человека.

На смысловую нагрузку произведений также сильно влияет происхождение автора. Ведь в своих работах любой художник переплетает рефлексии сегодняшнего дня и многовековую культуру своего народа. Так в русском искусстве образ коня с древних времен воспринимался многозначительно. В образно-поэтическом строе славянской мифологии конь был советчиком и спасителем человека, провидцем [Ионина, 2011]. Это был конь-судьба, каждый шаг которого многое значил. В русской литературе XIX века подобный образ был использован многими русскими мастерами, достаточно вспомнить «Конягу» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Холстомера» Л. Н. Толстого, картины В. Г. Перова, В. М. Васнецова и другие произведения.

В свою очередь работу «Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина сравнивали «со степной кобылицей», отождествляющей у А. А. Блока Россию, её истоки находили в русском фольклоре, считая его прародителями карающих коней Георгия Победоносца. А самого К. С. Петрова-Водкина называли древнерусским мастером, каким-то чудом попавшим в будущее [Ионина, 2011]. Символизм образов, которые создал К. С. Петров-Водкин, до сих пор порождает все новые, и новые трактовки смысла картины.

На полотне отобразился весь ход русской истории – от древности, отклики которой

видны в стилистической трактовке образов, до «нового» времени больших перемен, в которое жил художник. Юный всадник представляет нам новую интерпретацию православного святого Георгия Победоносца, перенесшегося в начало XX века для обороны своей земли от беспрестанных войн. В то же время прослеживается линия романтизации художником грядущих событий 1917 года, его надежды на прекрасное будущее. Всадник, как аллегория молодого зарождающегося государства и огненный конь – символ нового строя.

Произведение К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня» продуманно во всех деталях, автор создал целую эстетическую систему образов. Благодаря этой системе, примененные художником разные стилистические приемы в одной работе не разрушают её образный строй, доводя его до эклектичности, а наоборот сохраняют целостную структуру произведения [Сарабьянов, 1971]. Система призвана, не отвлекать от смысловой нагрузки картины, а помочь зрителю проникнуть в более глубокие, потаенные смыслы, заложенные автором. Присутствие в полотне контрастов – объема и плоскости, движения и статики, создает гармонию противоположностей. Так, самый явный, бросающийся в глаза, контраст – это силуэтно-плоскостное изображение коня и объемная трактовка тела всадника.

«Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина имеет настолько глубокий философский смысл, что постоянно возникают множество расшифровок того, что хотел сказать автор. Можно по-разному относиться к исканиям и доводам искусствоведов – прислушиваться к ним или не воспринимать их вовсе. П. Пикассо когда-то сказал: «Как можно от постороннего человека ожидать, чтобы он так же переживал мою картину, как я сам?... Как может посторонний проникнуть в мои мечты, мои чувства, мои желания, мои мысли, которые столько времени зрели, прежде чем появиться на свет?» [Пикассо: сборник статей ..., 1957]. В то же время, анализируя уже созданное произведение, мы проецируем на него свои собственные чувства, мысли, желания. Тот же П. Пикассо говорил: «Даже когда картина закончена, она продолжает и дальше менять свое лицо в зависимости от настроения того, кто её сейчас смотрит» [Пикассо: сборник статей ..., 1957]. Данный взгляд полностью относится и к трактовке смысла работы К. С. Петрова-Водкина.

Однако хочется обратить своё внимание на произведения менее известные, чем «Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина, но, несмотря на это не менее интересные. К ним относится работа художника-баталиста Н. С. Самокиша «Купание коня». Датировка данной работы точно не установлена, по некоторым источникам она была создана между 1923 и 1936 годами [Ткаченко, 1964; Полканов, 1960]. К сожалению даже местонахождение этого произведения на данный момент неизвестно. Только благодаря тому, что в середине XX века оно было реставрировано в виде открыток, мы сегодня можем узнать о нем.

Работа соответствует европейской тенденции и по временным рамкам и по сюжету, дополняет её ещё одним образом. Также как и К. С. Петров-Водкин Н. С. Самокиш в своей работе изображает именно юного всадника на фоне водоема. У обоих художников фигуры главных действующих лиц занимают практически всю картинную плоскость и сдвинуты в правый угол. Обе фигуры всадников расположены под небольшим углом к вертикали. Такой незначительный наклон наездника служит противовесом статичной и масштабной фигуре коня и создает направление движения в картине. В картине К. С. Петрова-Водкина лошадь своим силуэтом создает диагональ, идущую из нижнего правого угла в левый верхний угол работы. Совместно с наклоном всадника создается впечатление движения, хотя его явных признаков мы и не видим. В то же время Н. С. Самокиш вовсе сдвигает обе фигуры – и коня и мальчика, в правую сторону, оставляя свободное пространство в левой части картины. Свободное пространство указывает на направление движения. Таким образом, художник, как и К. С. Петров-Водкин выбирает направление движение в своей картине справа налево. В обеих картинах движение символизирует течение времени. Только конь у Н. С. Самокиша уже не огненный, а белый и всадник ведет его под уздцы, а не сидит верхом.

Обе работы представляют эволюцию конного портрета – от классических парадных портретов минувших столетий до нового эстетического вида. В «Купание коня» Н. С. Самокиша ракурс и поза характерны для завершающей стадии укрощения коня – он почти усмирен и идет вместе с всадником. Здесь видна явная параллель с конными скульптурами знаменитого русского художника П. К. Клодта, работы которого часто использовались как учебные пособия в Санкт-Петербургской Академии Художеств.

Н. С. Самокиш, как и К. С. Петров-Водкин в своей работе использует, хотя и в меньшей степени, декоративно-плоскостное решение пространства. Это не характерно для живописных полотен Н. С. Самокиша, по технике письма большинство работ мастера принадлежат к им-

прессионизму. Будучи большим знатоком анатомии коня и настоящим художником-иппологом Н. С. Самокиш придерживался реалистической основы в изображении главных персонажей, поэтому в его работе нет такой сильной стилизации как в «Купании красного коня» К. С. Петрова-Водкина.

«Купание коня» Н. С. Самокиша было создано позже «Купания красного коня» и, безусловно, К. С. Петров-Водкин сильно повлиял на него. Однако на работе Н. С. Самокиша мы видим уже белого коня, по своей символике знаменующего победу и триумф. Если К. С. Петров-Водкин своей работой только предвещал надежду на грандиозные перемены в России, то у Н. С. Самокиша этот «новый мир» уже победил. Ведь в то время как в Европе происходила ситуация политического и культурного лабиринта, в России состояние умов было связано с обстоятельствами «советского парадокса» [Якимович, Галарт]. Суть парадокса состоял в том, что с одной стороны Октябрьская революция, освободившая, как казалось, от кошмаров царизма вызвала утопический энтузиазм и надежды среди представителей культуры. В первые годы советской власти практически всю творческую интеллигенцию захватывали романтично-утопические идеи о построении идеального государственного строя. Действительно, вначале новая власть всячески поддерживала всевозможные новые тенденции в искусстве. С другой стороны в стране шла ужасающая кровавая братоубийственная гражданская война. Данная парадоксальная ситуация породила новую литературу и поэзию, отразилась она и в изобразительном искусстве и в театре. Но как сильно было разочарование, когда власти внезапно стали не нужны новаторы-утописты и им на смену пришел единый «верный» стиль – соцреализм.

Свои скрытые смыслы можно найти и в работах других европейских авторов. Так в произведении австрийского художника Л. Вакатко «Обнаженный с двумя лошадьми под потоком воды» мы уже видим образ не утонченного юноши и изящного коня, а мощную фигуру атлета и двух тяжеловозов. В работе чувствуется влияние кубизма. Л. Вакатко трактует форму при помощи плоскостей, составляя общий объем из геометрических фигур, что придает ещё большей жесткости образу. В эстетике картины как в зеркале отразилась ситуация, происшедшая в то время в Германии – нарастающая военная сила и будущие планы на мировое господство. Вспоминая те годы, И. Г. Эренбург писал: «Приближались темные годы, когда в разных странах попиралось человеческое достоинство, когда культ силы стал естественным, надвигалась эпоха национализма и расизма, пыток и диковинных процессов, упрощенных лозунгов и усовершенствованных концлагерей, портретов диктаторов и эпидемии доносов, роста первоклассного вооружения и накопления первобытной дикости» [Эренбург, 1961]. Аналогичные образы мы находим в работах русских художников: А. А. Пластова «Купание коней», А. В. Трескина «Котовцы. Купание коней», П. П. Кончаловского «Купание красной конницы», представляющих соцреализм. Однако помимо торжества атлетизма и здоровья соцреализм требовал от художников изображения неотменно радостных людей, в отличие от суровости образа созданного Л. Вакатко.

Первые два десятилетия XX века – время культурных революций, экспериментов, сложился новый тип художника [Якимович, 2000]. Ярким представителем такого нового «массмедийного» типа являлся П. Пикассо. Тема «купание коня» есть и в его творчестве – работа «Мальчик, ведущий лошадь», представляющая розовый период мастера. Это лирический образ юности и беззаботности. Работа пропитана солнечным светом. Структура картины создается художником при помощи широких мазков в этюдной манере письма. В произведении П. Пикассо «Мальчик, ведущий лошадь» также звучат отклики античной тематики. Впоследствии в графическом искусстве художник переосмыслит античный миф, превратив его в современный – миф XX столетия.

Годом раньше, работы П. Пикассо «Мальчик, ведущий лошадь», в 1905 году русский художник В. А. Серов пишет подобное полотно – «Купание лошади». Картины очень схожи по образной трактовке. Оба автора используют свет и блики как формообразующие элементы. Однако в своей картине В. А. Серов идет дальше и отказывается от деталей, изображая фигуры в контражуре. Силуэты мальчика и коня лишены излишней детализации, хотя они остаются очень индивидуальными.

Похожими по эмоциональной трактовке являются более поздние работы Д. В. Ламберта (1873 – 1930 гг.) «АНЗАК купание в море» (1914 г.) и Геза Кёвешди «Мальчики на озере Балатон». Оба художника, усвоив уроки импрессионизма, смело играют со световыми и цветовыми эффектами. Работы не имеют глубокого скрытого смысла, а демонстрируют эпизод из жизни молодых, беззаботных людей. Это яркие примеры жанрового решения темы купания

коня – своеобразная философия будничности.

Образ коня в искусстве – масштабная тема, в которой отражаются многие стороны жизни человека в исторической перспективе и в современном мире. В свою очередь тема «купание коня» на протяжении многих веков притягивала внимание представителей разных направлений изобразительного искусства. Художники вкладывали в неё различные смыслы – будь то отражение политической и культурной ситуации в свитках Чжао Мэнфу «Купание коней», символ связи столетий, обращение к природному началу человека, отражение «подсознания эпохи» в картине К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня». Каждая из этих работ несет в себе определенную эстетику, погружает зрителя в особую философскую систему образов. Конечно же, некоторые из проанализированных произведений являются более знаковыми, повлиявшими на ход развития истории искусства и на формирование эстетических взглядов последующих поколений. Прежде всего, это относится к работе «Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина, споры, о смысле которой не утихают и сейчас, в XXI веке. Более того, произведение породило целый сонм вариаций в современной масс-медиа культуре. Настолько образ созданный художником символичен, что его загадку разгадывают уже сто лет. Другие же, такие как «Купание коня» Н. С. Самокиша, хотя и менее знаменитые и изученные произведения отразили эстетические взгляды, и черты биографии времени. Ведь если мы хотим от восприятия и переживания картины сделать ещё шаг – к беспристрастному пониманию, мы должны попытаться соотнести процесс искусства с процессом общей жизни мира, характером времени.

Список литературы References

1. Дмитриева Н. Пикассо / Н. А. Андреева. – М.: Наука, 1971. – 127 с.
Dmitriyeva N. Pikasso / N. A. Andreyeva. – M.: Nauka, 1971. – 127 s.
2. Ионина Н. 100 великих картин / Надежда Ионина. – М.: Вече, 2011. – 432 с.
Ionina N. 100 velikikh kartin / Nadezhda Ionina. – M.: Veche, 2011. – 432 s.
3. Пикассо: сборник статей о творчестве / [антология/ сост.: А. Владимирский]. – М.: Изд. Иностранной Литературы, 1957. – 89 с.
Pikasso: sbornik statey o tvorchestve / [antologiya/ sost.: A. Vladimirskiy]. – M.: Izd. Inostrannoy Literatury, 1957. – 89 s.
4. Полканов А. Николай Семенович Самокиш. Жизнь и творчество. 1860 – 1960 / Александр Полканов. – Симферополь: Крымиздат, 1960. – 119 с.
Polkanov A. Nikolay Semenovich Samokish. Zhizn' i tvorchestvo. 1860 – 1960 / Aleksandr Polkanov. – Simferopol': Krymizdat, 1960. – 119 s.
5. Сарабьянов Д. Русская живопись конца 1900-х – начала 1910-х годов / Дмитрий Сарабьянов. – М.: Искусство, 1971. – 141 с.
Sarab'yanov D. Russkaya zhivopis' kontsa 1900-kh – nachala 1910-kh godov / Dmitriy Sarab'yanov. – M.: Iskusstvo, 1971. – 141 s.
6. Ткаченко В. Н. С. Самокиш. Жизнь и творчество 1860 – 1944 / В. Ткаченко – М.: Искусство, 1964. – 130 с.
Tkachenko V. N. S. Samokish. Zhizn' i tvorchestvo 1860 – 1944 / V. Tkachenko – M.: Iskusstvo, 1964. – 130 s.
7. Фрейд З. Толкование сновидений / Зигмунд Фрейд; под. редакцией Е. С. Калмыкова, М. Б. Аграчева, А. М. Бокоников. – М.: фирма STD, 2008. – Т. 2.
Freyd Z. Tolkovaniye snovideniy / Zigmund Freyd; pod. redaktsiyey Ye. S. Kalmykova, M. B. Agracheva, A. M. Bokovikov. – M.: firma STD, 2008. – T. 2.
8. Эренбург И. Люди, годы, жизнь / Илья Эренбург // Новый мир. – 1961. – №10. – С. 154 – 155.
Erenburg I. Lyudi, gody, zhizn' / Ilya Erenburg // Novyy mir. – 1961. – №10. – S. 154 – 155.
9. Якимович А. Реализмы двадцатого века / Алексей Якимович. – М.: Галарт, 2000. – 176 с.
Yakimovich A. Realizmy dvadtsatogo veka / Aleksey Yakimovich. – M.: Galart, 2000. – 176.
10. Vezin A. Kandinsky and the Blue Rider / Annette Vezin, Luc Vezin. – Terrail, 1992. – 223 p.

УДК 316.2

**К ПРОБЛЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ****ON THE PROBLEM OF THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PROBLEMS
OF PALLIATIVE CARE****М.С. Готовкина
M.S. Gotovkina**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: gotovkina.rita@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу научных подходов в изучении актуального направления социально-медицинской помощи неизлечимо больным людям. По данным статистики, количество таких больных в мире постоянно увеличивается, в связи с чем необходим комплексный научный подход к анализу данной социальной практики. Однако современные научные исследования сосредоточены в основном на медицинской стороне проблемы. В социологической науке данное социальное явление практически не рассматривается. Тем не менее, нельзя умалять высокую социальную значимость этого направления в современном здравоохранении.

Resume. The article analyzes the scientific approaches in the study of the actual direction of the socio-medical care for terminally ill people. According to the statistics of the number of patients in the world is increasing. In this connection, an integrated scientific approach to the analysis of the social practices. However, current research focused mainly on the medical side of the issue. In social science, this social phenomenon is hardly considered. Nevertheless, one can not belittle the high social importance of this social practice.

Ключевые слова: паллиативная помощь, социологические исследования, incurable patients, качество жизни, хосписное движение.

Key words: palliative care, case studies, incurable patients, quality of life, hospice movement.

В начале XXI века человечество столкнулось с проблемой глобального старения населения. В развитых странах мира люди живут дольше, и все большее их число преодолевает 65-летний рубеж и достигает преклонного возраста [Касаева, 2008. С. 32]. Одновременно растет число людей с впервые установленным диагнозом злокачественного новообразования.

Также, кроме увеличения численности людей с онкологическими заболеваниями, постоянно растет число больных, страдающих другими неизлечимыми заболеваниями. Одной из наиболее острых проблем в современном обществе является рост заболеваемости ВИЧ/СПИДом. По данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, число людей, живущих с ВИЧ, в Российской Федерации продолжает увеличиваться и по состоянию на конец 2014 года составляет 799 тыс. человек [13].

Совокупность вышеперечисленных тенденций приводит к постоянному увеличению группы лиц, которым необходима не просто постоянная медицинская, но специализированная социально-медицинская, или паллиативная помощь.

Согласно определению, паллиативная помощь представляет собой комплекс мер, направленных на поддержание качества жизни неизлечимо больного (incurable) пациента посредством купирования болевого синдрома с одной стороны, и через оказание социальной, психологической и духовной помощи, с другой [2]. Паллиативная помощь является одной из наименее изученных отраслей медицины, тогда как в условиях растущего числа нуждающихся в такой помощи лиц актуальность таких исследований не вызывает сомнения. Кроме того, нельзя отрицать, что предоставление доступной помощи тяжело и/или неизлечимо больным – проблема не только и не столько медицинская или социоэкономическая, но, прежде всего, нравственная. Данный факт актуализирует необходимость исследования перспектив дальнейшего развития паллиативной помощи, особенности деятельности специали-

стов служб паллиативной помощи, духовно-нравственную и социальную базу данного вида деятельности и т.д.

Значительным вкладом в развитие научного анализа данной проблематики следует считать публикацию докладов Всемирной организации здравоохранения «Паллиативная помощь. Убедительные факты» [9] (2005) и «Совершенствование паллиативной помощи пожилым людям» (2005) [12]. В них не только приведены статистические данные, но осуществлен компаративный пострановый анализ, дана развернутая трактовка сущности паллиативной помощи, определены перспективы ее развития и обоснованы механизмы совершенствования данной деятельности.

В работах Е.С. Введенской, А.В. Гнездилова, Г.А. Новикова, Т.В. Орловой, А.К. Хетагуровой, Н.В. Эккерт [2; 3; 8; 14; 16] и других авторов рассмотрены различные аспекты оказания паллиативной помощи в условиях современной России.

Большой вклад в разработку этических проблем оказания паллиативной помощи внесли работы основателей «хосписного движения» в западных странах Э. Клубер-Росс, С. Сандерс [7]. Благодаря их усилиям была сформирована новая концепция паллиативной помощи. В основе ее находится понятие о «тотальной» (всеобщей, всесторонней) боли, суть которого – в том, что больной испытывает не только физическую боль, но и психологические, социальные и духовные муки, «страдает все человеческое существо».

Тем не менее, несмотря на наличие этих работ, при изучении научной литературы и источников по данной тематике, можно отметить недостаток научных исследований. Существующие на сегодняшний день работы в основном касаются изучения медицинского аспекта организации помощи неизлечимо больным пациентам, тогда как паллиативная помощь – это целый комплекс направлений.

Кроме того, до настоящего времени исследования, посвященные паллиативной помощи, проводились в подавляющем большинстве в рамках медицинской, а не социологической науки. Исключением можно назвать работы авторов середины прошлого века – Б. Глейзера, А. Страуса, Ф. Арьеса.

Б. Глейзер и А. Страус заложили основы социологического понимания «траектории умирания» в своей книге «Осознание умирания» [11]. В 1960-х гг. ученые анализировали случай одинокой пациентки, умирающей в больнице от рака, описывая стадии, которые прошли больная и медицинский персонал, сражаясь с болью и смертью. В ходе исследования было рассмотрено влияние двух составляющих: знания пациентки о своем состоянии и степень заботливости персонала, могущего облегчить ее состояние.

Особого внимания заслуживает вышедшая в 1977 г. во Франции книга антрополога Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» [1]. Автор рассматривает изменение отношения человека к смерти на протяжении исторического периода от раннего Средневековья до современной эпохи. По мнению Ф. Арьеса, в конце XIX в. сформировалось особое отношение к умирающему больному, которое было обусловлено «стремлением медицинских работников скрыть наступление смерти от больного и его родственников, чтобы не разрушить иллюзию выздоровления. Долгие годы принцип «лжесвидетельства» по отношению к умирающему больному лежал в основе профессиональной врачебной этики». Ф. Арьес называет эту тенденцию «триумфом медикализации», когда врач и медицинский персонал приобретают, по сути, неограниченную власть над жизнью и смертью человека, тогда как само умирание и смерть тщательно скрываются от глаз окружающих за стенами больничной палаты. Схожую точку зрения высказывает Е.В. Евсенкова, которая утверждает, что в современном обществе наблюдается вытеснение понятия смерти из массового сознания, тогда как на уровне научного сознания наблюдается противоположная тенденция [4]. Однако специалисты ВОЗ отмечают, что изучение потребностей людей в терминальном состоянии не составляет приоритета в научных исследованиях [9].

Стоит отметить, что помимо приведенных выше работ, одним из первых социологических исследований по данной тематике, был проведенный в 1952 г. фондом Марии Кюри опрос районных медицинских сестер, на основе данных которого были описаны симптомы физического и социального стресса у онкологических больных, находящихся дома [5].

В отечественной социологической науке, несмотря на высокую значимость проблемы для общества, паллиативная помощь рассматривается редко. Исключение можно назвать работы Ю.А. Ходаревской, направленные на осмысление проблем оказания паллиативной помощи онкологическим больным и значения социальной работы в этом процессе [15].

Таким образом, подводя итог изучению социологических аспектов паллиативной по-

мощи, можно сделать следующие выводы. Во-первых, количество людей страдающих неизлечимыми формами заболеваний в мире постоянно растет, что особенно актуализирует необходимость научного анализа специального вида социально-медицинской работы, которой и является паллиативная помощь. Во-вторых, анализ научных публикаций по данной проблематике позволяет констатировать ее недостаточную изученность. Первые попытки социологического анализа проблем оказания паллиативной помощи были сделаны в западных странах в нескольких исследовательских работах середины – второй половины XX века. На современном этапе развития общества паллиативная помощь и проблемы инкурабельных больных не составляют приоритета в научных социологических исследованиях. Причины этого различны, но основная из них связана с наличием ряда этических проблем, неизбежно возникающих при взаимодействии исследователя с инкурабельными пациентами. Такого рода контакты очень часто чреваты стрессами – и, прежде всего, для самого ученого. В-третьих, фокус научных исследований в основном сосредоточен на медицинской стороне проблемы. Между тем, в данном случае медицинские аспекты помощи могут быть не самыми важными для поддержания качества жизни пациента. Большую значимость могут приобретать социальная и психологическая, в том числе, духовная поддержка. Всесторонний, комплексный характер паллиативной помощи определяют междисциплинарный характер ее исследования – в рамках геронтологии, социологии медицины, медицинской деонтологии.

Список литературы References

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. URL: http://krotov.info/history/18/general/e_2.htm (дата обращения: 03.10.2014).
Ar'es F. Chelovek pered licom smerti. M., 1992. URL: http://krotov.info/history/18/general/e_2.htm (data obrashhenija: 03.10.2014).
2. Введенская Е.С. Паллиативная помощь – современное направление общественного здравоохранения. URL: <http://www.simhos.ru/medicine/89-palliative-care.html> (дата обращения: 02.05.2013).
Vvedenskaja E.S. Palliativnaja pomoshh' – sovremennoe napravlenie obshhestvennogo zdravoohraneniya. URL: <http://www.simhos.ru/medicine/89-palliative-care.html> (data obrashhenija: 02.05.2013).
3. Гнездилов, А.В. Психология и психотерапия потерь: пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой [Текст] / А.В. Гнездилов. – СПб.: Речь, 2002. – 162 с.
Gnezdilov, A.V. Psihologija i psihoterapija poter': posobie po palliativnoj medicinie dlja vrachej, psihologov i vseh interesujushhihsja problemoj [Tekst] / A.V. Gnezdilov. – SPb.: Rech', 2002. – 162 s.
4. Евсенкова, Е.В. Особенности представлений о смерти у православных и мусульман [Текст] / Е.В. Евсенкова // Психология зрелости и старения. – 2011. – № 4. – С. 43–45.
Evsenkova, E.V. Osobennosti predstavlenij o smerti u pravoslavnyh i musul'man [Tekst] / E.V. Evsenkova // Psihologija zrelosti i starenija. – 2011. – № 4. – S. 43–45.
5. История становления и развития хосписов. URL: <http://www.medsecurity.ru/gows-662-1.html> (дата обращения: 13.01.2015).
Istorija stanovlenija i razvitija hospisov. URL: <http://www.medsecurity.ru/gows-662-1.html> (data obrashhenija: 13.01.2014).
6. Касаева, Ж.Э. Социологический анализ медико-социальной работы с пожилыми людьми [Текст]: дис. ... канд. соц. наук:14.00.52 / Касаева Журе́та Эльбрусовна. – Волгоград, 2008. – 134 с.
Kasaeva, Zh. Je. Sociologicheskij analiz mediko-social'noj raboty s pozhilymi ljud'mi [Tekst]: dis. ... kand. soc. nauk:14.00.52 / Kasaeva Zhureta Jel'brusovna. – Volgograd, 2008. – 134 s.
7. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/kyubler/ (дата обращения: 13.01.2014);
Kjubler-Ross Je. O smerti i umiranii. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/kyubler/ (data obrashhenija: 13.01.2014);
8. Орлова, Т.В. Профилактика и лечение синдрома профессионального выгорания у сотрудников хосписа [Текст] / Т.В. Орлова // Сестринское дело. – 2010. – № 1. – С. 46–47.
Orlova, T.V. Profilaktika i lechenie sindroma professional'nogo vygoranija u sotrudnikov hospisa [Tekst] / T.V. Orlova // Sestrinskoe delo. – 2010. – № 1. – S. 46–47.
9. Паллиативная помощь. Убедительные факты. Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://medpro.ru/node/13170> (дата обращения: 21.05.2013);
Palliativnaja pomoshh'. Ubeditel'nye fakty. Vsemirnaja organizacija zdravoohraneniya. URL: <http://medpro.ru/node/13170> (data obrashhenija: 21.05.2013);
10. Паллиативная помощь онкологическим больным. Учебное пособие под редакцией профессора Г.А. Новикова [Электронный ресурс] / Качественная клиническая помощь: [сайт] / ООО «Издатель-

ство ОКИ». – Москва, 2015. – Режим доступа: <http://www.europadonna.by/index>.

Palliativnaja pomoshh' onkologicheskim bol'nym. Uchebnoe posobie pod redakciej professora G.A. Novikova [Jelektronnyj resurs] / Kachestvennaja klinicheskaja pomoshh': [sajt] / ООО «Izdatel'stvo OKI». – Moskva, 2015. – Rezhim dostupa: <http://www.europadonna.by/index>.

11. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. URL: <http://www.isras.ru> (дата обращения: 12.03.2013).

Semenova V.V. Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskiju sociologiju. URL: <http://www.isras.ru> (data obrashhenija: 12.03.2013).

12. Совершенствование паллиативной помощи пожилым людям. Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://medpro.ru/node/13170> (дата обращения: 21.05.2013).

Sovershenstvovanie palliativnoj pomoshhi pozhilym ljudjam. Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija. URL: <http://medpro.ru/node/13170> (data obrashhenija: 21.05.2013).

13. Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом. Справка: ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2012 г. URL: <http://www.hivrussia.ru/stat/2012-3.shtml> (дата обращения: 02.05.2013).

Federal'nyj nauchno-metodicheskij Centr po profilaktike i bor'be so SPIDom. Spravka: VICH-infekcija v Rossijskoj Federacii v 2012 g. URL: <http://www.hivrussia.ru/stat/2012-3.shtml> (data obrashhenija: 02.05.2013).

14. Хетагурова, А.К. Паллиативная помощь: медико-социальные, организационные и этические принципы [Текст]/А.К. Хетагурова. – М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2003. – 231 с.

Hetagurova, A.K. Palliativnaja pomoshh': mediko-social'nye, organizacionnye i jeticheskie principy [Tekst]/A.K. Hetagurova. – M.: GOU VUNMC MZ RF, 2003. – 231 s.

15. Ходаревская, Ю.А. Духовно-нравственные основы организации паллиативной помощи инкурабельным онкологическим больным, утратившим надежду на выздоровление, и их семьям [Текст]/Ю.А. Ходаревская // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, июнь 2010 г. Волгоград, 2010. С. 90.

Hodarevskaja, Ju.A. K voprosu provedenija mediko-sociologicheskikh issledovanij sredi inkurabel'nyh onkologicheskikh bol'nyh, nahodjashhihsja v terminal'noj stadii [Tekst] /Ju.A. Hodarevskaja//Sovremennye issledovanija social'nyh problem. – 2010. – № 2. – S. 117–119.

16. Эккерт, Н.В. и соавт. Организация паллиативной медицины на региональном уровне [Текст] / Н.В. Эккерт. – Ульяновск: УлГУ, 2009. – 296 с.

Jekkert, N.V. i soavt. Organizacija palliativnoj mediciny na regional'nom urovne [Tekst] / N.V. Jekkert. – Ul'janovsk: UlGU, 2009. – 296 s.

УДК 321.01

**ПРОЕКТ «ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ» А. КОЖЕВА:
КОНТЕКСТ И ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ****PROJECT "LATIN EMPIRE" A. KOJEVE: CONTEXT AND HISTORY OF****И.А. Жиленков
I.A. Zhilenkov**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: zhilenkov_i@bsu.edu.ru

Ключевые слова: А. Кожев, проект «Латинская империя», европейская интеграция, политика.
Key words: A. Kojeve, the project "Latin Empire", European Integration, policy.

Аннотация. Статья посвящена философскому и социально-политическому наследию А. Кожева, которое оказало значительное влияние на интеллектуальную элиту довоенной и послевоенной Франции. Принципиально важным является осмысление таких значимых понятий, как «власть» и «государство» с позиций анализа создания философом концепта универсального государства на примере «Латинской империи».

Resume. The article is devoted to philosophical and socio-political heritage A. Kojeve, which has had a significant impact on the intellectual elite of the pre-war and post-war France. Of fundamental importance is the understanding of such important concepts as "power" and "state" from the standpoint of the analysis of POPs Denmark concept of universal philosopher states the example of "Latin Empire".

В настоящее время отечественными исследователями активно изучается теоретическое наследие Александра Кожева (Кожевникова; 1902-1968), французского философа и дипломата русского происхождения. Кожев, как философ, известен, прежде всего, своей марксистско-экзистенциалистской интерпретацией философии Гегеля, оказавшей значительное влияние на современную философию. В связи с этим, основное внимание исследователей уделено философской проблематике в творчестве Кожева.

Однако Кожев получил известность ещё и как политический деятель, но публикации об этой стороне его деятельности крайне немногочисленны. Так, помимо сведений самого общего характера, которые приводятся, например, в работах А.М. Руткевича [Руткевич, 2006], в отечественной исследовательской литературе конкретная информация по этой теме отсутствует. Общепринятым считается мнение о том, что Кожев играл важную роль во французской внешней политике, в частности являлся одним из основателей ЕС. Известно о его близости де Голлю, но степень этой близости преувеличивается. (Так, вряд ли стоит всерьез воспринимать (ироничное) заявление самого Кожева о том, что «де Голль принимал решения об отношениях с Россией и применении военной силы, в то время как он, Кожев, занимался всем остальным» [Rosen, 2003]).

Иными словами, реальное значение деятельности Кожева для французской и общеевропейской политики пока не установлено. Существует своего рода «миф», согласно которому Кожев являлся «серым кардиналом» французской политики и был основным стратегом внешнеполитического курса Франции. Частью этого «мифа» является представление о Кожеве как одном из главных инициаторов процесса послевоенного общеевропейского объединения, участвуя в котором французское правительство косвенно реализовывало и кожевский глобально-политический проект «всемирной империи».

Такой проект существовал и в общем виде был сформулирован Кожевом ещё в 30-е годы. Однако если и можно допустить, что политико-дипломатическая деятельность Кожева была продолжением (способствующим реализации) его теоретического проекта, вряд ли можно считать результаты этой деятельности полностью соответствующими положениям заявленной концепции. Кожев действительно принимал участие в создании и работе Европей-

ских сообществ (ЕЭС и ЕОУС), но его вклад в этой сфере нельзя сравнить с заслугами Р. Шумана или Ж. Монне, выдающихся деятелей европейской интеграции.

На своём административном посту Кожев в большей степени оставался теоретиком, чем практиком, и в целом его функции сводились к консультированию вышестоящих министров. Французский политический деятель Р. Барр также называл Кожева «серым кардиналом», имея в виду его роль «вдохновителя экономической политики Франции с конца Второй мировой войны до 1968 года» [Вагге, 2007]. Тем не менее, необходимо более точно определить степень влияния, которое Кожев оказывал в этой области.

Как на одно из подтверждений особого значения деятельности Кожева для французской (и общеевропейской) политики, ссылаются на один из его программных текстов – «Набросок доктрины французской политики» (1945), в котором Кожев сформулировал проект так называемой «Латинской империи». Так как текст «Наброска...» опубликован на русском языке [Кожев, 2005], мы не будем подробно рассматривать предложенный Кожевом проект. В данной статье мы остановимся только на историко-политическом контексте возникновения проекта «Латинской империи». Отметим, что этот аспект, важный для понимания реального значения политической деятельности Кожева, ещё не был освещён отечественными исследователями.

Незадолго до войны Кожев прекратил свою преподавательскую деятельность и больше не занимался философией профессионально. В 1945 году он, по приглашению экономиста Робера Маржолена, участвовавшего в кожевских семинарах, начинает работать в послевоенном французском правительстве, заняв пост в Министерстве внешней торговли. Изначально Кожев был приглашён в качестве переводчика [Вагге, 2007] (поскольку знал несколько европейских языков), но вскоре стал выполнять функции «чиновника особых поручений» [Рейс, 2000]. Во время войны Маржолен входил в команду Жана Монне, одного из идеологов европейской интеграции, в 1944-1945 годах занимавшего пост министра торговли во Временном правительстве Франции [Арон, 2002]. Таким образом, официальная должность Кожева была связана с торговой дипломатией, в то время как его роль политического консультанта во французском правительстве не была институционально закреплена.

«Набросок доктрины французской политики» был первым текстом Кожева, полностью ориентированным на практическое применение. В представленном французскому правительству меморандуме Кожев обозначил конкретную программу создания региональной «Латинской империи», под которой он понимал союз европейских романоязычных государств (Франции, Италии, Испании), основанный на политическом, экономическом и культурном родстве этих стран. Программа основывалась на проведённом Кожевом анализе современной ему мировой историко-политической ситуации и содержала ряд рекомендаций практического характера.

Датированный 27 августа 1945 года, документ якобы был адресован «главе Временного правительства, генералу Шарлю де Голлю» [8]. Однако британская исследовательница Nager Weslati (в частности, автор перевода «Понятия власти» Кожева на английский язык) не соглашается с этой версией, разделяемой, в числе прочих, итальянским философом Джорджо Агамбеном. Weslati ссылается на экземпляры документа, хранящиеся во Французской национальной библиотеке, анализ которых говорит о том, что в действительности меморандум был направлен Жану Филиппи, в то время руководившему экономикой и финансами во французском оккупационном правительстве в Германии [8]. До этого Филиппи был генеральным секретарём по экономическим вопросам в коллаборационистских правительствах Дарлана и Лавалья, а позднее, в конце 40-х годов, участвовал в работе Европейской организации экономического сотрудничества.

Проект Кожева получил критическую оценку в отзыве, составленном, вероятно, одним из помощников Филиппи. Среди прочего, в ответе сообщалось, что «идея Латинского союза нереалистична». Кроме того, эта идея не является оригинальной, так как «может быть найдена во многих пропагандистских статьях, а также в соглашении Муссолини-Лавалья 1935 года¹». Наконец, «привлекательная на бумаге, она оставляет без внимания прочие малые страны».

К упомянутым «пропагандистским статьям» относились, видимо, и материалы, посвящённые внешнеполитическим проблемам Британской империи, целостность колониальных владений которой к концу войны находилась под вопросом. Решением подобных проблем

¹ Так называемый Римский пакт – Франко-итальянское соглашение 1935 года, по которому Франция уступала Италии ряд своих колониальных территорий в обмен на потенциальную поддержку в случае германского вторжения. Инициатором соглашения был Пьер Лаваль, на тот момент занимавший пост министра иностранных дел Франции.

могло стать создание нового альянса западно- и североевропейских государств, в котором Британия заняла бы лидирующую позицию. Так, в документах, относящихся к проекту Кожева, были обнаружены вырезки из нескольких газетных статей (Le Monde, июнь-июль 1944 года), в которых содержались призывы к объединению Великобритании с Францией, Голландией, Бельгией, а также со скандинавскими странами [Rosen, 2007]. Hager Weslati отмечает, что в «Наброске доктрины...» можно встретить целые фрагменты из этих статей, а в самих вырезках слово «Британия» было зачёркнуто Кожевом и заменено на «Франция» [8].

Таким образом, Кожев работал с фактически уже готовым материалом, который ему оставалось скомпоновать, расставив соответствующие акценты и выбрав «генеральную линию», в соответствии с которой создавался бы гипотетический союз государств (а также определив то, что являлось бы основанием этого союза). В конце концов, Кожев посчитал оптимальным вариантом объединение именно романоязычных государств, то есть скорее «средиземноморских», а не западноевропейских. Обоснование этого выбора как раз и составляет значительную часть «Наброска...».

Помимо причин, имеющих отношение к геополитике, стоит указать и на соображения субъективного порядка, которыми мог руководствоваться Кожев. Поскольку меморандум направлялся французскому правительству, заинтересовать которое мог только выгодный для Франции вариант, проект Кожева должен был ориентироваться на лидерство Франции в предполагаемом союзе. Такое лидерство вряд ли могло быть возможным в случае, например, коалиции западноевропейских стран, где Францию не ожидало ключевое положение, а ведущую роль играла скорее всего Британия (хотя бы в силу присущих ей «имперских амбиций»). Поэтому следовало ориентироваться на страны, по определённым параметрам уступающие Франции (из которых были выбраны Италия и Испания).

Однако идея Кожева была не нова не только в плане формы, так как опиралась на пропагандистский материал военного времени, но и в плане содержания, то есть самой концепции «латинского союза». Проекты подобного рода создавались ещё в Средние века, и их основной целью было объединение «христианского мира» под властью католической церкви. В данном случае синонимом христианской общины мог быть «латинский мир», поскольку официальным языком католического богослужения является, как известно, латынь. Во всех этих проектах основанием для объединения христианских государств была религия, то есть в качестве интегрирующего фактора выступала культура.

Таким образом, в том, что касается культурного значения религии, проект Кожева может рассматриваться как продолжающий традицию католических проектов объединения Европы. К этой традиции отсылает и само название «Латинской империи». Конечно, в современных Кожеву историко-политических условиях религия не играла той роли, какую она имела в Средние века, но, тем не менее, он положительно оценивал интегративный потенциал католицизма в романоязычной части Европы.

Далее следует указать ещё два направления, помимо религиозного, в русле которых создавались проекты объединённой Европы. Условно эти направления можно обозначить как гуманистическое и прагматическое.

К представителям гуманистического направления, возникшего в эпоху Возрождения и развивавшегося в Новое время, относятся, среди прочих, Данте Алигьери (трактат «Монархия»), Ж.-Ж. Руссо («Суждение о вечном мире»), И. Кант («К вечному миру»). В трудах этих мыслителей был сформулирован идеал так называемого «вечного мира», представлявшего собой либо единую христианскую монархию (Данте), либо всемирную федерацию свободных государств (Руссо, Кант). Кроме того, как следует из самого названия, сторонники гуманистического направления в своих политических представлениях основывались на ценностях разума, свободы и справедливости.

Что касается проекта Кожева, то определённое влияние гуманистического направления можно обнаружить в его ранней концепции 30-х годов, где также речь шла о всемирном государстве, «Империи», в которой нет войн, а граждане «разумны и сознательны». (Впрочем, при формулировке подобного политического идеала Кожев исходил не столько из гуманистических побуждений, сколько из логики гегелевской «Феноменологии духа», которую он комментировал). Позднее Кожев отходит от этого первоначального проекта в сторону его большей конкретизации и приближения к актуальным на тот момент политическим потребностям (итогом чего и стал «Набросок...»).

Второе, прагматическое направление также начинает развиваться в Новое время, однако условно его родоначальником может считаться ещё Н. Макиавелли, в своём знаменитом

трактате «Государь» рассматривавший политические проблемы с позиций «государственного интереса», исходя не из идеалистических построений, а из конкретной ситуации (тем самым продолжая заложенную Аристотелем традицию «политического реализма»).

Среди «прагматических» проектов объединения Европы стоит отметить так называемый «Великий план» герцога де Сюлли (1559-1641). В отличие от других проектов европейского объединения, и прежде всего в отличие от «гуманистических» проектов, «Великий план» де Сюлли был отражением «конкретного и специфического политического контекста» [Браницкий, Бутров, 2010], также учитывавшим и политические интересы французского короля Генриха IV [Чубарьян, 1987]. Кроме того, в этом проекте упор делался на то, что Франция будет играть доминирующую роль в общеевропейской конфедерации. В этом плане продолжением данной линии можно считать и «Набросок...» Кожева, так как описываемая им «Латинская империя» также предполагала лидирующую роль Франции (в интересах которой в конечном итоге и создавался бы «латинский союз»).

Исходя из сказанного, отметим, что кожевский проект «Латинской империи» может быть отнесён к прагматическому направлению, так как в своём «Наброске...» Кожев исходит из реального историко-политического контекста и руководствуется интересами французского государства. С другой стороны, саму идею «Латинской империи» следует считать частью глобально-политического проекта Кожева, предполагавшего создание не только общеевропейской, но в будущем и всемирной империи. «Латинская империя» – на данном историческом этапе – являлась бы своего рода «региональной империей», в качестве межгосударственного политического образования решавшей следующий ряд задач.

С одной стороны, союз романоязычных государств обеспечивал бы глобальное политическое равновесие, находясь между англо-американским и советским блоками. Тем самым, Франция была бы избавлена от возможного конфликта с этими блоками. С другой стороны, «латинский союз» мог стать воплощением «универсального гомогенного государства», которое, по замыслу Кожева, в политико-экономическом плане представляло собой некий гибрид капиталистической и социалистической систем, избавленный от их недостатков. Таким образом, в своём проекте «Латинской империи» Кожев, решая ряд актуальных для современной ему Франции задач (то есть исходя из прагматических соображений), в то же время учитывает и первоначальную концепцию «всемирной империи» (в некотором роде идеалистическую).

Добавим также, что в отношении к философско-политической концепции Кожева проект «Латинской империи» может рассматриваться как отражение эволюции его взглядов на роль национального государства в политической истории современности. После Второй мировой войны для Кожева становится очевидным тот факт, что (во временном отношении) между национальным государством и «всемирной Империей» должно находиться промежуточное звено, или этап так называемых «региональных империй». Предпосылкой для такого вывода могло стать существование ряда политико-экономических блоков, формировавшихся в ходе войны, взаимоотношениями между которыми определялась послевоенная политическая реальность. (Концепт «региональной империи» можно также соотнести с «панрегионом» Карла Шмитта, близкого Кожеву немецкого консервативного мыслителя [Тиханов, 2002]).

Завершая рассмотрение контекста и истории возникновения проекта «Латинской империи» А. Кожева, отметим следующее. Во-первых, поскольку проект направлялся французскому правительству, то одна из его целей состояла в усилении положения Франции, через расширение всех её ресурсов и посредством предполагаемого лидерования в «латинском союзе». Во-вторых, саму идею «Латинской империи» следует рассматривать в контексте глобально-политической концепции Кожева, сформулированной под влиянием ряда проектов общеевропейского объединения. Кроме того, ещё одной целью осуществления рассматриваемой идеи являлась реализация кожевской концепции «региональных империй», как переходного этапа от национального государства к будущей «всемирной Империи».

Список литературы References

1. Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. – М.: Ладомир, 2002. – 880 с.
Aron R. Memuary: 50 let razmyshleniy o politike. – M.: Ladomir, 2002. – 880 s.
2. Браницкий А. Г., Бутров П. В. История объединения Европы. Учебное пособие. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2010. – 117 с.

Branitskiy A. G., Bugrov R. V. *Istoriya ob"yedeneniya Yevropy. Uchebnoye posobiye.* – Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2010. – 117 s.

3. Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Практикс, 2006. – 512 с.

Kozhev A. *Ateizm i drugie raboty.* – M.: Praksis, 2006. – 512 s.

4. Кожев А. набросок доктрины французской политики (27 августа 1945 г.) // *Прогнозис.* – 2005. – № 1. – С. 12-54.

Kozhev A. *Nabrosok doktriny frantsuzskoy politiki (27 avgusta 1945 g.) // Prognosis.* – 2005. – № 1. – S. 12-54.

5. Рейс Е. Кожевников, кто Вы? – М.: Русский путь, 2000. – 108 с.

Reys Ye. *Kozhevnikov, kto Vy?* – M.: Russkiy put', 2000. – 108 s.

6. Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. – М.: Международные отношения, 1987. – 352 с.

Chubar'yan A. O. *Yevropeyskaya ideya v istorii. Problemy voyny i mira.* – M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1987. – 352 s.

7. Barre R. *Le conseiller du prince // Hommage à Alexandre Kojève. Actes de la «Journée A. Kojève» du 28 janvier 2003.* – Bibliothèque nationale de France, 2007. – Pp. 56-67.

8. Hager Weslati replies to Giorgio Agamben about Kojève's memo / *Verso Blog 13 September 2013.* Режим доступа: <http://obsoletecapitalism.blogspot.ru/2013/10/hager-weslati-replies-to-giorgio.html>

9. Rosen S. *Kojève's Paris: A Memoir // Hommage à Alexandre Kojève. Actes de la «Journée A. Kojève» du 28 janvier 2003.* – Bibliothèque nationale de France, 2007. – Pp. 68-85.

10. Rosen S. *Extraits d'un inédit d'Alexandre Kojève: «Esquisse d'une doctrine de la politique française» // Hommage à Alexandre Kojève. Actes de la «Journée A. Kojève» du 28 janvier 2003.* – Bibliothèque nationale de France, 2007. – Pp. 86-98.

УДК 7.07:929

**СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО
М.В. НЕСТЕРОВА****THE SILVER AGE AND M.V. NESTEROV'S ART CREATIVITY****Н.В. Котлярова
N.V. Kotlyarova**

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy, 125 Lenina St, Tula, 300026, Russia*

E-mail: kotlyarova25@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ культуры Серебряного века и его влияние на формирование эстетической концепции М.В. Нестерова.

Resume. The article presents an analysis of the culture of the Silver age and its influence on the aesthetic concept of M.V. Nesterov.

Ключевые слова: культура Серебряного века, «духовно-культурный ренессанс», религиозное искусство, религиозное сознание, символизм, образ-символ, художественный язык.

Key words: culture of the Silver Age, "spiritual and cultural renaissance", religious art, religious consciousness, symbolism, image of the character, the language of art.

Начала творческого пути М.В. Нестерова приходится на конец 1880-х годов XIX века, что совпадает с развитием одного из самых интересных и сложных периодов в истории русской культуры, который получил название «серебряный век» или «русский духовно-культурный ренессанс».

Приоритет в употреблении термина «серебряный век» большинство исследователей отдают основателю и редактору популярного в то время литературно-художественному журналу «Аполлон» С.К. Маковскому. Термины «русский духовно-культурный ренессанс» и «духовный ренессанс» нашли свое отражение в творчестве великого русского философа Н.А. Бердяева, который достаточно точно определил статус развития художественной культуры России на рубеже двух столетий. В своей работе «Русская идея» философ охарактеризовал общественную и политическую борьбу предреволюционной России, стремящейся к духовному обновлению и повлекшая за собой изменение во взглядах, как на искусство, так и на мироощущение художников, творивших на стыке веков.

«Россия пережила расцвет поэзии и философии, пережила напряженные религиозные искания, мистические и оккультные настроения» [Бердяев, 1990]. В культуре Серебряного века сформировался новый тип общественного сознания. Подтверждением являются следующие слова Н.А. Бердяева: «Происходило несомненно и рождение нового типа человека, более обращенного к внутренней жизни. ... Изменилась перспектива. Получалась иная направленность сознания. Раскрылись глаза на иные миры, на иное измерение бытия» [Бердяев, 1991]. Слова Н.А. Бердяева находят свой отклик у Г. Флоровского, который так же указывал в книге «Пути русского богословия» следующее: «"Конец века" означал в русском развитии рубеж и начало, перевал сознания. Изменяется самое чувство жизни. В те годы многим вдруг открывается, что человек есть существо метафизическое... В мире тоже открывается глубина... Религиозная потребность вновь пробуждается в русском обществе» [Флоровский, 2009].

Ф.А. Степун выделяет главные, с его точки зрения, «темы духовной эволюции», свершавшейся в культуре Серебряного века: «возвращение русской интеллигенции в церковь», «протест возвращающихся против реакционно-синодального клерикализма» и неизбежно с этими процессами связанное «восстание нового символического искусства против тенденциозности и примитивного натурализма в литературе и живописи» [Степун, 1992]. При этом религиозность трактовалась деятелями «русского духовного ренессанса» чрезвычайно широко, как признание существования идеальной основы мира вообще, без учета различий между традиционными типами вероисповедания, различными формами внеконфессионального религиозно-мистического опыта, разнообразными вариантами философского осмысления во-

просов веры. Ф.А. Степун подчеркивал: «Их единство держалось борьбой за свободу личности и свободу творчества, за новую, если и не подлинно христианскую, то все же, так сказать, духоверческую культуру» [Степун, 1992].

Но и сама религиозная активность сформировала более высокий уровень творчества. Следовательно, культура Серебряного века базировалась не только на религиозном, но и на эстетическом фундаменте. Не случайно приверженцы идеи «нового религиозного сознания» указывали на особую роль искусства в религиозном возрождении России.

Отец Г. Флоровский подчеркивал, что культура Серебряного века развивалась под знаком религиозного возрождения не только в философской, но и в эстетической своей ипостаси: «Это был особый путь возврата к вере, через эстетизм и через Ницше, и в самой вере оставался осадок этого эстетизма, остаток искусства и литературности. Раньше у нас возвращались к вере через философию (к догматике) или через мораль (к Евангелизму). Путь через искусство был новым» [Флоровский, 2009].

Проникновение философских религиозных идей в искусство также одна из характерных черт культуры Серебряного века. Особую роль в формировании мировосприятия «русского духовно-культурного ренессанса» оказали труды В. Соловьева.

Важное место в работах мыслителя занимала проблема нравственного творчества, которую он раскрыл в «Оправдание добра». Здесь В. Соловьев вводит понятие «нравственное творчество», определяющее, по его мнению, характер общественного и естественноприродного миропорядка, что дает возможность выявить задачу искусства как одной из основополагающей сферы культуры. Согласно этой идее, искусство есть воссоздание действительности посредством художественных образов, способствующих проявлению целостной полноты жизни.

В. Соловьев считал, что задача искусства состоит в том, чтобы выражать, совершать, увековечивать различные природные феномены с помощью духовно-практической деятельности человека.

В своей работе «Три речи о Достоевском» В. Соловьев разрушил сформированную и устоявшуюся к тому времени теорию «искусства для искусства», что позволило философу обратиться к форме особого религиозного искусства, выразившейся в религиозно-философской концепции всеединства. Идея соборности или всеединства соединяется с идеей творческой индивидуальности, с концепцией национального своеобразия русской культуры.

Таким образом, все вышесказанное дает основание сделать вывод о возрастающей роли религиозного искусства, основывающегося на пересмотре духовно-этических ценностей и изменении отношения к религии. Эти идеи в определенной степени являлись философско-эстетической платформой для возникновения символизма как мировоззренческой установки эстетики Серебряного века.

Теоретическое обоснование основных позиций символизма как идейного направления находит свое выражение в работе Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», с которой он выступил в 1892 году в Русском литературном обществе Петербурга. Основная мысль этой работы заключалась в том, что русская литература испытывала потребность в обновлении как и все другие сферы общественной жизни и деятельности человека. В этом плане, Д.С. Мережковский выделяет «три главных момента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [Мережковский, 1914].

Символическое начало стало главным определяющим содержанием мира и проявлялось в конкретных художественных, нравственных, политических, религиозных формах. Отсюда следует девиз, выдвинутый В. Ивановым, ставший в дальнейшем пророческим для символизма: движение, стремление, прорыв – «от реального к более реальному».

Русский символизм определил основную цель искусства, которая заключалась в преобразовании мира посредством привнесения в него гармонии. Трагические перемены начала XX века сформировали определенные настроения в произведениях символистов, основанные на национальном своеобразии и радикальном изменении средств художественной выразительности. Символисты считали, что искусство обладает мистической силой и выступает в качестве новой религии, преобразующей человека. Таким образом, мы можем говорить о сочетании рассмотренных выше двух явлений, которые нашли свое отражение в культуре серебряного века: русская религиозная философия и религиозное искусство. Наиболее важным аспектом является рассмотрение основных точек соприкосновения, которые проявились, во-первых, в исторической общности: оба явления выражали единое миропонимание и идеалы. Возрождение религиозного искусства начинается одновременно с появлением трудов, ознаменовавших зарождение русской религиозной философии. Во-вторых, в общности проблематики, истоков, едином центре, вокруг которого группировались представители нового религи-

озного искусства и духовной мысли. В-третьих, обращение большинства религиозных художников рубежа веков к творчеству отечественных философов.

Следовательно, мы можем говорить о символизме не только как об художественном направлении, возникшем на рубеже веков, но и как об универсальном языке культуры. Символизм оказался новым миропониманием, объединивший в одно целое и религию, и философию, и искусство, где в качестве основной единицы выступает образ-символ, который нашел свое отражение в религиозной живописи М.В. Нестерова.

Первым по значимости произведением М.В. Нестерова, в котором раскрылся подлинный талант художника, и прозвучала одна из главных тем, ставшая в дальнейшем ведущей в его творчестве – это тема монаха-отшельника в картине «Пустынный», написанная в 1888-1889 годах в Вифании близ Троице-Сергиевой лавры.

Таким образом, нестеровский образ монаха стал для художника олицетворением внутреннего душевного покоя и нравственного равновесия. Слова, прозвучавшие в письме В.М. Васнецова к Е.Г. Мамонтовой ещё раз подтверждают вышесказанное: «В самом пустыльнике найдена такая теплая и глубокая черточка умиротворенного человека... Вообще картина веет удивительным душевным теплом» [Дурылин, 2004].

Постепенно идея «соборности» духа, улучшения мира через нравственное совершенствование каждого отдельного человека, стала в дальнейшем ведущей в религиозной живописи М.В. Нестерова и особенно отразилась в одном из наиболее необычном по исполнению произведении, получившем название «Видение отроку Варфоломею».

Картина была написана в 1889-1890 г. на сюжет, взятый из «Жития Преподобного Сергия» авторства Епифания Премудрого, личность которого с детства привлекала художника. Это первая большая картина из цикла, посвященного Сергию Радонежскому, которая стала знаковой в жизни художника и определили главную идейную линию всего его дальнейшего творчества – тему Святой Руси и православной веры.

М.В. Нестеров видел в Сергии воплощение русского нравственного идеала и изобразил не просто святого, а воплотил образ святости, соединив в нем все – от достижений передвижников до византийских мозаик и фресок, от русских икон до впечатлений от творчества Батштен-Лепаж и Пюви де Шаванна.

В данной картине художник искал новый художественный язык, способный передать образ просветленной и чистой души верующего человека, который пренебрегал суетой мира ради обретения единства с Богом. Символом такого духовного просветления и единства с Богом в картинах М.В. Нестерова становится пейзаж.

Зарисовки пейзажа были сделаны художником в окрестностях Троице-Сергиевой лавры, где и прошло детство Сергия. Таким образом, творец хотел увидеть все то, естественное и природное, что окружало отрока Варфоломея и через это постичь тайны его души.

В воспоминаниях М.В. Нестерова довольно часто можно натолкнуться на описание красот северного пейзажа, которыми художник пользовался для придания своей картине большей живописной изобразительности. «Слева холмы, под ними вьется речка. Там где-то розоватые осенние дали, поднимается дымок, ближе – капустные малахитовые огороды, справа – золотистая роща. Кое-что изменить, что-то добавить, и фон для моего «Варфоломея» такой, что лучше не выдумать. И я принялся за этуод. Он удался, а главное, я, смотря на это пейзаж, проникся каким-то особым чувством «подлинности», историчности его... Я уверовал так крепко в то, что увидел, что иного и не хотел искать...» [Дурылин, 2004]. Полюбив природу такой, художник создал свой неповторимый тип пейзажа, получивший в дальнейшем название нестеровского. «Люблю я русский пейзаж, на его фоне как-то лучше, яснее чувствуешь и смысл русской жизни, и русскую душу» [Дурылин, 2004].

Следствием длительной и напряженной работы стала картина, на которой мы видим сцену беседы отрока Варфоломея с человеком в одеянии схимника. Художник выстраивает изобразительный ряд в неожиданном контрапункте: поздняя осень с уже затихающим, меркнущим красочным светом, мальчик, олицетворяющий знак новой, молодой жизни и символичность изображения русской церкви, указывающая на будущее служение Сергия.

Необычная по теме и исполнению картина вызвала ряд противоречивых мнений в художественном сообществе. Критика обрушилась на М.В. Нестерова за то, что художник впервые показал себя мастером особого стиля, при этом нарушив все каноны передвижничества. С.Н. Дурылин в своей работе, посвященной М.В. Нестерову, писал: «Задачи Товарищества известны, картина же Нестерова им не отвечает: вредный мистицизм, отсутствие реального, этот нелепый круг вокруг головы старика...» [Дурылин, 2004].

Недоброжелатели М.В. Нестерова потерпели крах, и этот крах стал предвестником кризиса передвижничества. Критики точно уловили новаторство художника. Таким образом, вы-

ступив против канонов передвижничества, М.В. Нестеров утвердил искусство преобразования действительности, в котором важным является внутренний духовный мир человека, мир его веры, открывающий то, что обычному физическому зрению недоступно. Для передачи своей реальности художник воспользовался новым художественным языком, где все подчинено раскрытию духовности образа.

Вслед за картиной «Видение отроку Варфоломею» М.В. Нестеров создал цикл картин, состоящий из 15 больших произведений, посвященных Сергию Радонежскому: «Юность Преподобного Сергия», триптих «Труды Преподобного Сергия», «Преподобный Сергий» и «Прощание Преподобного Сергия с князем Дмитрием Донским».

Остановимся на рассмотрении вышеперечисленных произведений цикла о Сергии в данной статье более подробно. Тема уединения, отрешение от мира ярко проявляется в картине цикла «Юность Преподобного Сергия» (1892 – 1897). Важным является указать именно на тему, а не содержание, поскольку тема уединения трактуется самим художником не как форма, а как образ жизни. Этот образ выступает в качестве созерцательного сознания, предполагающий единение человека и природы, человека и мира. Созерцательное сознание опирается на мир как на совершенное творение в познании собственно человеческой сущности. В этом смысле мы можем говорить о внутренней природе созерцательного сознания, для которого важным является обращение не к познанию внешнего мира, а к познанию человеком самого себя, т. е. самопознанию. Следовательно, уединение выступает как некое состояние души, в котором совершается откровение, ассоциирующееся с духовным восхождением. Именно этим обстоятельством продиктована логика композиционного единства фигуры юноши и сразу же возвышающейся за ним церкви, напоминающей нам знаковую, выраженную в образе свечи. М.В. Нестеров сохранил в картине цельность вертикали и поддержал ее с помощью пейзажа.

Одним из самых интересных в цикле предстает триптих "Труды Преподобного Сергия Радонежского" (1896 – 1897). Само указание художника на форму триптиха является довольно редким для реалистической живописи. Данная форма больше подходит для иконописи. На первый взгляд в картине все кажется обыденным и повседневным. М.В. Нестеров показал Сергия не только как молитвенника, но и как труженика, подающего пример смиренного трудолюбия. В данной работе основное внимание заостряется на погруженности человека в себя самого, они сосредоточены не на внешней, а на той внутренней работе, которая совершается в мыслях и чувствах каждого из них. И вновь образ природы играет здесь главенствующую роль. Человек сливается с миром внешним и представляется в гармоничной связи с ним. Это духовное строительство как обретение храма в душе, и составляет главный труд и заповедь Сергия Радонежского. «Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа» [Ключевский, 1991]. Именно эта мысль, на наш взгляд, лежит в основе не только самого триптиха, но и всего цикла работ художника.

М.В. Нестеров также занимался церковными росписями и иконами. Именно это приращение и сблизило художника с творчеством В.Васнецова, чьи работы в дальнейшем вдохновили М.В. Нестерова на обращение к идее возрождения церковной живописи. На первых порах художник испытывает даже сильное влияние В. Васнецова, в результате чего соглашается на предложение работать во Владимирском соборе. М.В. Нестерова манила задача создания современной монументальной живописи, в свое время достигшей высот в творениях древних мастеров, а затем, в XIX веке, превратившейся в официозное богомазание. О Владимирском соборе М.В. Нестеров писал следующее: «Там мечта живет о «русском Ренессансе», о возрождении давно забытого дивного искусства Дионисиев, Андреев Рублевых» [Подлеских, 1990].

При этом как истинный художник, посвятивший себя целиком и полностью искусству, М.В. Нестеров не всегда был удовлетворен результатом своего труда и весьма сурово высказывался о церковной живописи. Он постоянно находился в состоянии поиска того образа, который смог бы в наибольшей степени раскрыть то глубинное религиозное чувство, что таилось в его душе. Попытки соединения светского и религиозного в искусстве живописи рубежа веков раскрыли новое и необычное для фресковой живописи того времени – изображение святых на фоне природы. Этот немаловажный факт в творчестве художника еще раз доказывает неповторимость художественного языка мастера.

За Владимирским собором последовали работы в других храмах. В 1894 – 1897 годах М.В. Нестеров создает эскизы для мозаик церкви Спаса на Крови в Петербурге. В 1898 году цесаревич Георгий, младший брат Николая II, пригласил М.В. Нестерова расписать дворцовую церковь Св. Александра Невского в Абастумани (Грузия). Но большим прорывом для художника стала работа над росписью Покровского храма Марфо-Мариинской обители. Здесь М.В. Нестеров отходит от канонов реализма в сторону декоративности и символизма, при

этом с наиболее ярко выраженными чертами стиля модерн и свойственными ему стремлениями к Средневековью, стилизации и эстетизации.

Подвергнув анализу вышеуказанные произведения художественного творчества М.В. Нестерова, можно отметить тот немаловажный факт, что затронутые художником основные религиозно-нравственные проблемы оказались созвучны тем, с которыми столкнулось русское общество на рубеже веков. Таким образом, М.В. Нестеров, как показала история, оказался глубже и прозорливее многих тех, кто критиковал его за «утопичность взглядов». Все это дает основание говорить о нем, не просто как о выдающемся представителе русского символизма, ведущем мастере религиозной живописи «серебряного века», а как о религиозном символисте. Именно М.В. Нестеров явился тем важнейшим звеном в отечественном искусстве, без которого немислимо было бы появление таких художников как В. Попкова, А. Пластова, М. Ромадина и многих других.

Художник стремился к преобразованию действительности, к выражению внутреннего мира человека по средствам создания своего собственного художественного языка изображения. По мнению историка искусства Д. В. Сарабьянова, «осознание человеком божественного в себе, единение во Христе, стремление отдать свое я всем и каждому являлось залогом для достижения будущего совершенного общества. Не «частная» задача этического совершенствования, не проблема отношения человека и общества, которые выдвигал на первый план реализм в лице передвижничества, а **открытие богочеловеческого единства, утверждение сущего** – вот общие ориентиры нового искусства» [Сарабьянов, 2001], представителем которого был М.В. Нестеров.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №2.
Berdyayev N.A. Russkaya ideya // Voprosy filosofii. 1990. №2.
2. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь»: (К десятилетию «Пути») // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч.2.
Berdyayev N.A. Russkiy dukhovnyy renessans nachala KHKH veka i zhurnal «Put'»: (K desya-tiletiyu «Puti») // N.A. Berdyayev o russkoy filosofii. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. CH.2.
3. Вагнер Г.К. В поисках истины: Религиозно-философские искания русских художников. Середина XIX начало XX вв. М.: Искусство, 1993.
Vagner G.K. V poiskakh istiny: Religiozno-filosofskiy iskaniya russkikh khudozhni-kov. Seredina XIX nachalo XX vv. M.: Iskusstvo, 1993.
4. Дурьлин С.Н. Нестеров в жизни и творчестве. М.: Молодая гвардия, 2004.
Durylin S.N. Nesterov v zhizni i tvorchestve. M.: Molodaya gvardiya, 2004.
5. Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1991.
Klyuchevskiy V.O. Istoricheskiye portrety. M.: Pravda, 1991.
6. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т.18.
Merezhkovskiy D.S. O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy li-teratury // Poln. sobr. soch.: V 24 t. M., 1914. T.18.
7. Неклюдова М.Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца 19-начала 20 века. М.: Искусство, 1991.
Neklyudova M.G. Traditsii i novatorstvo v russkom iskusstve kontsa 19-nachala 20 veka. M.: Iskusstvo, 1991.
8. Подлесских Н.Г. Нестеров М.В. «Продолжаю верить в торжество русских идеалов»: Письма к А. В. Жиркевичу // Наше наследие. 1990. №3.
Podlesskikh N.G. Nesterov M.V. «Prodolzhayu verit' v torzhestvo russkikh idealov»: Pis'ma k A. V. Zhirkevichu // Nashe naslediyе. 1990. №3.
9. Сарабьянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX в. М., 2001.
Sarab'yanov D.V. Istoriya russkogo iskusstva kontsa XIX – nachala KHKH v. M., 2001.
10. Степун Ф.А. Россия накануне 1914 года // Вопросы философии. 1992. №9.
Stepun F.A. Rossiya nakanune 1914 goda // Voprosy filosofii. 1992. №9.
11. Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX -XX веков. М.: Искусство, 1991.
Sternin G.YU. Khudozhestvennaya zhizn' Rossii na rubezhe XIX -XX vekov. M.: Iskusstvo, 1991.
12. Флоровский Г. Пути русского богословия. М., 2009.
Florovskiy G. Puti russkogo bogosloviya. M., 2009.

УДК 316.4

**ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИИ 2000-2013 гг.: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ****EXPERIENCE IN IMPLEMENTING STATE YOUTH POLICY IN RUSSIA
2000-2013 YEARS: STAGES OF DEVELOPMENT, PROBLEMS AND TRENDS****Е.В. Маликова**
E.V. Malikova*Чеченский государственный университет, Россия, 364907, Чеченская Республика, Грозный, ул. Шерипова, 32.
Chechen State university, 32 Sheripov St, Grozny, Chechen Republic, 364907, Russia**E-mail: mail@chesu.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ проблем развития государственной молодежной политики в Российской Федерации, проанализирован опыт ее реализации с точки зрения эффективности. Определены цели, задачи и приоритеты молодежной политики в средне – и долгосрочной перспективе.

Resume. The article presents an analysis of the problems of the state youth policy in the Russian Federation, analyzed the experience of its implementation in terms of efficiency. Defined goals, objectives and priorities of the youth policy in the medium – and long-term.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государство, общество, общественные организации.
Key words: youth, youth policy, the state, society, non-governmental organizations.

Рассматривая опыт реализации государственной молодежной политики в нашей стране, а в связи с этим и появившиеся проблемы ее нормативного и правового регулирования, целесообразно акцентировать внимание на период с 2000 по 2013 годы. Почему именно с 2000-го года? Потому что только тогда работа молодежных объединений приобрела некую определенную последовательность и системность, стала более четкой в определении своих основных движущих целей и идей. Предпосылками формирования этого процесса явились неопределенность, царившая в то время в молодежной среде, и как следствие этого, отсутствие единой концепции и абсолютная бессистемность существующей в то время молодежной политики.

В период формирования новой российской государственности наиболее эффективными и единственно возможными способами взаимодействия государственных и общественных структур были совместные работы на общую задачу, которая заключалась в отстаивании интересов молодежи на фоне государства и общества. Такой союз имел ряд недостатков, как со стороны государственного органа, реализующего молодежную политику так и со стороны общественных объединений. Государственные структуры, руководствуясь исключительно защитой интересов молодежи, оставляли без внимания совместные интересы общества и государства в отношении молодежи, и как следствие этого, общество не понимало, что оно теряет при отсутствии вложений в молодежь, да и собственно, что оно вообще должно в него вкладывать. Также отсутствовало обоснование присутствия государственной молодежной политики во внутренней политике государства. На основании данных социологических исследований, на начальной стадии рыночных реформ, молодежь, прежде всего, нуждалась в социальной защите, которая уже к середине 1990-х годов себя полностью исчерпала ввиду отсутствия актуальности. Выяснилось, что молодежь обладает рядом специфических особенностей, среди которых выделяют наиболее быструю адаптацию к новым условиям жизни, в связи, с чем она нуждается не столько в социальной защите и поддержке, сколько в создании благоприятных условий для самоидентификации и самореализации. Акцентирование внимание на социальной защите и поддержке привело к формированию установок, которые не мотивировали молодежь, а наоборот, дезорганизовывали и инициировали иждивенческие установки.

Иными словами, это был путь в «никуда», назревала необходимость смены такого положения дел. В связи с этим была сформирована группа, состоящая из лидеров и представи-

телей крупных общественных объединений, таких как: Национального совета молодежных и детских объединений России, общероссийской общественной организации «Российский союз молодежи» и т.д., которая пришла к выводу, что существующая на тот момент молодежная политика не эффективна. Одними из самых значимых проблем были выделены следующие: отсутствие единых стратегических целей, обратной связи, коммуникативного взаимодействия между объединениями и регулярных встреч. Следствием активной совместной работы по изменению существующей ситуации стала работа первого Гражданского форума, с участием Президента России В.В. Путина, который состоялся 21 ноября 2001 года в Москве. Именно это событие оказало огромное влияние на развитие общественного молодежного сознания, что привело негосударственные организации к выводам о том, что «осуществляемая в настоящее время государственная молодежная политика недостаточно эффективна и не отвечает потребностям общества». Следствием этого стали ключевые изменения в самоидентификации молодежных объединений – они впервые заняли позицию, которая существенно отличалась от позиции государственных органов, заявив о себе как о самостоятельном и независимом субъекте молодежной политики со своими интересами и спецификой. Рождающиеся в самом гражданском обществе программы и предложения, созданные на основании интересов граждан, нуждались в экспертной оценке, вследствие чего была сформулирована задача о необходимости создания независимой общественной экспертизы, вопрос о которой был рассмотрен в рамках Гражданского форума. Создание такой открытой экспертной системы повлияло на качество молодежной политики, особенно в сегменте по предоставлению президентских грантов молодежным объединениям, ориентируясь, прежде всего на открытость и прозрачность самой процедуры. Результатом работы форума послужила единая сформулированная концепция, направленная на формирование общих стратегических целей, которую, однако, поддержали не все участники форума. Так, например, Союз молодежных организаций Российской Федерации предложил изменить концепцию государственной молодежной политики, путем создания общественно-государственной организации на базе Союза молодежных организаций Российской Федерации. Предлагаемая структура состояла из двух блоков: – государственной системы управления и общественной системы, в рамках которой управление осуществлялось при участии самой молодежи. То есть, предлагаемая модель была направлена на создание независимого федерального органа, сочетающего как работу государства, так и работу общественных объединений. Тем не менее, данный подход, с точки зрения других молодежных объединений был очень похож на Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) и означал возврат к прошлому, в связи с чем и не нашел широкой поддержки.

Дальнейшее рассмотрение темы разработки направления государственной молодежной политики было поднято на Госсовете России в июле 2002 г., где Президент Российской Федерации В.В. Путин публично заявил, что: «Серьезный разговор по всему спектру молодежной политики, конечно, давно назрел. Попробовать формировать ее по слегка обновленным, но все же старым рецептам – это занятие бесперспективное. Мы должны продолжить обсуждение этой темы на одном из ближайших заседаний Госсовета». Несмотря на данное заявление, вопросы государственной молодежной политики не были поставлены в повестку заседания ни в 2002, ни в 2003 и ни в 2004 г. Однако, сформированная в 2002 году рабочая группа Госсовета России по государственной молодежной политике, продолжала свою работу вплоть до апреля 2004 года, акцентируя внимание не только на работу центра, но и регионов. В результате совместной деятельности группы был сформирован проект «Доктрины государственной молодежной политики Российской Федерации», который отражал основные цели и задачи, а также механизмы реализации государственной молодежной политики. Разработанный проект документа предполагалось использовать как базовый в этой области в течение длительного времени. В Доктрине отражались основные факторы устойчивого развития общества вследствие повышенного внимания к молодежи. Предлагалось пересмотреть систему традиционных взглядов на новое поколение, в особенности на систему взаимоотношений между поколениями, а также их значение в сфере политического и социально-экономического развития. Впервые молодежь была определена как носитель инновационного потенциала развития страны, и как следствие этого предполагалось изменение основных подходов к государственной молодежной политике со стороны государства. Предлагалось отойти от устойчивой модели, которая, в первую очередь была направлена на создание специальных социальных условий для молодежи по сравнению с другими социальными группами гражданского общества, и перейти к рассмотрению новой модели молодежной политики, которая бы в первую

очередь стимулировала активность молодого поколения страны в различных социально-значимых сферах. Несмотря на то, что Доктрина так и осталась проектным документом и не была рассмотрена Госсоветом, тем не менее, она существенным образом повлияла на выработку и методы реализации современной государственной молодежной политики.

Продолжая ход исторического процесса становления молодежной политики в России, в 2006 году Правительство утверждает «Стратегию государственной молодежной политики до 2016 г.» [3], которая, претерпев незначительные изменения, продолжает действовать и по сегодняшний день. Создаваясь как компромиссный документ, Стратегия давно требовала пересмотра, следствием чего, совсем недавно, стала постановка задачи по подготовке Госсовета по молодежной политике в 2009 году, объявленного Годом молодежи. Работа по подготовке данного проекта внесла существенный факт в развитие основных направлений видения государственной молодежной политики, определив ее основную концепцию и стратегические цели. Основные направления молодежной политики были озвучены в специальном докладе рабочей группы, представленном на заседании 17 июля 2009 года, где был приведен полный анализ реализации молодежной политики во всех субъектах Российской Федерации. Основываясь на международном опыте реализации молодежной политики, впервые система целей была выстроена иерархически, с использованием метода целевого концептуального анализа. Во многом задачи, представленные в Докладе, опирались на представления и наработки, сделанные в ходе подготовки так и не состоявшегося Госсовета России в 2002-2004 годах, наличие которых привело к возможности в короткие сроки сформулировать и обосновать современное видение государственной молодежной политики и формы взаимодействия ее основных субъектов. Помимо представителей государства активное участие в работе приняли как молодежные, так и немолодежные общественные объединения. По результатам заседания был сформирован перечень поручений Президента В.В. Путина, в которых в числе основных значились разработка и принятие федеральной целевой программы «Молодежь России на 2011-2015 гг.», которая предусматривала меры по реализации инновационного потенциала молодежи, а также принятие федерального закона об основах молодежной политики в Российской Федерации. Тем не менее, мировой финансовый кризис вновь отодвинул проблематику молодежной политики, и в русле экономических и социальных изменений приходилось вновь и вновь сталкиваться с поиском приемлемой модели управления, что привело к созданию Правительственной комиссии по делам молодежи, которую возглавила заместитель Председателя Правительства Валентина Матвиенко [2]. Создание такого координационного органа действий федеральных органов исполнительной власти и органов власти субъектов Федерации по формированию и реализации государственной молодежной политики означало, что государственная молодежная политика встраивается в социальный блок и должна реализовываться в контексте социальной политики, проводимой Правительством России. Это означало, в первую очередь, о слиянии центра формирования и проведения государственной молодежной политики в Правительстве. Последующая практика деятельности Правительственной комиссии как единого органа по работе с молодежной политикой с возлагаемыми на нее функциями не справлялась, так как вследствие многозадачности, для оценки эффективности реализуемых программ, было сложно сопоставлять цели и методы их достижения. После вступления в должность Президента на второй срок, В.В. Путиным был издан указ, на основании которого были образованы Министерство образования и науки Российской Федерации, в структуру которого вошел вновь созданный Департамент по государственной молодежной политике, воспитанию и социальной защите детей, и Федеральное агентство по образованию, в структуре которого – Управление по делам молодежи [4]. В сентябре 2007 года образуется Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи, а в мае 2008 года было создано Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации. В том же году Государственный комитет по делам молодежи был преобразован в Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) подведомственное Минспорттуризму России. Именно в этот период молодежная политика получила наибольшее развитие. На него приходится: Год молодежи в СНГ (2009 г.); заседание Государственного совета на тему «О молодежной политике в Российской Федерации» (2009 г.); председательство России в Совете по делам молодежи государств – участников СНГ (2010 г.); принятие Стратегии международного молодежного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 г. (2009 г.); принятие Стратегии развития физической культуры и спорта государств – участников СНГ до 2020 г. (2012 г.); молодежный образовательный форум (лагерь) «Селигер» (2005-2013); многообразные молодежные проекты Росмолодежи. Преобразование Министерство спорта, ту-

ризма и молодежной политики в Министерство спорта Российской Федерации произошло в мае 2012 года, а функции, связанные с разработкой и реализацией молодежной политики вновь передаются Министерству образования и науки Российской Федерации, в структуре которого создается Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи. Увеличение штатной численности Федерального агентства по делам молодежи в 2013 году было связано со значительным расширением его функций, тем не менее, финансово это не подкреплялось.

Проанализировав хронологию изменения в структуре органов исполнительной власти, осуществляющих молодежную политику и формы ее реализации с начала 1990-х годов, мы хотели бы отметить, что интенсивность значительно снижается в 2000-х годах. Поменялся характер этих изменений – они были весьма существенны, но не системны и это наводит на мысли, что отношение к молодежной сфере и по сей день является периферийным при отсутствии полного и четкого понимания роли и места молодежной политики в структуре государственного управления.

Начиная с 2000 года, власть способствует формированию ряду молодежных организаций, таких как: межрегиональная молодежная «Идущие вместе», Общероссийская общественная, призванная содействовать развитию суверенной демократии (СРСД), молодежное движение «Наши». Создание «Наших» способствовало формированию и активизации молодежных движений политических партий. Молодежное крыло «Единой России», было представлено «Молодой Россией», в дальнейшем преобразованную в «Молодую гвардию», политические взгляды которой совпадали с «Нашими». Молодежные направления Либерально-демократической партии России (ЛДПР) и «Яблока» занимали позиции, противоположные «Нашим». Власть, считая для себя угрозой разворачивание «оранжевых» сценариев на территории России, прежде всего, искала в массовых молодежных движениях защиту от реализации этих сценариев. В связи с этим резко повысилось внимание властей и общества к молодежи, что привело к более активному решению существенных проблем ее развития.

Условия затяжного мирового экономического кризиса привели к необходимости поиска решений для его преодоления, что, по-нашему мнению дает надежды на возврат внимания власти к молодежной тематике, и тому должны послужить основания, которые в части выстраивания отношений более выгодны для самой молодежи. Наиболее важной проблемой в сфере молодежной политики мы считаем оценку ее эффективности, которая во многих случаях производится с использованием экономических показателей. Необходимо выстраивание особой модели, отличной от общепринятой, что напрямую связано со значительными финансовыми и временными затратами. К еще одной значимой проблеме можно отнести трудность обоснования экономических затрат, от чего напрямую зависят объемы финансирования, а любые проекты, связанные с инвестиционными вложениями в молодежь, в первую очередь сталкиваются с проблемами расчета отдачи от этих инвестиций в результате их реализации. Мы уверены, что разработка соответствующих моделей, которые повлияют, прежде всего, на эффективную реализацию государственной молодежной политики всегда была и до настоящего времени остается актуальной.

Список литературы References

1. Нормативное правовое обеспечение молодежной политики в вузах России в 3 т. / сост. А.В. Пономарев, Е.В. Осипчукова – М.: ООО «ВК», 2011. – 432 с.
Normativnoye pravovoye obespecheniye molodezhnoy politiki v vuzakh Rossii v 3 t. / sost. A.V. Ponomarev, Ye.V. Osipchukova – М.: ООО «ВК», 2011. – 432 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.08.2000 г. № 645 «О Правительственной комиссии по делам молодежи» (ред. от 18.10.2003 г.). Утратило силу в связи с изданием Постановления Правительства Российской Федерации от 26.07.2004 г. № 380 [Электронный ресурс]: Методобъединение, 26.04.2015 – Режим доступа к документу: <http://vmo.rgub.ru/policy/chronicle.php>.
Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31.08.2000 g. № 645 «O Pravitel'stvennoy komisii po delam molodezhi» (red. ot 18.10.2003 g.). Utratilo silu v svyazi s izdaniyem Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 26.07.2004 g. № 380 [Elektronnyy resurs]: Metodob'yedineniye, 26.04.2015 – Rezhim dostupa k dokumentu: <http://vmo.rgub.ru/policy/chronicle.php>.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 1760-р «О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» (в ред. Распоряжений Правительства

РФ от 16.07.2009 г. № 997-р) // Нормативное правовое обеспечение молодежной политики в вузах России в 3 т. / сост. А.В. Пономарев, Е.В. Осипчукова – М.: ООО «ВК», 2011. – С. 47-61.

Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2006 g. № 1760-r «O Strategii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii» (v red. Rasporyazheniy Pravitel'stva RF ot 16.07.2009 g. № 997-r) // Normativnoye pravovoye obespecheniye molodezhnoy politiki v vuzakh Rossii v 3 t. / sost. A.V. Ponomarev, Ye.V. Osipchukova – М.: ООО «ВК», 2011. – С. 47-61.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (в ред. Указа Президента РФ от 22.06.2010 г. № 773) [Электронный ресурс]: Методобъединение, 26.04.2015 – Режим доступа к документу: <http://vmo.rgub.ru/policy/chronicle.php>.

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.03.2004 g. № 314 «O sisteme i strukture federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti» (v red. Ukaza Prezidenta RF ot 22.06.2010 g. № 773) [Elektronnyy resurs]: Metodob'yedineniye, 26.04.2015 – Rezhim dostupa k dokumentu: <http://vmo.rgub.ru/policy/chronicle.php>.

5. Хроника основных событий государственной молодежной политики / сост. Нехаев В.В., Нехаева Т.Г. URL: www.vmo.rgub.ru/policy/chronicle.php.

Khronika osnovnykh sobytiy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki / sost. Nekhayev V.V., Nekhayeva T.G. URL: www.vmo.rgub.ru/policy/chronicle.php.

УДК: 821.111

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ К.С. ЛЬЮИСА**PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF LOVE IN CREATIVITY K.S. LEWIS****С.С. Почепцов, Я.С. Филатова**
S.S. Pocheptsov, J.S. Filatova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: pocheptsov@bsu.edu.ru; filatova@bsu.edu.ru

Анотация. В статье раскрывается содержание понятия «любовь» в апологетических произведениях К.С. Льюиса. Одной из ключевых позиций Льюиса является описание и осмысление любви не в духе модерна и постмодерна, который пронизывает Англиканскую церковь, а в духе евангелия и древнецерковной традиции.

Resume. The article deals with the concept of "love" in the apologetic writings KS Lewis. One of the key products is the description of the Lewis and understanding of love is not in the spirit of modernism and postmodernism, co-tory pervades the Church of England, and in the spirit of evaengeliya drevnetserkovnoy and tradition.

Ключевые слова: К.С. Льюис, любовь, Евангелие, христианство, церковь.
Key words: K.S. Lewis, love, gospel, christianity, church.

Тема любви как основополагающего свойства бытия, ее понимания сквозь призму различных мировоззрений и парадигм, ее природы проявления в мире и человеке, остается актуальной независимо от исторических, политических и культурных преобразований и перемен. Любовь – это то чувство, которое философы разных времен определяли как «корень жизни», «восхитительнейшее благо», «мерило человечности», «то, чем держится мир», «часть жизни каждого из нас». Христианство подарило человечеству совершенно иное понимание Любви, признав главным ее средоточием Всемогущего Бога-Творца. Ни античный, ни иудейский мир не ведали такого рода любви. Античных богов почитали, поклонялись им, приносили жертвы, но не любили кого-то из них как Единого, совершеннейшего Бога, как Личность.

Практически вся история человеческой мысли, как религиозной, так и светской, пронизана рассуждениями на тему определения понятия и сущности любви. Порой эти рассуждения не приносили ничего существенно нового и ценного в уже существующие, но были среди них и весьма удачные, заслуживающие пристального внимания и изучения. Такого внимания, несомненно, заслуживает творчество К.С. Льюиса и его концепция понятия «Любовь», через призму христианского мировоззрения.

К. С. Льюис – английский философ, историк культуры, писатель; в современных британских справочниках определяется как «выдающийся моралист», в христианских словарях – как «лучший апологет XX в. Большую известность и популярность он получил благодаря простому и понятному языку, на котором он излагал основные положения христианского вероучения. Мировоззренческая позиция Льюиса, по мнению многих исследователей, полностью созвучна с православным вероучением. Именно поэтому представляется полезным ее изучение

Прежде рассмотрения авторской позиции Льюиса, необходимо очертить основные принципиальные особенности христианского восприятия Любви. В Евангелии, приходится часто сталкиваться с термином «Любовь», которое, очевидно, гораздо глубже, нежели быденное житейское. Именно это заставляет обратить особое внимание на слова наиболее авторитетных авторов, раскрывающих сущность простого, на первый взгляд слова. В первом Соборном послании апостол Иоанн пишет: «Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем». Любовь – это не просто какое-то чувство или одно из свойств Божьих, проявляемых к миру и человеку, а Его сущность, природа. Если мы принимаем Бога как Творца всего и вся, то основной закон созидания жизни, исходя из логического предположе-

ния – это Любовь. Стоит только принять и осознать этот закон и тогда немного открывается нам истинный смысл не только нашей веры, но и смысл человеческого бытия. Христианскому пониманию Бога чуждо ветхозаветное представление о Нем как о Судье, карающем за неверные мысли и поступки. Новозаветное представление дарует человечеству Бога-Отца, любящего мир, страдающего за мир, милостью покрывающего недостатки падшей человеческой природы. Называя Бога справедливым, мы все же уповаем на Его милость, надеемся на Его несправедливость по отношению к нашим грехам. Ведь как говорит Исаак Сирий: «Не называй Бога справедливым. Потому что если Бог справедлив, я погиб» [5, с. 64]. Вот подлинные условия восприятия Бога, только при них возможно подлинное восхождение в духовной жизни и преображение страстного естества.

В наследии Святых Отцов христианской Церкви Любовь называется «венцом всех добродетелей» совокупностью совершенств. По происхождению она есть дар Духа Святого, по своей сущности – обожение человека, по форме – жертвенное служение предмету любви – Богу и Его творению [1].

Любовь – основание христианской жизни. Сам Иисус Христос призывает: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22:37-40). Без любви христианский подвиг и все добрые дела лишаются смысла: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор. 13:2-3).

Основные фундаментальные признаки христианской любви определены апостолом Павлом в первом послании Коринфянам: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а со радуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит, никогда не перестаёт» (1Кор. 13:4-7). К такому определению совершенно нечего добавить. Именно таким образом можно рассматривать все виды человеческой любви, в свете Той Любви, Которая создала все.

Теперь, когда мы рассмотрели христианский взгляд, перейдем к позиции К.С. Льюиса, представляющейся для нас наиболее интересной. Долгое время основным родом деятельности К.С. Льюиса была английская литература (предмет, который он преподавал в Кембридже и Оксфорде), но изучение философии стало основным предметом жизни и творчества писателя. Потому содержание многих его книг, от сказок до апологетических трактатов, приобрело явный философский контекст. На страницах известных произведений рассматриваются фундаментальные вопросы человеческого бытия: проблема добра и зла, природа и первопричина нравственности, существование Бога и проявление Его действия в мире. Особое значение в творчестве знаменитого писателя имела тема любви и ее философского понимания.

Изучение творческого наследия Клайва Стейплза Льюиса сегодня привлекает внимание не только читателей разных возрастов и вероисповеданий, но и литературных критиков, как на западе, так и в России. В западном литературоведении существует достаточное количество работ, посвященных творчеству К.С. Льюиса. Их авторами являются такие литературоведы, как Х. Карпентер, Дж. Гибб, Д. Гилберт, Дж. Л. Грин, У. Хуттер, К. Килби, Ч. Уолш, Дерек Бинхам и многие другие.

Исследователь, У. Уайт из всех особенностей дарования К.С. Льюиса выделяет приверженность средневековой традиции, интерес к литературным формам и мифам. Его произведения «Космическая трилогия», «Хроники Нарнии», роман «Пока мы лиц не обрели» как нельзя ярко демонстрирует это. П. Форд, П. Шэкл и другие исследователи обращают внимание на фэнтезийное начало творчества К.С. Льюиса. Льюис как представитель кружка «инклингов» явился продолжателем этого нового литературного жанра, родоначальником которого считают Дж. Р.Р. Толкиена.

Относительно апологетики К.С. Льюиса, надо отметить, что не все признавали в нем выдающегося богослова. Профессор М. Питтендер уверен в том, что христология Льюиса, в том числе его доктрина о Христе, ближе всего подходит к гностической. А Смит в своем обзоре апологетической книги К. С. Льюиса «Чудо» прямо сказал, что он «в ужасе от изобретательности этой книги», назвав ее «модернистской апологетикой христианского фундаментализма». И все же положительных оценок творчества писателя было значительно больше. Так, Ч. Уолш уверен в том, что со временем книги К.С. Льюиса станут частью литературного

наследия. П. Крифт считает Льюиса одним из величайших популяризаторов христианской веры XX столетия и отмечает объективность писателя как стержень всего его творчества, смысл которого был в проповеди христианства. Роль апологетики в своем творчестве отмечал и сам автор, называвший свои книги «евангельскими».

К.С. Льюис известен широкому кругу читателей в основном по сказкам «Хроники Нарнии» и апологетическому произведению «Просто христианство», которые являются уже давно признанным христианскими не только среди англикан (к которым он принадлежал автор при жизни) и католиков, но и среди православных. Успех его книг обусловлен, прежде всего, простым и понятным языком изложения сложных вещей и понятий, но и конечно трудно не заметить присутствия ортодоксальных взглядов по вероучительной тематике. Помимо названных работ у К.С. Льюиса есть еще множество других произведений: фэнтези («Хроники Нарнии») научная фантастика («Космическая трилогия»), Религиозные произведения («Страдание», «Письма Баламута», «Расторжение брака», «Чудо», «Просто христианство», «Пока мы лиц не обрели», «Размышления о псалмах», «Исследуя скорбь», автобиографические («Кружной путь, или блуждания паломника», «Настигнут радостью») и мн. др.

Часто построения Льюиса подвергались критике только потому, что он всегда пытался реконструировать события, а не описывать их по имеющимся источникам, моделируя их в своем сознании и призывая к этому читателей, увлекая их в загадочный мир размышлений. Подтверждением тому являются слова Николая Эппле в его статье, посвященной произведению К.С. Льюиса «Аллегория любви» «К.С. Льюис: между академизмом и проповедью». Н. Эппле пишет: «Парадокс Льюиса состоит в том, что, увлекаясь предметом своего исследования сам и стараясь увлечь им широкую аудиторию, он нередко оказывался на той грани, за которой происходит эмоциональное отождествление себя с предметом исследования. То, что он оказывался на этой грани, видят все; жаль только, что далеко не все из тех, кто отказывает Льюису в праве считаться ученым, замечают, что этой грани он никогда не переходил» [7, с. 78-79]. Однако, Льюис отпугивает многих читателей тем же качеством, которое привлекает других: простая честность. «Его подход настолько прям, что многие авторитеты для действующих наверняка его друзей и влиятельных людей посоветовали бы против него», — замечает Чэд Уолш [7, с. 78-79].

Любовь пронизывает сквозной нитью практически все произведения Льюиса, трансформирующаяся от представлений о любви в контексте культуры как аллегорическом семиотизме, до осознания Любви как высшего проявления богочеловеческого общения. В 1938 году вышла книга Льюиса «Аллегория любви», первое серьезное исследование автора представляющее собою обзор средневековой аллегорической традиции. «Аллегория любви» была довольно благосклонно принята ученым сообществом и критиками Великобритании, в первую очередь этому способствовала смелость в выборе темы, так и полноте охвата малоизученного материала. Успех книги определил ее стилистику, представлявший собой лекционно-семинарский пересказ источников с собственными комментариями. Льюис умел пересказывать средневековые тексты очень подробно и увлекательно. Через некоторое время вышла книга Кетрин Керби-Фолтон, где фактически были отражены отзывы тогдашних критиков: «Очень немного книг возраста «Аллегории любви» (1936) донныне считаются неотъемлемой частью списка обязательной литературы для студентов <...> Несмотря на то что позднейшие исследования заставили нас скорректировать ряд утверждений «Аллегории» <...> стоит заметить, что <...> нет более высокой оценки, чем когда отстаиваемая тобой позиция начинает считаться чем-то само собой разумеющимся» [8, р. 259].

Следующим гораздо более серьезным, философским произведением стала «Любовь» или «Четыре вида любви» – произведение, представляющее собой размышления автора о различных видах любви и ее христианском понимании. Появилась «Любовь» изначально, как и «Просто христианство» в виде цикла радиобесед для Америки (1958). Для полноценного понимания смысла, вложенного Льюисом в этот трактат необходимо быть немного знакомым с его биографией, а именно с историей его любви, которой и посвящена эта книга. Беседы о любви были созданы, когда начинался брак Льюиса, а изданы — когда он завершился, (в связи со смертью его жены Джой).

«Любовь» Льюиса уже много лет привлекает читателей всего мира. Секрет ее в откровенности, с которой автор рассказывает о своих прежде ошибочных убеждениях, не боясь выставить на суд читателя свои самые сокровенные ощущения, свое понимание смысла всех четырех видов любви: «В первый раз пытался писать эту книгу, я думал, что слова эти указывают мне прямой и простой путь. Я смогу, думал я, показать, что любовь у людей заслуживает

своего имени, если она похожа на Любовь, которая есть Бог. Я предвкушал, как легко воздам хвалу любви-дару и сумею осудить любовь-нужду. Многое из того, о чем я собирался сказать, и сейчас кажется мне верным. Я и сейчас считаю, что нуждаться в чужой любви – более чем недостаточно. Но теперь я скажу за наставником моим Макдональдом, что и любовь-нужда – любовь. Всякий раз, как я пытался доказать мое прежнее мнение, я запутывался в противоречиях. На самом деле все оказалось сложнее, чем я думал» [1, с. 212-214].

Льюис по сути, рисует портрет каждого из нас, уверенного в знании того или иного предмета, но как только пылкий ум начинает рассуждать на, казалось бы, очевидно простые и понятные темы, оказывается, что мы попадаем в тупик и выбираясь из него приходим совершенно к иным выводам. Нам так часто кажется, что мы, именно мы знаем, как проявляются подлинные человеческие чувства, совершенно не различая подчас, что нами движет в проявлении их. Подлинное ли бескорыстие или яростный эгоизм? Это приводит к искажению основных фундаментальных жизненных понятий. Следствием подмены является страдание, которое испытывает человек. Проявляя любовь, мы не должны ждать взаимности, она конечно возможна и необходима, но вне зависимости от нас. Взаимность – это дар подлинной любви, но не непрменная ее составляющая.

Льюис очень точно отмечает, что любовь как чувство не может быть строго разделена на разные её виды, они все очень взаимосвязаны и сплетены друг с другом. Один вид любви без другого превращается в извращение. Любовь присутствует во всем: в нужде, в дружбе, в заботе, и т.п. И если источник этой любви для нас есть Бог, то вполне вероятно, что откроется тот самый благодатный дар бескорыстного проявления любви к ближнему. «Христианин согласится, что наше духовное здоровье прямо пропорционально нашей любви к Богу; а эта любовь по самой своей природе состоит целиком или почти целиком из любви-нужды. Я не утверждаю, что другой любви мы к Нему не способны испытывать. Высокие духом расскажут нам, как вышли за ее пределы. Однако они же первыми скажут, что ведомые им высоты перестанут быть истинно-благодатными, станут неоплатоническими, а там и бесовскими иллюзиями, как только ты сочтешь, что можешь жить ими и никакой нужды в Боге у тебя нет. Те, кто испытывал к Богу любовь-дар, вслед за тем – нет, в то же время – били себя в грудь вместе с мытарем и зывали из своей немощи к единственному Дарующему. И Он не против. Он сам сказал: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные», а в Ветхом Завете – «Открой уста твои, и Я наполню их» (Псалом 80: 11 стих) [2, с. 164-175].

Особенностью выражения смысла любви является то, что Льюис выделяет такие фундаментальные формы проявления любви, как: 1) «любовь-нужда», основанная на глубинной потребности («удовольствии-нужде»). «Христианин согласится, что наше духовное здоровье прямо пропорционально нашей любви к Богу; а эта любовь по самой своей природе состоит целиком или почти целиком из любви-нужды. Понять это нетрудно, когда мы просим простить наши грехи или поддержать нас в испытаниях. Но мало-помалу понимаешь, что все в нас – одна сплошная нужда; все неполно, недостаточно, пусто, все взывает к Богу, Который только и может развязать связанное и связать развязанное» [3, с. 5.]. Эта любовь «совершенно верно отражает истинную нашу природу. Мы беззащитны от рождения. Как только мы поймем, что к чему, мы открываем одиночество. Другие люди нужны и чувствам нашим, и разуму; без них мы не узнаем ничего, даже самих себя» [3, с. 5.]. Любовь к Богу также, «по самой своей природе, состоит целиком или почти целиком из любви-нужды... Выходит, что любовь-нужда, в самом сильном своем виде, неотъемлема от высочайшего состояния духа... Человек ближе всего к Богу, когда он... меньше всего на него похож... Наше подражание Богу в той жизни должно быть подражанием Христу... Именно эта жизнь, так странно непохожая на жизнь Божественную, не только похожа на нее – это она и есть» [3, с. 6-7]; 2) «любовь-дар», основанная на подлинном желании и творении блага другому («ее терпение, ее сила, ее блаженство, ее милость, ее желание, чтобы другому было хорошо, роднит ее с Божественной любовью... и чем она жертвенней, тем богоподобней» [3, с. 10.]); 3) «другой вид любви, оценочный», основанный на «удовольствии-оценке», т.е. на удовольствии, которое не предварено потребностью или желанием: «скажем, вы идете утром по дороге, и вдруг до вас донесся запах с поля или из сада. Вы ничего не ждали, не хотели – и удовольствие явилось как дар» [3, с. 15-16]. При этом ни одно из понятий видов любви нельзя назвать недостойным разговора о нем в свете подлинной Божественной истины.

Дружба, привязанность, милосердие, влюбленность – это разновидности того, что мы именуем любовью, все эти разновидности представлены в свете наивысшей степени человеческих чувств – любви, которая сотворила многое, в свете Божественной Любви. И именно

сквозь такое понимание к человеку приходит осознание своего несовершенства, которое выражается зачастую в неспособности к совершенной любви в христианском ее понимании. Льюис ведет диалог с читателем, заставляя размышлять об истинной человеческой любви и не со страстью и убежденностью человека верующего заставляет читателя проникнуться энергией поиска того единственного пути, который ведет человека к Богу, – пути любви.

К.С. Льюис – величайший писатель XX века, через произведения которого прошло множество человеческих судеб. Как и любой человек, он не свободен в своем творчестве от разнообразных заблуждений и неточностей, но как мы знаем слова Христа: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень». И Льюис сам понимал, что может ошибаться и именно это качество привлекает ещё большее внимание к его личности и творчеству. А тот, кто яростно его осуждает, пусть дочитает «Любовь» до последнего абзаца, который явно не требует никаких комментариев: «Здесь и кончится моя книга. Дальше я идти не смею. Богу, а не мне знать, видел ли я хоть отблеск этой любви. Быть может, мне только показалось, что я ее испытываю. Нам, у кого воображение много сильнее послушания, легко представить себе то, чего мы не достигли. Если мы станем это описывать, другие поверят, что мы все знаем по опыту, да и сами мы поверим себе. Но если я представил себе это, неужели мне только показалось, что перед моей фантазией все – даже мир душевный – как сломанная игрушка? Может быть. Вполне возможно, что для многих из нас все, что бы мы ни испытали, лишь очерчивает дыру, в которой должна бы находиться любовь к Богу. Этого мало, но и это кое-что. Если мы не можем ощутить присутствие Божие, ощутим Его отсутствие, убедимся в нашей немощи и уподобимся тому, кто стоит у водопада и ничего не слышит, глядится в зеркало и ничего не видит, трогает стену и ничего не ощущает, словно во сне. Когда ты знаешь, что видишь сон, ты уже не совсем спишь. Но о пробуждении расскажут те, кто достойней меня» [4, с. 434.].

Список литературы References

1. Добродетели // Азбука веры. URL: <http://azbyka.ru/shemy/dobrodeteli.shtml>
2. Книги Ветхого Завета в переводе П. А. Юнгера. Учительные книги. М., 2012. С.164-175.
3. Льюис К.С. Любовь. М.: Эксмо, 2011 г. С. 5.
4. Льюис К.С. Собрание сочинений. Т.7. Настигнут радостью. – М.: Виноград, Фонд о. Александра Меня, СПб.: Библия для всех, 1998
5. Прп. Исаак Сирин. О Божественных тайнах и о духовной жизни. М., 1998. – С. 64.
6. Станиловский С. А. О Любви Клайва С. Льюиса. URL: <http://www.proza.ru/2012/02/12/85>
7. Эппле Никоай. К. С. Льюис: между академизмом и проповедью // Новое литературное обозрение» № 1 за 2011. – С. 78-89/
8. Kerby-Fulton K. “Standing on Lewis’s Shoulders”: C.S. Lewis as Critic of Medieval Literature // Studies in Medievalism. Vol. 3. 1991. № 3. P. 259.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

От редколлегии

Виктор Павлович Римский, доктор философских наук, профессор, члена Союза писателей России, заведующий кафедрой философии и истории науки БГИИК, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» (родился 28.05.1955 г.) отметил свой юбилей. Он стоял у истоков создания серии «Философия. Социология. Право» нашего научного журнала «Научные ведомости БелГУ» (редактор серии, автор идеи проекта, названия и основных рубрик).

Редакционная коллегия журнала поздравляет Виктора Павловича с днём рождения, желает здоровья и творческих успехов. В этом номере мы публикуем эссе В.П. Римского, отражающее его философскую профессию и литературное призвание.

ЭССЕ О СВОБОДНОЙ ФИЛОСОФИИ¹

ESSAY FREE PHILOSOPHY

В.П. Римский
V.P. Rimskiy

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
The Belgorod state institute of arts and culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. В своём эссе автор подводит определённые итоги собственного понимания специфики философии и экзистенциальных проблем философа, человека, разрывающегося между свободой мышления и профессионализацией, между дискурсивным академизмом и свободным литературным творчеством. Эссе служит своеобразным резюме монографий и статей, опубликованных автором за последние десять лет, в том числе и в журнале «Научные ведомости БелГУ».

Resume. In his essay, the author sums up his own understanding of philosophy and existential problems of the philosopher, a man torn between freedom of thought and professionalization, between academic discourse and free creative writing. The essay serves as a kind of summary of monographs and articles published by the author over the last ten years, including in the journal «Scientific Bulletin of BSU».

Key words: history of philosophy, diatribe, philosophical tradition, institutional philosophy, freedom.

Ключевые слова: история философии, диатриба, философская традиция, институциональная философия, свобода.

Если философия – всегда мышление в просвете бытия, то где и когда проступает истина? Что нам приоткрывает истина в просвете бытия? Ведь там, где полоска света, там и полоса тьмы. И что это за «просвет»: закат или рассвет? И почему Сова Минервы вылетает в сумерках? Когда солнце зашло и начинает властвовать тьма? Наверное, поэтому философия нико-

¹ Работа выполнена в рамках гранта №14-13-31010 на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям социально-экономического развития Белгородской области «Воспроизводство творческой интеллигенции как фактор развития культурного капитала региона», № 2014.06.20 и в рамках гранта БГИИК по развитию перспективного научного направления «Сетевые парадигмы в исследовании культуры: концептуализация нового направления в культурологии».

гда не бывает неким ожидаемым рассветом, а всегда не просто поиск впотьмах, в зазоре истины и бытия, но и жизнь на грани смерти, на рубеже тьмы и света, свободы и нормативности. Философия – всегда в ситуации выбора между свободой и принуждением. Философия всегда ищет «освобождения»? Но кто даст освобождение? Кто кого освобождает? Никто не даст нам избавленья / Ни Бог, ни царь и не герой / Добьёмся мы освобожденья / Своею собственной рукой...

Интеллектуальная история философии, «история идей» (М.К. Петров) предполагает, что философ (по Г.Г. Шпету «философия всегда персонифицирована») начинает с *ученичества*, с «диатрибы», как писал мой учитель А.В. Потёмкин. Если философ не шизофреник, он начинает не с чистого листа, а с освоения предшествующих этапов понятийно-категориального развития философии, с круга проблем и способов их решения предшественниками. Эксплицируя «логику и историю идей», надо вычленять учителей – *ближних*, т.е. непосредственных; и дальних – собственных «великих предшественников», *философскую традицию*, на которую ориентируется философ-профессионал.

Период собственного самоопределения, когда философ сам становится «учителем», «школьным» или «академическим философом», может тянуться бесконечно, и философ часто застревает в этой роли (Г.Г. Шпет очень хорошо это показал применительно к истории русской философии, которая почти два века стремилась выйти из «ученичества»). Здесь нет ничего плохого – философ становится *профессионалом* (опять же Г.Г. Шпет первый показал, что русской философии и не хватало профессионализма, академичности, к чему он сам и стремился). Первое условие становления философа-профессионала – пытаться дать *собственное, личное понимание философии*. Именно хорошие профессионалы создают и развивают кафедры, где, как в инкубаторах, выводятся новые профессионалы, воспроизводится школа как «диатриба». Здесь входят в философскую «школу» и развивают «философские школы». С осмысления и «уразумения» специфики философии и начинается философское мышление, школьно-академическое или ответственное, самостное и свободное.

Проблема специфики философии за идеологическими и корпоративными шорами до сих пор не получила адекватного/нормального/нормативного/репрезентативного не то что решения, но и отражения, постановки. Само перечисление слов (по преимуществу иностранных) с наскака сразу же обрывает все эти возможности (адекватность, норма и пр.), порождая кучу вопросов: что такое «адекватный»? Что такое нормальная философия? Или нормативная? Или репрезентативная? Что есть нормативная/нормальная/репрезентативная и адекватная философия? Кто есть нормативный, нормальный, репрезентативный и адекватный философ? Во все времена и сегодня...

И как бы мы ни пытались приступить к разбору вопросов, нам без схематизаций не обойтись, сразу же понимая, что философия и есть то мышление/творчество/производство идей/сфера деятельности/жизнь/судьба, которые ну никак не укладываются в схемы.

И, тем не менее, именно философия, даже больше, чем другие формы духовной/культурной/мыслительной активности человека, порождает любые схемы и стереотипы, в том числе языковые и понятийные, относительно себя и своей собственной «специфики», теоретической и институциональной.

Ленин писал о двух «линиях» в философии: линии Демокрита и линии Платона; материализм/реализм – идеализм/спиритуализм. Это как бы в решении основного вопроса философии о «соотношении мышления и бытия»; «мышления и сознания», «слов и вещей» (Фуко).

М.К. Петров и А.В. Потёмкин – каждый по своему и каждый по своему за это поплатился – показали, что сама постановка вопросов в таком понятийном и предметном разрезе стала возможна только в эпоху модерна, культурного проекта, только и жившего, что порождением дихотомий/антиномий/парадоксов и гибридов/трикстеров/нечеловеков («гибриды» – слово петровское, «нечеловеки» – латуровское), преодолевающих парадоксы, диалектически «снимающих». Часто снимавших не на гегелевский манер в «синтезе», а простым человеческим приёмом, как человек снимает рубашку или свитер. Он их просто выворачивает наизнанку: то, да не то... Шиворот-навыворот, задом – наперёд, шиворот-навыворот – поедем в огород...

В эпохи, прошедшие до модерна и предшествовавшие «новому времени», ни человек, ни философия не знали какого-то «сознания», отдельного от «бытия» и «слов», не связанных с «вещами». Вещи просто могли быть нам непонятными. Нам, привыкшим жить в «реальном мире» потребляемых или «подручных вещей» (по Хайдеггеру). В мире христианского Бога, как и языческого анимистического духа, нельзя было не то что «потребить» и поймать под рукой (пойть, понять) мир, вещь или самого Бога: они/Он были всегда в мире и порой даже

рядом, но миръ был той рес/публикой (общей вещью), которая не живёт отдельно от человека, куда надо сподобиться «дойти» и всем вместе, и своим умом.

Хайдеггер, также понимая это, говорил об «основном вопросе философии» как о «смысле бытия»; об «истине и бытии» (это он вспоминал Парменида); о вопрошании бытия об истине; истины о бытии; бытии в истине; просто о «мышлении»... О мышлении, которое надо звать и называть: и действительно, что зовётся мышлением? И что зовёт мышление? Или кого... Как уж он хотел уйти от человека, лишь вскользь о нём упоминая или заменяя внушительным *Dasein*: бытие; «вот-бытие», «здесь-бытие»; существование; быть налицо; присутствовать; присутствовать при сути (при возможности присунуть и всунуть свой смысл); присутствие; при/бытие; прибытие (говорят: всё, прибыли, конечная остановка «Северный писец», или: во, мне прибыло, привалило, в том числе и дерьма); житьё и житие – переводы и интерпретации, как и понимание хайдеггеровского словотворчества можно множить долго, русский язык не менее многосмысленен, многозначен и коннотативен (во!), чем немецкий, а уж как гибок... Как губка... Хайдеггер, убегая от догматизма теологического образования и скуки католичества в «свободу философии» (это он так думал по молодости), просто перерядил в Бога в *Dasein*, а потом не просто в *Sein*, а в архаическое *Sayn*. Это как бы большое Бытие, Вечное. Под влиянием Майстера Экхарта, который вошёл в обиход и моду начала XX века, он профанизировал вечность Бога, превратив её в вечность бытия, схваченного в озарении мысли. Этаким профанным «мистический экзистенциализм» (не было никакого «атетистического экзистенциализма», как писали в советских учебниках!), профанным «мистический онтологизм», а потом просто «профанный мистицизм» одинокого философа. Много чего задумчиво можно прочесть у этого мистического мыслителя...

Не Бог, не царь и не герой зывали к бытию и мышлению, а философы. И мыслили они, живые люди во плоти, пришли в мир Греции, назвав себя так. И зывали, и мыслили все они по-разному, различно, каждый на своё лицо, на свой лад. До сих пор.

Но было что-то, что до сих пор заставляет их узнавать друг друга и объединяться в какие-то сообщества, перекликаться и ругаться. И без схем и «норм» всё равно не обойтись.

И есть другие принципы их различения. Например, институциональная/школьная/университетская (академическая) философия – и маргинальная/окраинная/особливая/одинокая. Хотел ко второй «линии» применить «свободная», но свободу они все искали, «взыскивали свободы», архаизируя русский язык. Хайдеггер сказал бы: стремились «быть свободными» или просто «быть».

В сфере идей и, соответственно, текстов, мы, так или иначе, выходим через *экзистенциальный* на *институциональный* аспект существования философии/философов (школа, традиция, собственное творчество, продуктивное и репродуктивное).

Здесь можно порой и иногда, часто даже случайно, попав в майнстрим, стать «великим», создав, например, если не собственную «систему», законченную или открытую, то хотя бы один текст, повернувший мысль на другую извилинку тропки бытия и мышления.

Но как выводятся ценные породы великих мыслителей? Можно кропотливо работать, вычлняя *свой круг проблем*, и давать *собственные ответы* на проблемы предшественников и свои, выстраданные (например, путь Гегеля или Гуссерля). Можно повернуть так идеи учителя, создав собственный дискурс, свой концептуальный язык и собственную жизненную и творческую мифологию, что все увидят новые, почти недостижимые горизонты философского мышления (путь Хайдеггера). Можно так развивать предшественников, учителей и современников, тайно проникающих в тексты великих (как Ницше, Хайдеггер и семиотика в тексты Фуко), что ни у кого не возникнет сомнение, что перед нами – то новое, что приоткрывает (истина всегда или сокрыта, или немного приоткрыта) хорошо запечатанное старое...

Здесь, в исследовании «великих философов» и уместно обращаться к текстам самих философов и их предшественников, прежде всего, ближних. Но само чтение текстов будет всегда зывать к контекстам, т.к. уже чтение текстов предшественников – традиция и учителя – это и есть культурно-диалогический и коммуникативный контексты (дискурсы) тестов философов. То есть, текстология выводит нас на «контекстологию», которая всегда, так или иначе, есть «история и логика жизни людей» – «философия людей».

Экзистенциальная история философии предполагает реконструкцию и описание жизненного пути учёного или мыслителя, что связано с использованием биографических методов, которые не проходят мимо специфических текстов – биографий (прежде всего, написанных современниками), автобиографий, воспоминаний современников, переписки с близкими

и любимыми людьми, с коллегами и оппонентами. И здесь без текстологии (её филологических и герменевтических методов) не обойтись.

Как мы видим, «философия людей» всегда преломлялась: а) через круг «ближайшего общения», составляющий коммуникативный контекст (его интересно называет «разговором» Т.Г. Щедрина); б) предполагает «кабинетную жизнь» (книжно-библиотечную), которая становится для профессионала, по мысли Б. Латура, «лабораторией», в которой философ (учёный-гуманитарий или социолог) работает с текстами традиции и с собственными текстами, как естествоиспытатель с приборами и микробами, описывая собственные результаты, что и является «духовным производством» – здесь уместна и работа над логикой опубликованных работ, и в архивах над рукописями, дневниками, реконструкция как жизни, так и идей, герменевтические интерпретации этих текстов, т.е. контекстология невольно переходит в текстологию (и филологию). Итак, «логика идей» и «творчество людей» оказываются взаимно обратимыми.

Правда, в конкретной практике мы всегда, как и наши великие предшественники, ограничены кругом жизненных, порой просто бытовых проблем, которые останавливают нашу работу на каких-то сиюминутных аспектах предмета. Эти ограничения – они иногда становятся стимулами активности и результативности в узкой области! – так или иначе связаны с институциональными факторами как «философии идей, так и «философии людей». Потому возникает и необходимость включения институционального контекста (исследуем мы идеи, тексты и жизнь простого профессионала, или «великого учёного»).

Очевидно, что уже с Фалеса философия развивается в двух институциональных формах – а) школы и б) свободного, персонального и творческого мышления (Гераклит). Последнее не отрицает, а предполагает первое (школу хотя бы в виде традиции – пусть и культурно-диалогическая, идеальная, но школа!): «паломничество в страну Востока» Гераклита, Пифагора, Платона...

Фалес основал школу мышления. Дело это было скорее всего добровольное и чудаческое, но он же первым попытался доказать практичность и независимость философа, провернув одну из первых в истории бизнеса биржевых сделок: получил инсайдерскую информацию от бытия, скупил для перепродажи то ли маслины, то ли пшеницу, заработал немного денег, раздав большую часть беднякам. И школа была.

С пифагорейцами вроде бы ясно – школа, да ещё почти религиозная община, тайная, эзотерическая не только в плане передачи учения мифологизированного Пифагора, но и в плане криптократии: демократия в Элладе – пифагорейский продукт. Как так? Община, где свобода мышления была ограничена авторитетом основателя, учителя, вдруг становится учредителем демократии и «политической свободы»? Да, это так, если не приписывать греческую демократию по ведомству современного либерализма, то и в монархии, и в тирании, и в демократии, главной была не «свобода» (даже слова то такого не было!), а закон, нус, учреждающий ограничение произвола и насилия, человека или групп людей. Правда, часто этот же нус учреждал и насилие... Так что и здесь «школьная философия» скорее была связана с законом (необходимостью), чем со свободой. И это первая «сетевая», но эзотерическая и криптократическая философская корпорация (масоны древности).

Может Гераклит свободен? Гераклит отказался от престола, получил свой политический капитал деньгами, путешествовал на Восток (тогда оно, паломничество в страну Востока, и началось), а потом одиноко мыслил у домашнего очага наедине со своими богами. И если Гераклит и учил, то на своём особом «философском языке», который создал в свободном творчестве и свободном вопрошании, потому и прозвали его «тёмным». Но так ли уж он был вне «школы» и «корпорации», если начал создавать «философский язык», первые «философские концепты» и «философский стиль»? Или это было начало второй линии в философии – философия маргинальная/окраинная/особливая/одинокая, со своим стилем и языком. Был ли свободен Гераклит? Свободная ли это философия?

Ведь язык его приняли, начали с ним спорить современники элеаты? Была ли «элейская школа» в прямом смысле, когда есть «учитель» и «ученики»?

Была ли это свобода и у первых платных учителей, если некоторые из них, как Анаксагор, человек не из бедных в Малой Азии, получали бенефиции от демократического полутирана Перикла?

Школа Демокрита также была делом добровольным, а сам он имел доход, скорее всего, от врачебной и гадательной практики (наследственной). Потому ученики Демокрита, софисты, уже отбросили условности и учили истине за деньги. Но и были свободны в передвижении, в выборе тем, могли говорить обо всём и учить всему – полиматия, энциклопедизм, по-

знавай вволю всё! И всё же корпорация – рядом с пифагорейцами «сетевая», открытая философская корпорация (этакие либералы античности).

Ну, скажем, Сократ, спорящий с философами и клеймящий позором демократов, тиранов и прочих гонителей свободы, так уж точно не просто живое и нормативное воплощение маргинальной/окраинной/особливой/одинокой, но и *свободной философии*. Символ на века, даже христиане его признали праведником. И чуть ли с Христом сравнивали (мученическая смерть за идею). Но наш Сократ мог себе позволить такую роскошь, как вопрошание и чудачество на агоре или в народном собрании, по причине того, что имел, скорее всего, как представитель афинского «среднего класса», надел земли, сдаваемый в аренду, да похоронный бизнес с рабами в мастерской, унаследованный от отца (люди мрут всегда – и государственные или меценатские бенефиции не нужны).

Однако, в первой, школьной институциональной среде свободным инновационным мышлением (революционные инновации) обладают, как правило, основатели школ, а ученики и «продолжатели» догматизируют его инновации, в лучшем случае – репродуцируют и технологизируют (технологические инновации). Обратное наблюдается чаще, когда «свободные мыслители» дают начало школам: Сократ «породил» Платона. То, что из школы Платона вырос Аристотель, который долго был в её тени до времён династии Птолемея, бывшего аристотелевского ученика времён общей юности с императором Александром, скорее составляет исключение.

Платон и Аристотель, с которых философия свихнулась (свернула и стала сумасшедшей – так мы называем «свихнутых»), по мысли Хайдеггера, и сошла со столбовой дороги бытия и его вопрошания в истине, вообще однозначно стоят у истоков философии институциональной/школьной/университетской/академической.

Платон, пифагореец по посвящению и сократик по образованию, практиковал и домашние виды философствования (домашним учителем, кажется, пробовал быть и Гегель), как и Аристотель. Правда, учительство у тиранов (Дионисий Сиракузский и сын, равно Филипп Македонский и сын – одного поля ягоды) не дало особой свободы (потому Платон и писал своё главный диалог «Политейя» чуть ли не всю жизнь, что искал везде эту лучшую политейю). И всё главное оба написали в «школах» (часть, наверное, за них писали, записывали и переписывали ученики). И школы содержали полисы – на меценатские пожертвования и муниципальные налоги.

Аналогичной судьба была у эпикурейцев и стоиков. Последние даже великими сенаторами и императорами были, как Сенека и Марк Аврелий. Здесь тема философской свободы как тема «философия и власть» – власть денег, знания, капитала символического, политического и экономического – приобретает тот поворот, что потом всплывёт в «наше», новое время.

С христианской философией, учреждающей теологический закон и дискурс, кажется тоже всё ясно. Доминирует религиозная философия институциональная/школьная/университетская. Даже такие вольнодумцы и маргиналы, как Пьер Абеляр или Майстер Экхарт, были внутри корпорации. Не могли из неё выйти, согласны были на смерть, отлучение или осуждение, но по благословению и от рук/умов собратьев по корпорации.

Школа очень рано даёт возможность относительной экономической независимости существования профессионала, но никогда не приводит к устойчивому благополучию. Этот институционально-экономический фактор привносит в философию темы свободы, школы как досуга или асхолии, отсутствия такового.

Ну, вот пришла, казалось бы, «заря» нового времени. Свободомыслие просветителей... Их свободная литературная судьба... Так ли? Так ли свободомыслие? Свободомыслие у Руссо, если он даже религиозную веру менял несколько раз (с протестантизма на католичество и обратно), а то и вовсе отбрасывал в сомнениях? Дидро зарабатывал хлеб подённым литературным трудом, а его главный свободный труд, литературный и философский, вышел только после смерти («Племянник Рамо»). Вроде бы школ особых не было, почти все – особливые и одинокие маргиналы. А сколько грызни и междоусобицы, сомнений и обид... И это свобода и творчество? А уж тема «философия и власть» именно у них, с их иллюзиями «просвещённой монархии» или «свободной республики» (хорошо, что не дожили великие просветители до революции) получилась таки классической. Первые европейские интеллектуалы... Или интеллигенты?

Велик Гёте, который отринул всю школьную философию и свободно творил всю жизнь, создав великую немецкую литературу, современный немецкий язык и неклассическую философию, философию жизни. Но что было бы с ним без «государственной поддержки»? Что уж

говорить о Канте, Фихте, Гегеле и т.д., избравших открыто хлеб школьной, университетской философии (Гегель в прямом смысле торговался с университетским начальством за лишний мешок зерна!) и, собственно, создавшие её нормативные, «классические» версии, не преодоленные до сих пор никем.

А Ницше, спросите вы? Что Ницше? Да, болезнь и воля к жизни освободила его от догматики университетской философии, в том числе стилистической, языковой и концептной. Но кем бы он был, великий критик профессорской философии и университетов, без профессорской пенсии богатого базельского университета? Такая же судьба была и у Хайдеггера: ведь всё великое он создал не только в университете, но и на университетскую пенсию, когда был подвергнут антифашистскому остракизму.

Так вот он, как и Ницше, а после него все другие (Делёз, Деррида, Фуко и т.д.), отрекаясь от гегелевской философии и сублимируя её, то как своё «бессознательное», то как альтер-Эго, пытаясь быть свободными литераторами и маргиналами, вопрошая о бытии и истине, занимаясь профанными мистическими и аскетическими «практиками себя», оставались плоть от плоти нормативной/нормальной/репрезентативной/адекватной школьно-университетской философии.

Что уж говорить о нас, русских, советских и постсоветских...

А возможна ли вообще философия, тем более свободная?

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бабинцев В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бахарев В.В.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Белевская Ю.А.** – кандидат юридических наук, доцент научный сотрудник отдела фундаментальных и прикладных исследований Орловского государственного университета
- Борисов Г.А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Борцова Е.А.** – аспирант Харьковской государственной академии дизайна и искусств
- Васильева Е.И.** – кандидат социологических наук, доцент регионального и муниципального управления Уральского института управления – филиала, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- Гаджиев Р.С.** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН Азербайджана
- Готовкина М.С.** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гриценко В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Краснодарского государственного университета культуры и искусств
- Гусакова Ю.С.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гуськова Е.А.** – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Данильченко Т.Ю.** – доктор философских наук, профессор кафедры методики и практики преподавания иностранных языков и культур Краснодарского государственного университета культуры и искусств
- Дубровский О.Н.** – судья Конституционного суда Республики Тыва, кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Тувинского государственного университета
- Жиленков И.А.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Жорник А.М.** – магистрант 1 года обучения Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зайцева Н.В.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зерчанинова Т.Е.** – кандидат социологических наук, доцент регионального и муниципального управления Уральского института управления – филиала, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- Клюев А.С.** – доктор философских наук, профессор кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

- Котлярова Н.В.** – аспирант Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Крутиков М.Ю.** – старший помощник прокурора Белёвского района Тульской области
- Кузнецов А.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кузнецова А.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Липич Т.И.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лыткин В.В.** – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой религиоведения, социально-культурной антропологии и туризма Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
- Маликова Е.В.** – преподаватель кафедры управление персоналом факультета государственного управления Чеченского государственного университета
- Мантуров О.С.** – кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
- Марьясова Е.А.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мережко М.Е.** – Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Новикова А.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Носков В.А.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Панов В.Ю.** – контрактный управляющий Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского; аспирант Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
- Перевозчикова Л.С.** – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, социологии и истории Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
- Посохова Н.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Белгородского института искусств и культуры
- Почепцов С.С.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Прокопов М.С.** – аспирант кафедры философии Курского государственного медицинского университета
- Проценко Е.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- Радугин А.А.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
- Реутин М.Ю.** – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете

- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, заведующий кафедрой философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Ручкин А.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, начальник научного отдела Уральского института управления – филиала, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
- Тарабаева В.Б.** – доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Титова В.А.** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тихонов Д.В.** – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Торубарова Т.В.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
- Филатова Я.С.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Фисун А.П.** – доктор технических наук, профессор кафедры электроники, вычислительной техники, информационной безопасности Орловского государственного университета
- Шаталов Е.А.** – кандидата юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
- Шиликов А.Ю.** – аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Щавелев С.П.** – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета

Ф. СП-1		<p>АБОНЕМЕНТ на журнал 81462 <i>Научные ведомости БелГУ.</i> <i>Серия Философия. Социология. Право</i> (наименование издания)</p>											
										Количество комплектов		1	
на 2015 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
		X			X			X				X	
Куда													
						(почтовый индекс)						(адрес)	
Кому													
										(фамилия, инициалы)		Тел.	

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
ПВ		ме-сто		ли-тер		на журнал 81462						индекс издания	
<i>Научные ведомости БелГУ.</i> <i>Серия Философия. Социология. Право</i> (наименование издания)													
Стои-мость		подписки		руб.		коп.		Кол-во комплек-тов		1			
		перед-ресовки		руб.		коп.							
на 2015 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
		X			X			X				X	
Куда													
						(почтовый индекс)						(адрес)	
Кому													
(фамилия, инициалы)													